

ЧУВАШСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК

ISSN 2225-7314

№ 18

ЧУВАШСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

2023

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

*И.Я. Яковлев суралнӑранпа
175 сӑл ситнине халаланӑ*

*Посвящается 175-летию
со дня рождения И.Я. Яковлева*

№ 18

ЧУВАШСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары 2023

*Учредитель – БНУ ЧР «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики*

Редакционная коллегия:

Ю.М. Артемьев, доктор филологических наук, профессор,
Д.В. Басманцев, кандидат исторических наук,
Н.С. Березина, кандидат исторических наук,
И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор,
А.П. Долгова, кандидат филологических наук,
Д.В. Егоров, кандидат исторических наук,
В.П. Иванов, доктор исторических наук (заместитель главного редактора),
Р.Р. Исхаков, доктор исторических наук (г. Казань),
И.Ю. Кириллова, кандидат филологических наук,
М.Г. Кондратьев, доктор искусствоведения, профессор,
П.С. Краснов, кандидат философских наук (главный редактор),
Г.А. Николаев, кандидат исторических наук,
А.К. Салмин, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург)

Ответственный редактор
В.П. Иванов

Чувашский гуманитарный вестник
Чебоксары, 2023. № 18

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 1 раз в год

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2023
© Редколлегия журнала
«Чувашский гуманитарный вестник»
(составитель), 2023

УДК 94(470.344)(092)

КОНЦЕПТ «ДУХОВНОГО ОБРУСЕНИЯ» В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ПРОЕКТЕ

ЧГВ, 2023 г., № 18
© В.Н. Клементьев

И.Я. ЯКОВЛЕВА:
К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ

В статье рассматривается вопрос о сущности, содержании, структуре основополагающего в просветительстве И.Я. Яковлева понятия «духовное обрусение». Дается характеристика трактовок, интерпретаций, смысловых значений данной категории в научной литературе о национальном просветителе чувашского народа.

Ключевые слова: И.Я. Яковлев, просветительство, концепт, «духовное обрусение», «инородцы», чуваша, русификация, ассимиляция, национальная идентичность, яковлеведение, интерпретация, трактовка.

Просветительская и педагогическая деятельность И.Я. Яковлева в своей основе имела четкий замысел, твердые мировоззренческие установки и убеждения, основополагающим элементом которых являлся концепт «духовного обрусения». Однако, несмотря на очень значительное количество исследований, в которых рассматривается этот ключевой для чувашского просветителя постулат¹, приходится констатировать недостаточную научную концептуализацию проблемы, ставшей объектом идеологических манипуляций, сохраняющуюся неопределенность и чрезмерную широту границ трактовки понятия «духовное обрусение», стремление исследователей не столько к раскрытию содержания и смысла этого явления, а сколько дать ему эмоциональную оценку, что неизбежно ведет к субъективизму. Исходя из этого и возникла необходимость в научной интерпретации и осмыслении категории «духовное обрусение»: раскрыть ее реальное смысловое содержание, структуру, базовые элементы и показать те исследовательские проблемы, которые возникли в связи с анализом названного понятия в процессе изучения просветительства И.Я. Яковлева.

Владимир Николаевич Клементьев – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник секции истории исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: ds26263@yandex.ru.

В воспоминаниях, записанных А.В. Жиркевичем, оценивая пройденный путь своей жизни, просветитель скажет: «Я поставил своей жизненной задачей служить делу сближения русского народа с одной из включенных в него историческими судьбами национальностей – чувашами. Программа моей деятельности и средства, которые я считаю наиболее целесообразными для достижения этой высокой задачи, определились для меня не сразу...»². Будучи совсем молодым человеком двадцати двух лет от роду, студентом Казанского университета, он в своих обращениях к директору симбирских гимназии и училищ И.И. Вишневному (25 августа 1870) и попечителю Казанского учебного округа П.Д. Шестакову (22 декабря 1870) сформулировал свое просветительское кредо и главную задачу открытой им в 1868 г. в Симбирске чувашской школы – «для распространения христианства и обрусения сородичей»³. В докладной записке к И.И. Вишневному И.Я. Яковлев укажет: «Будучи христианином, любя Россию и веруя в ее великую будущность, я от души желал бы, чтобы чуваша были просвещены светом Евангелия и слились в одно целое с великим русским народом. То и другое, как важное и необходимое для блага и счастья чуваш, составляет предмет моих сердечных мечтаний и желаний»⁴. Те же самые фразы с некоторыми изменениями он повторит в обращении к П.Д. Шестакову⁵.

Концепт «духовного обрусения» «иностранцев» И.Я. Яковлев безусловно заимствовал от выдающегося русского миссионера-педагога, просветителя Н.И. Ильминского, которого называл мой «незабвенный и великий учитель»⁶, чьи убеждения в деле просвещения нерусских народов «навсегда вошли в мое сознание и сделались самым драгоценным моим достоянием»⁷. Идеология «духовного обрусения» являла собой альтернативу «имперскому» обрусительному сценарию, направленному к прямой русификации крещеных народов, делая основную ставку на административно-силовые методы. Н.И. Ильминский видел, что агрессивная, лобовая и жесткая русификаторская политика обладала низкой ассимиляторской эффективностью и не давала желаемых результатов путем навязывания русских правил, законов и языка. И более того, она не выдерживала конкуренции с татаро-мусульманской ассимиляторской экспансией в Поволжье и Приуралье в силу большей этнической «комплементарности» татар с теми же чувашами, вследствие чего происходило массовое принятие ими ислама и неизбежная татаризация (по данным авторитетного историка В.Д. Димитриева, после вхождения чувашей в состав Московского царства отатарилось 40 % чувашей, принявших ислам⁸).

Миссионер-педагог Н.И. Ильминский пришел к выводу, что внешне-го воздействия на «иностранцев» недостаточно для превращения России в единое и неделимое «русское христианское пространство», необходимы «нравственные методы русификации» и нужно воздействовать на внутренний мир «иностранца», внедрив в его сознание набор ценностей «истинно-русского человека»⁹. Суть его идей и механизм их воплощения в жизнь сам И.Я. Яковлев описал таким образом: «Иностранцы должны прочно войти

в великую семью русского народа, но войти в нее не пасынками, а равноправными детьми. Должен слиться с русскими не тот остаток их, который уцелеет после процесса их исчезновения путем перехода в магометанство, а чрез это и отатаривание, но, насколько это возможно, вся их масса. Они должны обрусеть, сродниться с русским народом, составить с ним одно органическое, нераздельное, неразъединимое целое. Как достигнуть поставленной цели? Прежде всего надо устранить всякую мысль о насильственном воздействии, мысль, столько раз приводившую к самым печальным результатам, не надо стремиться обрусить инородцев, а надо помочь им обрусеть. [...] Как достигнуть этой цели? Николай Иванович указал путь испытанный, путь верный и несомненный: религиозно-нравственное воздействие церкви и школы посредством родного языка инородцев. [...] Сделайте инородцев путем родного языка православными, и они будут русскими. Таково было глубочайшее убеждение Николая Ивановича»¹⁰. «Эти идеи легли краеугольным камнем и моего мирозерцания, эти идеи я, один из скромных работников на указанном Н.И. Ильминским поприще, свято берег всю мою жизнь»¹¹, – подчеркнет Яковлев.

Проект «православного обрусения», при котором отдавался приоритет не распространению культурной и лингвистической русификации, а религии, путем гармоничного встраивания христианства в культуру и мировоззрение «инородческого» населения без коренной ломки их этнокультурного поля, «сохранив у них все их хорошее, историческое, национальное»¹², получил официальную поддержку Святейшего синода и Министерства просвещения и, в частности, таких фигур как К.П. Победоносцев, графы Т.А. Толстой и И.Д. Делянов. Они исходили из того, что метод Ильминского с опорой на национальное своеобразие – это обходной путь к полной русификации и что тактика поддержки на текущий момент особой национальной идентичности крещеных народов Поволжья заблокирует серьезный вызов в виде ассимиляции и культурной экспансии татаро-исламской общности¹³.

Первоначально путь для сближения «инородцев» с русскими Яковлев видел в том, чтобы обучить возможно большее количество мальчиков-«инородцев» русскому языку¹⁴, придерживаясь позиции своего преподавателя по Бурундуковскому удельному училищу А.И. Баратынского – одного из основных противников Н.И. Ильминского в дебатах 1867–1869 гг., – который отрицал пользу национальной школы «и стоял за обрусение инородцев с помощью русского языка...»¹⁵. Но под влиянием Ильминского и, как напишет чувашский просветитель, «опыта моего личного и школ... взгляды мои переменялись»¹⁶, и в основу своего просветительского плана он положил школьный проект для нерусских народов Восточной части России Н.И. Ильминского, который «использовал православную религию как первичный инструмент культурной ассимиляции нерусских христиан и аниимистов, полагаясь на родные нерусские языки, как средство преподавания»¹⁷ в противоположность системе образования, адепты которой стремились русифицировать посредством русского языка.

О «духовном обрусении» («слиянии», «сближении» – другие семантические синонимы этого явления, используемые И.Я. Яковлевым), его концептуальном образе и содержательном наполнении чувашский просветитель многократно писал, давая разъяснения и свое собственное понимание в печати, а также в служебных записках и личной переписке. Помимо указанных докладных записок к И.И. Вишневному, П.Д. Шестакову, С.Ф. Спешкову, это – публикация «По поводу заметки земского начальника С.Я. о земских инородческих школах» в газете «Симбирские губернские ведомости» (1894, № 83–85), рукопись статьи «К вопросу об инородческой миссии в Поволжье» (1890), статья «Современные вопросы и нужды в деле просвещения инородцев» (1907) и печатная брошюра «Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы (По случаю сорокалетия. 1868–1908 гг.)» (1908), обращение к министру просвещения Л.А. Кассо (8 ноября 1912), письма священнику А.С. Михайлову (23 января 1912), чиновнику Министерства внутренних дел А. Плетневу (13 октября 1917), главе советского правительства В.И. Ленину (12 (25) ноября 1919)¹⁸.

Ключевой в доктрине «духовного обрусения» являлась дихотомия понятий «обрусить» и «обрусеть». Согласно словарю В. Даля, «обрусить» – значит «сделать русским», «обрусеть» – «статься русским»¹⁹. Таким образом, проводится различие между насильственной и добровольной составляющими ассимиляционного процесса, когда «обрусение» является лексическим маркером, обозначающим преимущественно добровольный процесс.

Это различие в этимологии, правописании и использовании слов «обрусить» и «обрусеть» очень четко обозначил и подчеркнул единомышленник И.Я. Яковлева, адепт системы Ильминского в дискуссиях с чебоксарским епископом Хрисанфом директор Казанской инородческой учительской семинарии Н.А. Бобровников²⁰. Он указывал, что священнослужитель некорректно употребляет слово «обрусение» в значении глагола «обрусить». «Мы, носители идей Ильминского, желающие осуществлять его систему..., хотим обрусения – от глагола “обрусеть”. Мы хотим, чтобы инородцы пришли к нам сами, по любви»²¹, – подчеркивал педагог.

Еще более резко различие категорий «обрусить» и «обрусеть» очертил симпатизирующий педагогике Н.И. Ильминского епископ Андрей (Ухтомский) в статье «Об обрусении», в которой он написал: «...я не имею ни малейшего намерения насильственно обрусить инородцев (обрусение), но мое искреннее желание, чтобы они сами обрусели ради их же собственной пользы (обрусение). Насильственное обрусение может их нравственно искалечить, искусственно вызвать в них или чувство народного оскорбленного самолюбия или – еще худшее чувство презрения ко всему “своему”; между тем со вниманием и любовью направленный к ясно осознанной цели, а потому безболезненный процесс обрусения инородцев может быть для них только полезен. Полезен он будет и для России, как государства»²².

Вместе с ними и И.Я. Яковлев укажет на чрезвычайно важное различие двух понятий. В статье «Современные вопросы и нужды в деле про-

свещения инородцев» чувашский просветитель напишет: «Но, к сожалению, в последнее время и самое понимание слова “обрусить” стало в языке просветителей раздваиваться». «Первое правильное понимание слова “обрусить” (в значении “обрусеть”. – В.К.) не делает никакого посягательства на инородческое национальное: ни на язык, ни на костюм, ни на обычаи... [...] Наоборот, второму пониманию слова “обрусить” все инородческое национальное – язык, костюм, обычаи, обряды – являются уже врагами, а потому сторонниками этого понимания слова должно быть открыто гонение против них»²³.

Другой составляющей концепта «духовного обрусения» являлась его духовно-нравственная ипостась. Сам просветитель так объяснил ее смысл: «Мы рано или поздно должны слиться с русскими. Но что же значит слиться? Это не значит усвоить только русский язык и носить русскую одежду. Мы должны по духу сделаться русскими: по-русски думать и чувствовать. Для этого нам необходимо подняться до русской культуры: усвоить православную веру, основы русской культурной и государственной жизни»²⁴. Модель «духовного обрусения» просветитель противопоставляет «внешнему механическому обрусению инородцев»²⁵, выражающемуся в формальном принятии внешних признаков, атрибутов, свойств «русскости», традиций, нехарактерных для культуры малых народов. «“Обрусение” это, главным образом, выражается в усвоении исковерканного русского языка и в замене национального костюма русским, чем так восхищаются сторонники скорого “обрусения” инородцев, понимающие слово “обрусить” в узком смысле слова»²⁶, – заметит И.Я. Яковлев. Он приводит яркую картину такого обрусения, списанную из статьи в журнале «Русская школа» на примере вотяков Вятской губернии: «Русеет вотьяк не под влиянием школы, учителей и священников, а под влиянием “вятского русского мужика”. Живя бок о бок с русскими мужиками, вотьяк перенимает от них и язык, и обычаи. Но если быть беспристрастным критиком, восхищаясь заимствованием русских слов вотяками, не нужно упускать из виду и того обстоятельства, что заимствуя слова, вотяки перенимают от русских многое, чего бы совсем не следовало перенимать»²⁷.

Подобного рода «обрусение» И.Я. Яковлев решительно отвергал. Его он рассматривал, прежде всего, с точки зрения объединяющих религиозно-нравственных начал, на основе которых и должна происходить постепенная ненасильственная интеграция «инородцев» в русский социум, «дабы естественнее произошло слияние чувашского “ручья” в русском море»²⁸. В своих публикациях и переписке просветитель отмечает: «Надо устранить всякую мысль о насильственном воздействии»²⁹; «...я никогда не разделял господствовавших отчасти в правительстве, но главным образом среди духовенства и земств, руководимых представителями узкого национализма, стремлений к насильственной русификации инородцев, тем более сам никогда таких навязанных мер не употреблял»³⁰. В обращении к В.И. Ленину (ноябрь 1919) он напишет: «По моей программе чувашаи должны были

усвоить себе русско-христианскую культуру не сразу, не путем насильственных мер врываясь в русский народ, а в известной, планомерной, строго обдуманной и проведенной постепенности...»³¹.

Таким образом, по мысли И.Я. Яковлева, «духовное обрусение» – это эвентуальный процесс, рассчитанная на очень длительное время стратегия, исключавшая единую динамику системы мер по ассимиляции и принудительной русификации. Как он укажет в своей полемической статье «По поводу заметки земского начальника С.Я. о земских инородческих школах»: «Осуществление этой цели (слияния “инородцев” с русскими. – В.К.) – дело очень трудное, и конец его может быть только в будущем»³².

Духовной основой единения нерусских народов с «державной» нацией просветитель-педагог считал православную религию. «Распространение православия – есть обрусение, пусть православие распространяется даже не по-русски»³³; «быть русским – значит прежде всего быть православным. Русская народность и православие у нас синонимы»³⁴; «Я твердо убежден, что утверждая инородцев в православии, тем самым мы коренным образом объединяем их с русским народом»³⁵; «Я уверен, что усвоение христианской религии чувашами положит вместе с тем самую прочную основу для слияния их с русским народом»³⁶, – многократно акцентирует Яковлев. Обращение в православие для него – самое главное в стратегии «духовного обрусения». Его важность определялась тем, что, во-первых, оно создает единство религиозное, которое стоит выше конкретных различий («небезызвестно всякому, какое значение имеет в глазах простолюдинов различие веры»³⁷). Во-вторых, это ассимиляционное давление татар-мусульман («достаточно нескольких лет бездействия, чтобы магометанство охватило своим влиянием массу чувашского народа»³⁸, и «чувашский народец, окруженный притом язычниками и магометанами, погибнет окончательно...»³⁹). В-третьих, христианство являло собой «более высокие формы религиозного сознания», под напором которого «старые языческие верования инородцев начали быстро и безопасно отмирать» («вопросом дня сделался переход инородцев-язычников к монотеизму») ⁴⁰. В-четвертых, православие, как государственная религия, открывало каналы и делало чувашей субъектом культурной и политической жизни русского общества. Малый народ при заимствовании религии, – «основы и начала всякого развития, – укажет И.Я. Яковлев, – от другого культурного народа вместе перенимает и специальные достояния культуры того народа, и постепенно сливается с ним и делается соучастником в истории его»⁴¹.

По мысли просветителя, «твердое и основательное усвоение православия» должны происходить только путем миссионерства, через подвижников в лице «лучших и передовых представителей из них»⁴², «систему образовательных средств для народа, которая для своей прочности должна иметь нравственно-религиозную основу»⁴³, (а «религиозное просвещение и обрусение чуваш..., – как он считал, – есть по своей сущности одно и то же дело, или один и тот же вопрос»⁴⁴). И в открытом им в Сим-

бирске образовательном учреждении «идея просвещения инородцев светом Евангелия и сделалась нервом всей деятельности Симбирской чувашской учительской школы»; вторая руководящая идея, положенная в основу ее деятельности, подчеркнет Яковлев, состояла в том, чтобы «сблизить инородцев с русским народом, объединить их с ним в христианском мирозерцании, в культурном и бытовом облике»⁴⁵.

Отводя главную роль в реализации и достижении своего просветительского проекта образованию, школе, «долженствующей укреплять духовно-нравственную связь инородцев с коренным русским населением России»⁴⁶, И.Я. Яковлев определяет в качестве важнейшего средства родной язык «для распространения христианских понятий и христианского восприятия»⁴⁷. «Необходимо пользоваться родным языком чуваш для того, чтобы успешнее распространять христианские понятия в массе их»⁴⁸; «только при помощи родного языка можно с успехом перевоспитать, пересоздать старые понятия, делать к ним новые прививки и вводить в них новые элементы»⁴⁹; отказ в пользовании родным языком «оборвет дело начатого сближения, отдалит или вовсе уничтожит возможность мирного слияния инородцев»⁵⁰, – с категоричностью утверждал педагог-просветитель.

Ратуя за родной язык как «могучее орудие» для восприятия православного учения и русской духовности, просветитель тем самым прежде всего позиционировал себя как верный сторонник Н.И. Ильминского в борьбе с теми, кто считал достаточным «суживать задачи обрусения до обучения одному только русскому языку»⁵¹. Вместе с тем Яковлев ничуть не умалял роль и значение государственного языка в своей просветительско-педагогической системе. «В обращении к родному языку нет измены русскому делу: служить великому русскому Отечеству можно, не забывая родного языка, воспринятого от матерей ваших»⁵², – напишет он в своем духовном завещании чувашскому народу. Распространение русского языка среди «инородцев» он рассматривал как непременную часть их духовного перерождения, условие приобщения к «благоденствиям русско-христианской культуры»⁵³, «основной маркер русскости»⁵⁴ и «критерий лингвистической русификации»⁵⁵, которое не исключало «укоренение и развитие собственно чувашского начала»⁵⁶, облегчало доступ к передовой мысли и образованности, «откуда можно было черпать идеи и ресурсы для собственных националистических проектов»; давало возможность «более эффективно отстаивать интересы локального сообщества в отношениях с властями империи и перед общественным мнением»⁵⁷. К тому же владение основным языком государства, по мнению И.Я. Яковлева, способствует более глубокой и активной интеграции малых народов в экономику страны, освоению технических новшеств. «Русский язык при теперешнем все увеличивающемся усложнении жизни, все увеличивающемся спросе на труд, на рабочие руки, делается для инородца столь же необходимым, как свет или воздух. Без знания русского языка они осуждены на гибель – это ясно осознают все те, кто близко соприкасается с инородческим делом...»⁵⁸ – делает вывод просветитель.

Внедрение христианской религии и усвоение русского языка просветитель считал основным способом обрусения, где первый и самый главный путь – это «усвоение православия»⁵⁹, а господствующий язык – «самое верное и могущественное средство в деле объединения с русским народом инородцев нашего края»⁶⁰.

Третьим элементом этого процесса в начале своего просветительского пути И.Я. Яковлев называл «брачные союзы» между «инородцами» и русскими⁶¹. Но, как он понял с течением времени, не неся массового характера, они не могли сыграть существенной роли, в отличие от религии и просвещения, которые завоевывали «год за годом для русской культуры тихо и незаметно все новые тысячи инородцев, приобщая их к русской жизни, сливая их в единую массу с русским, им отныне единоверным, народом»⁶².

В условиях, благоприятствующих сближению (отсутствие конфликта по вопросам ценностей, языкового барьера, дискриминации нации, готовность ассимилирующего сообщества принять новых членов), обрусение, по Яковлеву, – это значит «сблизить инородцев с русским народом, объединить их в христианском миросозерцании, в культурном и бытовом облике»⁶³; то есть стать истинно-православным, знать государственный язык, усвоить передовые формы русского уклада жизни, быта, поведенческих практик.

Наряду с ориентирами на державную нацию как конфессиональный и культурный образец, в идее «духовного обрусения», стандарте «русскости» для просветителя не менее важной была «политическая русификация»⁶⁴ – утверждение гражданской и политической лояльности «инородцев» государству, превращение их в неотъемлемую часть российского политического сообщества⁶⁵. По этому поводу он писал: «Понятие “обрусить”, т.е. сделать инородцев русскими христианами и истинными подданными русского государства, – понятие, имеющее уже политическую подкладку»; «сделать инородцев соучастниками в истории русского народа (а это можно сделать тогда, когда инородцы сознательно признают подданство русского государства), понятие это равняется понятию “обрусить”, которое просветителями инородцев прибавляется к коренному понятию слова “просветить”. В этом суть обрусения инородцев»⁶⁶. В унисон этим мыслям звучат и такие его слова: «Нашей задачей было духовно слить инородцев с русским народом, передав им самые драгоценные убеждения, его теплую искреннюю веру и беспредельную преданность Отечеству», как «верных сынов общего Отечества»⁶⁷.

Вместе с тем, по Яковлеву, обрусение – это не улица с односторонним движением, а процесс взаимодействия чувашей и державного народа, в ходе которого изменениям в лучшую сторону будут подвергаться обе стороны. Как он заметит в письме А.С. Михайлову: «Ведь известно, что культурная отсталость ведет к обеднению, это – к порче нравов и развитию преступности, а это последнее – к вымиранию. Мы не хотим этого, а стремимся к тому, чтобы слиться с русским здоровым народом, а не вырождающимся, чтобы русский народ получил через это слияние плюс, а не минус»⁶⁸.

Обрусение должно достигаться не насильственным насаждением внешних признаков «русскости», а в результате исключительно добровольных процессов, когда «инородцы», находящиеся в благожелательном русском окружении, познавшие на родном языке и принявшие нормы православного вероучения, осознавшие духовную связь с русским народом, как «носителя исторических идеалов»⁶⁹, составят «с ним одно органическое нераздельное, неразъединимое целое»⁷⁰. Тем самым просветитель раздвигал этнические границы русской нации, включая в нее и другие православные народы России. В его представлении она перерастала в большую русскую нацию, как «сложную национально-имперскую идентичность»⁷¹, выражаясь современным языком, – в полиэтническую российскую гражданскую нацию, как единение различных этнонациональных сообществ, сплоченных общей религией, языком, политическим идеалом.

С учетом такого контекста обрусение по Яковлеву не предполагало подавления национально-культурных особенностей и признавало сохранение национальной самобытности. На это недвусмысленно указывают суждения просветителя: «инородцам» нужна «гарантия национальной неприкосновенности»; «язык, костюм, обычаи и другое национальное не мешает сделаться истинными подданными русского государства»; «огульные осуждения всех национальных привычек, обычаев и обрядов, часто хороших, существование которых прямо желательно и при полном обрусении инородцев»⁷². Признавая в целом неизбежность ассимиляции малых народов русскими, он не рассматривал ее как приоритетную задачу обрусения, расценивал как далекую историческую перспективу. Об этом писала в своей книге «У приволжских инородцев» С.В. Чичерина, ссылаясь на беседу с А.В. Рекеевым – учеником и ближайшим сподвижником И.Я. Яковлева: «Мы все, и Николай Алексеевич (Н.А. Бобровников. – В.К.), и Иван Яковлевич, и я, мы все считаем, что слияние инородцев с русским народом непременно состоится, но этот срок еще далек, это пойдет очень медленными шагами и никакие Спешковы* тут не помогут; на это – нужны столетия»⁷³.

Итак, яковлевское «духовное обрусение» не ставило целью смену национальной идентичности чувашского этноса. Точно так же используемые им термины «сближение», «слияние» не заключали в себе задачи физической ассимиляции чувашей. Посредством концепта «духовного обрусения» просветитель четко отделил русификацию, обязательно подразумевающую отказ от этнической идентичности в ходе ассимиляции, от обрусения как стремления усвоить в широком плане русскую культуру как ценность с сохранением возможности развивать национальную самобытность в рамках государственно-правового и социокультурного пространства российского государства. Таким образом, можно говорить о том, что модель «духовного

* Спешков Сергей Федорович – попечитель Казанского учебного округа в 1901–1905 гг., сторонник лобовой и ускоренной русификации, противник системы Н.И. Ильминского, постоянно обвинял И.Я. Яковлева в «национализме» и «сепаратизме» за стремление обучать детей на родном языке.

обрусения» Яковлева являла собой ту степень русификации, которая представляла собой сложные «симбиотические отношения», «гибридизацию русскости и национальной идентичности»⁷⁴.

В условиях безусловной политической и социально-культурной доминанции титульной нации, когда «наши инородцы так отстали от окружающего их русского народа, настолько бедны духовно и материально», национальный просветитель видел «будущность восточных инородцев только в мирном слиянии с окружающим их со всех сторон русским населением»⁷⁵. «Русская народность – это великая сила, пред исторической задачей которой все живущее в пределах России необходимо должно преклониться»⁷⁶, – подчеркивал он. «Никакой самостоятельной политической роли, по моему убеждению, нашим восточным крещеным инородцам играть не суждено, – писал И. Яковлев. – Ни исторические, ни культурные, ни географические условия не дают основания для осуществления политической и государственной самостоятельности»^{77*}.

В сближении и единении своих соплеменников с русскими просветитель усматривал единственную возможность выхода чувашского народа «из того духовно-нравственного тупика, в который он безнадежно был загнан, – как напишет Яковлев в письме к В.И. Ленину, – ходом истории и особенностями бытовой своей обстановки»⁷⁸; приобщения к передовым формам социально-экономической и культурной жизни. Перспективы прогресса родного ему народа для него были неотделимы от магистрального пути развития русской нации и иной альтернативы национального возрождения, всесторонней модернизации чувашского этноса он не видел.

Актуальный во второй половине XIX – начале XX в. в дискурсе общественно-политической жизни и в области образования концепт «духовного

* Эти убеждения определили сдержанное отношение И.Я. Яковлева к проекту организации Чувашской автономной единицы. «Характерно то обстоятельство, – говорил на заседании Чувашского обкома ВКП(б) 27 сентября 1928 г. А.П. Лбов, – что на создание автономии после решения I съезда чуваш-коммунистов он смотрел как на чужачество» (Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 702. Л. 127 об.). О таком же высказывании просветителя по поводу автономии чувашей писал председатель Президиума ЦИК ЧАССР Н.Л. Юшунев в октябре 1928 г.: «Ничего из этого не выйдет, вы чужаците» (Юшунев. Ёлĕк пулă Чĕмпĕрти чăваш шкулĕ сінчен // Сунтал. 1928. № 10. С. 4), а авторов проекта назвал «ăссăрсем» (Его же. Иван Яковлев сінчен // Пирĕн ял. 1928. № 41. Октябрь, 12. С. 3). Как вспоминал в 1958 г. участник I Всероссийского съезда чувашских коммунистов (февраль 1920) И.Г. Филиппов, делегированный его президиумом к И.Я. Яковлеву по вопросу закрытия Чувашского института народного образования в Симбирске: «Я рассказал, в каком виде предполагается Автономная Чувашия. Какая будет территория. И он мне сказал, что очень важно. Попробуйте, только всегда помните, что русский народ – это друзья, русский народ – старший брат для чувашского народа. И упаси боже, не вступайте на путь Украинской Рады. Без помощи русского народа ваша затея закончится крахом» (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 464. Л. 102). Сам И.Я. Яковлев в письме к сыну Алексею (3 июля 1920) писал: «Чувавам хочется образовать свою административную единицу из чувашей одних под названием “коммуна”. Пусть их, если им разрешат. Татарам дали республику, конечно зависимую от Советской республики, отчего не дать чувашам коммуны из чувашских уездов. Пусть их, хлопочут» (НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 848. Инв. № 2910. Л/н).

обрусения» терял свои позиции под влиянием национальных движений, начавшихся в годы русской революции 1905–1907 гг., и окончательно изжил себя в послеоктябрьский период как в связи с процессом диссимилиации, характерным для первых двух десятилетий советской власти, так и атеистическим курсом социалистического государства. Но при этом эта идеология стала предметом дискуссий и обсуждений, стартовавших еще при жизни патриарха чувашского народа, в период расцвета его просветительно-педагогической деятельности в царской России. В ходе их уже тогда обозначались два лагеря. Тех, кто противопоставлял теорию «официального национализма» доктрине «духовного обрусения», которая, с их точки зрения, способствует росту «национализма» и «сепаратизма» малых народов и той части, которая видела в ней обоснование и неприкрытую ассимиляторскую политику «инородцев». Содержание этих дискуссий и их участники хорошо описаны в научной литературе⁷⁹.

В советское время отношение к яковлевскому понятию «духовного обрусения» и наполнение его смысловым содержанием во многом определялось общественно-политической ситуацией и идеологической конъюнктурой, а также мировоззрением участников обсуждений вокруг идейного наследия просветителя, в которые вовлекались не только ученые, публицисты, но и политические институты и государственные деятели. В 1928 г., когда официально и широко отмечались 60-летний юбилей Симбирской чувашской учительской школы и 80-летие чувашского старца, наряду с оценкой его педагогической практики ставились вопросы о сущности национально-политической доктрины просветителя. И, если наркомом просвещения РСФСР А.В. Луначарским празднование юбилеев школы и «основателя просвещения чувашского народа И.Я. Яковлева» было названо «не только национальным торжеством трудящихся Чувашии, но торжеством всей национальной политики советской власти»⁸⁰, то не столь однозначная оценка прозвучала в самой Чувашии, где в юбилейный год на страницах республиканской прессы опубликовали более десятка статей, посвященных просветителю и его школе, в подавляющем большинстве ее выпускники. Как следует из их содержания, в оценке «чувашского патриарха» определились две основные позиции. Одна – безусловная его апологетика. Примером чему явились публикации Д.П. Петрова (Юмана) и А.И. Иванова. Первый писал: «И.Я. Яковлев был непосредственным творцом и вдохновителем всего, что было сделано чувашами до революции в области культуры»⁸¹; «он активно служил угнетенному народу», «прошел поле своей жизни ради черного народа “хура халӑх”»⁸².

Журналист и языковед А.И. Иванов, характеризуя просветительство И.Я. Яковлева, провел различие между ассимиляцией и русификацией. Под первым явлением он подразумевал «естественный процесс исчезновения национального своеобразия, растворение одного народа в другом более крупном»; под русификацией – «насильственное обрусение нерусских народов». С его точки зрения, Яковлев – не русификатор, таковым его могут назвать

ухмахсем (дураки); ему подходит характеристика «националиста», данная в дни празднования юбилея просветителя, которая следует из всей просветительско-педагогической деятельности и высказанных суждений самого Ивана Яковлевича⁸³.

Большинство же авторов оценивало просветительство И.Я. Яковлева двояко. Указывая на асимметрию императивов его просветительской работы (внедрение православия и русификация), и ее конечных результатов (развитие национального образования и культуры, этнического самосознания народа). Причем в рамках этого взгляда выявились как радикальный, так и умеренный подходы. Первый продемонстрировал, к примеру, государственный деятель Н.Л. Юшунев, который резко критически оценил идейное содержание просветительства И.Я. Яковлева: консерватизм мировоззрения, несоответствие идеалам пролетарской революции, идея русификации – «для освобождения чувашей от национального гнета их нужно обрушить», «чем быстрее они потеряют свою национальность, тем быстрее они могут сравняться с русскими» и тем самым «спастись». Вместе с тем Юшунев отмечал: Яковлев при своих консервативных убеждениях многое сделал для поднятия образовательного и культурного уровня чувашей⁸⁴.

Более умеренными в своих оценках идейного содержания просветительского мировоззрения И.Я. Яковлева были нарком просвещения М.С. Сергеев и председатель правительства Чувашии А.М. Михайлов. Отмечая консерватизм и русификаторские взгляды просветителя, первый подчеркнул, что Яковлев, будучи преданным адептом системы Н.И. Ильминского, воспринял ее не целиком, а только ту часть, которая касалась обучения и христианизации на родном языке, а своей просветительской деятельностью он способствовал «выходу чувашей из невежества»⁸⁵. А.М. Михайлов, давая характеристику воззрениям Ивана Яковлевича, написал, что, хотя тот и не верил в революционный путь освобождения, но являлся «до мозга костей националистом»; всю свою жизнь отдал для подъема родного ему народа, не жалея себя трудился для просвещения угнетаемого народа⁸⁶.

На рубеже 1920–1930-х гг. произошел поворот от новой экономической политики и связанного с ней относительного идейного плюрализма к жесткой унификации общественно-политической и идеологической сфер и национальных отношений. В оценке дореволюционной национальной политики определяющей являлась ленинская формула «Россия – тюрьма народов». Трудящимся различных национальностей внушалась мысль, что до революции у них не было и не могло быть своего Отечества, что нерусские народы нещадно угнетались, отрицался общероссийский патриотизм, замененный идеей пролетарского интернационализма. Соответственно деятельность чувашского просветителя партийными идеологами однозначно стала трактоваться, как по сути дела исходившая «из политической бесперспективности национального развития чувашей», как «откровенно-обрушительная политика»⁸⁷.

Однако с усилением тоталитаризма в советской стране к концу 1930-х гг. произошел очередной поворот в идеологическом курсе. Реабилитировали понятие «русского патриотизма». Выступая на Чрезвычайной VIII сессии Верховного Совета СССР 25 ноября 1936 г., И.В. Сталин заявил: «Изменился в корне облик народов СССР, исчезло в них чувство взаимного недоверия, развилось в них чувство взаимной дружбы и наладилось, таким образом, настоящее братское сотрудничество в системе единого союзного государства»⁸⁸. «По сталинской футурологии русские должны были стать своеобразным цементом, “зональной” группы народов и превратить ее в одну из переходных форм на пути к безнациональному человечеству»⁸⁹. В 1937 г. концепция об исторической роли русского народа приобрела новую составляющую. «Великий» и «первый среди равных» было предложено именовать и «старшим братом» других советских народов. В общественно-политической литературе вновь стали использовать термин «державная нация»⁹⁰.

На фоне этих изменений происходит отход от «нигилистического отрицания деятельности и личности И.Я. Яковлева»⁹¹. В связи со столетним юбилеем просветителя в 1948 г. на совместной научной сессии Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории и Чувашского педагогического института (27–28 июня 1948) его называли «выдающимся народным учителем и просветителем чуваш», который «учил и проводил в своих делах идею дружбы чуваш с великим русским народом»⁹². В этом же году увидело свет монографическое научное исследование о просветителе, написанное его сыном А.И. Яковлевым, где было отмечено: «Главными, настойчиво повторяющимися заветами И.Я. (Ивана Яковлевича. – В.К.) своим ученикам были две его любимые мысли: идея преданности России и великому русскому народу, с доверием и доброжелательностью в лице своих лучших представителей отнесшемуся к своим младшим братьям чувашам, принятым русским народным чувством на равных правах в русскую семью. [...] Другая его мысль состояла в том, чтобы выходцы из чувашского народа не забывали о родном народе и его законных интересах...»⁹³.

Но эта книга получила отрицательную оценку руководящих партийных органов Чувашии. В вышедшей в начале декабря 1950 г. в газете «Красная Чувашия» статье секретаря Чувашского обкома партии С.М. Илюкова говорилось: «В нашем литературоведении укоренилась неправильная, односторонняя оценка такого деятеля просвещения, как И.Я. Яковлев. В результате немарксистского подхода к оценке исторической личности получилась переоценка, идеализация И.Я. Яковлева. Особенно грешна в этом отношении книга об И.Я. Яковлеве, выпущенная Чувашгизом в 1948 г. с одобрением научно-исследовательского института. Яковлев дорог чувашскому народу тем, что он сделал немало положительного для просвещения чуваш. Но нельзя смешивать Яковлева-пионера просвещения чуваш с Яковлевым-идеологом. Практическая деятельность Яковлева по организации

просвещения дорога нашему народу так же, как чужда ему идеология И.Я. Яковлева»⁹⁴.

Это установочное положение о дуализме просветителя как носителя консервативного мировоззрения и его прогрессивной национально-ориентированной педагогической практики стала доминантой на всем протяжении советского периода в публикациях об И.Я. Яковлеве.

С 1950-х гг. началось формирование научного яковлевоведения. И хотя в нем ведущим направлением стало, прежде всего, изучение просветительно-педагогической деятельности Яковлева, исследователи размышляли и о его идейно-мировоззренческом наследии. Что касается яковлевской идеи «духовного обрусения», то табуированный характер приобрел сам термин. Вместо него в яковлевоведении утвердился тезис о просветителе как о «страстном поборнике дружбы чувашского народа с великим русским народом»; он «на протяжении всей своей деятельности всячески способствовал укреплению этой дружбы»⁹⁵. Знаменательно выступление И.Д. Кузнецова с докладом «Некоторые спорные вопросы в оценке мировоззрения и деятельности И.Я. Яковлева» на расширенном объединенном заседании ученых советов Чувашского государственного педагогического института и Чувашского научно-исследовательского института, посвященного 110-летию со дня рождения И.Я. Яковлева и 90-летию Симбирской чувашской школы (24 апреля 1958). В своем докладе историк отказался от характеристики, данной им просветителю в середине 1930-х гг., когда состоял в должности заведующего культурно-пропагандистского отдела Чувашского обкома ВКП(б), – «махровый националист и миссионер» «со своей школкой»⁹⁶. И.Д. Кузнецов оценил И.Я. Яковлева, «как поборника национального подъема чуваш», который «сыграл большую роль в формировании чувашской народности в нацию», «до конца жизни остался верным интересам своего народа, никогда не изменял ему, как и дружбе чувашского народа с великим русским народом»⁹⁷.

Известные оценки и высказывания Яковлева о «русско-христианской культуре» как базе единения «инородцев» с русским народом, их гражданской и политической лояльности существующему строю исследователями трактовались как его стремление оградить «себя от обвинения в сепаратизме»⁹⁸. Суждение просветителя о том, что нет почвы для мечтаний «инородцев» о какой-то национальной самобытности⁹⁹ интерпретировалось так, что он это «вынужден был заявить»; «под “национальной самобытностью” И.Я. Яковлев подразумевал, по всей вероятности, понятие не национальной специфики в культуре и быту народа, а самостоятельное от России, отдельное от России существование народа, т.е. тот же сепаратизм. Поэтому он отрицал “национальную” самобытность поволжских народов»¹⁰⁰.

Таким образом, исследователями, по сути, выхолащивалась мировоззренческая основа яковлевского просветительского проекта. В триаде «сближение, слияние, обрусение» оставили только первый элемент. Принижалось значение или замалчивалась духовно-нравственная и религиозная

составляющие в идеологии просветителя. Именно на последнее обстоятельство обращалось внимание в решении Чувашского обкома партии по вопросу идейного наследия И.Я. Яковлева, опубликованного в газете «Советская Чувашия» в декабре 1964 г.: допускается не критический подход к оценке его мировоззрения, проявляется тенденция «замазывать, лакировать реакционное, вредное в его взглядах», «взять под сомнение религиозность» просветителя. «И.Я. Яковлев, — указывалось в документе, — выступал за сближение и слияние чувашского народа с русским народом. Такой подход к национальному вопросу, несомненно, имел определенную прогрессивную сторону. Он способствовал приобщению чуваш[ей] к передовой русской культуре и был направлен против замыкания в узко национальной скорлупе, служил развитию национальных связей и дружбы чувашского народа с русским народом». «Но, оценивая взгляды И.Я. Яковлева в национальном вопросе, — подчеркивалось в тексте, — надо решительно отметить попытки некоторых авторов рассматривать их как лучшее выражение идей национального развития чувашского народа. В его взглядах нашло отражение лишь либеральное требование национального вопроса [...]. К вопросу о дружбе и сближении чувашского с русским народом И.Я. Яковлев подходил не с позиций революционной классовой борьбы. Он проповедовал сближение и слияние, единство и братство народов в то время, когда большевики говорили о единстве и братском союзе рабочих, трудящихся в борьбе против буржуазии и помещиков. Его проповедь дружбы народов была утопична: она не могла быть реализована в условиях царизма. Подлинная дружба народов складывается только в ходе революционной борьбы за свержение эксплуататорских классов, за построение социализма и основывается на интернациональной солидарности трудящихся»¹⁰¹.

Следовательно, с точки зрения партийных идеологов, яковлевскую идею «духовного обрусения» нужно было подвергнуть критике за ее конфессионализм и отсутствие классового подхода. Появление партийного решения и статьи не было случайно. Им предшествовало письмо членам бюро Чувашского обкома КПСС «О преувеличениях и искажениях в оценке взглядов и деятельности И.Я. Яковлева» от 16 апреля 1962 г. старых партийцев А.П. Лбова, Г.М. Титова, И.А. Анисимова. Его авторы ставили вопрос о том, что «в течение ряда лет в работах некоторых исследователей прошлого чуваш[ей] усиленно пропагандируется чрезмерно преувеличенная и заведомо пристрастная (т.е. не основанная на исторической правде) оценка взглядов и деятельности известного просветителя чуваш[ей] И.Я. Яковлева». Назывались фамилии Г.Н. Волкова, И.А. Маркелова, А.И. Петрухина, В.Т. Сейфуллина, С.С. Спиридонова, И.Д. Кузнецова, которые оценивают его, как «национального гения, якобы начавшего новый период в жизни чуваш[ей]»; «неизменного защитника интересов чувашских трудящихся»; пишут о нем как о «последовательном демократе»¹⁰². «Откровенная тенденциозность в отношении к Яковлеву, — подчеркивали составители письма, — принимает явно нетерпимую форму в вопросе о яковлевском понимании

национального (“инородческого”) вопроса [...]. Товарищи прямо пишут о подлинном величии Яковлева как страстного поборника дружбы народов, как патриота, чуждого всякого национализма – и великорусского и чувашского, пишут, что Яковлев будто бы горячо отстаивал свободу и равноправие народов»¹⁰³. Однако подлинные его высказывания о существовании «инородческого» вопроса, отмечали критики таких оценок, «весьма далеки от нашего марксистско-ленинского понимания национального вопроса, а в ряде важнейших моментов просто противоположны ему». Просветитель пропагандировал «превосходство и величие русской народности перед всеми другими»; вероисповеданию он придавал определяющее значение в вопросе о сближении наций на основе усвоения «русско-христианской культуры»; «отбрасывал в принципе идеи равноправия наций и автономии для народов России»¹⁰⁴.

Позицию И.Я. Яковлева в национальном вопросе подписанты письма характеризовали «как позицию русских национал-либералов октябристского толка»¹⁰⁵. Прогрессивную сторону его идей в «инородческом» вопросе они усматривали «не в самом понимании им задач и конечных целей этого вопроса, а в его понимании средств и методов достижения (решения) этих целей и задач»: отрицание прямой и лобовой русификации великодержавных национал-реакционеров, подтягивание массы чувашей к уровню «русско-христианской культуры» с использованием родного языка в обучении, церкви и учителей и священников из чувашей¹⁰⁶. «Яковлевский путь слияния чуваш[ей] с русскими, – делали вывод Г.М. Титов, А.П. Лбов, И.А. Анисимов, – допускал такой стык между задачами обрусительно-миссионерскими и национально-светскими, который давал возможность откликаться и на потребности общественной и национальной жизни чуваш[ей]», «стимулируя и ускоряя дело национального подъема» (укрепление их национального самосознания, создание кадров национальной интеллигенции, первые успехи в национально-культурном возрождении)¹⁰⁷. «Значение и важность этих объективно-исторических результатов деятельности Яковлева, – писали они, – для национального подъема чуваш[ей] и их просвещения ни в коей мере не могут принижаться, хотя сама эта сторона его деятельности являлась лишь производной, вспомогательной в его общем курсе на обрушение чуваш[ей] (их “слияние воедино” с русской народностью), при котором весь национальный вопрос сводился лишь к “инородческому просвещению”, а вопросы, связанные с равноправием наций, освобождением малых народов от национального гнета, их национальным развитием и пр. просто снимались установкой на их поглощение русской народностью»¹⁰⁸.

В заключение своего письма его авторы выставляли требование «положить конец такому явно ненормальному положению» «на нашем историческом фронте» – «искажения исторической правды о Яковлеве, отступления от марксистско-ленинских позиций в этой оценке в угоду создания из него некоего своего великого национального гения и идеолога». И выражали надежду, что бюро обкома КПСС «примет необходимые меры к выправлению положения на этом участке нашей идеологической работы»¹⁰⁹.

В ответ на это обращение по поручению бюро заведующий сектором обкома КПСС Л.А. Андреев в ноябре 1962 г. подготовил на рассмотрение руководящего партийного органа тезисы «Об ошибках и извращениях в оценке общественно-политических взглядов И.Я. Яковлева». По своему содержанию они расходились с категоричностью суждений Г.М. Титова, А.П. Лбова и И.А. Анисимова. В них, в частности, говорилось: «Большой интерес представляет для исследователей отношение чувашского просветителя к национальному вопросу. Разумеется, многое из того, что он предлагал в этой области, для нас вообще неприемлемо. Но было бы глубоко ошибочно, исходя из этого, не видеть ничего прогрессивного в его взглядах по национальному вопросу [...]. При этом необходимо, в первую очередь, ответить на следующий вопрос: как следует понимать яковлевскую идею о сближении чувашского народа с великим русским народом на базе усвоения им русско-христианской культуры, ибо она лежала в основе его просветительской деятельности. Отвечая на этот вопрос, отдельные товарищи... склонны рассматривать его как русификатора [...]. С таким утверждением нельзя согласиться. В русском народе И.Я. Яковлев видел носителя передовой культуры, усвоение которой является великим благом, служащим задачам национального подъема чуваш. Иное дело, что он не видел других путей внедрения передовой русской культуры в чувашский народ, кроме как религиозно-нравственное просвещение [...]. Он был вынужден следовать по той единственной и притом весьма скользкой тропинке, которая еще оставалась для просвещения нерусских народностей в условиях царизма»¹¹⁰.

Принципиально эту позицию и отразила редакционная статья в «Советской Чувашии» от 9 декабря 1964 г. Она выражала актуальные для начала 1960-х гг. лозунг и партийную установку о том, что в советской стране «развитие наций осуществляется [...] на путях их сближения, братской взаимопомощи и дружбы»; «партия будет содействовать их дальнейшему взаимообогащению и сближению, укреплению их интернациональной основы»¹¹¹.

Активные интенции на межнациональное сближение и интернационализацию в советской стране стали проявляться со второй половины 1960-х гг. С этого времени сущность происходивших в СССР национальных процессов начала определяться формулами «Расцвет наций через сближение, сближение наций через расцвет», а также «Советский народ – новая историческая общность». В русле этих положений в статье «Деятельность И.Я. Яковлева по национальному подъему чувашей», опубликованной в конце 1960-х гг. в «Ученых записках» ЧНИИ, дал оценку чувашскому просветителю И.Д. Кузнецов: «Отстаивание единства чувашского народа с великорусским народом на началах равноправия, – вот что явилось величественным содержанием деятельности И.Я. Яковлева по национальному подъему родного народа...»; «говоря о вечном и безусловном единстве с русским народом, И.Я. Яковлев никогда не подразумевал под ним крепостников-черносотенцев, великодержавных русификаторов и угнетате-

лей. Над ним всегда витал светлый образ подлинно великого русского народа... Надо ли говорить о том, что И.Я. Яковлев, говоря о покорном спутничестве, отнюдь не подразумевал под ним приниженное, угнетенное положение чувашского и других нерусских народов? Напротив, со спутничеством он неразрывно связывал достижения и практическое осуществление национального равноправия и содружества»¹¹².

Гораздо меньшим фразерством и бóльшей глубиной суждений и диалектичностью подходов отличалась опубликованная в этом же сборнике статья В.Д. Дмитриева с многозначительным названием «И.Я. Яковлев – поборник сближения народов». Ее автор задался целью осмыслить взгляды Яковлева и его деятельность по сближению народов. Исследователь отверг выдвинутые против него в 1930-е гг. «обвинения в ассимилизаторстве»¹¹³; подчеркнул, что «заветной целью Яковлева было поднятие чувашей до того культурного уровня, на котором стоит русский народ, приобщение родного народа к русской культуре и сближение с русским народом»¹¹⁴, и сформулировал тезис, что чувашский просветитель «выдвинул требование равноправия народов и отмены насильственных действий в национальных отношениях»¹¹⁵.

В.Д. Дмитриев узаконил и реабилитировал в яковлеведоведении понятие «духовное обрусение». Его он интерпретировал следующим образом: «В качестве щита в борьбе против насильственной русификации Яковлев и его последователи выставили и проводили в жизнь тезис о “духовном обрусении”. Под “обрусением” они понимали “духовное слияние инородцев с русским народом и поднятие первых до уровня последнего”. Этот тезис они противопоставляли преследуемой русификаторами цели этнического слияния нерусских народов с русскими»¹¹⁶.

Новаторство исследователя проявилось и в том, что он артикулировал в идеологии Яковлева религиозную составляющую, она трактовалась историком как «негативная сторона в деятельности Яковлева, которая была проявлением ограниченности его мировоззрения, обусловленной исторической эпохой»¹¹⁷.

Отходящей от канона советской историографии и в некотором роде «крамольной» воспринималась мысль В.Д. Дмитриева о том, что «такой взгляд далек от ленинской оценки России как тюрьмы народов»¹¹⁸, в связи с высказыванием И.Я. Яковлева Россия «является первой и единственной страной в мире, в которой все мелкие народности, как ручьи, впадающие в реку, получают смысл и свое значение небольшой части великого и славного целого»¹¹⁹.

Известные высказывания просветителя относительно перспективы политического и государственного обособления чувашей – «фантазировать на тему об автономии для чуваш[ей], черемис, вотяков и т.д., развивая национальный задор, значило бы понапрасну тратить силы...»¹²⁰ и др. подобного рода – В.Д. Дмитриев назвал «передержками»¹²¹. И дал им следующее объяснение: «Понимая под автономией выделение в самостоятельное

государство, Яковлев, конечно, не мог допускать мысли о такой автономии для чувашей и других народов Поволжья»¹²².

Однако, на наш взгляд, такими же «передержками» стали и некоторые умозаключения самого автора статьи, не соответствующие объективному и конкретно-историческому подходам и реалистичной оценке просветителя. Среди них – «справедливо будет считать, что И.Я. Яковлев возглавлял общественное движение за национальный подъем чувашей, за их сближение и равенство с другими народами России, против насильственной русификации. Это движение можно квалифицировать как одну из форм национально-освободительного движения»; «в качестве щита в борьбе против насильственной русификации Яковлев и его последователи выставили и проводили в жизнь тезис о “духовном обрусении”, его требование равноправия народов и отмены насильственных действий в национальных отношениях не противоречили, а в какой-то мере приближались к требованиям большевистской партии»; «деятельность И.Я. Яковлева и его последователей по сближению народов, хотя и ограниченная, только культурническая, не противоречила пролетарской борьбе за политическое сближение трудящихся»¹²³.

Вполне в «ортодоксальном» духе в советские годы трактовался концепт «духовного обрусения» в трудах известных биографов и исследователей педагогической сферы просветительства И.Я. Яковлева Н.Г. Краснова и Г.Н. Плечова: «И.Я. Яковлев улавливал своим историческим чутьем появившуюся в условиях нарождающегося капитализма в крае общую тенденцию интернационализации материального и духовного процессов, имеющую глубокие последствия для судеб народов...»¹²⁴. По их мнению, говоря об обрусении чувашей, просветитель «скорее всего пользуется официальной терминологией, принятой в указанных кругах». Фактически же, как подтверждают другие его высказывания и практическая деятельность, «тесное духовное сближение чувашей с русским народом, в котором видел ведущую общественную силу, выступало, – пишут они, – как фактор сохранения их как самостоятельной народности», средством достижения национальных целей и модернизации, чтобы «чувашаи в хозяйственном, социальном и духовном развитии поднимались до уровня русского народа, других цивилизованных народов»¹²⁵.

Вслед за ними как инструментальное явление трактовал «духовное обрусение» и литературовед И.Я. Тенюшев в брошюре, посвященной публицистике И.Я. Яковлева, опубликованной в 1990 г.¹²⁶ Суть идеи чувашского просветителя заключалась в том, что он видел: «Русская культура по своему развитию стоит значительно выше, чем культура многих других народов. Яковлев стремится проложить для чувашей путь к богатствам этой высокой культуры»; духовное обрусение, отмечает автор, «означало не этническое слияние, а подъем “инородцев” до уровня русской культуры на основе единой христианской веры через усвоение языка великого народа»¹²⁷. Тенюшев исходил из того, что концепт «духовного обрусения» просветитель выдвинул в противовес теории «официальной народности»,

противопоставлявшей русских нерусским народам. С его точки зрения, посредством этой идеи Яковлев отделил насильственную русификацию от «добровольного объединения», «добровольного, дружественного, равноправного слияния народов»¹²⁸. Выступая поборником сближения и слияния народов Среднего Поволжья с русскими, размышляет литературовед, Яковлев руководствовался не русификаторской идеей, а «имел в виду следующее: во-первых, такое стремление полностью отвечает интересам слаборазвитых народов, нуждающихся в помощи в экономическом и культурном развитии; во-вторых, единство народов было необходимо для успешного решения задач централизованного государства, поэтому он хотел, чтобы чуваша стремились слиться с русскими...»¹²⁹.

По мнению И.Я. Тенюшева, в доктрине «духовного обрусения» таким же средством являлась православная религия – для устранения препятствий в виде религиозных различий «на пути сближения трудовых масс разных народов». Поскольку «без близости в верованиях не может быть настоящей дружбы», «кроме того Яковлеву казалось, что чуваша вместе с религией воспримут и передовую русскую культуру»; «Яковлев поступил правильно, выбрав позицию уничтожения вероисповедных перегородок между чувашским и русским народом и отдав предпочтение русско-христианской культуре»¹³⁰, – приходит к заключению исследователь.

В 90-е гг. XX в. на волне национального возрождения и роста самосознания народов России вновь обострилась дискуссия вокруг сути национально-политической идеологии И.Я. Яковлева. Языковед и публицист А.П. Хузангай в своих статьях подверг критике основополагающие положения послевоенного советского яковлевоведения о том, что идейные убеждения чувашского просветителя – «аналог марксистско-ленинского учения в национальном вопросе о сближении и дальнейшем слиянии наций», а «духовное обрусение» Яковлев «противопоставлял преследуемой русификаторами цели этнического слияния чувашей (и других нерусских народов) с русскими»¹³¹. А.П. Хузангай призвал по-новому осмыслить личность «нашего Патриарха» и его духовное наследие; произвести «объективную деконструкцию мирозерцания И.Я. Яковлева», чтобы избежать его мифологизации, «которая заключается в том, что мы стараемся вписать конъюнктурные концепты в “новый” миф о Яковлеве»¹³².

В понимании А.П. Хузангая доктрина «духовного обрусения» – это «исключительно ассимиляторский проект», «целеполагание чувашской экзистенции Яковлев видел только в обрусении»¹³³. «В политическом плане, – указывает автор, – наш просветитель твердо придерживался убеждения, что Россия (империя) – это есть только русская государственность, и другим народам предписано судьбой, Богом, всеми обстоятельствами одно – “слиться с русскими”. Это постоянное выражение Ивана Яковлевича, его постоянная дума. Эту же точку зрения он проводил и после 1917 г., когда уже образовалась Чувашская автономия. Он прямо отказывал чувашам и другим “восточным инородцам” в притязаниях на самостоятельную роль в

истории»¹³⁴. Его теория «слияния чувашей с русскими, – заключает А.П. Хузангай, – с точки зрения права на самоопределение и чувашского национализма может быть и должна быть оспорена»¹³⁵.

Такую же позицию в оценке просветительской идеологии и практики И.Я. Яковлева занял публицист Ю.В. Яковлев, для которого чувашский просветитель – безусловный агент русифицирующей ассимиляции¹³⁶.

Однако в большинстве своем и в новые времена исследователи, рассматривая концепт «духовного обрусения», остались в целом в рамках сложившихся в послевоенное время в советском яковлеведении подходов и парадигмы, лишь добавляя нюансы. Авторы объясняют эту идеологию как «тактический шаг» просветителя, который позволял более эффективно решать задачи национального возрождения чувашей. В таком виде ее трактует литературовед Ю.М. Артемьев: «Спасительная сила его (И.Я. Яковлева. – В.К.) программы заключалась в том, что он постоянно подчеркивал неизбежность в будущем слияния чувашей с русским народом, а родной язык рассматривал как наиболее эффективное орудие не только для восприятия русской духовности и православного учения, но и для укоренения и развития собственно чувашского начала [...], а постоянно декларируемый просветителем тезис о возможном слиянии культур являлся лишь чистой абстракцией. В какой-то степени можно даже предположить, что это форма постоянного заклинания о “необходимости слияния” была своего рода тактическим маневром»¹³⁷.

Исследователями поддерживается и такая точка зрения, что яковлевское «духовное обрусение» заключало в себе модель и способ модернизации чувашского этноса – поднятие его культурного и социально-экономического уровня до передовой формы русской культуры. Ее последовательно проводит в новой книге об И.Я. Яковлеве, изданной в 2008 г., И.Я. Тенюшев, который пишет: «Под слиянием чувашей с русским народом Яковлев подразумевал приобщение их к русской национальной культуре, а это должно было стать важным средством подъема культуры родного народа. Такая идея исходила из признания им высокого уровня русской культуры»¹³⁸. Эта же мысль автора подтверждается и следующими словами: «Чувашский просветитель понятия “инородческая миссия”, “инородческий вопрос” наполнил новым содержанием. Если царские сатрапы все еще упорно, но безуспешно добивались насильственной русификации окраин, то Яковлев в противовес этому выдвинул программу “духовного обрусения”, основной задачей которой являлось “духовное слияние инородцев с русским народом и поднятие первых до уровня последнего”. Это означало не этническое слияние, а подъем “инородцев” до уровня русской культуры на основе единой христианской веры, через усвоение языка великого народа»¹³⁹.

Вместе с тем в интерпретации анализируемого понятия проявились и новые моменты. Наряду с тем, что «духовное обрусение» трактовалось как социальное действие, авторы объясняют его и как аксиологическое явление, наполненное морально-этическим содержанием. Так, философ

Г.М. Матвеев отмечает: «Сближение чувашей с русскими мыслилось на почве воспитания чувства национального достоинства, сохранения его традиций, языка и самобытной культуры. Все это делалось И.Я. Яковлевым для повышения материального благополучия и культурного уровня чувашского народа»¹⁴⁰. Этнопедагог Г.Н. Волков в свою очередь замечает: «И.Я. Яковлев много и настойчиво писал о сближении чувашей с русскими, даже о слиянии – но никогда в мыслях не допускал ни ассимиляции, ни деэтнизации родного народа. Речь всегда шла о культурной духовной интеграции чувашей с русскими»¹⁴¹.

Оригинальностью отличается точка зрения культуролога Н.И. Герасимовой, которая, трактуя вопрос объединения чувашей с русскими в плоскости «духовной интеграции», считает, что под ней «Яковлев понимал прежде всего реализацию предначертанной России миссии по распространению христианства. Выраженная им мечта о том, что чуваша, просвещенные “светом Евангелия”, понесут этот свет далее на Восток – “...в Монголию, Китай, Японию...”», может служить подтверждением нашего предположения»¹⁴², – констатирует автор.

Новации проявились и в том, что исследователи указывают на диалектические отношения и разграничивают концептуальный уровень «духовного обрусения» как идеи и как форму реализованной просветительно-педагогической практики, которая имела отличный от замысла эффект. Они подчеркивают то обстоятельство, что «нельзя судить о характере и значении той или иной исторической персоны только по его взглядам и по тому, что он говорит и пишет, ибо историческое значение слов, помыслов в конечном итоге определяется действиями и тем, каким интересам они служат. А они не оставляют никакого сомнения в их позитивном характере для чувашского народа»¹⁴³.

В 1990-е гг. в ряде аспектов претерпели эволюцию оценки историка В.Д. Дмитриева на воззрения чувашского просветителя по национальному вопросу. В статье «Об историческом значении просветительской деятельности И.Я. Яковлева», опубликованной в 1993 г., автор пишет: «Великое значение просветительской деятельности И.Я. Яковлева и выработанной им системы просвещения родного народа заключалось в том, что он раскрыл единственно верную закономерность перспектив развития чувашского народа: в существующих естественно-исторических условиях его национальный подъем, хозяйственный прогресс и развитие культуры на базе родного языка возможны лишь в дружбе с русским и другими народами»¹⁴⁴. Тем самым ученый смещает в своей оптике фокус видения с теории «сближения и слияния народов» на «дружбу народов». Тезис о «духовном обрусении» приравнивает к «усвоению чувашами христианского учения». Эту идею, как он считает, просветитель выставил «в качестве щита в борьбе против исламизации, отатаривания и насильственной русификации, то есть этнического слияния чувашей с русскими...»¹⁴⁵. По-прежнему В.Д. Дмитриев оценивает просветительство И.Я. Яковлева в широком смысле как

прогрессивную форму за национальное освобождение чувашей. «Дело, начатое И.Я. Яковлевым, – пишет он, – переросло в движение за национальный подъем чувашского народа, за его равноправие и сближение с русским и другими народами России. В нем участвовали сотни, затем и тысячи чувашской и русской интеллигенции и крестьян. Возглавлялось оно И.Я. Яковлевым. Движение за национальный подъем, за родной язык и национальную культуру, за равноправие и сближение с другими народами являлось прогрессивной формой национально-освободительного движения»¹⁴⁶. Но в отличие от предыдущих своих работ в этой статье историк не проводит аналогии «чувашского дела» просветителя с борьбой партии большевиков за решение национального вопроса; оно уже лишено социально-классового содержания и имеет этническое наполнение.

В начале своего исследовательского пути изучения просветительства И.Я. Яковлева, в статье, вышедшей в 1957 г., В.Д. Дмитриев задался вопросом: «Не совсем ясен нам тезис И.Я. Яковлева о неизбежности мирного слияния нерусских народов Поволжья с русским населением...»¹⁴⁷. Теперь он нашел ответ на этот вопрос, исходя из объяснения, данного учеником и сподвижником чувашского просветителя М.П. Петровым (Тинехпи) в его книге об Н.И. Ильминском: с распространением христианских идей на родном языке «иностранцы больше и больше отказываются от всего созданного своею собственной силою», «взамен всего этого они усваивают христианские воззрения русского народа с его национальными обычаями и особенностями»¹⁴⁸. «По-видимому, – заключает историк, – и Иван Яковлевич объяснял возможность этнического слияния чувашей с русскими воздействием христианства – одной из общечеловеческих ценностей»¹⁴⁹.

В 2002 г. В.Д. Дмитриев издал сборник статей, куда вошли все научные исследования об И.Я. Яковлеве, написанные историком в разные годы¹⁵⁰. С точки зрения изменения подходов исследователя в оценке национально-политической доктрины чувашского просветителя особый интерес представляет статья «И.Я. Яковлев – ревнитель равенства и сближения народов». Автор пишет, что она «была опубликована в 42-м выпуске “Ученых записок ЧНИИ” в 1969 г. под названием “И.Я. Яковлев – поборник сближения народов”»¹⁵¹. Но поменялся не только заголовок статьи: важно указать в ее названии на термины «ревнитель» и «равенство народов». Принципиально иным стали ее содержание, лейтмотив и основные акценты. Просветитель представлен как более национально-ориентированная фигура, чувашский народ – самоценным этническим сообществом, паритетным другим национальным социумам. Об этом свидетельствуют следующие формулировки статьи: «Будучи великим патриотом, всей теплотой своего сердца любившим родной народ, Иван Яковлевич... был горячим ревнителем национального подъема чувашей, равенства и сближения их с другими народами, особенно с русским»; «считал, что все народы полноценны и должны быть равны»; «он выдвинул требование равноправия народов и отмены насильственных действий в национальных отношениях»; «И.Я. Яковлев и

его сподвижники выступали за равноправие чувашского и других народов с русской нацией, против насилия и принуждения в национальных отношениях, против насильственной русификации»¹⁵².

Размышляя о яковлевском концепте «духовного обрусения», В.Д. Дмитриев вновь использует сравнение «в качестве щита в борьбе против насильственной русификации» и также интерпретирует суть этого явления, как «духовное слияние народов с русским народом и поднятие первых до уровня последнего», которое просветитель противопоставил «следуемой русификаторами цели этнического слияния нерусских народов с русскими»¹⁵³, то есть анализирует понятие в парадигме модернизационной стратегии развития чувашского социума, не направленной против его национальной идентичности.

Касаясь такого аспекта, как негативные суждения И.Я. Яковлева относительно самостоятельной политической перспективы малых народов России («незначительные спутники» «покорно следуют», «никакой самостоятельной политической роли ... играть не суждено»¹⁵⁴), вызвавшие в его адрес со стороны некоторых авторов критику в национальном нигилизме, историк стремится обелить просветителя. Эти слова, поясняет он, «вероятно, исходили из осознания им угнетенного положения народа в то время»¹⁵⁵.

В третьем тысячелетии в общественно-политической жизни страны вновь актуализировалась тема «Россия – общий дом для всех ее народов», подчеркивается особая роль русского народа как «государствообразующего». Именно в такой связи стал трактовать концепцию И.Я. Яковлева исследователь Г.Н. Плечов. В совместной с И.П. Прокопьевым публикации, вышедшей в 2008 г., автор пишет: «...чувашский просветитель научился рассматривать судьбу своего народа, его прошлое, настоящее и будущее в общероссийском и мировом историческом контексте. Ему запомнились переживания своего учителя относительно будущего России... “Ильминский... с восторгом относился к деятельности древних русских царей, собиравших Русь, создававших Русское государство, придерживаясь национальных симпатий, особенностей и русского быта, и русского человека”. Для Яковлева стало очевидным, что “другого исхода для чуваш, как слияние с Россией, нет и быть не может”. Под слиянием он подразумевал, прежде всего, органическое вхождение родного ему народа в состав России, духовное сближение и объединение с русским народом»¹⁵⁶.

Мысль И.Я. Яковлева о тесном соединении своих соплеменников с судьбой русских, Россией Г.Н. Плечов называет «лейтмотивом всего его социально-просветительного и педагогического творчества»¹⁵⁷. А сущность воззрений чувашского просветителя на национальную проблему в России определяет как «русский вопрос, который систематизировал и развил И.Я. Яковлев, как часть национального вопроса»¹⁵⁸. Вся его социально-просветительная и педагогическая идеология и практика, резюмирует исследователь, «заключается в том, что чуваша, по мнению Яковлева, как народ могут сохранить себя и обеспечить более или менее благополучное существование вместе с другими народами только в составе России; для

этого прежде всего надо всемерно сближаться с русским народом, осваивать его язык, культуру, сохраняя при этом все, что есть хорошее и полезное у самого чувашского народа, прежде всего язык; необходимо находить правильное соотношение национального и русского в постановке школьного дела, в решении других социально-политических вопросов; долг чувашей, как и других инородцев, способствовать укреплению и развитию общей Родины – России»¹⁵⁹.

В более развернутом виде свою интерпретацию взгляда просветителя на национальный вопрос Г.Н. Плечов представил в книге, изданной в 2014 г.¹⁶⁰ Основополагающей в социально-просветительной системе И.Я. Яковлева он называет «русскую идею», под которой «подразумевается совокупность понятий и представлений, выражающих роль русского народа и всего русского в исторической судьбе и социальной жизнедеятельности чувашского народа и их взаимодействие»¹⁶¹. Как отмечает автор, мысль просветителя «о тесном соединении судьбы родного ему народа с судьбой русских, Россией... проистекала из его представления, что чуваша исторически близко и непосредственно связаны с русскими и взаимодействуют с ними. Последние в хозяйственно-политическом и общекультурном развитии и численно превосходят чувашей и другие народности, проживающие в России». Поэтому И.Я. Яковлев высказывался отрицательно в отношении способности чувашей играть в политической истории самостоятельную роль, «не дано, говоря современным языком, реально быть субъектом мировой истории, – рассуждает исследователь, – и будущее чувашей Иван Яковлевич видел в сближении и единении в исторической перспективе с русским народом»¹⁶².

Часто применяемый просветителем термин «слияние» («слить», «слиться») Г.Н. Плечов объясняет тем, что «он использовался в официальном употреблении и был более приемлем для обращения во властные структуры», а также как защита «его деятельности от прямых обвинений в сепаратизме» и способ отстаивания «своей системы просвещения чувашей и других инородцев с опорой на родной язык»¹⁶³. Сам же Иван Яковлевич, приходит к выводу автор, «вкладывал в указанный термин прежде всего смыслы “сближение”, “соединение”, “объединение” чувашского и русского народов»¹⁶⁴.

Анализируя национальную доктрину просветителя, Г.Н. Плечов не использует оригинальные понятия из лексикона И.Я. Яковлева, как то: «духовное обрусение», «обрусить», – заменив их категорией «русская идея», о которой И.Я. Яковлев не писал и ее не формулировал. И тем самым, на наш взгляд, редуцировал всю сложность и многомерность воззрений просветителя на национальный вопрос.

Свою трактовку сущности яковлевского «духовного обрусения» дает этнолог В.П. Иванов. Он пишет: «Обрусение “инородцев” в понимании Н.И. Ильминского и его сподвижников, – это не то, как оно понимается в современной науке и обществе. Сегодня обрусение трактуется как ассими-

миллионный процесс, приводящий людей нерусской национальности к полной смене своей этнической идентичности. Н.И. Ильминский и его соратники под обрусением подразумевали активный процесс превращения “иностранцев” в людей, похожих во всем на русских, с хорошим знанием русского языка, с общей с русскими бытовой культурой, одеждой и другими качествами. И твердо верили в то, что этого можно добиться только через обращение их в православие». Вместе с тем ученый отмечает, что «нет-нет да проявлялось у И.Я. Яковлева настороженно-критическое отношение к вопросу обрусения чувашей... И.Я. Яковлев, наверное, вплоть до конца своей жизни так и не определился в полной мере в вопросе обрусения “иностранцев”, но продолжал держаться главной, на его взгляд, установки своего учителя Н.И. Ильминского»¹⁶⁵.

В последние два десятилетия просветительская деятельность и взгляды И.Я. Яковлева привлекают внимание и зарубежных исследователей. Отдельный раздел в своей книге о чувашах посвятил И.Я. Яковлеву один из самых авторитетных специалистов в области изучения дореволюционной национальной истории народов Поволжья австрийский ученый А. Каппелер. Он дал ему такие оценки: «Яковлев относился к тем народным просветителям XIX в., которые считали школьное образование условием для эмансипации их народов»; «он был умеренным реформатором, не желавшим конфронтации с господствующей русской культурой и царским правительством, но стремившимся к выравниванию, некоему симбиозу чувашской и русской культур»; «его призыв к любви к русскому народу превосходно подходил к советской догме о дружбе народов, провозглашаемой с 1930-х гг.»; «консервативный русофил Яковлев, лояльно настроенный по отношению к правительству, являлся для многих чувашей национальным героем, чей облик соответствует их личным идеалам»¹⁶⁶.

Обобщенный обзор состояния изученности фигуры чувашского просветителя в зарубежной историографии представили Т.Н. Иванова и О.С. Тюнтеров. Они констатируют, что существующий за рубежом комплекс исследований о нем, за небольшим исключением, представлен энциклопедическими очерками, научными статьями и характеристикой И.Я. Яковлева в общих трудах, и «зарубежные исследования о Яковлеве в основном опираются на труды отечественных историков и отличаются лишь интерпретацией личности и деятельности просветителя»¹⁶⁷. Из историографического очерка следует, что трактовка образа чувашского просветителя в научной литературе, изданной за рубежом, многогранна и неоднозначна. Говоря о ценностных установках И.Я. Яковлева, исследователи считают его и «клерикальным консерватором», и «атрибутом чувашской идентичности»¹⁶⁸. Его видение исторического процесса ряд иностранных историков характеризуют так, что «русских он воспринимал как движущую силу страны, которая должна вдохновлять других на развитие», своим сородичам он предрек роль «послушного исторического спутника русского народа», «тем самым очертив их место в историческом процессе»; «в духовной ассимиляции чуваш-

шей с русскими Яковлев видел эффективное средство спасения своего народа от этнического вымирания, а также от исламизации и татаризации»¹⁶⁹.

В то же время зарубежные исследователи отмечают «желание Яковлева повысить этническое самосознание чувашей»; «сделать более доступными для чувашей получение образования на родном языке...»; подчеркивают, что оно «рассматривалось им как стимул к дальнейшему развитию», «возвышению чувашей до уровня русской культуры»¹⁷⁰.

Проанализировав имеющиеся в зарубежной историографии оценки просветительства И.Я. Яковлева, авторы статьи делают следующий вывод: «Общее состояние исследований личности и деятельности И.Я. Яковлева в зарубежной исторической науке находится пока на начальном этапе. Зарубежным ученым еще предстоит разработать прочную фундаментальную базу по данной тематике». Т.Н. Иванова и О.С. Тюнтеров отмечают, что «в своих основных чертах интерпретация личности чувашского просветителя носит достаточно объективный характер, во многом перекликаясь с оценками российских исследователей», «большинство зарубежных авторов в той или иной мере сходятся в том, что личность Ивана Яковлева представляет собой некий баланс между чувашской и русской идентичностями»; приходят к заключению, что «И.Я. Яковлева, пропагандировавшего в быту русские православные ценности и одновременно реализовывавшего в чувашской среде официальную идеологию Российской империи, было бы неверно причислять к протагонистам национальных движений»¹⁷¹.

Обзор исследований яковлевского концепта «духовного обрусения» показывает, что, несмотря на длительную историю его изучения и значительное количество работ, он не получил объективной научной оценки. В советское время освещение воззрений чувашского просветителя регулировалось жесткими идеологическими канонами, которые к тому же менялись в зависимости от колебаний в политике правящей коммунистической партии. В постсоветский период казалось бы открылось окно возможностей для непредвзятого исследования идейного наследия «чувашского патриарха». Однако доминирование в яковлеведении академических кадров со сложившимися в годы господства идей марксизма-ленинизма исследовательскими подходами, а также «пристрастность» и приверженность к публицистике яковлевоведов «новой формации» не позволили выйти на новый исследовательский уровень и достигнуть научных результатов, отвечающих задачам времени. Это предопределяет то, что в повестке дня гуманитарной науки по-прежнему остаются актуальными задачи более глубокого и объективного анализа основополагающего постулата в просветительском мировоззрении и практике И.Я. Яковлева.

Литература и источники

¹ Кузнецов И.Д. Деятельность И.Я. Яковлева по национальному подъему чувашей // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 42. С. 15–29; Димитриев В.Д. И.Я. Яковлев – поборник сближения народов // Учен. зап. / ЧНИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 42. С. 30–46; Его же. Об историческом значении просветительской деятельности И.Я. Яковлева // Известия Академии

наук Чувашской Республики. 1993. № 1. Гуманитарные науки. Вып. 1. С. 25–36; *Его же*. Просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев: сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002; *Тенюшев И.Я.* И.Я. Яковлев – публицист. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990; *Его же*. Свет яркой звезды. Чебоксары: Фонд ЧИЭМ Спб ГПУ, 2008; *Хузангай А.П.* И.Я. Яковлев и мы. Готовы ли мы понять его заветы? // Советская Чувашия. 1991. № 118. 15 июня; *Его же*. «Обрушение чуваш», или «чувашское народное дело»? // Республика. 1998. № 15. 9–15 апр. С. 14; № 17. 23–28 апр. С. 10; *Его же*. Мировоззрение И.Я. Яковлева в контексте официальной идеологии, русского мессианизма и чувашского национализма // И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества: тезисы докладов междунар. науч. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1998. С. 266–269; *Его же*. Мифологические концепты об И.Я. Яковлеве в контексте официальной идеологии, русского и чувашского национализмов. Опыт деконструкции яковлевского дискурса // И.Я. Яковлев и проблемы яковлеведения: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. С. 10–18; *Его же*. И.Я. Яковлев и Н.В. Никольский (Опыт ретроспективного анализа исторического поведения личностей) // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века: материалы конференции, посвященной 125-летию со дня рождения ученого. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 7–25; *Клементьев В.Н.* Просветительство И.Я. Яковлева как фактор формирования национального самосознания чувашского народа // И.Я. Яковлев – просветитель народов Поволжья и Приуралья: статьи и материалы Межрегионал. научно-практич. конф., посвященной 160-летию со дня рождения И.Я. Яковлева. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 16–39; *Плечов Г.Н.* Против искажений исторической правды об И.Я. Яковлеве. Чебоксары, 2014.

² *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: Воспоминания. М.: Республика, 1997. С. 240.

³ *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. I. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. С. 41.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 51.

⁶ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 426.

⁷ *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении: Из переписки. Ч. 2. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1998. С. 246.

⁸ *Димитриев В.Д.* Об историческом значении просветительной деятельности И.Я. Яковлева. С. 28.

⁹ *Ремнев А., Суворова Н.* «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или сомнительные культрегеры // Изобретение империи: языки и практика. М.: Новое изд-во, 2011. С. 126.

¹⁰ *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении. С. 246.

¹¹ Там же.

¹² *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 179.

¹³ *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое лит. обозрение, 2006. С. 168.

¹⁴ *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. I. С. 217.

¹⁵ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь: Воспоминания. С. 163.

¹⁶ *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. I. С. 217.

¹⁷ *Гераси Р.* Окно на Восток: национальные и имперские идентичности в бывшей царской империи. На правах рукописи. [Нью-Йорк]: Изд-во Корнельского ун-та, 2009. С. 116.

¹⁸ *Яковлев И.Я.* По поводу заметки земского начальника С.Я. о земских инородческих школах // *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 121–136; *Его же*. К вопросу об инородческой миссии в Поволжье // Там же. С. 227–301; *Его же*. Современные вопросы и нужды в деле просвещения // *Яковлев И.Я.* Современные вопросы инородческого просвещения: сб. статей. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1907. С. 1–26; *Его же*. Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы (По случаю сорокалетия, 1868–1908 гг.). Симбирск: Губерн. тип., 1908; *Его же*. Письмо А.С. Михайлову 23 января 1914 г. // *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. I. С. 234–235; *Его же*. Письмо В.И. Ленину 12 (25) ноября 1918 г. // Письма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. С. 23–38.

¹⁹ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. Т. 2. И–О. СПб., 1881. С. 616.

- ²⁰ *Таймасов Л.А.* Н.И. Ильминский и проблема духовного обрусения крещеных народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX вв. // *Русский вопрос: история и современность: материалы VI Международ. научно-практич. конф.* (Омск, 1–2 ноября 2007 г.). Омск: Наука, 2007. С. 430.
- ²¹ *Бобровников Н.А.* К вопросу о переводах на инородческие языки // *Известия по Казанской епархии.* 1904. № 44. 22 ноября. С. 1484.
- ²² *Еп. Андрей.* Об обрусении (по поводу заметки «Церковного вестника» на эту тему) // *Сотрудник Братства св. Гурия.* Казань, 1910. С. 60.
- ²³ *Яковлев И.Я.* Современные вопросы и нужды в деле просвещения. С. 2.
- ²⁴ *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. I. С. 235.
- ²⁵ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. X. Ед. хр. 678. Л. 238.
- ²⁶ *Яковлев И.Я.* Современные вопросы и нужды в деле просвещения. С. 16.
- ²⁷ Там же. С. 17.
- ²⁸ *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 256.
- ²⁹ *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении. С. 246.
- ³⁰ Там же. С. 361.
- ³¹ *Яковлев И.Я.* Письма. С. 28.
- ³² *Яковлев И.Я.* Становление системы образования чувашского народа. С. 125.
- ³³ *Яковлев И.Я.* Верьте в Россию и любите ее / сост. Л.П. Кураков, Н.Г. Краснов. 2-е изд., испр. и доп. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 33.
- ³⁴ *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. I. С. 85.
- ³⁵ Цит. по: *Тенюшев И.Я.* И.Я. Яковлев – публицист. С. 73.
- ³⁶ *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. I. С. 52–53.
- ³⁷ Там же. С. 52.
- ³⁸ Там же. С. 53.
- ³⁹ *Яковлев И.Я.* Письма. С. 27.
- ⁴⁰ *Яковлев И.Я.* Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы (По случаю сорокалетия, 1868–1908 гг.). С. 4.
- ⁴¹ *Яковлев И.Я.* Современные вопросы и нужды в деле просвещения. С. 2.
- ⁴² *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. I. С. 86.
- ⁴³ *Краснов Н.Г.* Иван Яковлев и его потомки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1998. С. 269.
- ⁴⁴ *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. I. С. 52.
- ⁴⁵ *Яковлев И.Я.* Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы (По случаю сорокалетия, 1868–1908 гг.). С. 4, 5.
- ⁴⁶ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 519. Л. 161.
- ⁴⁷ *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. I. С. 86.
- ⁴⁸ Там же. С. 53.
- ⁴⁹ *Яковлев И.Я.* Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы (По случаю сорокалетия, 1868–1908 гг.). С. 5–6.
- ⁵⁰ Цит. по: *Кузнецов И.Д.* Деятельность И.Я. Яковлева по национальному подъему чувашей. С. 23.
- ⁵¹ *Яковлев И.Я.* С думой о народном просвещении. С. 246.
- ⁵² *Яковлев И.Я.* Духовное завещание чувашскому народу. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1992. С. 15.
- ⁵³ *Яковлев И.Я.* Письма. С. 26.
- ⁵⁴ *Крот М.Н.* Понятие «русификация» в историческом и исследовательском контексте: содержание, подходы, оценки // *Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли: словарь понятий: сб. статей.* Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ, 2020. С. 52.
- ⁵⁵ *Пирсон Р.* Привилегии, права и русификация // *Ab imperio.* 2003. № 3. С. 43.
- ⁵⁶ *Артемов Ю.М.* Страсть к полемике: статьи, рецензии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 46.
- ⁵⁷ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. С. 62.

- ⁵⁸ Яковлев И.Я. Верьте в Россию и любите ее. С. 35.
- ⁵⁹ Яковлев И.Я. Из переписки. Ч. I. С. 52.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же. С. 218.
- ⁶³ Яковлев И.Я. С думой о народном просвещении. С. 361.
- ⁶⁴ Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // *Ab imperio*. 2002. № 2. С. 145.
- ⁶⁵ Нехорошие Т.М. Понятие «обрусение» в трактовке профессора П.В. Знаменского // *Ученые записки Казанского университета*. 2022. Т. 164. Кн. 3. С. 205–206. (Серия гуманитарные науки).
- ⁶⁶ Яковлев И.Я. Современные вопросы и нужды в деле просвещения. С. 2.
- ⁶⁷ Яковлев И.Я. Верьте в Россию и любите ее. С. 32, 52.
- ⁶⁸ Яковлев И.Я. Из переписки. Ч. I. С. 235.
- ⁶⁹ Яковлев И.Я. Становление системы образования чувашского народа. С. 127.
- ⁷⁰ Яковлев И.Я. С думой о народном просвещении. С. 246.
- ⁷¹ Гераси Р. Указ. соч. С. 346.
- ⁷² Яковлев И.Я. Современные вопросы и нужды в деле просвещения. С. 2, 3.
- ⁷³ Чичерина С.В. У приволжских инородцев: путевые заметки. СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1905. С. 364.
- ⁷⁴ Гераси Р. Указ. соч. С. 351; Миллер А. Русификации: классифицировать и понять. С. 139.
- ⁷⁵ Яковлев И.Я. Из переписки. Ч. I. С. 218.
- ⁷⁶ Яковлев И.Я. Становление системы образования чувашского народа. С. 126.
- ⁷⁷ Яковлев И.Я. С думой о народном просвещении. С. 361.
- ⁷⁸ Яковлев И.Я. Письма. С. 27.
- ⁷⁹ Краснов Н.Г. Иван Яковлевич Яковлев. Жизнь – деятельность – педагогические идеи. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976; *Его же*. Иван Яковлев и его потомки; *Тенюшев И.Я.* И.Я. Яковлев – публицист; *Его же*. Свет яркой звезды; *Димитриев В.Д.* Просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев; *Плечов Г.Н.* Против искажений исторической правды об И.Я. Яковлеве; *Его же*. Основные вехи и социально-просветительное содержание деятельности инспектора чувашских школ И.Я. Яковлева: хронологически-документальное исследование. Чебоксары, 2016.
- ⁸⁰ А.О. Шестидесятилетний юбилей чувашской культуры // *Известия*. 1928. № 241. 16 окт. С. 5.
- ⁸¹ Петров-Юман Д. Чуваш в борьбе за культуру // Там же. № 240. 14 окт. С. 6.
- ⁸² Юман М. Хаватлă ёмёр // *Сунтал*. 1928. № 11. С. 3–7.
- ⁸³ Иванов А. Чăваш шкулĕ, чăваш чĕлхи, чăваш сыруллахĕ // *Халăха вĕрентес ёс*. 1929. № 2. С. 35–43.
- ⁸⁴ Юшунев Н. Ёлĕк пулнă Чĕмпĕрти чăваш шкулĕ сĕнчен // *Сунтал*. 1928. № 10. С. 2–4; *Уйнах*. Иван Яковлев сĕнчен // *Пирĕн ял*. 1928. № 41. Октябрь, 12. С. 3.
- ⁸⁵ Сергеев М. Чĕмпĕрти чăваш шкулĕпе И.Я. Яковлев // *Сунтал*. 1928. № 10. С. 1–2; *Его же*. И.Я. Яковлевпа Чĕмпĕрти чăваш шкулĕн юбилейĕ // *Чăваш хресченĕ*. 1928. № 41. Октябрь, 12. С. 1.
- ⁸⁶ Михайлов А. Аслă ватă сын // *Чăваш хресченĕ*. 1928. № 41. Октябрь, 12. С. 2.
- ⁸⁷ Кузнецов И.Д. Из истории Чувашии // *Советская Чувашия*. М.: Соцэкгиз, 1933. С. 24, 25.
- ⁸⁸ Сталин И.В. О проекте Конституции Союза ССР. Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов. 25 ноября 1936 г. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1945. С. 10.
- ⁸⁹ Вдовин А.В. Формирование основ и эволюция советской национальной политики. 1917–1941 // *Отечественная история XX века: экономическая, политическая и социальная жизнь, преподавание в вузе: Материалы междунар. конф., посвященной 70-летию доктора исторических наук, профессора Владимира Зиновьевича Дробизева* / отв. ред. Е.И. Пивовар; Центр теоретических проблем исторической науки МГУ. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. С. 130.

- ⁹⁰ Там же. С. 138–139.
- ⁹¹ *Одюков И.И.* Образ И.Я. Яковлева в чувашской литературе // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 42. С. 138.
- ⁹² НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 147. Л. 9, 12.
- ⁹³ Иван Яковлевич Яковлев. 1848–1930 / под ред. проф. Ф.Н. Петрова. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948. С. 118–119.
- ⁹⁴ *Ислюков С.* Решительно улучшить научно-исследовательскую работу в области истории и языка чувашского народа // Красная Чувашия. 1950. № 238. 2 дек. С. 2.
- ⁹⁵ *Маркелов И. И.Я.* Яковлев – поборник дружбы между чувашским и русским народом // Дружба. Альманах. Чебоксары, 1959. № 7. С. 215; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 464. Л. 15–16, 23, 27, 31–34, 44–45.
- ⁹⁶ *Кузнецов И.Д.* За расцвет национальной культуры (С научной конференции по орфографии и терминологии чувашского языка) // Красная Чувашия. 1935. № 161. 17 июля. С. 3.
- ⁹⁷ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 464. Л. 66, 70.
- ⁹⁸ *Канюков В.Я.* Развитие дореволюционной культуры чувашского народа и ее взаимосвязи с русской культурой // О дореволюционной культуре чувашского народа. Ученые записки ЧНИИ. Вып. XV. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 36.
- ⁹⁹ *Яковлев И.Я.* Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы (По случаю сорокалетия, 1868–1908 гг.). С. 5.
- ¹⁰⁰ *Димитриев В.Д.* Заметки о личном архиве И.Я. Яковлева // О дореволюционной культуре чувашского народа. Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. XV. С. 223.
- ¹⁰¹ К вопросу об оценке идейного наследства И.Я. Яковлева // Советская Чувашия. 1964. № 287. 9 дек. С. 2.
- ¹⁰² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 703. Л. 6–7.
- ¹⁰³ Там же. Л. 7–8.
- ¹⁰⁴ Там же. Л. 8.
- ¹⁰⁵ Там же. Л. 12.
- ¹⁰⁶ Там же. Л. 13.
- ¹⁰⁷ Там же. Л. 13–14.
- ¹⁰⁸ Там же. Л. 14.
- ¹⁰⁹ Там же. Л. 19–20.
- ¹¹⁰ Там же. Ед. хр. 702. Л. 233–234.
- ¹¹¹ Двадцать второй съезд КПСС. Москва 17–31 октября 1961. Программа коммунистической партии Советского Союза // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. М.: Политиздат, 1986. С. 163, 165.
- ¹¹² *Кузнецов И.Д.* Деятельность И.Я. Яковлева по национальному подъему чувашей // Учен. зап. / ЧНИИ. Вып. 42. С. 24, 29.
- ¹¹³ *Димитриев В.Д.* И.Я. Яковлев – поборник сближения народов. С. 31.
- ¹¹⁴ Там же. С. 34.
- ¹¹⁵ Там же. С. 36.
- ¹¹⁶ Там же. С. 37.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Там же. С. 45.
- ¹¹⁹ Отчет о состоянии сельскохозяйственной фермы Симбирской чувашской учительской школы за 1912 г. Симбирск: Тип. А.П. Балакиришкова, 1913. С. 136.
- ¹²⁰ На память о сорокалети Симбирской чувашской школы (28 октября 1868–1908 гг.). Симбирск: Типолит. А.Т. Токарева, 1910. С. 6.
- ¹²¹ *Димитриев В.Д.* И.Я. Яковлев – поборник сближения народов. С. 44.
- ¹²² Там же. С. 45.
- ¹²³ Там же. С. 36, 37, 42, 46.
- ¹²⁴ *Плечов Г.Н., Краснов Н.Г.* Предисловие // *Яковлев И.Я.* Из переписки. Ч. I. С. 9.
- ¹²⁵ Там же.

- ¹²⁶ *Тенюшев И.Я.* И.Я. Яковлев – публицист.
- ¹²⁷ Там же. С. 59, 75.
- ¹²⁸ Там же. С. 78.
- ¹²⁹ Там же. С. 77.
- ¹³⁰ Там же. С. 50, 73–74.
- ¹³¹ *Хузангай А.П.* И.Я. Яковлев и мы. С. 2.
- ¹³² *Хузангай А.П.* Мифологические концепты об И.Я. Яковлеве в контексте официальной идеологии, русского и чувашского национализмов. С. 13.
- ¹³³ *Хузангай А.П.* И.Я. Яковлев и Н.В. Никольский. С. 23.
- ¹³⁴ *Хузангай А.П.* Мировоззрение И.Я. Яковлева в контексте официальной идеологии, русского мессианизма и чувашского национализма. С. 268.
- ¹³⁵ *Хузангай А.П.* «Обрусение чуваш», или «чувашское народное дело»? С. 10.
- ¹³⁶ См.: *Яковлев Ю.В.* Особенности восприятия Иваном Юркиным и Иваном Яковлевым идей русского национализма // Диалог культур: проблемы художественного сознания. Чебоксары, 2000. С. 91–101; *Его же.* Духовное пространство Ивана Юркина: в экзистенциально-чувашском контексте и на фоне иных культурных, духовных сфер. Чебоксары: ЧГИГН, 2010; *Его же.* Хамър чăваш сынне сыртар чăвашла, хамър чăваш сыннине сĕклесе яма // Тăван Атăл. 2013. № 4. С. 96–103.
- ¹³⁷ *Артемов Ю.М.* Перечитывая Яковлева // Народная школа. 1998. № 2. С. 7.
- ¹³⁸ *Тенюшев И.Я.* Свет яркой звезды. С. 87.
- ¹³⁹ Там же. С. 136.
- ¹⁴⁰ *Матвеев Г.М.* Мировоззрение И.Я. Яковлева // Дело его жизни. Чебоксары; Ульяновск, 1998. С. 47.
- ¹⁴¹ *Волков Г.Н.* И.Я. Яковлев как духовный отец чувашской нации, как ее апостол и пророк // И.Я. Яковлев и духовный мир современного многонационального общества. С. 13.
- ¹⁴² *Герасимова Н.И.* Истоки формирования чувашской национальной интеллигенции (культурологический аспект) // И.Я. Яковлев и проблемы яковлеведения. С. 61–62.
- ¹⁴³ *Клементьев В.Н.* Просветительство И.Я. Яковлева как фактор формирования национального самосознания чувашского народа. С. 34.
- ¹⁴⁴ *Димитриев В.Д.* Об историческом значении просветительной деятельности И.Я. Яковлева. С. 29.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 30.
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ *Димитриев В.Д.* Заметки о личном архиве И.Я. Яковлева. С. 223.
- ¹⁴⁸ *С.М.П. Н.И. Ильминский и его просветительная система* // Николай Иванович Ильминский: сб. статей. По поводу 25-летия со дня кончины его (27 декабря 1891 г.). Казань: Централ. тип., 1916. С. 105.
- ¹⁴⁹ *Димитриев В.Д.* Об историческом значении просветительной деятельности И.Я. Яковлева. С. 34.
- ¹⁵⁰ *Димитриев В.Д.* Просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев.
- ¹⁵¹ Там же. С. 5.
- ¹⁵² Там же. С. 45, 47, 50–51.
- ¹⁵³ Там же. С. 51.
- ¹⁵⁴ *Яковлев И.Я.* Краткий очерк Симбирской чувашской учительской школы (По случаю сорокалетия, 1868–1908 гг.). С. 5; *Его же.* Из переписки. Ч. I. С. 218.
- ¹⁵⁵ *Димитриев В.Д.* Просветитель чувашского народа И.Я. Яковлев. С. 59.
- ¹⁵⁶ *Прокопьев И.П., Плечов Г.Н.* Русский вопрос в теории и практике И.Я. Яковлева // Дело его жизни: сб. науч. статей, посвященных 160-летию И.Я. Яковлева. Чебоксары: РГУП, 2008. Вып. 3. С. 54–55.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 62.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 64.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 63.
- ¹⁶⁰ *Плечов Г.Н.* Против искажений исторической правды об И.Я. Яковлеве. Чебоксары, 2014.

¹⁶¹ Там же. С. 79.

¹⁶² Там же. С. 91.

¹⁶³ Там же. С. 92.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ *Иванов В.П.* Реализация системы Н.И. Ильминского и проблема этнической идентичности чувашей // Н.И. Ильминский и этнокультурное развитие народов Поволжья: материалы Всерос. научно-практич. конф. (г. Чебоксары, 16 сентября 2022 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров, А.П. Долгова. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 206.

¹⁶⁶ *Канпелер А.* Чуваш. Народ в тени истории / пер. с нем. Е.В. Толстой; науч. ред. Л.А. Таймасов. Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. С. 128, 130.

¹⁶⁷ *Иванова Т.Н., Тюнтеров О.С.* Оценка личности и деятельности чувашского просветителя И.Я. Яковлева в современной зарубежной историографии // Н.И. Ильминский и этнокультурное развитие народов Поволжья: материалы Всерос. научно-практич. конф. (г. Чебоксары, 16 сентября 2022 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 61.

¹⁶⁸ Там же. С. 63.

¹⁶⁹ Там же. С. 64.

¹⁷⁰ Там же. С. 65.

¹⁷¹ Там же. С. 67.

V.N. Klementyev

**THE CONCEPT OF «SPIRITUAL RUSSIFICATION»
IN THE EDUCATIONAL PROJECT I.YA. YAKOVLEVA:
ON THE ISSUE OF CONTENT AND INTERPRETATIONS**

The article deals with the question of the essence, content, structure of the fundamental concept of «spiritual Russification» in the enlightenment of I.Ya. Yakovlev. The characteristic of interpretations, interpretations, semantic meanings of this category in the scientific literature about the national educator of the Chuvash people is given.

Keywords: I.Ya. Yakovlev, enlightenment, concept, «spiritual Russification», «foreigners», Chuvash, Russification, assimilation, national identity, Yakovlev studies, interpretation, interpretation.

ЧГВ, 2023 г., № 18
© Ю.В. Гусаров

**В.К. МАГНИЦКИЙ И И.Я. ЯКОВЛЕВ:
ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ
ДВУХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ**

Рассказывается о взаимоотношениях В.К. Магницкого и И.Я. Яковлева, принадлежавших к конкурирующим лагерям чувашского просветительства. Будучи сторонником Н.И. Золотницкого, издававшего чувашские книги на основе русского алфавита, Магницкий выступал против яковлевской транскрипции. В 1880 г. между просветителями установились заочные контакты, которые укрепились за счет служебного взаимодействия в качестве инспекторов Казанского учебного округа. В 1890 г. между Яковлевым и Магницким произошел конфликт на служебной почве. Несмотря на разногласия и личные обиды, Магницкий и Яковлев успешно сотрудничали на поприще народного просвещения.

Ключевые слова: И.Я. Яковлев, В.К. Магницкий, Н.И. Золотницкий, система Ильминского, новая чувашская письменность, история народного образования.

Чувашское просветительство было сложным и неоднородным общественно-политическим движением. Между отдельными его деятелями подчас складывались непростые личные отношения. В полной мере это относится к В.К. Магницкому и И.Я. Яковлеву.

Притом, что биографии двух видных деятелей культуры хорошо изучены, степень их близости характеризуется полярно: Н.Г. Краснов пишет о «холодных отношениях» между ними с 1860-х гг., добавляя, что после смерти Н.И. Золотницкого первый «стал главным проводником антияковлевской пропаганды»¹; Д.В. Абашева называет первого сподвижником второго². Рассмотрим, как развивались отношения между ними на самом деле.

На заре своей просветительской деятельности Яковлев предпринял две попытки сближения с Магницким, к тому времени заявившим о себе как исследователе быта чувашей. В 1874 г., будучи студентом, он через И.А. Износкова подарил Магницкому свой чувашский букварь³. Отклика не последовало, поскольку ранее Магницкий примкнул к сторонникам Н.И. Золотницкого. В 1876 г. Яковлев, занимавший уже должность инспектора чувашских школ Казанского учебного округа, заехал к Магницкому для личного знакомства, но тот отсутствовал дома⁴. Забегая вперед, ска-

Юрий Владимирович Гусаров – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник секции истории исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: gsr63@yandex.ru.

жем, что контакты между ними установились только в 1880 г. – уже по инициативе Магницкого.

История же знакомства Магницкого с Золотницким такова. В начале 1860-х гг. первый, служивший судебным следователем 2-го участка Чебоксарского уезда Казанской губернии, занялся чувашской этнографией и в силу плохого знания чувашского языка ощутил нужду в наставнике для перевода и редактирования чувашских текстов. «После долгих колебаний», в ноябре 1867 г. он написал Золотницкому, которого знал как инспектора чувашских школ (являлся им в 1867–1871 гг.) и автора чувашских учебных книг, письмо с предложением сотрудничества. Золотницкий принял приглашение, сообщив, что знает о научных занятиях Магницкого по его рецензии на свою «Чуваш кнеге», бесед с его отцом и сестрами и др.⁵ Так началась их переписка, продолжавшаяся до смерти Золотницкого.

В 1868 г. Золотницкий предложил своему корреспонденту встретиться для личного знакомства, от чего тот уклонился. Два года спустя Магницкий оправдывался, что помехой для встречи стала болезнь глаз⁶. Думаем, однако, что свою роль сыграло «литературное препирательство» (выражение этнографа) между ними: Золотницкий возразил на критику Магницкого, последний ответил. Характер дискуссии передает авторское название ответной статьи Магницкого – «Пререкания по инородческому делу»⁷, из которой редакция газеты убрала первое слово. В том же письме, делая шаг к примирению, Магницкий предложил Золотницкому встретиться на пароходе⁸, что по неизвестной причине не состоялось. В 1872 г., проявляя настойчивость, этнограф признался Золотницкому, что верил нелестным толкам о знании им чувашского языка, распространяемым его оппонентами, но, прочитав появившиеся в печати отрывки из «Корневого чувашско-русского словаря», убедился в обратном. Разузнав адрес просветителя, Магницкий попросил разрешения навестить его в Казани⁹. Личное их знакомство состоялось в 1874 г.¹⁰ и быстро переросло в тесную дружбу. Все эти годы Золотницкий редактировал труды Магницкого. Последний так уповал на него, что, как писал, «по недостатку времени» не овладел его транскрипцией¹¹, по крайней мере, до середины 1870-х гг.

Яковлев и Золотницкий являлись сторонниками Н.И. Ильминского и одновременно – конкурентами за лидерство в чувашском просветительстве. Первый в 1871 г. разработал алфавит, передающий фонетические особенности чувашского языка, что положило начало новой чувашской письменности, второй за несколько лет до этого приступил к изданию чувашских книг на основе русского алфавита. Переводческая комиссия при Братстве св. Гурия (оба просветителя сотрудничали с ней в качестве переводчиков) стала печатать переводы Яковлева наряду с книгами Золотницкого и его учеников; в 1872 г. яковлевский «Букварь для чуваш» был одобрен для использования в чувашских школах¹². Все это нанесло сильный удар по позициям Золотницкого.

Соперничество двух просветителей было отягощено неприязненными личными отношениями. Еще в 1867 г. Яковлев опубликовал рецензию на

чувашский календарь Золотницкого, указав на неточности перевода из-за недостаточного знания автором чувашского языка¹³. В 1870 г. в Казани он познакомился с Золотницким, который предстал перед ним в неряшливом виде. К тому времени Яковлев был наслышан о пьянстве и хвастовстве Золотницкого-инспектора, что вкупе породило в нем чувство антипатии¹⁴.

При этом первое время Яковлев положительно оценивал служебную деятельность Золотницкого: в 1871 г., узнав о его отставке, написал: «Это очень жалко, он хоть что-нибудь да делал, а теперь и того не будет. Дорогое и удобное дело для просвещения чуваш пройдет бесследно и даром»¹⁵. Позднее его отношение к коллеге кардинально изменилось. В мемуарах Яковлев заявил, что работа Золотницкого-инспектора не оставила следов в истории просвещения чувашского народа. «Золотницкий знал чувашский язык плохо, – писал он. – И, тем не менее, он писал о чувашском языке более чем я, кричал в его пользу более, чем Н.И. Ильминский». Яковлев называл Золотницкого «хитрым» человеком, пристроившимся к «инородческому делу» и к Ильминскому, который по доброте души принимал участие в его судьбе и оказывал покровительство¹⁶. Золотницкий платил оппоненту той же монетой. Д.Ф. Филимонов, встречавшийся с Золотницким в 1873 г., вспоминал, что тот высказывался о Яковлеве «неприязненно»¹⁷. Соперничество между Золотницким и Яковлевым привело к размежеванию среди чувашских просветителей.

В марте 1875 г. Магницкий через Золотницкого передал редактору «Казанских губернских ведомостей» Н.Ф. Юшкову две статьи: свою о «расколе в чувашском правописании» и М.Ф. Федорова о чувашских преданиях со своими примечаниями. Юшков принял их «благодарно», но предупредил, что у него набралось много материалов для публикации¹⁸. Статьи на страницах газеты не появились (вторая в следующем году была напечатана в «Известиях по Казанской епархии»). Магницкий терялся в догадках, что стало причиной этому: признание статьи негодной для публикации, переполненность редакционного портфеля или запрет цензуры¹⁹? Ясность внес Золотницкий, написавший, что на рождественских праздниках 1876 г. Юшков сообщил ему, что не может напечатать статью Магницкого «как очень резкую»²⁰.

Статья не сохранилась, и ее содержание неизвестно. Возможно, Золотницкий использовал ее при описании «недоразумения» с двумя «системами» транскрипции чувашских переводов, создающего «неудобства» в чувашских школах, которое самовольно включил в отчет Братства св. Гурия за 1877 г. В отчете говорилось, что Золотницкий, строго следуя «Правилам о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г., держался «в возможной степени ближе к русскому правописанию», Яковлев же для передачи фонетических особенностей чувашского языка с разрешения своего начальства*

* Имеется в виду попечитель Казанского учебного округа П.Д. Шестаков, поддержавший издание «инородческих» переводов на основе кириллицы с добавочными буквами, и оказывавший Яковлеву содействие в издательской деятельности. – ИОАИЭ. Казань, 1880. Т. 2. С. 60–61; Машанов М.А. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892. Казань, 1892. С. 134.

изобрел буквы «с хвостиками». Сообщалось о затруднениях русских читателей при чтении яковлевских книг из-за новых букв, а у чувашских – русских, из-за отсутствия ряда русских букв в чувашском алфавите. В заключение от имени Совета Братства было высказано пожелание, чтобы в изданиях Переводческой комиссии Братства св. Гурия использовалась транскрипция, принятая «опытными переводчиками»: Золотницким для чувашских книг и Ильминским – для татарских и марийских, к которой со временем, возможно, «примкнет» и Яковлев²¹.

Подлог Золотницкого содержал обвинение Яковлева и попечителя П.Д. Шестакова «чуть не в государственной измене»²², на что первый из них отреагировал немедленно, доложив Ильминскому, попечителю и казанскому архиепископу Антонию о подлости и клевете своего оппонента. Разразился скандал, вскоре после которого Шестаков прекратил сотрудничество с Братством св. Гурия²³.

Причиной демарша Золотницкого послужил его конфликт с Яковлевым, в который были втянуты Ильминский и Шестаков. События развивались следующим образом. В конце 1875 г. Яковлев, входя в новую для себя должность инспектора, совершил объезд подведомственных чувашских школ Казанского учебного округа. Золотницкий писал, что при этом он «без зазрения совести и без всякого стыда повсюду блевал... грязью» на своего предшественника. Эти несдержанные и излишне эмоциональные слова не наговор: по рассказу учителя М.Ф. Федорова, при посещении Бичуринского училища Чебоксарского уезда Яковлев-инспектор «слишком резко» отзывался о Золотницком²⁴.

В конце декабря 1875 г. Золотницкий «все подробно рассказал и разъяснил» Н.И. Ильминскому, чем «расстроил его миролюбивую душу до последней степени», а в январе 1876 г. доложил о поведении Яковлева П.Д. Шестакову. Желая «гораздо резче» «очертить» раскол, учиненный Яковлевым, при рассказе «кто каким путем идет в одном и том же деле», показал попечителю рукописный русско-чувашский словарь Магницкого, который тот «внимательно» перелистал. Шестаков предоставил на усмотрение просителя призвать Яковлева «к суду юридическому или к ответу в печати». Поблагодарив его за откровенность, заявил, что «выходки Яковлева положительно вредны в педагогическом отношении», и добавил: «Я как попечитель обязан сделать ему как служащему вразумление и внушение, что он подобными выходками опозорил себя, будучи обязан не унижать Вас, а относиться к Вам как к предместнику и деятелю заслуженному, и рекомендовать своим подчиненным обращаться к Вам как к опытному педагогу». Далее сообщил, что приказал Яковлеву «снова изменить чувашскую орфографию» (изменения в алфавит тот вносил в 1872 и 1873 гг.). Разговор с попечителем успокоил Золотницкого²⁵, но последствий для него не имел.

В 1876 г. Магницкий, «сознавая себя, – как писал, – давно плохим юристом» и мечтая о должности инспектора народных училищ²⁶, зондировал почву на предмет перехода на службу в ведомство Министерства народного

просвещения (МНП). В июле того же года директор народных училищ Казанской губернии И.А. Износков сообщил Магницкому, что к тому как-то заезжал Яковлев и очень жалел, что не застал хозяина дома. Износков посоветовал Магницкому похлопотать о месте инспектора через Яковлева, но с непременным условием: обратить пристальное внимание на его книги и «хорошенько усвоить правописание, им принятое», потому что они (книги) обязательны для чувашских школ. Износков рекомендовал товарищу, как отчасти знающему чувашский язык, проситься в участок с чувашским населением, но для этого требовалось, чтобы «окружной инспектор чувашских школ вполне убедился бы, что вы будете действовать в том же направлении, в каком он действует»²⁷.

Магницкий не внял дружескому совету. Заочное знакомство двух просветителей состоялось только в декабре 1880 г., когда Магницкий, лишившийся со смертью Золотницкого помощника по чувашскому языку, в своей манере обращаться к незнакомому человеку с просьбой, написал Яковлеву письмо с предложением сотрудничества. Проинформировав о своей прежней и нынешней службе, сообщил, что со времен студенчества Яковлева знает его как составителя, переводчика и издателя чувашских книг, а он его, возможно, как автора этнографических статей о чувашах. Общность творческих интересов, писал этнограф, подвигнула его просить Яковлева исправить орфографию чувашского текста, перевести его на русский язык и объяснить значение старинных чувашских слов в рукописи «Материалы к объяснению старой чувашской веры», поскольку сам он чувашский язык знал плохо. Магницкий писал, что эту работу брался выполнить Золотницкий, но не сдержал обещания²⁸. Удивительно, с какой легкостью и быстротой Магницкий, позиционировавший себя идейным сторонником Золотницкого, заявил о готовности перейти под чужие знамена.

Ответное письмо Яковлева (если оно было) не сохранилось, и чем он мотивировал свой отказ, мы не знаем. Возможно, служебной занятостью, к чему Магницкий был заранее готов²⁹. Книга же Магницкого вышла в следующем году под редакцией руководителя Миссионерского приюта при Казанском Спасо-Преображенском монастыре Е.А. Малова, привлекавшего к работе над ней знатоков чувашского языка, крестьян Н.Е. Ефимова и В. Якимова³⁰.

При жизни Золотницкого, вопреки очевидному, Магницкий отказывал чувашскому алфавиту в праве на существование. Сравнивая транскрипции Золотницкого и Яковлева, он писал: «Несколько особых знаков в орфографии чувашских слов употреблялось еще в прошлом столетии; но самый деятельный член Братства [св. Гурия], бывший инспектор чувашских школ Н.И. Золотницкий нашел возможным обойтись без них, а другой член того же Братства, бывший студент Казанского университета, ныне инспектор чувашских школ, чувашенин И.Я. Яковлев придумал свои и притом такие, каких нет в русском алфавите. Но последователей себе, оказывается, он не нашел никого, произведя, однако ж, раскол и антагонизм между учащи-

ми и учащимися единоплеменниками в Казанской учительской семинарии»³¹. Тут не все верно: во-первых, Золотницкий использовал буквы с диакритическими знаками («ӱ», «ӧ»), во-вторых, у Яковлева было множество сторонников. О последнем Магницкий, кстати, знал хорошо. «Оказывается, – делился он с Золотницким в 1876 г., – Яковлев имеет поклонников и в Чебоксарском уезде: определенный осенью в Тюрлеминское училище окончивший в семинарии воспитанник Бичуринского училища Введенский, будучи в семинарии сотрудником Яковлева по переводам, по рассказам, предпочитает его учебники»³².

Позиция Магницкого основывалась на вере в научный авторитет Золотницкого, которого он называл отцом и светилом «новой школы чувашефилов»³³. По мнению этнографа, только через 15 лет после смерти его учителя появился ученый, способный занять вакантное место: «Личность Н.И. Ашмарина меня до крайности интересует, – писал он И.Н. Юркину. – В его лице, кажется, будет преемник Н.И. Золотницкого по научному исследованию быта казанских инородцев»³⁴.

Насколько рьяным сторонником своего учителя был Магницкий, можно судить по его письму к Золотницкому от 10 апреля 1875 г. Направляя ему на редактирование свой труд, он писал, что как автор рассчитывает на то, чтобы «читающая публика нашла материал для знакомства с чувашским говором, а с другой – дать почувствовать Яковлеву, что его орфография не находит себе подражателей»³⁵.

Транскрипцию последнего Магницкий считал сложной для неподготовленных читателей («требует для умения читать предварительного навыка»³⁶), прежде всего русских, к которым принадлежал сам и большинство его единомышленников. Низовой же диалект, взятый Яковлевым в качестве опорного для чувашского литературного языка, этнограф, вслед за первым чувашским историком С.М. Михайловым, считал испорченным татарскими заимствованиями, в отличие от верхового. Здесь он расходился с Золотницким, использовавшим не верховой, а средненизовой диалект («чебоксарско-цивильское наречие»), отличающийся, по его словам, «правильностью форм, чистотою чувашских звуков и наименьшим заимствованием татарских слов»³⁷.

После смерти Золотницкого позиция этнографа по этому вопросу стала смягчаться. И хотя в 1885 г. он в очередной раз заявил, что деятели чувашского просветительства, «бывшие под непосредственным влиянием покойного Золотницкого, продолжают неприязненно относиться к изданиям, напечатанным так называемой яковлевской транскрипцией»³⁸, работы Ильминского о переводах на языки народов Поволжья убедили его в необходимости создания их алфавитов³⁹. В 1880-е гг. Магницкий отступал от транскрипции Золотницкого, как писал, «для облегчения чтения чувашского текста»⁴⁰. В эти годы в качестве помощников он стал привлекать знатоков чувашского языка из лагеря Яковлева. В 1888 г. по его просьбе Н.А. Александров скопировал этнографическую рукопись автора XVIII в.

К.С. Мильковича, снабдив ее примечаниями. Из-за отсутствия в типографии чувашского шрифта, в труде была использована транскрипция Золотницкого, что крайне огорчило Александрова⁴¹. В дальнейшем Магницкий продолжал обращаться к «новой транскрипции», то есть яковлевской, в печатных трудах и на письме, однако, по оценке Юркина, не смог овладеть ею в полной мере⁴².

На проверку надуманным оказался и тезис о трудности чтения яковлевских изданий. В 1897 г. Магницкий писал, что русские священники-миссионеры, не изучавшие чувашский язык, самостоятельно справляются с этой задачей⁴³. В том же убедил его и опыт отца. Этнограф вспоминал, что появление на смену книгам Золотницкого переводов Яковлева «с новой транскрипцией чувашских слов, с новыми загадочными буквенными знаками», поначалу поставило его отца, как и многих, «в тупик». Но К.Е. Магницкий не стал, подобно многим, их «прятать в ящик», а с помощью учеников Шуматовского сельского училища и работника-чуваша Михайлы научился читать и понимать⁴⁴.

В 1880-е гг. Магницкий и Яковлев сотрудничали как инспекторы училищ, о чем можно судить по их переписке. Скажем, в 1885 г. первый попросил второго подыскать учителей мордовской и чувашской национальностей для работы в новых школах, открываемых в Спасском уезде⁴⁵. При личных встречах, многие из которых проходили на квартире Магницкого⁴⁶, чиновники разговаривали не только на служебные темы. Этнограф писал, что в 1880-е гг. не раз слышал от Яковлева о его питомце Н.М. Охотникове, обладающем выдающимися математическими способностями⁴⁷.

В 1890 г. между Магницким и Яковлевым произошел конфликт на служебной почве, в результате которого пострадал первый. Магницкий так рассказал об этом Юркину: «С 1-го сентября я инспектор училищ Елабужского уезда Вятской губернии. Все это случилось непредвиденно из-за Яковлева, помимо моего желания, и так меня поразило, что я совсем пал духом и едва волочу ноги. Если бы не племянники, которых я содержу на свой счет, то я, не медля ни минуты, вышел бы в отставку. Хотел было я рассказать Вам, как было дело, но пока помолчу»⁴⁸.

История конфликта изложена в объяснительной записке Магницкого директору народных училищ Казанской губернии А.С. Никольскому. Из нее узнаем, что в 1886 г. по просьбе тогдашнего директора народных училищ И.А. Износкова Магницкий поменялся местами с инспектором училищ IV участка (Свияжский и Чебоксарский уезды) В.А. Казариновым, перешедшим в его I участок (Лаишевский, Спасский и Тетюшский уезды). Причиной перемещения Казаринова стали «принципиальные разногласия» с ним Яковлева «по вопросу о способах образования инородцев»⁴⁹ (в 1883 г. Яковлев жаловался Ильминскому, что Казаринов издевается над делом чувашского просвещения и над ним, Яковлевым, пуская в ход «всевозможные махинации и интриги»⁵⁰). Свое предложение Износков согласовал с Яковлевым. Кандидатуру Магницкого они сочли подходящей для работы в участке с чувашским и марийским населением, так как тот являлся урожен-

цем чувашского села, отчасти знал чувашский язык, был автором книги по чувашской этнографии и «убежденным единомышленником И.Я. Яковлева» по вопросу просвещения «иностранцев»⁵¹.

Подведомственность участка двум равноправным инспекторам порождала двоевластие и дезориентировала учителей училищ ведомства МНП, которые, как писал Магницкий, поддавались влиянию «не того инспектора, которому бы следовало»⁵². Яблоком раздора между двумя инспекторами стало Бичуринское двухклассное училище МНП. Оно содержалось на средства одной из самых бедных в Чебоксарском уезде Воскресенской волости, поэтому деньги на его ремонт Магницкий испрашивал из кредита дирекции народных училищ, а Яковлев – из сметы МНП на содержание фактически не существовавшего Пихтулинского двухклассного училища МНП Козьмодемьянского уезда. В 1888 г. при ремонте Бичуринского училища пришлось заменить сгнившие балки пола и нижние венцы стен, что не предусматривалось сметой. Заведующий училищем Е. Васильев оплатил расходы заемными средствами, в том числе удержаниями из зарплаты учителей. Последним он планировал вернуть долги из других статей расходов, но в том же году был перемещен Яковлевым в Сиктерминское одноклассное училище МНП Спасского уезда. Васильев обратился к Магницкому с просьбой оставить его в Бичурине на год для возвращения долгов. Тот по инстанции доложил Износкову, а последний сообщил Яковлеву, который в просьбе учителю отказал. По словам Магницкого, это стало «первым случаем разномыслия» его с Яковлевым с «оттенком... обоюдного затаенного неудовольствия».

Вскоре инспекторы разошлись в вопросе расходования средств, отпускаемых МНП на содержание ремесленного класса при Бичуринском училище, не существовавшего уже 10 лет. Опасаясь лишиться бюджетной статьи, Магницкий предложил обучать детей плетению корзин, получившему распространение в округе. Яковлев не согласился, порекомендовав коллеге адресную сумму «слить в общую» и тратить, не испрашивая разрешения, на покупку дров, как практиковалось ранее. Магницкий доложил об этом предложении Износкову, который не дал на него своего разрешения.

Заведующие училищами пытались скрывать от Магницкого нарушения финансовой отчетности (как можно думать, с ведома Яковлева). Так, в 1889 г. учитель Сергеев после проверки счетов сознался, что участок изгороди вокруг Бичуринского училища построен на остаток от кредита, отпущенного по представлению Яковлева на устройство ученических парт, а не на пожертвования учителей, как уверял ранее. Летом 1890 г. изгородь была достроена на деньги, удержанные из жалованья учителя М. Егорова с его согласия⁵³. К Егорову мы вернемся, здесь же заметим, что в свое время А.С. Никольский и участковый инспектор В.А. Ислентьев жаловались министру просвещения, что Яковлев устанавливает в чувашских школах свои порядки⁵⁴.

С расширением сети школ и ухудшением благосостояния крестьян уменьшались средства, выделяемые сельскими обществами на их содер-

жание и ремонт. В 1890 г. в поисках новых источников финансирования Магницкий добился учреждения должности почетных попечителей при одно- и двухклассных училищах ведомства МНП своего участка и поднял вопрос о возвращении к целевому использованию училищных капиталов при волостных правлениях, незаконно расходовавшихся на другие цели. Быстрого результата это не дало, и практика долговых заимствований из жалования учителей (не всегда добровольных) была продолжена, о чем в июле 1890 г. Магницкий устно доложил А.С. Никольскому. Последнее тревожило его, как отвечающего за порядок расходования казенных средств. На его ответственность в этом вопросе указал и Яковлев, подавший в ответ на устный доклад Магницкого письменное объяснение попечителю Казанского учебного округа. Магницкий писал, что все свои хозяйственные распоряжения согласовывал с Яковлевым как письменно, так и устно при личных встречах, поэтому его «крайне смущает» их характеристика, данная последним попечителю⁵⁵.

Докладная записка Магницкого датирована 31 августа 1890 г., но еще 28 августа приказом попечителя Казанского учебного округа Н.Г. Потапова он был переведен на новое место службы с 1 сентября⁵⁶. Как видим, попечитель принял решение на основании объяснений Яковлева. В сентябре 1891 г. Магницкий встретился с Потаповым при посещении им Елабуги, но оба «не сделали друг другу и намека» на обстоятельства служебного перевода первого⁵⁷.

Закулисную сторону этой истории приоткрывают воспоминания Магницкого о Н.М. Охотникове и книга Юркина «Враг чувашей». Этнограф вспоминал, что в конце мая 1890 г. Охотников посетил его вместе с товарищем, уроженцем с. Воскресенские Шигали Цивильского уезда М. Егоровым, и сообщил, что тот с февраля работает учителем Бичуринского училища и все это время ежемесячно по приказанию расписывается в зарплатной ведомости о получении 25 руб., из которых 20 руб. передает заведующему училищем на школьную изгородь. Учитель обратился к Магницкому за помощью, как ведающему выпиской денег на жалование учителям⁵⁸. Юркин вспоминал, что на возражение Магницкого о том, что порядок выплаты зарплаты определяется Яковлевым, Егоров заявил о желании получать ее полностью. Магницкий известил о жалобе директора народных училищ, тот же попросил подать докладную, которую передал попечителю учебного округа. Попечитель потребовал от Яковлева объяснений, и тот, писал Юркин, телеграммой вызвал в Симбирск Ильминского, который провел у него в гостях одну-две недели. За это время Яковлев обсудил с ним свою проблему, получив совет, как отвечать попечителю. Со своей стороны Ильминский пообещал поговорить с последним при встрече. По приезде в Казань он сдержал обещание и сумел выгородить Яковлева перед попечителем, не знавшим о сговоре. «Так, ни в чем не повинного Магницкого сделали виноватым, — писал Юркин. — Беднягу Василия Константиновича, вступившегося за чувашей, из Казани перевели в Елабугу»⁵⁹. В черновике статьи об Охотникове Магницкий писал,

что о жалобе учителя словесно рассказал «кому следовало», то есть вышестоящему начальству, чем вызвал «совершенно непредвиденные для себя злоключения»⁶⁰. М.К. Корбут также писал, что его дядя был перемещен в Елабугу в связи с донесением попечителю факта о М. Егорове⁶¹.

Оставим оценки и обвинения Юркина на его совести (указанная книга направлена против Яковлева) и скажем, что чувашский просветитель еще в апреле 1890 г., то есть задолго до конфликта, пригласил Ильминского в гости вместе с женой и В.Т. Тимофеевым для отдыха и работы над татарскими переводами⁶². С другой стороны, тот факт, что в деле Магницкого было замешано влиятельное лицо, подтверждает свидетельство кума этнографа А.Ф. Можаровского. В письме Магницкому от 29 октября 1890 г. он писал: «Что ни говори, а без подвохов на Ваше положение со стороны г. И. не обошлось. Он давно убивался о[б] пол г[осподина] попечителя, он один, как флюгер, выставлялся и вертелся на выставке (имеется в виду Казанская научно-промышленная выставка, работавшая с 15 мая по 16 сентября 1890 г. – Ю.Г.)»⁶³.

Магницкий долго не мог забыть нанесенной ему обиды. В 1893 г., сообщая Юркину о публикации своих воспоминаний об Охотникове в «Симбирских губернских ведомостях», писал: «Я немало изумился, что факты присуждения чуваш к повешению* и урезки жалования у М. Е[горова] нашли место на страницах ведомостей, тогда как я предполагал, что эти-то именно факты и будут прежде всего похерены. Воображаю, как передернуло Я..., когда он прочитал об М.Е., и даже начинаю подумывать, как бы он в отмщение не сочинил мне новую пакость»⁶⁴. Ранее, в 1891 г., делясь с Износковым полученными от Юркина слухами об увольнении, якобы по козням Яковлева и директора народных училищ Симбирской губернии И.В. Ишерского, инспектора народных училищ Симбирского и Сенгилеевского уездов А.И. Анастасиева из-за «неправильного взгляда» на церковноприходские школы⁶⁵, писал: «Я охотно ему верю, потому что лично слышал отзывы Анастасьева (так Магницкий писал эту фамилию. – Ю.Г.) о Яковлеве за неделю до изгнания меня из Казани, и Яковлева об Анастасьеве перед самым выездом в Елабугу. Юркин – усерднейший собиратель чувашских песен (а не сочинитель глупых стихов, как Яковлев чрез Вас несправедливо циркулировал об нем). Когда речь касается “Хура” (черный), всегда прибавляет русское: окаянный за то, что погубил того-то, того-то и т.д., и не только самих, но и тех, кто с погубленными был в родстве или просто сталкивался. До какой степени круто, деспотически, по бессердечному капризу из-за простой сплетни действует Я... я имел сведения от многих... Ну, да Бог с ним!»⁶⁶.

Согласимся с Н.Г. Красновым, что Магницкий излишне доверял чувашскому писателю, который снабжал его инсинуациями о Яковлеве⁶⁷, тем самым настраивая против него. При чтении писем Юркина Магницкому

* Речь идет о приговоре Казанского военно-окружного суда, вынесенного в 1888 г. по делу о кровавой стычке между чувашскими крестьянами деревень Старые и Малые Урмары Цивильского уезда из-за спорного участка земли.

складывается мнение, что он намеренно бередил душевную рану адресата. Скажем, в марте 1891 г., откликаясь на одну из статей этнографа, написал, что она должна понравиться Ильминскому, и он, как ему кажется, «будет ходатайствовать перед попечителем о переведении Вас обратно в Казань или на другое место, но только что с повышением», и тут же сообщил о слухах, что предшественник Магницкого в Елабуге В.А. Ислентьев критиковал действия Яковлева-инспектора⁶⁸. Выпад Юркина против Ильминского не достиг цели: Магницкий всегда уважительно отзывался о последнем. В одной из рукописей, рассказав о приезде Ильминского в Елабужский уезд в 1890 г., признался, что хранит восемь «записок-писем» от него⁶⁹.

Заметим, что Магницкий был подвержен чужому влиянию, в чем не стеснялся признаваться («непозволительная доверчивость моя к указаниям других»⁷⁰). Впрочем, в его окружении были сторонники Яковлева: упоминавшийся Н.М. Охотников, священник Д.Ф. Филимонов и «хорошие знакомые» из числа учителей – выпускников Симбирской чувашской школы⁷¹, которые также влияли на него.

Магницкий старался придерживаться правила не переносить научные разногласия на личности⁷². Ему он следовал в отношениях с Золотницким, мнение которого о ненужности чувашской литературы не разделял. Н.Г. Краснов ошибается, утверждая, что Магницкого не интересовала научно-педагогическая и общественная деятельность Яковлева⁷³. Этнограф считал Яковлева видным деятелем народного образования, имеющим заслуги перед соплеменниками. Давая отпор нападкам И.И. Меньшова на чувашский народ, писал: «То обстоятельство, что чувашенин Яковлев кончил курс в университете и состоит теперь инспектором школ, а под его инспекторством находятся много учителей-чуваш, кончивших курс в сельских одно- и двухклассных и городских училищах Министерства народного просвещения и в Казанской учительской семинарии, мне кажется само по себе доказывает, что чувашаи обладают умственными способностями, отрицаемыми г. Меньшовым»⁷⁴. В заслугу Яковлеву Магницкий ставил облегчение получения чувашскими юношами среднего духовного образования: «В недавнее время сельским учителям из чуваш по ходатайству инспектора чувашских школ Казанского учебного округа И.Я. Яковлева открыт доступ в старшие классы Симбирской духовной семинарии, куда они охотно и поступают для дальнейшего образования»⁷⁵. Ранее отметил преимущество чувашских школ перед русскими в преподавании пения благодаря усилиям учителей-выпускников Симбирской чувашской школы⁷⁶, косвенно дав положительную оценку работе ее руководителя. Магницкий писал, что «с особенным интересом» прочитал статью Яковлева о Симбирской чувашской школе, после чего стал выступать за открытие в Елабуге женской учительской инородческой школы по типу симбирской⁷⁷. В 1896 г. отметил, что успешная деятельность яковлевской школы по просвещению чувашей заслуживает распространения в условиях мусульманизации поволжских народов⁷⁸.

Удивительно, но Яковлев ни в обширной переписке, ни в трудах не дал оценки личности и деятельности Магницкого как этнографа и деятеля народного образования, а в мемуарах обошел его молчанием. Думаем, причиной этому было то, что он никогда не забывал о дружбе Магницкого с Золотницким и Юркиным. Последнему он однажды посоветовал ознакомиться с трудами Ильминского, раздобыв их через Магницкого⁷⁹.

Выйдя в отставку, Магницкий не переставал по мере возможности заниматься школьными делами. В 1895 г. он был утвержден членом Ядринского уездного отдела Казанского епархиального училищного совета⁸⁰, по поручению которого инспектировал подведомственные школы и проводил выпускные экзамены. В тот же период исполнял обязанности попечителя Шуматовского земского и нескольких других училищ, проявляя заботу об их нуждах⁸¹.

Продолжилось и его сотрудничество с Яковлевым, отношения с которым, как писал М.К. Корбут, в эти годы «вполне наладились»⁸². Это подтверждают письма Магницкого Яковлеву. Если раньше они были официально-сдержанными, то теперь стали более личными по содержанию и доверительными по тону. В одном из них он обратился к адресату весьма необычно: «Уважаемый (не много, а искренно) Иван Яковлевич!»⁸³. Яковлев также демонстрировал внимание к адресату. В письме от 17 мая 1895 г. выразив сожаление, что не сможет побывать в Шуматово, подарил печатный отчет о состоянии сельскохозяйственной фермы своей школы за 1894 г. и передал привет от казанского литератора Н.Я. Агафонова⁸⁴. Магницкий в ответ поблагодарил адресата и выразил желание получить отчет о состоянии фермы и за предыдущий год. Описав свою жизнь на пенсии, сообщил, что продолжает интересоваться делом просвещения «иностранцев». Далее рассказал, что написал открытое письмо некоему С.Я. (земский начальник Буинского уезда Симбирской губернии С.П. Яковицкий), выступившему в печати с нападками на чувашские школы и систему Ильминского, что заставило Яковлева вступить с ним в дискуссию. Магницкий писал, что целую неделю раздумывал, «как поубавить у С.Я. “спеси”», и, получив от одного из своих корреспондентов нужную книгу, «настроил» статью, отправив ее редактору симбирского журнала «Городской и сельский учитель» А.И. Анастасиеву для напечатания. Магницкий попросил Яковлева посодействовать в публикации статьи, добавив: «Надеюсь, в Вашем полку одним воином будет больше»⁸⁵. Заметим, что газеты с полемическими статьями Яковицкого и Яковлева Магницкому прислал Юркин, посоветовав выступить в печати в защиту чувашского просветителя⁸⁶.

Н.Г. Краснов посчитал упомянутую статью Магницкого антияковлевской⁸⁷ на том основании, что в ней Яковлев наряду с его оппонентом назван противником системы Ильминского⁸⁸. В черновике статьи фамилия Яковлева в злосчастном фрагменте отсутствует, что говорит о технической ошибке редакции. Добавим, что Магницкий упомянул Яковлева среди авторов (Н.И. Ильминский, Н.И. Золотницкий, В.Я. Смелов), «сочувственно» писавших об «иностранцах», но в процессе работы это предложение вычеркнул⁸⁹.

Ответное письмо Яковлева не сохранилось, и его реакция на поддержку Магницкого неизвестна. Но ответ был: из письма последнего видно, что его адресат через заведующего Аликовским двухклассным училищем МНП В.Н. Орлова подарил ему желаемую книгу и чувашское Евангелие. Поблагодарив за подарки, Магницкий попросил Яковлева о содействии в зачислении в Симбирскую чувашскую школу детей знакомых чувашских и русских крестьян, а также предложил в будущую перепись населения России поручить чувашским учителям-переписчикам записывать мишарей как отдельную народность, а не под именем татар. Пытаясь привлечь Яковлева на свою сторону, писал, что с выделением из числа татар мишарей, а также отатарившихся чувашей, марийцев и представителей других народов, лидирующая роль татар в истории Казанского ханства «перенесется на чуваш»⁹⁰.

Понимая, какую пользу может принести Магницкий делу просвещения чувашского народа, Яковлев привлекал его к сотрудничеству. В 1899 г., не имея возможности приехать в Тораевское одноклассное училище Ядринского уезда, попросил этнографа возглавить комиссию по приему в нем выпускных экзаменов. Получив письмо, отставной инспектор сделал на нем приписку для священника Шуматовской церкви С.М. Михайлова: «Отыскивайте скорее ямщика и заезжайте за мной»⁹¹.

Г.И. Комиссаров писал, что по дороге в Аликовское двухклассное училище Яковлев по обыкновению заезжал в Шуматово к Магницкому⁹². Иногда он даже приглашал его с собой в инспекционные поездки. Комиссаров-ученик был свидетелем приездов двух деятелей народного образования в Аликово весной 1898 и 1899 гг. Он так вспоминал о первом из них: «...во двор училища въехала подвода, в которой кроме ямщика сидели два старика: один сидящий, дородный (это был Иван Яковлевич), другой – не так полный, с побелевшими уже волосами и бородой (это был В.К. Магницкий). Подвода подъехала к крыльцу дома учителей. Гости слезли, встречавшие повели их на квартиру Виктора Никифоровича [Орлова]». Приехавшие осмотрели новое здание училища и столярную мастерскую, затем Яковлев послушал несколько уроков. Во второй приезд гости вновь осмотрели строящееся школьное здание. На этот раз Яковлев не посещал уроков, его интересовал только ход строительства и хозяйственные вопросы⁹³.

Старожилы Шуматова помнили о приездах Яковлева к Магницкому. По словам И.Г. Григорьева, хозяин с гостем «держались чинно, культурно». Летом обычно сидели в беседке в центре сада Магницких «и разговаривали за чаем»⁹⁴.

Яковлев поддерживал связи не только с этнографом, но и с его близкими. Он был знаком с К.Е. Магницким. Так, 31 января 1887 г. телеграммой поздравил его с 50-летием пастырской деятельности, посвященной, как писал, «с постоянством и преданностью исключительно чувашскому населению». Пожелав юбиляру здоровья, выразил сожаление, что не может лично присутствовать на торжестве⁹⁵. В 1889 г. Магницкий в числе первых сообщил Яковлеву о смерти отца⁹⁶. В 1903 г., после кончины этно-

графа, чувашский просветитель побывал в Шуматово в гостях у его сестер Анны Константиновны и Александры Константиновны Магницких⁹⁷.

История отношений Магницкого и Яковлева была непростой. Будучи сторонником Золотницкого, конкурировавшего с Яковлевым за лидерство в чувашском просветительстве, Магницкий не принял чувашский алфавит, разработанный Яковлевым. После смерти Золотницкого позиция Магницкого по этому вопросу стала смягчаться и в последний период жизни он пытался овладеть и с посторонней помощью пользовался яковлевской транскрипцией. Расходясь во взглядах на чувашскую орфографию, Магницкий и Яковлев являлись единомышленниками в вопросе просвещения нерусских народов Поволжья. Магницкий интересовался деятельностью чувашского просветителя и воздавал должное его заслугам. Заочные контакты между просветителями установились в конце 1880 г. и в последующие годы укрепились на почве служебных отношений в качестве инспекторов Казанского учебного округа. В 1890 г. между Яковлевым и Магницким произошел конфликт на служебной почве, но они сумели наладить личные отношения и сотрудничество. Еще больше просветители сблизились после выхода Магницкого в отставку.

Литература и источники

¹ Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1998. С. 374–375.

² Абашева Д.В. Из истории фольклористики России. В.К. Магницкий. Чебоксары: ЧПУ им. И.Я. Яковлева, 2004. С. 52.

³ Отдел рукописей и редкой книги Научной библиотеки Казанского федерального университета (ОРРК НБ КФУ). Рук. 2312. Л. 90.

⁴ Там же. Рук. 2312. Л. 97 об.

⁵ Там же. Рук. 1815. Л. 1.

⁶ Там же. Рук. 2308. Л. 3.

⁷ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 334. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

⁸ ОРРК НБ КФУ. Рук. 2308. Л. 3.

⁹ Там же. Рук. 2308. Л. 5.

¹⁰ Магницкий В.К. На память о Николае Ивановиче Золотницком // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1880. 19 июля.

¹¹ ОРРК НБ КФУ. Рук. 2308. Л. 18 об.

¹² Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки. С. 75.

¹³ Яковлев И.Я. Становление системы образования чувашского народа. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 21.

¹⁴ Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Республика, 1997. С. 196–197.

¹⁵ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. VII. Ед. хр. 678. С. 170.

¹⁶ Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. С. 195–196.

¹⁷ Рукописный фонд Чувашского национального музея. Книжный фонд. Редкие книги. ВМ-4498. РК-216. Папка № 28. Л. (не нум.).

¹⁸ ОРРК НБ КФУ. Рук. 1815. Л. 7.

¹⁹ Там же. Рук. 2308. Л. 13 об.

²⁰ Там же. Рук. 1815. Л. 19.

²¹ Отчет о деятельности Братства св. Гурия за десятый братский год. Казань: Тип. ун-та, 1878. С. 24.

²² Машанов М.А. Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892. Казань: Типолит. ун-та, 1892. С. 139.

- ²³ Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. С. 194–195.
- ²⁴ ОРРК НБ КФУ. Рук. 2308. Л. 26.
- ²⁵ Там же. Рук. 1815. Л. 18–19.
- ²⁶ Там же. Рук. 2308. Л. 27 об.
- ²⁷ Там же. Рук. 2312. Л. 97 об. – 98.
- ²⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 361. К. 20. Ед. хр. 64. Л. 1–1 об.
- ²⁹ ОР РГБ. Ф. 361. К. 20. Ед. хр. 64. Л. 80 об.
- ³⁰ Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Комиссия миссионер. противомусульман. сборника при Казан. духовной акад., 1881. С. IV–V.
- ³¹ Магницкий В.К. Замечания на «Этнографический очерк быта чуваш» Ив. Меньшова, помещенный в 3 выпуске «Записок» Отдела // Записки Оренбургского отдела Русско-го географического общества. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1881. Вып. 4. С. 193–194.
- ³² ОРРК НБ КФУ. Рук. 2308. Л. 28.
- ³³ Там же. Л. 11, 13.
- ³⁴ Цит. по: Корбут М.К. Василий Константинович Магницкий и его труды 1839–1901 гг. Чебоксары: Чувашская книга, 1929. С. 27–28.
- ³⁵ ОРРК НБ КФУ. Рук. 2308. Л. 13–13 об.
- ³⁶ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 20. Л. 105 об.
- ³⁷ Золотницкий Н.И. Избранные труды: статьи, лингвистические исследования, словари, отчеты, разные документы / сост. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. С. 25.
- ³⁸ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 20. Л. 105 об.
- ³⁹ Магницкий В.К. Казанские инородцы и отношение к ним русских просветителей // Волжский вестник. 1885. 7 августа. С. 2–3.
- ⁴⁰ Магницкий В.К. Киремети и праздники у чуваш (Из посмертных бумаг Н.И. Золотницкого) // Волжско-Камское слово. 1882. 30 апреля. С. 2.
- ⁴¹ Магницкий В.К. К инородческому вопросу // Камско-Волжский край. 1897. 6 февраля. С. 2.
- ⁴² Магницкий В.К. Нечто о «переименованиях» // Волжский вестник. 1899. 26 августа. С. 3; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 228. Л. 156 об.; ОРРК НБ КФУ. Рук. 2307. Л. 73.
- ⁴³ Магницкий В.К. К инородческому вопросу. С. 2.
- ⁴⁴ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 109 об.
- ⁴⁵ ОР РГБ. Ф. 361. К. 20. Ед. хр. 64. Л. 5 об.
- ⁴⁶ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 3. Л. 67 об.
- ⁴⁷ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 73. Л. 31.
- ⁴⁸ Цит. по: Юркин И.Н. Чăваш тăшманĕ [Враг чувашей] // Тăван Атăл. 1993. № 2. С. 61.
- ⁴⁹ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.
- ⁵⁰ [Яковлев А.И.] Иван Яковлевич Яковлев. 1848–1930. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948. С. 79.
- ⁵¹ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 3. Л. 64.
- ⁵² Там же. Л. 64 об.
- ⁵³ Там же. Л. 65, 67.
- ⁵⁴ Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки. С. 247–248.
- ⁵⁵ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 3. Л. 64–68.
- ⁵⁶ Там же. Д. 25. Л. 7.
- ⁵⁷ ОРРК НБ КФУ. Рук. 2242/2. Л. 167.
- ⁵⁸ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 73. Л. 31.
- ⁵⁹ Юркин И.Н. Чăваш тăшманĕ [Враг чувашского народа] // Тăван Атăл. 1993. № 2. С. 61.
- ⁶⁰ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 16. Л. 125.
- ⁶¹ Корбут М.К. Василий Константинович Магницкий и его труды. С. 71, прим.
- ⁶² НА ЧГИГН. Отд. VII. Ед. хр. 678. С. 259.
- ⁶³ Цит. по: Абашева Д.В. Из истории фольклористики России. В.К. Магницкий. С. 51.
- ⁶⁴ Цит. по: Корбут М.К. Василий Константинович Магницкий и его труды. С. 70–71.

- ⁶⁵ ОРРК НБ КФУ. Рук. 1815. Л. 73 об.
- ⁶⁶ Там же. Рук. 2242/2. Л. 168.
- ⁶⁷ *Краснов Н.Г.* Иван Яковлев и его потомки. С. 376.
- ⁶⁸ ОРРК НБ КФУ. Рук. 1815. Л. 49–49 об.
- ⁶⁹ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 19. Л. 64.
- ⁷⁰ Там же. Д. 20. Л. 77 об.
- ⁷¹ *Магницкий В.К.* О преподавании в инородческих школах // Городской и сельский учитель. Симбирск, 1895. Вып. 8. С. 660.
- ⁷² ОРРК НБ КФУ. Рук. 2308. Л. 3.
- ⁷³ *Краснов Н.Г.* Иван Яковлев и его потомки. С. 379.
- ⁷⁴ *Магницкий В.К.* Замечания на «Этнографический очерк быта чуваш» Ив. Меньшова, помещенной в 3 выпуске «Записок» Отдела // Записки Оренбургского отдела Русского географического общества. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1881. Вып. 4. С. 194.
- ⁷⁵ *Магницкий В.К.* Чуваша (вниманию г. Михневича) // Волжский вестник. 1891. 21 декабря.
- ⁷⁶ *Магницкий В.К.* По Чебоксарскому уезду (Из дорожных набросков) // Волжский вестник. 1887. 5 июня. С. 3.
- ⁷⁷ ОРРК КФУ. Рук. 2242/2. Л. 192.
- ⁷⁸ Село Шуматово Ядринского уезда // Камско-Волжский край. 1896. 8 августа. С. 3.
- ⁷⁹ ОРРК НБ КФУ. Рук. 1815. Л. 70.
- ⁸⁰ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 20. Л. 55.
- ⁸¹ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 20. Л. 76; *Кедров Н.М.* Василий Константинович Магницкий // Известия по Казанской епархии. 1901. 15 апреля. С. 370.
- ⁸² *Корбут М.К.* Василий Константинович Магницкий и его труды. С. 71, прим.
- ⁸³ ОР РГБ. Ф. 361. К. 20. Ед. хр. 64. Л. 7.
- ⁸⁴ ОРРК НБ КФУ. Рук. 2312. Л. 186.
- ⁸⁵ ОР РГБ. Ф. 361. К. 20. Ед. хр. 64. Л. 8–8 об.
- ⁸⁶ ОРРК НБ КФУ. Рук. 1815. Л. 153.
- ⁸⁷ *Краснов Н.Г.* Иван Яковлев и его потомки. С. 379.
- ⁸⁸ *Магницкий В.К.* О преподавании в инородческих школах // Городской и сельский учитель. Симбирск, 1895. Вып. 6. С. 577–582; Вып. 8. С. 662.
- ⁸⁹ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.
- ⁹⁰ ОР РГБ. Ф. 361. К. 20. Ед. хр. 64. Л. 4.
- ⁹¹ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 20. Л. 64–64 об.
- ⁹² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 490. С. 358.
- ⁹³ Там же. С. 358–359, 382–383.
- ⁹⁴ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 682. Л. 6.
- ⁹⁵ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 7. Л. 105.
- ⁹⁶ Там же. Д. 207. Л. 87.
- ⁹⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 144. Л. 220.

Yu.V. Gusarov

V.K. MAGNITSKY AND I.YA. YAKOVLEV: THE HISTORY OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE TWO ENLIGHTENERS

The article tells about the relationship between V.K. Magnitsky and I.Ya. Yakovlev, who belonged to the competing camps of the Chuvash enlightenment. Being a supporter of N.I. Zolotnitsky, who published Chuvash books based on the Russian alphabet, Magnitsky opposed Yakovlev transcription. In 1880, correspondence contacts were established between the educators, which were strengthened through official interaction as inspectors of the Kazan Educational District. In 1890, there was a conflict between Yakovlev and Magnitsky on official grounds. Despite disagreements and personal grievances, Magnitsky and Yakovlev successfully cooperated in the field of public education.

Keywords: I.Ya. Yakovlev, V.K. Magnitsky, N.I. Zolotnitsky, Ilminsky system, new Chuvash writing, history of public education.

УДК 94(470.34)"15/16"

ЧГВ, 2023 г., № 18

© А.А. Чибис

«ГОРНАЯ ЧЕРЕМИСА» XVI – НАЧАЛА XVIII ВЕКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье рассматриваются трактовки в дореволюционной историографии экзоэтнонима «горная черемиса», употреблявшегося в русских и западноевропейских источниках по отношению к нерусским народам правобережной (Горной) стороны Среднего Поволжья в XVI – начале XVIII в. Установлено, что в вышедших до 1917 г. исторических работах было высказано две точки зрения на то, кого следует подразумевать под изучаемым термином: 1) в основном чувашей; 2) и чувашей, и марийцев, которые совместно проживали в северных и северо-западных районах Горной стороны.

Ключевые слова: Горная сторона Среднего Поволжья, горные черемисы, историография истории чувашей и горных марийцев в XVI–XVII веках.

Известный специалист по российской исторической ономастике Р.А. Агеева отмечала, что для многих античных и средневековых письменных памятников характерно присутствие так называемых «скользящих» этнонимов, когда какое-либо название, первоначально относящееся только к одному народу, впоследствии применялось для обозначения других этносов. В качестве примера исследователь указала на использование византийскими писателями названия «скифы», которым ранее древние греки обозначали ираноязычных кочевников Причерноморья, по отношению к населению Киевской Руси, а также печенегам, аварам и другим средневековым кочевникам евразийских степей¹. Востоковед Г.Г. Страстанович писал, что применение вышеназванных этнонимов во многом обусловлено тем, что народы, являвшиеся их первоначальными носителями, меняли территорию своего этнического проживания, на новых землях вступали во взаимодействие с другими этносами, вследствие чего на последних также распространялось данное название². По его мнению, изучение причин и следствия распространения скользящих этнонимов может дать ценную информацию об

Александр Алексеевич Чибис – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник секции истории исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: chib0701@yandex.ru.

этногенезе и этнической истории как одного, так и нескольких носителей таких наименований³.

Помимо скифов, в дореволюционных источниках по истории России есть и другие скользящие обозначения разных народов. Одно из них – «черемисы». Оно в форме «ц-р-мис» первоначально появилось в письме, направленном в 960-х гг. правителем Хазарского каганата Иосифом испанскому еврею Хасдаю ибн Шафруту⁴; в XII в. было употреблено составителем «Повести временных лет» для обозначения одного из финно-угорских племен, проживавших по течению р. Ока⁵, после чего надолго вошло в русские летописи⁶, другие письменные произведения, и вплоть до 1918 г. использовалось преимущественно как экзотоним для этнографических групп марийского народа, в том числе и горных марийцев⁷, исторической территорией размещения которых является правобережная (Горная) сторона Среднего Поволжья.

В нарративных произведениях, прежде всего летописях, и документах XVI – начала XVIII в. «черемиса» и «горная черемиса» упоминаются в большинстве правобережных уездов, в том числе тех, в которых в последующие времена преобладало уже чувашское население: Свияжском, Чебоксарском, Цивильском, Ядринском, Курмышском, правобережных частях Кокшайского и Козьмодемьянского.

На широкое распространение в старинных источниках в пределах Горной стороны вышеназванных терминов обратили внимание еще дореволюционные историки и просветители, среди которых были первые писатели истории чувашского народа. Они выдвинули начальные версии причин употребления летописцами и приказными делопроизводителями заявленных названий в местностях, где проживали чуваша. Более серьезное рассмотрение данной тема получила в советскую и постсоветскую эпоху в работах прежде всего чувашских и марийских ученых.

В 1964 г. в статье, посвященной идентификации носителей названия «горная черемиса», чувашский историк В.Д. Димитриев дал краткий обзор взглядов своих предшественников, в том числе писавших до революции, на данную проблему⁸. Но детальный анализ их концепций ученый своей задачей не ставил. В последующие годы историографический аспект данной темы развития также не получил. Между тем подробное изучение истории трактовки термина «горная черемиса», представленного в источниках XVI – начала XVIII в., исследователями разных эпох может содействовать подведению итогов рассмотрения старых и постановке новых проблем анализа этнической истории как чувашей, так и марийцев.

Цель настоящей статьи – дать анализ дореволюционной историографии очерченной темы.

Общероссийская историография

В XVIII–XIX вв. «горная черемиса» неоднократно фигурировала в сочинениях по общероссийской истории, написанных представителями различных научных школ, при изложении исторических событий, относящихся

к Поволжью. Наиболее частым таким сюжетом стала тема борьбы Казанского ханства и Русского государства и ее последствия, в том числе вхождение в состав последнего Горной стороны в 1551 г. Один из пионеров отечественной исторической науки В.Н. Татищев внес в свою многотомную «Историю Российскую» заимствованные из летописных произведений XVI в. сведения о «горной черемисе», «горных людях», «чюваше и черемисе», их присяге Ивану IV, помощи его войскам в указанном году и т.п.⁹ Таким же образом данная информация была представлена в 1786 г. в одноименном сочинении князя М.М. Щербатова¹⁰, в начале XIX в. – в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина¹¹, а затем в «Истории русского народа», написанной представителем развивающейся недворянской историографии, журналистом Н.А. Полевым¹². Но ни один из этих историков особо не прокомментировал первый из названных терминов, не обозначил, кого под ним следует подразумевать. Лишь Н.М. Карамзин указал на то, что присягнувшие русскому царю летом 1551 г. жители Горной стороны чуваша, мордва, черемисы были «идолопоклонники финского племени, некогда завоеванные татарами, и не привязанные к ним ни единством веры, ни единством языка»¹³.

С конца 1800-х гг. в российской историографии формировалась, а затем под влиянием «Истории государства Российского» развивалась так называемая «скептическая школа», основным постулат которой выражался в требовании критического отношения к древним источникам, прежде всего, ранним летописям, тщательной проверке и осмыслению представленных в них сведений и терминов¹⁴. Один из представителей этого направления историк Н.С. Арцыбышев положил начало критическому изучению летописных известий о «горной черемисе». В 1809 г. в одной из своих ранних популярных работ, посвященных историческому обзору народов России, упомянутых в летописях, в том числе в «Повести временных лет», он отметил, что в последней названы «черемисы» («мори»), но пропущено упоминание их «соседей» – чувашей¹⁵. Это несоответствие ученый объяснил позже в своем основном труде «Повествование о России», кратко указав, что автор «Повести...» Нестор не упомянул чувашей, потому что, якобы, в эпоху этого летописца они уже назывались «горными черемисами»¹⁶. Несомненно, это заключение было обусловлено тем, что Н.С. Арцыбышев так же, как и другие его современники (см. выше), ошибочно относил чувашей к финским народам, которые издавна являлись автохтонами центральных и северных областей России. Тем не менее историк признавал, что чуваша, в отличие от других финнов, имеют особый язык, схожий с татарским. Но возможность того, что предки чувашей могут представлять собой пришлый народ, он не рассматривал¹⁷. Не было учтено и то обстоятельство, что вплоть до начала XVI в. названный этноним в дошедших до нас источниках не встречается.

Более существенными представляются пояснения Н.С. Арцыбышева к упоминаниям в Никоновской, Львовской и других летописях «горной

черемисы» при рассказах о противостоянии Русского государства и Казанского ханства в первой половине XVI в. Это в том числе известия о: 1) приходе в конце 1546 г. к Ивану IV посольства жителей Горной стороны, «горной Черемисы Тугая» с товарищами; 2) последующем походе русских войск в устье Свияги и приводе в Москву «100 человек черемисы». Комментируя эти данные, Н.С. Арцыбышев отмечал, что под указанными «черемисами» следует подразумевать, прежде всего, чувашей, но среди них могли быть как настоящие черемисы, так и татары. В качестве обоснования своих выводов он прибегнул к методам историко-географического анализа, отметив, что на территории, где фигурировала летописная «черемиса» (устье Свияги), настоящие черемисы-марийцы не проживают. Дополнительно было указано, что упомянутый Тугай мог передать свое имя чувашской деревне Тугаево, которая «и теперь еще <...> есть» в Цивильском уезде Казанской губернии¹⁸, уроженцем и жителем которого был Н.С. Арцыбышев, хорошо знавший жизнь и быт современных ему чувашей¹⁹.

Заметим, что заключение Н.С. Арцыбышева осталось без особого внимания последующих представителей общероссийской историографии. Самый известный из них – С.М. Соловьев, хорошо знакомый с творчеством своего предшественника²⁰, в своей знаменитой «Истории России» также перечислил указанные в «Повести временных лет» нерусские народы, в том числе «черемис», соседствовавших со славянами, затронул вышеназванные сюжеты о событиях 1546 г., но нигде не отметил, что под летописной «черемисой» следует подразумевать в том числе и чувашей²¹. Д.И. Иловайский, труды которого отличались «тщательностью обработки документального и фактического материала»²², повествуя о присоединении в 1551 г. к Русскому государству Горной стороны, при перечислении обитавших здесь нерусских народов без всяких комментариев обозначил их летописными этнонимами, в том числе «горными черемисами»²³. Таким же образом при рассказе о тех же событиях поступил К.Н. Бестужев-Рюмин²⁴, отличавшийся основательным и критическим подходом к историческим источникам, хорошим знанием предшествующей историографии²⁵.

В меньшей степени и также весьма скупо в досоветской исторической литературе была затронута представленная в источниках тема участия «черемисы», «горной черемисы» в событиях «бунташного» XVII столетия. Историки Н.И. Костомаров, А.Н. Попов на страницах своих работ, посвященных событиям Смутного времени, Крестьянской войне 1670–1671 гг. лишь приводили заимствованные из приказных документов факты массового участия «черемисы» и других нерусских народов в действиях против московской власти в уездах Горной стороны, но никак не поясняли, кто может скрываться под упомянутым этнонимом²⁶.

Таким образом, большинство представителей общероссийской историографии в своих произведениях лишь упоминали, но никак не трактовали термин «горная черемиса». Это объясняется, прежде всего, тем, что эти ученые ставили своей главной задачей представить читателю историю

Российского государства, расширение его территории. В проживавших в пределах последней нерусских народах они видели только подданных московской короны и не отводили им существенной роли в историческом процессе. Лишь Н.С. Арцыбышев, непосредственно знакомый с жизнью и бытом представителей различных этносов Казанской губернии, кратко указал на то, что изучаемый этноним применительно к XVI в. не может трактоваться однозначно.

Региональная историография

Предтечей региональной историографии Среднего Поволжья, сложившейся в XIX в.²⁷, послужили труды, написанные в предшествующем столетии представителями образованной части российского общества, в которых были даны сведения преимущественно описательного характера, о географии расселения, особенностей материальной и духовной культуры нерусских народов как Поволжья, так и других регионов России. Так, в своем историко-географическом сочинении «Россия или, как ныне зовут, Россия» (1739) В.Н. Татищев отметил, что чуваши, черемисы, мокшане и вотяки (удмурты) происходят от волжских булгар²⁸, и указал, что в современную ему эпоху «нагорная черемиса» проживает в Свияжском, Чебоксарском, Цивильском, Кокшайском, Козьмодемьянском уездах. Представленная им информация о широком расселении «черемис» на средневожском правобережье была заимствована: 1) в 1788 г. историком И.Н. Болтиным²⁹; 2) в 1809 г. – составителем фундаментального географического словаря А.М. Щекатовым³⁰. Укажем, однако, что отмеченные сведения, по-видимому, были почерпнуты В.Н. Татищевым не из современных ему, а из ретроспективных источников. Другие ученые персоны, действовавшие одновременно с ним на исторической сцене и непосредственно соприкасавшиеся с народами Поволжья, уже четко отделяли друг от друга нерусские этносы этого региона, обозначая каждый из них его историческим названием.

Так, шведский офицер И.Ф. Страленберг, пребывавший в 1709–1723 гг. в русском плену, в своих записках, кстати хорошо знакомых В.Н. Татищеву, при описании Казанской губернии упомянул о том, что к ней «принадлежат Казанские и Касимовские татары, нагорные Черемисы, часть Чувашей»³¹. Немецкий ученый Г.Ф. Миллер, состоявший на русской службе, проезжая через Казанскую губернию в 1733 г., отметил, что на правой части последней чуваша живут «наибольше», «наипаче», то есть составляют большинство нерусского населения, что на той же территории черемис весьма мало, они расселены «токмо в одном Кузьмодемьянском дистрикте (уезде. – А. Ч.)»³², но в нем «Черемисы и Чуваша живут без разбору так, что их по всем обстоятельствам почти за один народ почесть можно»³³. Все процитированное свидетельствует, что в первой половине XVIII в. широкое применение этнического термина «горные черемисы» во всех пределах Горной стороны, в том числе в уездах, заселенных чувашами, прекратилось, он стал употребляться только для обозначения сравнительно

небольшой группы этнических марийцев, которые проживали в западной части указанной области.

Во второй половине XVIII в. появились другие работы российских ученых и чиновников, основанные на их непосредственных наблюдениях, в которых были представлены разные по степени подробности описания чувашей и марийцев-черемис³⁴. Особо отметим труд академика И.Г. Георги, который также указывал, что большая часть марийцев-черемис проживает на левом берегу Волги³⁵, что чуваша «весьма походят на черемисов» как по внешнему виду, так и по особенностям материальной культуры³⁶. Что касается вопросов этнической истории названных народов, то лишь в нескольких трудах со ссылкой на В.Н. Татищева было отмечено, что: марийцы-черемисы происходят от древних сарматов (Н.П. Рычков, А.М. Щекатов)³⁷, а чуваша – от волжских булгар (К.С. Милькович)³⁸. Но ни один из упомянутых авторов XVIII – начала XIX столетий не обратил внимание на оставшийся в прошлом факт возможного отождествления в предшествующие века двух схожих по своей культуре и быту нерусских народов Горной стороны под одним названием.

В 1856 г. этнограф В.А. Сбоев, ставший одним из первых исследователей жизни и быта нерусских этносов Поволжья, опираясь как на собственные наблюдения, так и на сравнительно-сопоставительный анализ трудов предшественников, в том числе вышеназванных, издал подробное описание материальной и духовной культуры, особенностей языка чувашей Казанской губернии³⁹. Коснувшись проблемы происхождения этноса, автор со ссылкой на сочинения арабских писателей X–XI вв., писал о том, что прямыми предками чувашей явились племена буртасов, проживавших в Поволжье в указанный период⁴⁰. В качестве дополнительного доказательства он указывал на то, что «русские в старину отождествляли буртас с чувашами» и называли свои селения, основанные в местах проживания чувашей, «Буртасами»⁴¹. Но на вероятность того, что в «старину» же русские могли отождествлять чувашей и марийцев В.А. Сбоев также внимания не обратил.

Более заметными являются выводы экс-редактора Казанских губернских ведомостей, сотрудника Центрального статистического комитета при МВД А.И. Артемьева. В 1863 г. в историко-географическом предисловии к «Списку населенных мест Симбирской губернии» он поддержал выводы о древнем проживании чувашей в Поволжье и обоснованность версий о происхождении последних от волжских булгар или буртас⁴². Однако уже через несколько лет в аналогичной работе, относившейся к Казанской губернии, А.И. Артемьев выступил с утверждением, что в древности чуваша в «Повести временных лет» «скрывались под именем же черемисов»⁴³. Одновременно автор отметил, что в середине XIX в. чуваша представляли из себя достаточно многочисленный народ, «живущий почти сплошную массой на значительном пространстве» в составе Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Уфимской губерний⁴⁴. По мнению А.И. Артемье-

ва, такая многочисленность могла быть обусловлена древностью расселения в Поволжье чувашского этноса.

В монографии по истории Среднего Поволжья XV и XVI вв. ученик С.М. Соловьева Г.И. Перетяткович также заключил, что чувашей вплоть до XVI в. «смешивали с соплеменными им черемисами»⁴⁵. Согласно выводам историка, главная причина отождествления чувашей с черемисами-марийцами заключалась в том, что чуваша были финнами по происхождению, но подверглись влиянию тюркского языка⁴⁶. В другой своей работе, посвященной колонизации Среднего Поволжья в XVII – начале XVIII в., Г.И. Перетяткович без особых комментариев привел данные о присутствии «черемис» в XVII в. в Чебоксарском, Цивильском и Свияжском уездах⁴⁷.

Версия об отождествлении чувашей и марийцев до XVI в. под одним этнонимом получила дополнительную аргументацию от представителей филологической науки. В 1875 г. уроженец с. Первое Чурашево Чебоксарского уезда, казанский лингвист Н.И. Золотницкий обратил внимание на то, что по одной из трактовок, название современных ему черемис (марийцев) происходит от слов «*керес* – гора и значит просто *горные люди* (*keres-mari* <...>)»⁴⁸. По мнению ученого, если это утверждение верно, то оно «послужило бы к объяснению и того обстоятельства, почему название чуваш появилось в летописях только в XVI столетии, ибо до того времени они смешивались с горными черемисами»⁴⁹.

В августе 1877 г. на проходившем в Казани IV археологическом съезде Н.И. Золотницкий выступил с изложением реферата «Невидимый мир по шаманским воззрениям черемис», в котором доказывал, что названия персонажей марийской мифологии носят в себе следы значительных заимствований из чувашского языка. Истоки этой мифологии уходят в IX–X вв., когда и были сделаны указанные заимствования. Последнее утверждение вновь заставило автора сделать вывод о том, что чуваша жили рядом с мари в древние века, скрывались в летописях под названием «черемисы», и только с XVI столетия стали известны под собственным наименованием⁵⁰. Однако Н.И. Золотницкий не учел того обстоятельства, что на мифологию марийцев могли оказать влияние не чуваша, как сформировавшийся этнос, а еще их предки – волжские булгары.

В первой половине XIX в., кроме этнографических, исторических и филологических публикаций, предметные и территориальные рамки которых касались чувашей и марийцев (черемис) в пределах поволжских губерний, стали выходить в свет работы о нерусских жителях конкретных уездов или даже сельских населенных пунктов. Одним из пионеров в создании таких трудов выступила дворянка Казанской губернии и писательница А.А. Фукс, которая в первой половине 1830-х гг. опубликовала интересные этнографические заметки о быте и обрядах чувашей Чебоксарского⁵¹, горных марийцев и луговых марийцев соответственно Козьмодемьянского и Царевококшайского уездов⁵². Весьма кратко коснувшись вопросов истории этих народов, писательница отметила, что под упомянутыми в летописях

на Свияге «горными черемисами» следует подразумевать современных ей черемис (марийцев), живших на правобережье Волги⁵³.

Более существенный вклад в изучение рассматриваемой проблемы внес уроженец д. Юнгапоси Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, первый писатель из чувашей С.М. Михайлов. В 1834–1861 гг. он служил в качестве писаря и переводчика в различных учреждениях вышеназванного и Ядринского уездов, писал статьи и очерки по истории и этнографии чувашей и марийцев, собирал документальные и фольклорные материалы. В 1854 г. С.М. Михайлов опубликовал грамоту Приказа Казанского дворца от 10 июня 1689 г., которая касалась также и «черемисов» Туруновской и Ишлеевской волостей соответственно Чебоксарского и Козьмодемьянского уездов⁵⁴. Комментируя содержание документов, публикатор указал, что: а) деревни вышеназванных волостей впоследствии перешли в состав Козьмодемьянского уезда; б) в настоящее время в этих селениях живут только чуваше, а татары и черемисы (марийцы) отсутствуют. Соответственно, был сделан вывод о том, что черемисы «вероятно, смешались с чувашами, или чуваше названы черемисами»⁵⁵.

В 1858 г. в очерке по истории с. Чемеево, расположенного в северо-западной части Ядринского уезда на его границе с Козьмодемьянским уездом, С.М. Михайлов писал о том, что «местность сия с древнейших времен заселена была горными черемисами», что в этих местах в настоящее время «живут уже не черемисы, а чуваше; даже первых нет ни одной души в целом Ядринском уезде. Поэтому должно полагать: либо чуваше неправильно в грамотах названы черемисами, либо черемисы смешались с чувашами»⁵⁶. В других работах С.М. Михайлов окончательно констатировал, что в старину на правобережье Волги чуваше и черемисы проживали вместе, в том числе в Засурье, но затем смешались⁵⁷. В автобиографии, вышедшей из-под пера исследователя в 1860 г., он утверждал, что его предками «были служилые горные черемисы Ядринского полка»⁵⁸. Следовательно, автор полагал, что представители горномарийского этноса могли влиться в состав чувашей.

Таким образом, в своих работах, так или иначе касавшихся проблемы трактовки термина «горная черемиса» на отдельных территориях Горной стороны, С.М. Михайлов затронул северную и северо-западную части этой исторической области, которые с XVI и до последней трети XVIII в. входили в состав Чебоксарского и Ядринского уездов. Изложенные выводы С.М. Михайлова в последующие десятилетия после их оглашения получили поддержку со стороны ряда ученых и публицистов, занимавшихся изучением истории, этнографии и языка как марийцев, так и чувашей.

В 1870, 1889 и 1913 гг. географ А.Ф. Риттих, профессор Казанского университета И.Н. Смирнов и статистик Н.А. Спасский пришли к заключению о том, что в XVI–XVII вв. марийцы-черемисы в пределах Горной стороны жили в Ядринском и Чебоксарском, а также Свияжском и Цивильском уездах. При этом первый из них особо отметил, что, если в XVI–XVII вв.

«черемисы» жили в Ядринском и Цивильском уездах, то в «настоящее время» их нет там «ни одной души», так как марийцы очувашились⁵⁹. Дополняя сказанное, А.Ф. Риттих писал: «Луговые мари, в отличие от горных, зовут последних курук-мари или горных людей (так в публикации. — А.Ч.), название, перешедшее также и на чуваш. Это соседство курук-мари с чувашами послужило поводом к тому, что тех и других смешивали очень часто, причисляя курук-мари, горных черемис к служилым татарам, горным татарам»⁶⁰.

И.Н. Смирнов полагал, что «черемисы» поселились в междуречье рек Сура и Свияга до XVI в. и «застали чуваш в качестве насельников страны». Но он констатировал, что русские уже в XVI в. отделяли черемис-марийцев от чувашей⁶¹. Более подробно дальнейшую судьбу горных марийцев на указанной территории, за исключением ее западной части, входившей в Козьмодемьянский уезд, И.Н. Смирнов не рассматривал. Н.А. Спасский полагал, что «черемисы» были вынуждены переселиться с горного на левый берег Волги «под напором чуваш»⁶².

Таким образом, в трудах трех вышеуказанных авторов в той или иной степени нашли поддержку выводы С.М. Михайлова о широком расселении марийцев на Горной стороне в XVI–XVII вв. и о влиянии на них чувашей.

В вышедшем в 1911 г. этнографическом исследовании прямого последователя С.М. Михайлова чувашского этнографа Г.И. Комиссарова (Вантера) указывается, что селения северо-западной подгруппы чувашей-вирьял, входившие в состав Малокарачкинской волости Козьмодемьянского уезда, Ядринской и Тораевской волостей Ядринского уезда, «даже в XVIII веке были черемисскими»⁶³. Ранее, в 1878 г., Н.И. Золотницкий пришел к выводу, что упомянутые С.М. Михайловым «черемисы», проживавшие в Засурье вместе с чувашами, очувашились⁶⁴.

Долгое время сторонником взглядов С.М. Михайлова был известный исследователь истории, этнографии, фольклора народов Волго-Уральского региона В.К. Магницкий, начавший свои изыскания в 1860-х гг. в Чебоксарском и Ядринском уездах⁶⁵. Но в своих поздних исторических и археографических работах, посвященных прежде всего географии расселения и этнографии мишарей, языку, истории селений и феодальных владений чувашей, он выдвинул новую версию идентификации «горной черемисы» на средневожском правобережье. В.К. Магницкий доказывал, что в XVI и XVII вв. в русских источниках низовые чуваша-анатри могли называться татарами, а верховые («тури», «вир-йал», т.е. *вирьял*) именовались «черемисой» или «горной черемисой». До губернской реформы 1780–1781 гг. они проживали в Ядринском, Козьмодемьянском, Курмышском и Чебоксарском уездах, а после реформы их селения вошли в состав реорганизованных уездов – Курмышский Симбирской губернии, Ядринский и Козьмодемьянский Казанской губернии⁶⁶. Исследователь особо подчеркивал, что: 1) в некоторых документах одни и те же лица названы то «чувашой», то «черемисой»⁶⁷; 2) использованные источники были выявлены им в селе-

ниях, в которых проживали только чувашаи, унаследовавшие старинные акты от своих предков⁶⁸.

Заметим, что вывод В.К. Магницкого относительно мест широкого распространения этнонима «горная черемиса» фактически совпал с содержанием рассмотренных трудов С.М. Михайлова, которые касались той же самой территории, населенной верховыми чувашами. Но в отмеченных работах, теперь уже в отличие от своего предшественника, В.К. Магницкий не был склонен считать применение рассматриваемого термина результатом совместного проживания чувашей и марийцев, аргументируя это тем, что в конце XIX в. численность «подлинных горных черемис» на средне-волжском правобережье была небольшой по сравнению с чувашами и ограничивалась пределами Васильсурского и правобережной части Козьмодемьянского уездов⁶⁹. Такое же численное соотношение между чувашами и горными марийцами, по предположению исследователя, было и двумя столетиями ранее. Предположение о значительной численности «подлинных черемис» на Горной стороне в XVI–XVII вв. и ее последующего сокращения за счет вымирания или миграции В.К. Магницкий не рассматривал: «Горные-то черемисы в противоположность луговым отличаются живучестию; случай же переселения их и, частию, “чуваш” нам пока известен один – на луговой берег Волги в пределы нынешнего Ардинского прихода»⁷⁰. Главная же причина именования чувашей «горной черемисой» в русских документах, по мнению автора, заключалась не в «перерождении» черемис в чувашей, как это утверждал С.М. Михайлов⁷¹, а в том, «что чувашаи под пером “дьяков” в грамотах нередко превращались в “черемис”, национальное имя которых дьякам почему-то было особенно памятно»⁷². В.К. Магницкий отмечал, что такое переименование было характерно не только для Приказа Казанского дворца в Москве, но и для местных Ядринской и Чебоксарской воеводских канцелярий, «где народность, именуемую сами себя “чувашаи”, без сомнения знали хорошо (почему она во время 1-й ревизии по Чебоксарскому, например, уезду и переименована в “чюваши”»)⁷³. Последнее предложение заставляет усомниться в обоснованности главного вывода В.К. Магницкого о том, что именование чувашей «горными черемисами», прежде всего, в пределах проживания группы вирьял, было вызвано только волей московских дьяков. Зачем приказным властям Ядринского и Чебоксарского уездов, знавших чувашей под собственным названием, обозначать их иным этнонимом? Как быть с выводами других ученых, например, И.Н. Смирнова, что русские уже в XVI в. хорошо отличали чувашей от марийцев-черемис?

В завершение сюжета можно констатировать, что исследования В.К. Магницкого по изучаемой проблеме основаны на более широкой источниковой базе и отличаются большей глубиной, чем рассмотренные работы С.М. Михайлова. Вывод В.К. Магницкого о том, что «горная черемиса» была в большей степени представлена в источниках XVI–XVII вв., имевших отношение к территории исторического проживания верховых чувашей, пред-

ставляется достаточно обоснованным; он нашел поддержку в трудах других авторов. Кроме С.М. Михайлова и Г.И. Комиссарова, следует отметить корреспондента В.К. Магницкого – чувашского писателя и историка И.Н. Юркина. Комментируя опубликованную им грамоту Приказа Казанского дворца курмышскому воеводе от 14 августа 1647 г., в которой упоминалась «черемиса» Курмышского уезда, И.Н. Юркин писал о том, что «здесь вместо черемис нужно подразумевать чуваш, т.к. черемис в Курмышском уезде не было. Русские писцы долгое время чуваш смешивали и с другими народами»⁷⁴.

Однако сформулированное заключение В.К. Магницкого о том, что широкое применение термина «черемиса» в старинных актах в пределах зоны расселения *вирьял* было обусловлено только некомпетентностью делопроизводителей, представляется достаточно спорным.

Заключение

Подводя общий итог, отметим, что в дореволюционной историографии не было специальных исследований, посвященных проблеме «горной черемисы» на правобережной части Среднего Поволжья. Данная тема рассматривалась как вспомогательная в работах по общей истории России, Среднего Поволжья, историко-этнографических, историко-географических описаниях, краеведческих очерках, а также в предисловиях и комментариях к археологическим публикациям.

В литературе были представлены две точки зрения о том, кто подразумевался под «горной черемисой»: 1) прежде всего чуваш, как представители основного по численности нерусского населения правобережной части Среднего Поволжья; 2) и чуваш, и марийцы, которые вплоть до конца XVII в. совместно проживали в северной, северо-западной и центральной частях Горной стороны. Но при этом ни одна из представленных версий должной аргументации не получила, что оставляло открытым вопрос об идентификации «горной черемисы» XVI–XVII вв.

Литература и источники

- ¹ Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М.: Наука, 1990. С. 5–7.
- ² Стратанович А.А. Проблема «скользящих этнонимов» // Этнонимы: [сб. статей]. М.: Наука, 1970. С. 53–54.
- ³ Там же. С. 53–59.
- ⁴ Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. С. 98.
- ⁵ Повесть временных лет. Ч. I. Текст и перевод / подготовка текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 13.
- ⁶ См. например: Спицын А. Свод летописных известий о Вятском крае. Вятка: Губерн. тип., 1883. С. 7, 9, 10, 12, 20, 26–28, 35; Бахтин А.Г. Марийский край в XIII–XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т, 2012. С. 73–76, 125–132, 134–137.
- ⁷ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. С. 6–7, 134–139.

⁸ *Димитриев В.Д.* О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI – начала XVIII веков // Учен. зап. Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете министров Чувашской АССР. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1964. Вып. XXVII. С. 118–132; переиздание статьи см.: *Его же.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 5–17.

⁹ *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л.: Наука, 1966. Т. VI. С. 161, 173, 174, 185, 201–203.

¹⁰ *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. V. От начала царствования царя Иоанна Васильевича, до кончины царя Федора Ивановича, и до избрания в цари Василья Иоанновича Шуйского. Ч. I. От начала царствования царя Иоанна Васильевича, до покорения царства Астраханского. СПб.: Императ. Академия наук, 1786. С. 206, 258, 259, 261, 263, 275, 276, 285, 290, 309, 316, 342, 345–347, 351, 389, 401.

¹¹ [*Карамзин Н.М.*] История государства Российского. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. Т. VIII. С. 85, 123, 124, 151, 167.

¹² *Полевой Н.А.* История русского народа. М.: Тип. Августа Семена при Императ. мед.-хирург. академии, 1833. Т. VI. С. 237, 292, 331–332.

¹³ [*Карамзин Н.М.*] История государства Российского. Т. VIII. С. 123.

¹⁴ См., например: *Иконников В.С.* Скептическая школа в русской историографии и ее противники. Киев: Университет. тип., 1871. С. 1–57.

¹⁵ *Арцыбышев Н.С.* О первобытной России и ее жителях. СПб.: Императ. тип., 1809. С. 29.

¹⁶ *Арцыбышев Н.С.* Повествование о России. Т. I. Кн. I. М.: Тип. ун-та, 1838. С. 3.

¹⁷ Там же; *Арцыбышев Н.С.* О первобытной России и ее жителях. С. 29.

¹⁸ *Арцыбышев Н.С.* Повествование о России. Т. II. Кн. IV. М.: Тип. ун-та, 1838. С. 114, 165. Прим. 732, 1041, 1042.

¹⁹ *Гусаров Ю.В.* Арцыбышев // Чувашская энциклопедия. В 4 т. Т. I. А–Е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С. 142–143.

²⁰ *Иконников В.С.* Скептическая школа... С. 53.

²¹ *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 книгах. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. С. 109; Кн. III. Т. 5–6. М.: Мысль, 1989. С. 263–264, 435, 442–444 и др.

²² *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2008. С. 473.

²³ *Иловайский Д.И.* История России. Т. III. Московско-царский период. Первая половина или XVI век. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1890. С. 183, 185, 192.

²⁴ *Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. Т. II. Вып. I. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1885. С. 219.

²⁵ *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. С. 471–473.

²⁶ *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Т. II. Царь Василий Шуйский и воры // Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. Т. V. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1868. С. 232; *Его же.* Бунт Стеньки Разина // Там же. Т. II. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1863. С. 322; *Попов А.Н.* История возмущения Стеньки Разина. М.: Тип. А. Семена, 1857. С. 84, 88–89.

²⁷ См., например: *Иванов В.П.* История этнографии чувашского народа. Очерки. Чебоксары: Фонд историко-культурологич. исслед. им. К.В. Иванова, 2011. С. 12–13 и др.

²⁸ *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России / под ред. А.И. Андреева. М.: Гос. изд-во географич. лит., 1950. С. 26, 111–112.

²⁹ *Болтин И.Н.* Примечания на историю древней и нынешней России г. Леклерка. [СПб.:] Тип. Горного училища, 1788. Т. I. С. 50.

³⁰ *Щекатов А.М.* Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком... Ч. VII. М.: Тип. Ф. Любия, 1809. Стб. 63.

³¹ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и Восточная часть Европы и Азии / сост. Е.А. Савельева, Ю.Н. Беспярых, В.Е. Возгрин. М.: Ин-т истории АН СССР, 1985. Ч. I. С. 45.

³² *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных у них обрядах, нравах и обычаях... СПб.: Изданием Императ. Академии наук, 1791. С. 2.

³³ Там же. С. 6.

³⁴ См. например: *Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 году. СПб.: Императ. Академия наук, 1770. С. 78–82; *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб.: Императ. Академия наук, 1773. Ч. I. С. 133, 135–145; *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. I. О народах финского племени, известных в истории российской под общим именем руссов. СПб.: Императ. Академия наук, 1799. С. 26–41; О чувашах // Северный архив. 1827. № IX. С. 47–67; № X. С. 120–139; № XI. С. 210–232; *Никольский Н.В.* Этнографический очерк Милюковича, писателя конца XVIII века, о чувашах // *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Т. I. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 481–507.

³⁵ *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... Ч. I. С. 26.

³⁶ Там же. С. 35; см. также: *Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки... С. 93.

³⁷ *Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки... С. 78; *Щекатов А.М.* Словарь географический... Ч. VII. Стб. 63.

³⁸ О чувашах. С. 67; *Никольский Н.В.* Этнографический очерк Милюковича... С. 483.

³⁹ *Сбоев В.А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань: Изд. Дубровина, 1856. 188 с.

⁴⁰ Там же. С. 183–188.

⁴¹ *Сбоев В.А.* Исследования об инородцах Казанской губернии. Казань: Изд. Дубровина, 1856. С. 187.

⁴² *Артемьев А.И.* Общие сведения о Симбирской губернии // Список населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Издан Центральным статистическим комитетом Мин-ва внутренних дел. Т. XXXIX. Симбирская губерния / под ред. А.И. Артемьева. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863. С. XXX.

⁴³ *Артемьев А.И.* Общие сведения о Казанской губернии // Список населенных мест по сведениям 1859 года. Издан Центральным статистическим комитетом Мин-ва внутренних дел. Т. XIV. Казанская губерния / под ред. А.И. Артемьева. СПб.: [Б.и.], 1866. С. LXII.

⁴⁴ Там же. С. LXII–LXIII.

⁴⁵ *Перетяткович Г.И.* Среднее Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М.: Тип. Грачева и К°, 1877. С. 120.

⁴⁶ Там же. С. 119–120.

⁴⁷ *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки по истории колонизации края). Одесса: Тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. С. 23, 26, 28.

⁴⁸ *Золотницкий И.Н.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1875. С. 255; см. также: Библиографическая заметка // Казанские губернские ведомости. 1879. 3 октября. № 78. Ч. неофициальная. С. 378.

⁴⁹ *Золотницкий И.Н.* Корневой чувашско-русский словарь... С. 255.

⁵⁰ Протоколы заседаний съезда // Труды Четвертого археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1884. Т. I. С. LXXIX.

⁵¹ *Фукс А.А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Тип. Императ. Казан. ун-та, 1840. С. 1–113.

⁵² Там же. С. 169–264.

⁵³ Там же. С. 184.

⁵⁴ Михайлов С.М. Собрание сочинений. Автобиография. Статьи и корреспонденция. Публикация документов. Очерки и рассказы. Фольклорные записи. Письма / сост., автор предисл., коммент. и прил. В.Д. Дмитриев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 307–310, 481–482.

⁵⁵ Михайлов С.М. Собрание сочинений. С. 307–309; см. также: С. 242.

⁵⁶ Там же. С. 232–233.

⁵⁷ Там же. С. 220, 232.

⁵⁸ Там же. С. 24.

⁵⁹ Риттих А.Ф. Материалы для этнографии. Т. XIV. Казанская губерния. Ч. II. Казань: Тип. Императ. Казан. ун-та, 1870. С. 122.

⁶⁰ Там же. С. 128. Замечание А.Ф. Риттиха об именовании луговыми марийцами горных марийцев, а также чувашей этнонимом «курук-мари» (горные люди) в 1875 г. повторил Н.И. Золотницкий в качестве аргумента для доказательства своих выводов (*Золотницкий И.Н.* Корневой чувашско-русский словарь... С. 255), а затем и В.К. Магницкий (*Магницкий В.К.* Список селений «мишарей» в Буинском уезде Казанской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете (ИОАИЭ). Казань: Тип. Императ. Казан. ун-та, 1901. Т. XVII. Вып. 2–3. С. 129).

⁶¹ Смирнов И.Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889. С. 13–14; см. также: *Износков Л.* Обычай горных черемис // Памятная книга Казанской губернии на 1868–1869 год. Отд. III. Материалы для статистики и этнографии края. Казань: Губерн. тип., 1868. С. 61–62; *Яблонский И.* О горных марийцах второй половины XIX века / подготовка текста, предисл. и прим. Г.Н. Айплатова и Г.А. Сепеева // Марийский археографический вестник. 1997. № 3. С. 180.

⁶² Спасский Н.А. Очерки по родоноведению. Казанская губерния. Изд. 2-е, испр. и доп., с рисунками и картою. Казань: Изд. кн. магазина М.А. Голубева. С. 21–22.

⁶³ Комиссаров Г.И. Чуваша Казанского Заволжья // ИОАИЭ. Казань: Типолит. Императ. Казан. ун-та, 1911. Т. XXVII. Вып. 5. С. 341.

⁶⁴ Золотницкий Н.И. Лингвистическая заметка о названиях Булгар, Биляр и Моркваш // Там же. Т. III. Казань: Тип. Императ. Казан. ун-та, 1884. С. 51–52.

⁶⁵ См., например: *Корбут М.К.* Василий Константинович Магницкий и его труды. 1839–1901 гг. Чебоксары: Изд-е Об-ва изучения Чуваш. края, 1929. С. 16–23; *Иванов В.П., Абашева Д.В.* Жизнь и деятельность В.К. Магницкого // Василий Константинович Магницкий – исследователь культуры и быта чувашей. Чебоксары: ЧНИИ, 1989. С. 12–26.

⁶⁶ Магницкий В.К. Список селений... С. 124, 126–127; Тяжебные документы чуваш Козьмодемьянского уезда XVI, XVII и XVIII столетий. Казань: Тип. губерн. правления, 1893. С. 1–7; Магницкий В. Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей, посланная в 1692-м году по челобитью Ядринского уезду деревень: Сормы, Хотяшевы, Якушевы и Оксыны (Аккозиной) чуваш Пихшички Чебакова с товарищи в г. Ядрин стольнику и воеводе Ивану Киприяновичу Лопухину // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (ДНГУАК). Нижний Новгород: [Б.и.], 1900. Т. IV Отд. III. С. 20–24; *Его же.* К истории «присурских» чуваш, черемис... С. 24–43.

⁶⁷ Магницкий В.К. Список селений «мишарей»... С. 125.

⁶⁸ Там же. С. 125–127; Магницкий В.К. Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей... С. 20; *Его же.* К истории «присурских» чуваш, черемис, мордвы и Фролищевой пустыни // ДНГУАК. Нижний Новгород: Тип. тов-ва И.М. Машистова, 1903. Т. V. С. 124–125.

⁶⁹ Магницкий В.К. Список селений «мишарей»... С. 128; *Его же.* К истории «присурских» чуваш, черемис... С. 27.

⁷⁰ Магницкий В.К. К истории «присурских» чуваш, черемис... С. 28; см. также: *Рябинский К.С.* Ардинский приход Козьмодемьянского уезда // ИОАИЭ. Казань: Тип. Императ. Казан. ун-та, 1900. Т. XVI. Вып. 2. С. 178–179.

⁷¹ Магницкий В.К. Список селений «мишарей»... С. 127.

⁷² *Магницкий В.К.* Чувашские языческие имена. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1905. С. 4; см. также: *Его же.* Нечто о чувашах, татарах и мишарях (мещера, мещеряки, «можары») // ДНГУАК. Нижний Новгород: Тип. губерн. правления, 1898. Т. III. С. 43.

⁷³ *Магницкий В.К.* К истории «присурских» чуваш, черемис... С. 25.

⁷⁴ *Юркин И.Н.* Материалы для истории города Карсуна и его слобод. Карсун: Тип. Л.И. Павлова, 1908. С. 9.

A.A. Chibis

«MOUNTAIN CHEREMISA» OF THE XVI – EARLY XVIII CENTURIES IN PRE-REVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY

The author of the article examines the interpretation in pre-revolutionary historiography of the exoethnonym «mountain cheremisa», used in Russian and Western European sources in relation to non-Russian peoples of the right-bank (Mountain) side of the Middle Volga region in the XVI – early XVIII centuries. It is established that in historical works published before 1917, two points of view were expressed on who should be meant by the term under study: 1) mainly Chuvash, 2) both Chuvash and Mari, who lived together in the northern and north-western limits of the Mountainous side.

Keywords: Mountain side of the Middle Volga region, mountain Cheremis, historiography of the history of the Chuvash and mountain Mari in the XVI–XVII centuries.

УДК 39(=512.111)(470.43)

ЧГВ, 2023 г., № 18
© С.С. Захаров

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ ЧУВАШЕЙ СЕЛА ПОКРОВКА БЕЗЕНЧУКСКОГО РАЙОНА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена вопросам этнокультурных контактов группы чувашей, переселенных с Самарской Луки в с. Покровка Безенчукского района. На основе сопоставления преданий самарско-лукских чувашей и официальных русскоязычных документов установлена преемственность между селениями Чувашская Брусяна (Улхаш) на Самарской Луке и Покровка Безенчукского района. Рассмотрены особенности и последствия чувашско-русских межэтнических отношений в условиях совместного проживания.

Ключевые слова: межэтнические отношения, этнокультурные контакты, народные предания, чуваш, русские, Самарская Лука, Улхаш, Чувашская Брусяна, Покровка, Безенчукский район, Самарская область.

Представленная статья выполнена в рамках исследования по теме «Этнокультурные контакты на Самарской Луке в XVII – начале XXI в.». Говоря о Самарской Луке как о географическом объекте, мы подразумеваем полуостров в излучине Волги, земли которого административно поделены между Волжским, Ставропольским, Шигонским районами и городским округом Жигулевск Самарской области. В культурном же аспекте ареал «Самарская Лука» гораздо шире, потому что включает территории за Волгой, заселенные выходцами с Самарской Луки. Среди них с. Покровка в Безенчукском районе, о котором пойдет речь в данной статье.

В течение почти четырех столетий формировался особый историко-культурный облик Самарской Луки, обусловленный в том числе специфическим составом ее населения, основу которого составляли три этнические группы: мордва-мокша, русские и чуваш. Изучение процесса формирования этих групп на Самарской Луке и их последующего расселения за пределы данного ареала требует внимания с точки зрения необходимости

Сергей Сергеевич Захаров – магистрант, Самарский государственный социально-педагогический университет, профиль «Культурная антропология», направление «Антропология и этнология»; e-mail: zakharov.sergey@sgspu.ru.

выявления оптимальных форм, факторов и механизмов этнокультурных контактов, определяющих стабильность и бесконфликтность на отдельных сложных поликультурных территориях.

Интерес к с. Покровка Безенчукского района, основу которого исторически составляло русское и чувашское население, определен его малоизученностью по сравнению с другими населенными пунктами самарско-лукского культурного ареала, долгое время остававшимися моноэтническими, такими как села Березовый Солонец, Кармалы, Севрюкаево в Ставропольском районе, с. Никольское в Безенчукском районе.

В ряде доступных автору публикаций, посвященных вопросу расселения чувашей Самарской Луки, упоминается, что чувашаи называют Покровку *Улхаш*¹, так же, как и покинутое ими селение на Самарской Луке. Таким образом, у с. Покровка было два названия – официальное, административное, использовавшееся русским населением, и неофициальное, которое употреблялось чувашами. Исходя из этого факта можно предположить, что у д. Улхаш, расположенной на Самарской Луке, также существовало административное название на русском языке. Цель представленной статьи – определить местоположение д. Улхаш на Самарской Луке и выяснить, как это селение именовалось в официальных русскоязычных документах. Ввиду того, что сопоставление данных официальных русскоязычных документов и народных преданий, в частности самарско-лукских чувашей, прежде не проводилось, такой подход к изучению этнокультурных контактов представляется важным, так как позволяет существенно расширить источниковую базу исследования.

Деревня Улхаш в чувашских преданиях. Источник сведений о селении Улхаш в районе Самарской Луки – опубликованные народные предания. Самой ранней из доступных автору публикаций с упоминанием топонима Улхаш в Самарском крае является работа А.С. Говорова «Ивановка», где впервые приводятся чувашские наименования селений на левом берегу Волги: «Улхаш» (Покровка), «Туй-Бахтуй» (Александровка), «Писентик» (Ивановка). А.С. Говоров отмечает, что эти селения «заселили инородцы из старожильцев Самарской Луки, которые при возникновении вопроса о землепользовании ссылались на грамоты казанских царей». Исследователь считает, что эти села возникли до момента административно-помещичьих переселений².

В следующий раз название Улхаш в отношении Покровки употребляется в своей книге В.Д. Дмитриев. Он приводит предание, согласно которому «дворяне и чиновники перевели чувашей, как бунтовщиков, на левый берег Волги». Историк ссылается на предание, полученное от уроженца с. Березовый Солонец А.Л. Харитонов в 1962 г.³

Позднее сведения о селении Улхаш публикуют авторы монографического исследования «Чуваши Самарской Луки» (2003). Е.А. Ягафова сообщает о том, что с. Покровское было основано чувашами из д. Алгаши Симбирской губернии – *Улхаш чăвашĕсем*, которые, по преданию, перед

переселением за Волгу задержались на некоторое время в окрестностях Севрюкаева, о чем свидетельствует название близлежащего урочища – *Улхаш хир* (поле Улхаш)⁴.

Со слов информанта из с. Кармалы, алгашинские чуваша проживали рядом с кармальскими, но переселились за Волгу, в район Безенчука, из-за притеснений кармальцев⁵.

Г.Ф. Юмарт, ссылаясь на информанта из с. Березовый Солонец, сообщает, что в 5–7 км западнее Севрюкаева находилось чувашское поселение, жители которого «были очень боевые, гордые, себя в обиду не давали», «русские из окружающих селений побаивались их», и «однажды русские из всей Луки собрались и прогнали чувашей за Волгу». «Заволжские русские очень много бед терпели от набегов киргизов (казахов), потому, прослышав об этих удалых чувашах, просили их остаться в своей деревне. Русские с. Покровского уговорили их поселиться в их селе. Чуваша не только отражали нападение киргизов, но и сами ходили на них походом. А село сейчас называется по-чувашски Улхаш», – гласит предание⁶.

Селение Покровка именуется Улхаш и в публикациях самарской областной газеты на чувашском языке «Самар Ен»⁷. Отметим, что редактор газеты В.Е. Симаков позднее уточнял, что названием Улхаш обозначалась именно чувашская часть с. Покровка⁸.

О чувашском названии Улхаш в отношении Покровки помнят старожилы этого села, а также соседнего Никольского⁹. Добавим, на сайте администрации Безенчукского района опубликована информация, что «село Улхаш (впоследствии Покровка) было основано калмыцким кочевым населением»¹⁰. Однако источник этих сведений не указан, и материалы, которые послужили бы подтверждением этих данных, не выявлены. При работе с информантами на Самарской Луке автору указали местоположение урочища *Улхаш хир* – в районе бывшего совхоза Красный Пахарь и оврага Повар (*Павар сьрми*)¹¹.

Путем сопоставления полученных от информантов сведений с картами Самарской Луки XVIII–XIX вв., местоположение д. Улхаш совпадает с местоположением д. Брусяны (известна также как Чувашская Брусяна, Брюсяна)¹². Это сравнение позволяет отождествить название Улхаш с Чувашской Брусяной, или с частью этого населенного пункта, одной из улиц или выселком, где проживали «алгашинские чуваша» *Улхаш чăвашсем*.

Подтверждение этой версии мы находим в ревизских сказках д. Чувашской Брусяны (1795)¹³ и с. Покровка (1858)¹⁴, а также в метрических книгах с. Покровки¹⁵, сопоставляя фамилии покровских чувашей с именами жителей Чувашской Брусяны. Так, в ревизской сказке Чувашской Брусяны за 1795 г., к примеру, записаны жители с дохристианскими именами Лукмас, Яндушка, Верша, Илембатор, Турай, Воржелей, Хватира – родоначальники покровских фамилий Лукмасовых, Яндушкиных, Вершинных, Алембаторовых, Тураевых, Воржалиевых, Хватировых и др.

Деревня Чувашская Брусяна в XVII–XIX вв. Деревня Брусяна, населенная чувашами, известна по архивным документам с начала XVIII в. По мнению авторов статьи «Топонимика Самарской Луки», это название поселение получило по речке Брусяне¹⁶. В «Ведомости Симбирского наместничества» 1780 г. фигурируют три Брусяны – чувашская деревня, а также два села: «Козьмодемьянское Брусяны тож» (отождествляется с современным с. Брусяны) и «Веденское Брусяны тож» (отождествляется с с. Большая Рязань), в названиях которых, очевидно, отражены наименования местных церквей¹⁷.

В документах последней четверти XVII в. упомянута чувашская деревня Новый Теплый Стан подле Брусянского Ключа (наряду с Новым Теплым Станом на Ногайском Броду и Старым Теплым Станом)¹⁸. Вероятно, это поселение является материнским по отношению к тем трем Брусянам, о которых написано выше. Упоминание родственного Брусянам топонима относится к 1652 г., когда к самарскому воеводе обратились четыре «черемисина»¹⁹ с просьбой разрешить им поселиться «на диком поле в Брусянских вершинах у ключа». По мнению Э.Л. Дубмана и В.Н. Зудиной, селение Чувашская Брусяна существовало еще в первой половине 1640-х гг. в нагорной части Самарской Луки на так называемом «Большом Чувашском буераке»²⁰.

Таким образом удастся определить преемственность между поселениями на «Большом Чувашском буераке» и в «Брусянских вершинах у ключа», деревнями «Новый Теплый Стан подле Брусянского Ключа» и Чувашской Брусяной; все эти поселения связаны с топонимом «Брусяны» и были населены чувашами. Выделение впоследствии русских селений объясняется как миграциями русских старожилов Самарской Луки, так и притоком переселенцев из западных регионов Российского государства, а также христианизацией чувашского населения, способствовавшей отчасти его обрусению. В частности, как отмечает Н.В. Никольский, у чувашей Нового Теплового Стана «подле Брусянского Ключа» в документах последней четверти XVII в. уже встречаются христианские имена²¹. Вероятно, появление Чувашской Брусяны, которая, если принять версию о расположении этой деревни в районе урочища Красный Пахарь, и находилась на некотором удалении от р. Брусяны, связано с отселением некрещеных чувашей. Аналогичный сценарий мы видим, например, при изучении материалов о возникновении населенных пунктов Большие Алгаши (*Мӓн Улхаш*)²², Русские Алгаши (*Вырӓс Улхаш*)²³, Чувашские Алгаши (*Чӓваш Улхаш*)²⁴ в Шумерлинском районе Чувашской Республики²⁵, а также Старые Алгаши (*Кивӓ Улхаш*)²⁶, Средние Алгаши (*Чӓвашкасси*)²⁷, Новые Алгаши (*Сӓнӓ Улхаш*)²⁸ в Цильнинском районе Ульяновской области²⁹.

Таким образом, мы можем представить гипотетическую картину распространения среди чувашей топонима «Улхаш» (русскоязычным населением адаптировано как «Алгаши») следующим образом: Алгаши Курмышского уезда (ныне Большие Алгаши в Чувашии) > Алгаши в Симбирской

губернии (распалось на Старые, Средние и Новые Алгаши) > Улхаш на Самарской Луке > Улхаш (Покровка) на левобережье Волги в Самарской губернии. Самые поздние данные о существовании д. Чувашской Брусяны, о которых известно автору, фиксируются в документах конца 1850-х гг.³⁰ Причины полного исчезновения этого селения – тема отдельного исследования.

Село Покровка в XIX – начале XXI в. Сведения о переселении жителей Чувашской Брусяны в Покровку в результате расширения землевладений графского рода Орловых при Генеральном межевании опубликовал Ю.Н. Смирнов. По его данным, первое упоминание Покровки задокументировано 1 октября 1804 г. Управляющий Усольской вотчиной Орловых докладывал своему хозяину, что «возвратился с Мочи, где разбил подле Котлобану на полтораста домов места <...> День основания <...> Покров Божия Матери»³¹. Как сообщает Ю.Н. Смирнов, решение о переселении жителей Чувашской Брусяны за Волгу было принято в 1811 г., а с 1821 г. начался растянувшийся на несколько лет перевод оттуда крестьян в с. Покровское³².

Согласно ревизской сказке 1858 г., население села составляло 1176 душ обоего пола, из них чуваша – 581 чел.³³ Однако постепенно численность чувашей здесь значительно сокращается. В 1884 г. статистик И. Красноперов сообщает: «...бросается в глаза факт постепенного вымирания чуваш в селе Покровском Томыловской волости, куда чуваша переселены были в 1817 году из Симбирской губернии в количестве 316 душ мужского населения... В момент последней ревизии количество их уменьшилось до 263 душ, а теперь их всего 183 души»³⁴. По данным, предоставленным в администрации сельского поселения Звезда Безенчукского района, на 1 января 2023 г. в Покровке зарегистрировано 275 жителей³⁵. В селе три параллельные улицы – Центральная, Косыри (на южной стороне) и Речная (на северной стороне). Со слов информантов, улицы получили официальные названия в начале 2000-х гг. Прежде село состояло из двух частей – «Косыри», где преобладало русское население, и «Чуваши» – последняя сегодня именуется улицей Речной. Впрочем, несколько чувашских семей исторически проживали на «русской стороне»³⁶ (кстати, об этом факте в 1884 г. упоминал И. Красноперов)³⁷.

Согласно метрическим книгам с. Покровского, до 1919 г. подавляющее большинство супружеских пар у чувашей были моноэтничными³⁸. Преимущественно чуваша выбирали себе брачных партнеров из числа односельчан, иногда из сел Ивановка (ныне с. Никольское Безенчукского района), Чувашские Липяги (ныне территория в составе городского округа Новокуйбышевск), Севрюкаево, реже – из Березового Солонца и Луговой Александровки.

Этнически смешанные семьи с участием чувашей, по сведениям информантов, начинают появляться во второй половине XX в. Причем зачастую брачными партнерами чувашей-старожилов становились новопоселен-

цы из других регионов и республик СССР. Впрочем, с русскими старожилами Покровки браки тоже заключались³⁹.

Чувашское население постепенно сокращалось вследствие естественных потерь или последующих отселений. Посетивший Покровку в 1995 г. журналист чувашской газеты «Самар Ен» В. Чернов отмечал, что на чувашской улице жилыми оставалось не более десятка домов⁴⁰. В настоящее время большинство некогда жилых участков пустует, чувашей на Речной улице не осталось: одни переселились на улицу Центральную, другие и вовсе покинули село. При опросе жителей и уроженцев Покровки выявлена лишь одна коренная жительница – носитель чувашского языка, 1937 года рождения⁴¹. Информанты – потомки коренных чувашей – разговаривают только по-русски, чувашского не знают, объясняют это тем, что росли в этнически сложных семьях, ни дома, ни в школах чувашскому языку их не обучали⁴². Проживают в Покровке также и чуваша, переехавшие сюда во второй половине XX в. Но общение их с чувашами-старожилами на чувашском языке оказалось затруднительным, на наш взгляд, из-за диалектных особенностей, что определило доминирование русского языка в Покровке.

Выводы. Путем сопоставления сведений из чувашских преданий с данными архивных документов и карт устанавливается преемственность между селениями Чувашская Брусяна (Улхаш) на Самарской Луке и Покровкой Безенчукского района. Вследствие переселения значительной части жителей Чувашской Брусяны на левый берег Волги, деревня постепенно полностью обезлюдела. В Покровке с русско-чувашским населением в XX – начале XXI в. наблюдалось постепенное сокращение численности чувашей в результате естественной убыли, отселения и обрусения.

Литература, источники и примечания

¹ *Говоров А.С.* Ивановка. Самара: О-во археологии, истории, этнографии и естествознания при Самар. гос. ун-те, 1926. С. 14; *Ягафова Е.А.* Чувашские селения Самарской Луки // Чуваши Самарской Луки. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 15; *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. С. 176.

² *Говоров А.С.* Указ. соч. С. 14.

³ *Димитриев В.Д.* Указ. соч. С. 176.

⁴ *Ягафова Е.А.* Указ. соч. С. 15–16.

⁵ *Матвеев Г.Б., Ягафова Е.А.* Материальная культура // Чуваши Самарской Луки. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 19.

⁶ *Юмарт Г.Ф.* Фольклорные и литературные штрихи // Чуваши Самарской Луки. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 138–139.

⁷ *Чернов В.* Чăваш кассиллĕ Улхаш, пулĕ-ши санĕн малаш? // Самар Ен. 1996. Июль, 27. 8 №. С. 1.

⁸ *Симаков В.Е.* Чувашские населенные пункты Самарской области: краеведческий словарь. Чебоксары, 2005. С. 16.

⁹ Полевые материалы автора (ПМА): с. Покровка. Информанты: Степанова (Васильева) Р.В., 1937 г.р., с. Покровка; Юртайкин А.Н., 1983 г.р., с. Никольское (Безенчукский район).

¹⁰ Администрация муниципального района Безенчукский Самарской области: [сайт]. URL: <https://admbezenchuk.ru/city/urban-rural-settlements/rural-settlement-star.php> (дата обращения: 08.02.2023).

¹¹ ПМА: г. Жигулевск, Самарская область. Информанты: Хафизова (Илюйкина) В.Д., 1955 г.р., с. Севрюкаево.

¹² Используются следующие издания: Фрагмент карты Самарской Луки, составленной В.Н. Тагищевым в 1738 г. // Самарская Лука в XVI – начале XX в. Самара, 1995. С. 54–55; Карта Симбирского наместничества. Российский атлас из сорока четырех карт состоящий и на сорок два наместничества Империю разделяющий. 1792. Масштаб 10 верст в дюйме // Старые карты городов России онлайн – ЭтоМесто: [сайт]. URL: http://www.etomesto.ru/map-ulyanovsk_1792/ (дата обращения: 08.02.2023); Геометрическая генеральная карта Симбирской губернии, состоящей из 10 уездов, сочиненная в симбирской межевой конторе. 1797. Масштаб 16 верст в дюйме // Старые карты городов России онлайн – ЭтоМесто: [сайт]. URL: http://www.etomesto.ru/map-ulyanovsk_simbirsk-gub-1797/ (дата обращения: 08.02.2023); Карта Симбирской губернии. Российский атлас из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию Империю разделяющий. 1800. Масштаб 10 верст в дюйме // Старые карты городов России онлайн – ЭтоМесто: [сайт]. URL: http://www.etomesto.ru/map-ulyanovsk_1800/ (дата обращения: 08.02.2023); Подробная карта Российской Империи и близлежащих заграничных владений. Столистая карта. 1801–1804. Масштаб: 1:840000, 20 верст в английском дюйме // Старые карты городов России онлайн – ЭтоМесто: [сайт]. URL: http://www.etomesto.ru/map-atlas_1816/ (дата обращения: 08.02.2023); План Генерального Межевания Самарского уезда начала XIX века. Масштаб 2 версты в одном дюйме // Старые карты городов России онлайн – ЭтоМесто: [сайт]. URL: http://www.etomesto.ru/map-samara_pgm-samarskogo-uezda/ (дата обращения: 08.02.2023); Геогностическая карта Симбирской губернии. 1856 год // Старые карты городов России онлайн – ЭтоМесто: [сайт]. URL: http://www.etomesto.ru/map-ulyanovsk_simbirskaya-gub-1856/ (дата обращения: 08.02.2023).

¹³ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 147. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–49.

¹⁴ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 150. Оп. 1. Д. 128. Л. 1116–1179.

¹⁵ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 28. Д. 94, 99, 102, 105, 109, 111, 113, 116, 121, 128, 132, 135, 141, 155, 161, 167, 172, 188, 203, 228, 257, 261, 267, 295, 309, 318, 328, 342, 345, 358, 362; Оп. 32. Д. 196, 200, 208, 214, 218, 224, 233, 240, 244, 250, 258, 261, 268, 275; Оп. 35. Д. 867; Оп. 40. Д. 117, 118, 119, 120. Выявлены метрические книги за периоды: 1831–1836, 1838–1841, 1843–1846, 1848–1854, 1857, 1859–1861, 1865–1919 гг.

¹⁶ Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Топонимика Самарской Луки // Этнография Самарской Луки. Самара, 1996. С. 111, 147.

¹⁷ Древности Симбирского края: [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20200731095802/http://archeo73.ru/index.htm> (дата обращения: 08.02.2023).

¹⁸ Артамонова Л.М., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Порубежный край Российской державы // Самарская летопись. Т. 1. Самара: Самар. ун-т, 1993. С. 71. Ссылки на: Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Ф. 281. Оп. 17. Д. 11562. Л. 3–86; Оп. 16. Д. 10845. Л. 5–6; Ф. 1209. Оп. 17. Д. 159. Л. 83–83 об., 90–90 об.

¹⁹ В данном случае скорее всего имеются в виду не «черемисы»-марийцы, а чуваш. В этом сходятся как авторы «Самарской летописи» (т. 1, с. 71), так и авторы монографического исследования «Чуваши Самарской Луки» (с. 10). Об использовании этнонима «черемисы» в отношении чувашей, в частности, писал В.Д. Димитриев в статье «О значении этнонима “черемисы” в русских и западно-европейских источниках XVI – начала XVIII вв.» [Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 5–17].

²⁰ Дубман Э.Л., Зудина В.Н. Возникновение локальных районов сельского расселения на Юго-Востоке Европейской России в первой половине XVII в. // Самарский земский сборник. 2015. № 1 (25). С. 19.

²¹ Никольский Н.В. Христианство среди чувашей Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках // Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С. 152–153. Автор ссылается на А.Н. Зерцалова [Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII веков. СПб., 1900. С. 48–50 (выпись 1690 г.)].

²² Санина Н.А., Трифонова З.А. Большие Алгаши // Чувашская энциклопедия: [сайт]. URL: <http://www.enc.cap.ru/?t=world&lnk=576> (дата обращения: 08.02.2023).

- ²³ *Сохорова В.Н., Трифонова З.А.* Русские Алгаши // Чувашская энциклопедия: [сайт]. URL: <http://www.enc.cap.ru/?t=world&lnk=1615> (дата обращения: 08.02.2023).
- ²⁴ *Евграфова И.Н., Яковлева Н.С.* Чувашские Алгаши // Чувашская энциклопедия: [сайт]. URL: <http://www.enc.cap.ru/?t=world&lnk=2144> (дата обращения: 08.02.2023).
- ²⁵ *Иванов Л.И.* Чуваш. Формирование этнографических групп и подгрупп (на территории Чувашии). Заметки краеведа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. С. 28.
- ²⁶ *Долгова А.П., Матвеев Г.Б.* Старые Алгаши // Чувашская энциклопедия: [сайт]. URL: <http://www.enc.cap.ru/?t=world&lnk=1906> (дата обращения: 08.02.2023).
- ²⁷ *Матвеев Г.Б.* Средние Алгаши // Чувашская энциклопедия: [сайт]. URL: <http://www.enc.cap.ru/?t=world&lnk=1909> (дата обращения: 08.02.2023).
- ²⁸ *Матвеев Г.Б.* Новые Алгаши // Чувашская энциклопедия: [сайт]. URL: <http://www.enc.cap.ru/?t=world&lnk=1434> (дата обращения: 08.02.2023).
- ²⁹ Чуваши Присвияжья: история и культура. Чебоксары, 2015. С. 33.
- ³⁰ ГАУО. Ф. 147. Оп. 59. Д. 105. «Книга на прием подати крестьян деревни Брусяны» 1956 г.; Геоностическая карта Симбирской губернии. 1856. Масштаб 10 верст в дюйме // Старые карты городов России онлайн – ЭтоМесто: [сайт]. URL: http://www.etomesto.ru/map-ulyanovsk_simbirskaya-gub-1856/ (дата обращения: 08.02.2023).
- ³¹ *Смирнов Ю.Н.* Глубинка дворянской империи // Самарская летопись. Самара, 1993. Т. 1. С. 139 (Цит. по: ГАУО. Ф. 147. Оп. 6. Д. 7. Л. 417 об. – 418).
- ³² *Смирнов Ю.Н.* Самарское «графство» Орловых // Самарский краевед: историко-краеведческий сборник. Самара, 1995. С. 35.
- ³³ ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 1. Д. 128. Л. 1116–1179.
- ³⁴ *Красноперов И.* Самарские чувашы // Русская мысль. Год пятый. Кн. III. М., 1884. С. 47 (323) // Российская государственная библиотека: [сайт]. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl60000299557> (дата обращения: 08.02.2023).
- ³⁵ ПМА: Администрация пос. Звезда, Безенчукский район (телефонный разговор).
- ³⁶ ПМА: с. Покровка, Безенчукский район, Самарская область. Информанты: Митрофанов А.А., 1961 г.р., с. Покровка.
- ³⁷ *Красноперов И.* Указ. соч. С. 47.
- ³⁸ См. сноску 15.
- ³⁹ ПМА: с. Покровка, Безенчукский район, Самарская область. Информанты: Оленич-Кондратьева О.В., 1967 г.р., с. Покровка; Якушкина (Жучкина) Н.А., 1961 г.р., с. Покровка; Мусхаджиева (Ильмендеева) И.А., 1964 г.р., с. Покровка.
- ⁴⁰ *Чернов В.* Указ. соч. С. 1.
- ⁴¹ ПМА: с. Покровка, Безенчукский район, Самарская область. Информанты: Степанова (Васильева) Р.В., 1937 г.р., с. Покровка.
- ⁴² ПМА: с. Покровка, Безенчукский район, Самарская область. Информанты: Оленич-Кондратьева О.В., 1967 г.р., с. Покровка; Якушкина (Жучкина) Н.А., 1961 г.р., с. Покровка; Мусхаджиева (Ильмендеева) И.А., 1964 г.р., с. Покровка.

S.S. Zakharov

ETHNOCULTURAL CONTACTS OF CHUVASH PEOPLE IN POKROVKA VILLAGE, BEZENCHUK DISTRICT, SAMARA REGION

The article is devoted to the issues of ethno-cultural contacts of a group of Chuvash people resettled from Samara Luka to Pokrovka village of Bezenchuk district. Based on a comparison of the folk stories by Chuvash of Samara Bend (Samarskaya Luka) and official Russian-language documents, continuity has been established between the villages of Chuvashskaya Brusyana – Ulkhash on the Samara Bend and Pokrovka of the Bezenchuk district, where, in conditions of cohabitation with Russians, the number of Chuvash decreased as a result of natural loss, resettlement and Russification.

Keywords: interethnic relationship; ethno-cultural contacts; folk stories; Chuvash; Russians; Samara Bend; Samarskaya Luka; Ulkhash, Chuvashskaya Brusyana; Pokrovka; Bezenchuk district; Samara region.

**РОЛЬ И СТАТУС МУЖЧИНЫ
В ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЕ ЧУВАШЕЙ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX –
НАЧАЛО XX ВЕКА)**

На основе литературных источников и архивных материалов автор рассматривает роль и статус мужчины среднего поколения в обрядовой культуре чувашей. Анализируются роль и статус мужчины отдельно в земледельческом, скотоводческом и охранительных обрядах.

Ключевые слова: мужчины, среднее поколение, обрядовая культура.

В традиционной культуре любого народа обряды являются неотъемлемой частью быта. Они пронизывают все стороны жизни этноса. Хранителями и носителями традиций, проведения обрядов были мужчины почтенного возраста – старики. Но в ходе исторического развития при сохранении роли стариков на первый план выходят мужчины, относящиеся к категории среднего поколения. Данный факт был обусловлен тем, что именно эта группа являлась основной трудовой силой. Прежде всего, мужские обрядовые функции были связаны с обеспечением удачи в основных полевых работах (пахоте, севе, бороновании), а также в скотоводстве.

В нашей статье мы попытаемся раскрыть роль и статус мужчины в трудовых, очистительных и охранительных обрядах чувашей. Под трудовыми обрядами нами понимаются ритуальные действия, проводимые в ходе работ в области земледелия и скотоводства. Исследуемая возрастная категория – среднее поколение, – это женатые и имеющие детей мужчины. Данная возрастная категория выбрана исходя из того факта, что в изучаемый период именно мужчины среднего поколения играли ведущую и определяющую роль в жизни крестьянской семьи и сельской общины, являлись активными продолжателями традиций прошлых поколений.

Евгения Валерьевна Сергеева – кандидат исторических наук, научный сотрудник секции этнологии исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: evgenjaserg@yandex.ru.

Известно, что глава семейства *кил хуши* являлся не только кормильцем семьи, но и предводителем обрядов. Он представлял семью в молениях, адресованных верховному богу *Турђ* и другим божествам, благословлял детей и родственников. Его авторитет перед миром, односельчанами, родственниками, детьми был важным условием обеспечения благополучия семьи. *Кил хуши* молился не только во время проведения праздников и обрядов, но и перед началом какого-либо дела¹. Глава семьи нес моральную и материальную ответственность перед селением за поведение домочадцев. По обычаю, это был старший по возрасту мужчина, который управлял всей жизнью и хозяйством семьи. Но иногда, в силу различных причин, возглавлял семью более молодой и сильный мужчина, то есть сын старейшего из домочадцев. Объяснялось это тем, что глава семейства должен был быть крепким и здоровым, выполнять тяжелые работы. К тому же все больше и больше молодых семей начало выделяться из большой патриархальной семьи, тем самым становясь независимыми от нее².

Хозяин дома выполнял ряд функций, главными из которых являлись организующая, контролирующая и хозяйственно-бытовая. Он организовывал повседневную жизнь, распоряжался деньгами, имуществом и средствами производства семьи, устанавливал виды хозяйственных работ для каждого домочадца и осуществлял контроль над ними, занимал почетное место за общим столом, где разрезал и раздавал членам семьи хлеб и мясо. Продуцирующая функция характеризовалась сохранением и умножением своего хозяйства и достатка. Он заботился о том, чтобы все работы выполнялись вовремя.

Важной функцией домохозяина являлась ритуальная. Он проводил различные обряды, моления и жертвоприношения *Турђ*, чтобы Всевышний ниспослал хорошую погоду, дожди, богатый урожай. Особый статус хозяина как жреца проявлялся и в том, что он выступал посредником между своей семьей и загробным миром, непосредственно вступая в контакт с представителями «того» света, прежде всего с душами умерших предков в их различных воплощениях. Безусловно, контакт с потусторонним миром, как и с верховным богом *Турђ*, был необходим хозяину постольку, поскольку он был призван обеспечить благополучие в семье и плодородие в хозяйстве³.

Ритуальную и магическую роль мужчины-хозяина в семье можно сравнить с ролью жреца, так как он был молещиком, забивал жертвенное животное, раздавал ритуальную пищу во время обряда и т.д. Его статус проявлялся прежде всего в организации и обеспечении обрядовой жизни семьи, что выражалось, в частности, в проведении календарных и охранительных ритуалов, магических практик.

Выполнять ритуальные действия глава семьи должен был в особой сакральной одежде. Приступая к молениям и жертвоприношениям, предводитель обряда всегда надевал свою зимнюю шубу (независимо от погоды), а шапку держал под левой подмышкой. По данным Д. Месароша,

низовые чувашаи во время молитвы руки опускали вдоль тела и делали поклоны. Верховые чувашаи, по его наблюдениям, испытали влияние ислама: во время молитвы руки соединялись в области пупка, а в конце молитвословия молещик, произнеся слово *сырлах* (помилуй), гладил свою бороду обеими руками сверху вниз, наподобие мусульман⁴.

Тюрколог Н.И. Ашмарин отмечал следующие особенности: во время обряда по случаю начала сева предводитель надевал шубу *кёрёк*, шапку клал под мышку. В молении божеству *мемеле* (*мамале*) существовал запрет на облачение в шубу, в связи с чем чувашаи использовали кафтан *сәхман*, пуговицы которого не застегивались, шапку также закладывали под мышку [с. Альшеево Буинского уезда Симбирской губернии, ныне с. Альшеево Буинского р-на Республики Татарстан (РТ)]. *Сәхман* надевался также и во время проведения ряда других обрядов, в частности, обряда вызывания дождя *Сумёр чук*, полевого моления *Учук* (с. Сиктерма Спасского уезда Казанской губернии, ныне с. Сиктерме Алькеевского р-на РТ). В целом, источники не всегда детализируют виды одежды, ограничиваясь терминами *кёлё тумтирё* (одежда для моления) или *тумтир* (одежда)⁵. Священник А.В. Рекеев писал, что хозяин дома облачался в «лучшую одежду и шапку»⁶. В некоторых источниках приводится цвет одежды – черный *чаппан асам* и черная шапка с околышем [д. Яншихово-Норваши Цивильского уезда Казанской губернии, ныне Янтиковского р-на Чувашской Республики (ЧР); д. Орауши Ядринского уезда Казанской губернии, ныне Вурнарского р-на ЧР]⁷.

Важной обязанностью мужчины в ритуально-обрядовой жизни чувашей являлся забой жертвенного животного. На этом действе остановимся более подробно, чтобы в дальнейшем в обрядах повторно не описывать порядок убоя скота. Существовали особые правила и нормы заклания жертвы. Первый шаг – удерживание скота за недоуздок, следующий – обливание водой. Следует отметить, что во время проведения ряда обрядов (*Юна*, *Кёр сәри* и др.) животное не обливали. Приведем конкретный пример. В качестве жертвы мужчина выбирал здорового барана, на его шею надевал веревку. Сначала он произносил молитву. Затем обливал животное водой и ждал «знака свыше», то есть момента, когда жертва встряхнется. Если это случилось, валил барана на бок на землю и закалывал – разрезал шею ниже гортани. В с. Микушкино (Бугурусланский уезд Самарской губернии, ныне с. Большое Микушкино Исаклинского р-на Самарской обл.) руководитель обряда не только поливал жертвенное животное водой, но и мыл его голову и ноги, а остатки воды выливал под ноги⁸. В с. Сиктерме (Спасский уезд Казанской губернии, ныне Алькеевский р-н РТ) жертвенному животному воду наливали в ухо, чтобы оно встряхнулось⁹. Существовал обычай мыть ушные поверхности и только потом с ковши наливать воду на спину: «...икё хәлха сине сәвать, унтан йна (шывне. – Е.С.) сийёнчен ярать»¹⁰ (моет оба уха, потом обливает водой). Например, в с. Орауши (Ядринский уезд Казанской губернии, ныне Вурнарский р-н ЧР) и с. Чурачики

(Цивильский уезд Казанской губернии, ныне Цивильский р-н ЧР) прежде чем снять шкуру, на грудной кости (хряще) мужчина делал надрез, в который клал комочек соли¹¹. А.К. Салмин приводит пример заклятия животного из источника XVIII в.: «Привязывают закалываемое в жертву животное головою вверх к сучку какого-нибудь дерева, с тем чтобы животное, обращенное к небу, просило Бога о ниспослании дождя для их полей. Но чтобы животное производило крик, для сего укалывают его шилом с обеих сторон. При таком уязвлении животное начинает кричать. И этот крик чувашки считали за признак, что животное угодно Богу и им будет полезно»¹². В д. Новые Атаи (Курмышский уезд Симбирской губернии, ныне Краснотетайский р-н ЧР) действие с жертвенным животным происходило следующим образом: если животное не встряхнется, меняли человека, который наливал воду на спину. Так могло смениться 5–6 человек¹³.

* * *

Рассмотрим роль и статус мужчины в чувашских обрядах, входящих в группу сельских (всенародные, межсельские, общесельские), домашних (семейные), а также охранительных, приносящих благополучие в делах. В группу хозяйственных ритуальных мероприятий теплого сезона, в которых главную роль играл мужчина, следует отнести обряды, связанные с весенним севом (*Ака пӑтти*, *Вӑрлӑх пӑтти*, *Акатуй*), с периодом роста и созревания хлеба (*Сумӑр чӗк*, *Синсе*, *Учук*), а также с уборкой хлеба (*Ана вӑй илли*, *Сурла хывни*, *Авӑн пӑтти* и т.п.). Проведение хозяйственных обрядов, связанных с мотивом оплодотворения земли и созревания ее плода, можно отнести к продуцирующей функции мужчины. Данный мотив, очевидно, возник еще в скотоводческий период жизни предков чувашей, когда год делился на два сезона¹⁴. В названных обрядах и ритуалах отчетливо проявляется культ божеств и духов, прямо или опосредованно связанных с земледелием.

Роль мужчины в обрядах, связанных с земледелием

Полевые работы мужчины начинали с весенней пахоты. При этом они обращали внимание на приметы перед посевом. Например, «весной нужно сеять в тот день недели, в который осенью был первый иней до выпадения снега», «весной нужно сеять хлеб в тот день недели, в который половодье достигло высшего предела»¹⁵.

Мужчина руководил предпосевными, посевными и послепосевными обрядами. Порядок исполнения мероприятий был строго регламентирован. В первую очередь хозяин устраивал обряды *Ака умӑ пӑтти* – моление кашей перед началом пашни, *Ака яшки/пӑтти* (букв. «посевной суп», «посевная каша») – обряды до и после сева, итогом служил праздник *Акатуй*¹⁶.

Перед посевом глава семейства готовил сельскохозяйственный инвентарь. Еще весной до сева и осенью перед озимым засеванием, по обыкновению, он просеивал горсть зерна на своей земле. Этот обряд назывался

Върлăх кăларни – вынос семян в поле. В знак особого уважения к земле крестьянин накануне сева тщательно мылся в бане и надевал белую одежду. Ночью мужчина верхом на лошади, взяв с собой мешочек зерна и яйца, ехал на свой участок земли. Сидя на коне, он произносил молитву и разбрасывал семена и яйца. Совершалось это для того, чтобы не обидеть землю «тяжелой человеческой ногой». После вспашки своей земли, в один из дней, кроме вторника, он отправлялся на поле и рассыпал зерно на первом попавшемся участке. Встреча с добрым человеком предвещала успех, с лысым – плохой урожай. Рассеивание семян происходило с просьбой о богатом урожае¹⁷. Перед началом сева совершался ряд обрядовых действий: глава семьи, встав напротив запряженных лошадей, осыпал их зерном и хмелем, чтобы пахота была такой же легкой, как хмель, чтобы зерно уродилось полное¹⁸.

Перед выездом на пахоту на рассвете все участники мылись в бане, ибо восход солнца считался чистым и благополучным, а дело, начатое в это время, обещало быть успешным. При этом чтение молитвы было обязательностью мужчины. В молитве он просил у бога *Турă* удачного начала и завершения посева, здоровья пахарям и лошадям. В первый раз выходя на сев, чувашки избегали встречи с человеком, который мог навести порчу. Если в пути встретится колдун, то, согласно поверьям, дело не будет спориться, в таком случае в поле не выходили, возвращались домой¹⁹. Прямо перед выездом из ворот хозяин мазал спину лошади маслом, чтобы спина не болела (д. Апанасово-Темяши Тетюшского уезда Казанской губернии, ныне Яльчикского р-на ЧР; д. Чувашская Менча Чистопольского уезда Казанской губернии, ныне Нурлатского р-на РТ)²⁰.

Повсеместно сев считался прерогативой мужчин. На сельском сходе взрослых мужчин выбирались люди, которые начинали пахоту и сев – сеятели. Они должны были обладать рядом качеств: быть трудолюбивыми, добрыми, честными, с «легкой» рукой. Обязательным условием считалось также проведение сева здоровым и нестарым человеком, обладавшим социальной полноценностью и высоким личным статусом, демонстрировавшим обладание «плодородной силой». В некоторых местностях (например, в д. Маслово Чебоксарского уезда Казанской губернии, ныне д. Маслово Козловского р-на ЧР) на этого человека указывал знахарь *йумăç*²¹.

Перед севом проводились различные действия. Глава семьи либо специально приглашенный для проведения молитвы человек, несмотря на погоду, должен был быть в шубе, а шапку держать под мышкой. Желательно молельщику нужно было иметь новую шапку хотя бы на время проведения ритуала. Если за хозяина молился другой человек, то он обязан был держать под мышкой шапку хозяина. Снятие шапки в обрядовом контексте означало обращение к божествам и духам, предложение им жертвы за благосклонность в прошедшем году и доброжелательность в будущем²².

Чувашский сеятель проводил работу вручную. На сев в поле он должен был выходить чистым, в чистой одежде, босиком, тогда урожай будет хорошим, а поле – чистым, как если бы его выпололи. В.К. Магницкий отмечал, что мужчина должен был сеять везде одинаково и аккуратно, но если случалось так, что он в одну сторону кидал семена две горсти подряд и при всходах появлялись плешины, то, по народным представлениям, у него должен был родиться сын²³. Нужно отметить тот факт, что в некоторых местностях (с. Алешкино Сенгилеевского уезда Симбирской губернии, ныне Сенгилеевского р-на Ульяновской обл.) сеятель вместе с семенами кидал яйца и освященную просфору. «Дети подбирают просфору и яйца. Во время обеда яйца и просфоры съедаются. Раньше делали иначе. Брали в поле лепешки (*пашалу*)... Отломив лепешку и собрав скорлупу, зарывали на меже»²⁴.

В течение всего посевного периода соблюдались обережные и магические действия. В день выхода на сев посторонним не давали вещей, в том числе идущему на сев, чтобы не ушло счастье, в противном случае, по поверьям, удача уйдет к другому человеку; существовал запрет бросать на загон предметы голыми руками, чтобы не осквернить священную землю и т.п.²⁵

С окончанием посевных работ каждой семьей в поле совершался обряд *Ака пйтми*. Главная роль отводилась мужчине – хозяину дома, сеятелю или предводителю обряда, который произносил молитву в честь божеств земли о ниспослании хорошего урожая, просил сберечь урожай от урагана и града, от злых сил, принести теплые дожди, благодатную росу, солнечные дни и т.д. Ложку каши, кусочек хлеба, «семенное» (*вйрлӑх*) или «петушиное» яйцо *автан сӑмарт* (для этого выбиралось самое маленькое яйцо) – глава семьи зарывал в пашне. Следует отметить, что засеянные в землю яйца символизировали обеспечение урожая полновесными крупными зернами. О таком предназначении свидетельствовали и слова, обращенные мужчиной к богу во время обряда: «*Тав тӑватӑн, нуҫсанатӑн, сӑмартӑ пек тутӑ нултӑр*» (Жертвую, молю тебя, пусть хлеб уродится полновесным, как яйцо). Хозяин починал пиво, чтобы угостить бога *Турӑ* и божеств земли, молился с поклонной головой, приветливым взглядом, теплым лицом, сладкими речами. Просил их дать изобилия *перекет*, сохранить дом, скотину, обеспечить детей²⁶.

К числу земледельческих можно также отнести обряд вызывания дождя *Сумӑр чуҫ*²⁷. В нем основная роль принадлежала старшему поколению. А мужчины среднего возраста, о роли которых идет речь в нашей статье, были лишь участниками в основной массе²⁸. Тем не менее нелишним будет привести интересный пример. Так, одна молодуха заперлась в избе и не давала себя облить. Тогда староста деревни велел мужчинам настоять на своем, чтобы как-нибудь облить ее водой, «хоть дверь изломать да войти, вытащить ее на волю. Так и сделали. Изломали дверь, вытащили ее наружу. И была облита водой. Этого мало. Взяли у нее рубаху,

штаны, лапти, онучи, бросили в воду». Думается, что в этом действии принимали участие и взрослые семейные мужчины. В основе обливания водой (особенно тех женщин, которые были первый год замужем) лежала имитативная магия и представления, связанные с культом плодородия²⁹.

Проведение обряда *Учук* было связано с созревaniem урожая. Происходило совещание уважаемых жителей селения – мужчины определяли порядок сбора продуктов и проведения мероприятия. Избирались и назначались на «должности» соответствующие люди, которые должны были собрать продукты для ритуального блюда. Выбирались мужчины, хорошо знающие слова молитвы и обладающие хорошими качествами (сакральная чистота, примерное поведение в быту, авторитет)³⁰. *Учук* являл собой общественный ритуал. Его пространством выступали природные объекты: овраг, берег ручья или реки, роща, холм, поле, располагавшиеся вокруг селения³¹.

Когда наступал обговоренный день для проведения обряда, собиралась группа мужчин (женщины и дети выходили позже)³². Мужчины брали с собой котел, дрова и все, что нужно для стряпни, готовили место для костра, вешали котел на забитые в землю колы и ждали жертвоприношения. В данном обряде ритуальную еду готовили мужчины. «Два чувашенина, раскурив свои трубки с табаком, сидят и подкладывают дрова под тот котел, в котором варится полбенная каша, а один мешает ее лопаточкою для того, чтобы она хорошо сварилась», – отмечал В.К. Магницкий³³.

Хотя произнесение молитвы перед жертвоприношением в данном обряде принадлежало старцам, забой скота осуществлялся мужчинами среднего возраста. Кровопускание и свежевание животного проводились в узком кругу определенных для этого мужчин. Их количество было нечетным – трое или пятеро. Хотя источники говорят об отсутствии женщин во время заклания животного и приготовления ритуальной пищи, один из информантов Н.В. Никольского записал следующее: «Пока мужчины разделывали быка, женщины разводили с десяток костров, чтобы в казанах сварить жертвенную кашу *учук пайтми*. После приготовления ритуальной трапезы, главой обряда снова произносилась молитва. Затем присутствующие рассаживались на траву и приступали к трапезе»³⁴. В Белебеевском уезде Уфимской губернии [территория современной Республики Башкортостан (РБ)] по окончании трапезы каждый домохозяин оставлял на месте *Учук* монеты, которые никто не осмеливался взять из страха заболеть или привлечь беду к себе и своей семье³⁵.

Специфическая атмосфера создавалась на сенокосе, где все работоспособное население деревни выезжало на луга и жило во временных хижинах (шалашах), или устраивался *чатър* с помощью полога. Н.В. Никольский отмечал, что у чувашей, «живущих вблизи речки Цивилия», существовал обычай на сенокос, как на свадьбу, выезжать на тарантасах, одеваться по-праздничному в белую одежду. Как и в проведении других аграрных обрядов, здесь главная роль принадлежала мужчине. Косить начинал человек с легкой рукой, честный, пользующийся всеобщим уважением.

Приступая к работе, он брал пучок травы и закладывал за спину, приговаривая: «*Пилёк ан ыраттър*» (Пусть не болит спина)³⁶.

Жатву также начинал мужчина. Обычно для этого выбирался особый, «благополучный» день – воскресенье, понедельник, среда или четверг. Глава семейства проводил обряды при зачине жатвы и ее окончании, которые имели сакральный характер. Молитва перед началом жатвы представляла собой диалог с богом *Турă* и его вестником *Пулёхсё*, которым сообщалось о совершении обряда выноса серпов *Џурла кăларни*, причем мужчина просил божеств помочь хорошо сжать и получить высокий урожай, без болей в пояснице. У божества загона *Ана турри* хозяин просил следующее: «Загон, дай силу, дома дай сметану, пояснице – удовлетворение, серпу – зубцов. Пусть хлеб будет бережливым»³⁷.

Самое большое количество чувашских обрядов приходилось на осеннее время. Одним из первых можно назвать благодарственное моление по случаю окончания молотбы *Авăн пăтти* «овинная каша» или *Авăн сăри* «овинное пиво». Все это действо происходило на гумне. Глава семьи руководил ритуальной частью обряда. После прочтения молитвы, сделав перед столбом земной поклон, он бросал в огонь ложку каши, предназначенной для хозяина овина *Авăн хуци*, а в подарок ему на шише оставлял необмолоченный сноп³⁸. По верованиям чувашей, если не оставить на гумне сноп, то теряется бережливость, урожай будет невысоким, женщины не смогут рожать, лошади – жеребиться. Если сноп установит мужчина, то родятся сыновья, если женщина – девочки³⁹. Словесные обращения главы семейства, в данном случае молельщика, к хозяину овина *Авăн хуци* имели форму просьб-молитв о благодарности, благополучном просушивании и сохранности хлеба: «*Эй, Перекет турри, сана асăнса сакă кĕлтене, анкартине, йĕтем юпине тăлăха, хĕсĕре ан хăварăр. Перекетлĕ ту*» (Бог изобилия, в честь тебя оставляем сноп на столбе, двор и гумно не оставь бесплодными. Сделай изобилие)⁴⁰.

С земледелием был связан обряд *Чўклеме* в честь благополучного завершения годового цикла сельскохозяйственных работ и нового урожая. В исследованиях предшественников и современников (Г.И. Комиссаров, Т.С. Пасек и др.⁴¹) *Чўклеме* относится к разряду праздников. В данной работе рассмотрим роль мужчин в его обрядовой части.

Ритуальное пространство *Чўклеме* (у средненизовых – *Сăра чўклени*; букв. «моление пивом») – это дом либо двор. Д. Месарош отмечал, что «сам хозяин варит пиво из ржи и солодового ячменя с хмелем, в случае праздника кладут в него и мед для лучшего вкуса и большего содержания алкоголя». Согласно источникам, в *Чўклеме* моление и жертвоприношение совершали пять мужчин во главе с хозяином дома либо специально выбранным человеком (если в семье не было столько мужчин, то к ним примыкали родственники; число 5 символизирует горизонтальную проекцию Вселенной: четыре угла и один центр). Приступая к молитвенной части, хозяин по традиции в шубе и с шапкой под мышкой в руках держал риту-

альную пищу, вкушение которой сопровождалось словами благодарности верховному богу и божествам⁴².

Высший мифолого-религиозный смысл и значение мужских обрядовых функций при пахоте, севе и уборке урожая сосредоточены в словесных приговорах, произносимых в начале этих работ. К примеру, основной смысл полевого моления *Учук*, как показывает знакомство с содержанием текстов молитв, исключительно аграрно-производственный. Во всех молитвах мы находим просьбу о дожде, тепле, об урожае вообще, о сохранении скота, об изобилии в доме, о здоровье, об охране от всяких опасностей⁴³.

В большинстве случаев приговоры обращены к богу *Турă*: «*Тав тăватăн, нуççапатăн, сичĕ тĕслĕ тырă-пулайăн вăрлăх пăтти чўклетĕн... Пĕр пĕрчĕ акса пин пĕрчĕ пар. Аминь, Турă, ан пăрах... Пиртен Кепене, Кеперен Турра ситтĕр. Тав тăватăн, нуççапатăн, сăмси-кăвапине. Аминь, Турă, ан пăрах, сьрлах*» (Благодарю, кланяюсь, приношу в жертву кашу за семь видов зерна... За одно посеянное семя дай тысячу семян. Аминь, Боже, не покинь. От нас к Кепе, от Кепе пусть дойдет до Бога. Благодарю, кланяюсь, пупком и носом лепешки. Аминь, Боже, не покинь, довольствуйся). То есть здесь «*аминь*» – завершающая формула молитвы в православии, а также *Кепе* – согласно чувашской мифологии, ангел, обитающий между небом и землей и доставляющий молитвы людей к Богу, объединены в одном тексте⁴⁴.

Роль мужчины в обрядах, связанных со скотоводством

Занятием скотоводством в течение двухсезонного (лето–зима) астрономического года можно объяснить возникновение обрядов моления в честь благополучия домашнего скота – весной *Карта пăтти* (букв. «каша скотного двора») «по зеленой траве», осенью «по первому снегу» с началом зимнего содержания скота – *Карташ (Карта йыш) пăтти, чўкĕ*. Они представляли собой семейно-родовой обряд благодарственного моления и жертвоприношения божествам и духам в связи с открытием и завершением скотоводческого сезона, содержавшего просьбу дать хороший приплод, содействовать плодовитости скота, благополучию, защитить животных от болезней, воров, волков. Данный обряд является очень древним, уходящим своими корнями к периоду господства в хозяйстве предков чувашей отгонного скотоводства. Это частично объясняется и тем, что *Карта пăтти* имеет одновременно две формы жертвы – кровавую и бескровную⁴⁵. Их ритуальное пространство было в доме или во дворе. Моление совершалось главой (старшим) дома или приглашенным знатоком молитвы (*мăчавăр* или *пĕлекен*). Основными действиями мужчины в обряде были следующие: моление с ритуальными блюдами (каша, лепешка *пашалу* с носом и пупком *сăмси-кăвапи*); кормление бога *Турă* и божеств-покровителей скота⁴⁶. Носы на лепешке мужчина вырезал вокруг, затем посередине, не прорезая насквозь, вырезал пупок величиной в две копейки. Потом, зачерпнув ложку каши, макал ее в масло, поверх каши на ложку складывал вырезанные носы и пупок и снова молился. Массу, находящуюся на ложке, предводи-

тель обряда кидал в огонь, отливал в костер и пиво. Затем две копейки монеты он заворачивал в белый платок и клал в трещину столба или на него со словами – «до базарного дня». В базарный день на эти две копейки покупал калач и на базаре же, покрестившись, съедал⁴⁷.

Существенная роль принадлежала хозяину дома в проведении обрядов, связанных с отелом коровы, – *Ёне ырри*. Как отмечается в источниках, этот обряд мог проводиться и женщиной. К изучаемому комплексу отнесены сюжеты следующей последовательности: отел, перенос теленка, дойка первая и первых дней, приготовление обрядового блюда, ритуальная трапеза, обставляемые рациональными и магическими действиями, молитвами и пожеланиями, в конечном итоге направленными на благополучие крестьянской семьи. Во время обряда хозяин дома по углам избы или на печку кидал несколько ложек приготовленного блюда – молозива *ёне ырри*, предназначенного для духа-покровителя дома и домашнего очага *Хёрт-сурт*. Кроме этого, блинами и молоком кормили корову и теленка⁴⁸.

Чувашей всегда беспокоило благополучие и здоровье домашней скотины. Как они объясняли, животное могло заболеть из-за порчи либо из-за тяжелой руки продавца. Глава семейства старался, чтобы этого не произошло, и часто оставлял в хлеву какие-либо жертвенные дары – молоко, хлеб. На случай повального падежа скота существовал обряд закапывания головы околевшего животного (лошади, коровы, овцы) там, куда загонялась скотина. Вариантом для закапывания могло служить место у столба ворот. Были случаи, когда зарывали голову черной собаки. Чувашки верили в то, что она не допускала злых духов во двор⁴⁹.

Покровителем домашних животных считался *Пихампар*, которого хозяин дома практически во всех молениях упоминал, благодарил и приносил жертву (пиво, каша, жертвенное мясо), чтобы и дальше получать защиту от злых духов⁵⁰.

Значимы поведение и роль мужчины в ритуале оформления купли-продажи домашней скотины и ввода ее в хозяйство, который был окружен специальными обрядами. Так, в д. Мусирмы (Цивильский уезд Казанской губернии, ныне с. Мусирмы Урмарского р-на ЧР) при покупке скота (например, лошади) домохозяин не брал голыми руками в первый раз веревку, которой заводили в хозяйство скотину: либо надевал рукавицы, либо брал подолом одежды⁵¹; а продавец никогда не отдавал узду⁵². В источнике находим сведения о суевериях при покупке скота. Например, в с. Городище Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Дрожжановский р-н РТ) не брали двужилую лошадь. А при покупке коровы смотрели на масть⁵³. «*Хура ёне сёчэ тутлă*» (У черной коровы молоко вкусное) – отмечалось чувашами⁵⁴. Корову тщательно рассматривали: «*Ёнене силлине кура хаклассё*» (Корову ценят по вымени) – говорили чувашки⁵⁵, «*Ёне ултă чёчеллĕ пулсан лайăх теçсё*» (Если у коровы шесть сосков, то это хорошо). Еще одна примета: у коровы должен был быть большой живот – «*шампа хыраймă*» и сухожилие хвоста ниже сгиба ноги, значит, она будет хорошей коровой⁵⁶.

Роль мужчины в охранительных и обережных обрядах

Роль и статус мужчин среднего поколения проявляется и в общественных ритуалах по избавлению от стихийных бедствий, прекращению или профилактике эпидемий, эпизоотий, и, конечно же, в благодарственных обрядах всевышнему. Это и было причиной созыва схода для решения проблемы, а именно – проведение различных мероприятий с целью прекращения бедствий посредством обращения за помощью к высшим божествам.

Обряды очищения на общесельском уровне включали следующие крупные действия – изгнание злых духов и болезней *Сёрен/Вирём*, прохождение в земляные ворота *Ѕёр ханхи*, девичья опашка *Хёр аки* и др., в которых мужчины являлись организаторами.

У всех этнографических групп чувашей *Сёрен/Вирём* совершался примерно одинаково. В обязанности домохозяина входило угощение пришедших детей *сёрен ачисене* пивом и кушаньями. Ибо если он не угостит их либо не позволит побить прутьями домочадцев, стены и т.д., то считалось, что семью настигнет несчастье, болезни. Таким образом, хозяин дома являлся охранителем своей семьи⁵⁷.

Роль мужчины также высока в другом защитном обряде – *Ѕёр ханхи* (прохождение в земляные ворота), общесельском обряде очищения и обновления. Для него могли устраивать и земляные ворота, поэтому он встречается и под буквальным названием «Проведение сквозь землю». Обряд фактически включал в себя два действия: добывание нового огня и прохождение в ворота. Основными участниками в подготовке и исполнении были мужчины. В первую очередь они рыли проем в земле, через который должны были пройти все население деревни и даже принадлежащий им скот⁵⁸. Мужчины же добывали огонь путем трения. К примеру, чувашаи Бугульминского уезда Самарской губернии (часть территории современной РТ) использовали два ивовых столба, между ними закрепляли круглый, заостренный на концах ивовый стержень *ургалък*; вершины столбов туго стягивали веревкой. Оббив *ургалък* два раза вожжевой (конопляной) веревкой, четыре (или более) человека брали ее за оба конца, дергали взад и вперед, быстро вращая стержень. Также добывали огонь трением веревки о вертикально вкопанный столб⁵⁹. В Чебоксарском уезде Казанской губернии чувашские мужчины для добывания огня использовали две дубовые плахи. Одну клали плашмя, другую использовали наподобие пилы, затем вдвоем начинали тереть их друг о друга⁶⁰.

В одном из источников, характеризующих обрядовую культуру чувашей Тетюшского уезда Казанской губернии (территория современной РТ), отмечено, что обряд *Ѕёр ханхи* «не носил праздничный характер, а потому приготовлений к нему никаких не было». Но это не соответствует действительности, так как приготовление ритуальных блюд во время его проведения было обязательным: каша на мясном бульоне, хлеб и соль, лепешки, вареные яйца. После обряда каждый домохозяин забирал головешку угля домой и тем самым обновлял огонь в домашнем очаге⁶¹.

Следующий обряд, в котором обязательно принимали участие взрослые мужчины – главы семей, был посвящен защите полей, селения, людей при помощи магического круга вокруг дома, усадьбы и т.д., который очерчивали железными предметами (в частности, плугом). У чувашей он получил название *тимёр карта* «железная ограда» (магический круг вокруг жилища, деревни, человека и др. для защиты от злых сил). Проводили его мужчины. Пословица «*Сухаласа пёттерсен ана тавра тимёр карта савёр*» (После окончания вспашки сделай магический круг – железную ограду) говорит о том, что чуваше считали, будто во вспаханной земле может поселиться злой дух, который будет препятствовать росту зерновых⁶². Поэтому существовала необходимость проведения этого обряда.

По случаю неурожая или эпидемии даже крещеные чуваше (например, с. Чутеево Цивильского уезда Казанской губернии, ныне с. Чутеево Янтиковского р-на ЧР) проводили моление *Аслă/Мăн чук* (большое или общественное жертвоприношение). Основными участниками обряда было мужское население деревни. «Женщины у чуваш в молениях не участвуют», – отмечал один из дореволюционных авторов⁶³. Конечно же, основными предводителями были старики, но и среднее поколение мужчин играло немаловажную роль, особенно в заклании жертвенного животного, разделке мяса, приготовлении ритуальной каши. Перед началом обрядовой трапезы *чук пушси* «главари жертвоприношения» и *келĕ калакан* «чтецы молитв» читали приуроченные к такому случаю молитвы⁶⁴.

Выше нами была отмечена ролевая функция мужчины как «медиатора»-посредника между своей семьей и «тем светом», связанная с культом предков. Чуваше поминали умерших почти во всех обрядах, выпивали ковш пива за души покойников. К примеру, поминание в пасхальный период происходило следующим образом. Хозяин дома садился за стол на подушку и «встречал» души мертвых людей – родственников. Называя имена покойников, он вкушал сначала ритуальную еду, затем пиво и крепкое питье. За ним эти действия повторяли жена, мать и другие домочадцы⁶⁵. В поминальном обряде *Автан сăри* (Петушиное пиво) роль и место домохозяйина была во многом аналогична – он также сидел на подушке за столом и «ждал» прихода умерших родственников. Стол ставился у двери, зажигались свечи, вкушалась ритуальная пища⁶⁶.

В рассматриваемый период чуваше находились на стадии перехода от своей традиционной религии к христианству. В источниках не раз упоминается, что чуваше проводили свои традиционные обряды, а потом шли в церковь или наоборот. В одном из источников читаем: «По совершении каждого чюка чувашенин обязательно должен был сходить в церковь села Ишак и поставить свечу пред иконой Св. Николая Чудотворца, или – по крайней мере приготовить монету, предназначив ее на покупку свечи к иконе Святителя»⁶⁷. А в другом источнике сообщается, что батюшка стал свидетелем моления киремети чувашами. После чего присутствовавшие там жители села пришли к священнику с повинной, пообещав срубить дерево, но с просьбой не доносить в суд об их обрядах⁶⁸.

Изученные нами источники и опубликованные материалы приводят к выводу, что роль и статус мужчины в обрядовой культуре чувашей были высокими и весьма значимыми. В его обязанности входили не только забота о содержании семьи, управление хозяйством, но и проведение общих и обязательных частей обрядов, связанных с молениями и жертвоприношениями. Чувашаи считали, что исполнение ритуалов здоровым и молодым мужчиной обеспечит успех в земледелии и скотоводстве. Особенно важно было участие мужчин в проведении охранительных и очистительных обрядов с целью прекращения различных общественных бедствий посредством обращения к божествам. К тому же глава дома должен был поддерживать связь с умершими предками, чтобы они не насылали беду и помогали в новых начинаниях.

Литература, источники и примечания

¹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 147. С. 224; Ед. хр. 173. С. 257; *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 93; Чувашская мифология: этнографический справочник / сост., авт. предисл., коммент. и прил. В.Д. Димитриев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. С. 193–194.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 72. С. 81; Ед. хр. 176. С. 76–77.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 173. С. 256–257; *Салмин А.К.* Предводители обрядов у чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. С. 24.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 72. С. 53; *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры / пер. с венг.: Ю. Дмитриева. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 106–107.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 21. С. 6, 10–11; Т. 29. С. 117–118, 507–508; *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка (СЧЯ). Казань, 1928. Вып. I. С. 81; *Салмин А.К.* Праздники, обряды и верования чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. С. 574.

⁶ *Рекеев А.В.* Разные чувашские моления // Известия по Казанской епархии (ИКЕ). 1898. № 5. С. 184.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 152. Л. 30 об.; *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Казань, 1929. Вып. II. С. 126.

⁸ *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Чебоксары, 1929. Вып. IV. С. 329.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 21. С. 8.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 152. С. 184 (д. Уралка Оренбургского уезда Оренбургской губ., ныне с. Новоселка Федоровского р-на РБ).

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 72. С. 52, 81; *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Чебоксары, 1937. Вып. XIII. С. 314.

¹² *Салмин А.К.* Праздники, обряды и верования чувашского народа. С. 29.

¹³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 152. Л. 108 об. – 109.

¹⁴ *Месарош Д.* Указ. соч. С. 100–101; *Родионов В.Г.* Чувашские календарные обрядовые тексты (к проблеме реконструкции основных циклов) // Традиционная культура народов Поволжья: материалы III Всерос. научно-практич. конф. с международ. участием (9–11 февраля 2016 г.): в 2 ч. Ч. 2 (М–Я). Казань: Ихлас, 2016. С. 122; *Салмин А.К.* Система фольк-религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. Вкладыш.

¹⁵ *Смоленский А.Б.* Чувашские приметы о погоде и влиянии ее на хозяйство. Казань: Тип. Губерн. правления, 1894. С. 71; URL: http://elbib.nbchr.ru/lib_files/0/kkni_0_0000190.pdf (дата обращения: 24.03.2023).

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 72. С. 86; Ед. хр. 160. С. 228; Ед. хр. 178. С. 293; *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Вып. I. С. 80–82; Культура чувашского края. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. С. 47; *Кондратьева Е.В.* Празднично-обрядовые традиции в общественной жизни чувашей и удмуртов. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 74; *Месарош Д.* Указ. соч. С. 109–110.

¹⁷ Месарош Д. Указ. соч. С. 61–62 (д. Алгаши Симбирского уезда Симбирской губ., ныне Цильнинский р-н Ульяновской обл.); Чуваши: Этнографическое исследование / проф. Н.И. Воробьев, А.Н. Львова, Н.Р. Романов, А.Р. Симонова. Ч. 1. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1956. С. 156.

¹⁸ Ашмарин Н.И. СЧЯ. Вып. I. С. 78; Денисов П.В. Религиозные верования чуваш (историко-этнографические очерки). Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1959. С. 128.

¹⁹ Чуваши / отв. ред.: В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова. М.: Наука, 2017. С. 457.

²⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. С. 40; Отд. III. Ед. хр. 152. Л. 10 об.

²¹ Там же. Ед. хр. 174. С. 264; Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881. С. 23–24; Тимофеев Г.Т. Тăхăрлă: Этнографи тĕрленчĕксем. Халăх сăмахлăхĕ. Ырса пынисем. Ырусемпе асăлĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2002. С. 158; Чуваши. С. 457.

²² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. С. 8, 11; Ед. хр. 29. С. 117; Ед. хр. 33. С. 288; Ед. хр. 72. С. 82; Ед. хр. 147. С. 194, 213, 224 и др.; Салмин А.К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. С. 559–560.

²³ Магницкий В.К. Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Казань: Тип. Губерн. правления, 1888. С. 9; Сбоев В.А. Заметки о чувашах: исследования об инородцах Казанской губернии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 38; Чуваши. С. 156.

²⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 285. С. 564–565.

²⁵ Там же. Ед. хр. 308. С. 141.

²⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 213. С. 461; Ед. хр. 574. С. 89; Ашмарин Н.И. СЧЯ. Вып. I. С. 80–83; Каменский Н. Остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1910. С. 12; Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 19–20; Месарош Д. Указ. соч. С. 129.

²⁷ Термин *сумър чўк* является наиболее утвердившимся и понимаемым словосочетанием. Моление о дожде известно у чувашей в разных вариантах и встречалось под различными названиями – *серси чўк* «воробьиное жертвоприношение», *сăмартă чўк* «яичная жертва» и т.д.

²⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 209. С. 360–361; Ед. хр. 574. С. 84; Ашмарин Н.И. СЧЯ. Чебоксары, 1937. Вып. XII. С. 237–238; Салмин А.К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. С. 57–58.

²⁹ Чуваши: история и культура. Т. 2 / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 135.

³⁰ Салмин А.К. Предводители обрядов у чувашей. С. 9.

³¹ Ягафова Е.А. Пространство праздников и обрядов в традиционной и современной культуре чувашей // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. № 2 (31). С. 218.

³² Некоторые источники говорят о полном отсутствии женщин на этом молении (см.: Записки А. Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Тип. Императ. Казан. ун-та, 1840. С. 19, 23; Месарош Д. Указ. соч. С. 115).

³³ Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 25–28.

³⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 147. С. 231–236 (записано в 1892 г. священником Василием Ефремовым в д. Новые Чукалы Буинского уезда Симбирской губернии, ныне Шемуршинского р-на ЧР).

³⁵ Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 31.

³⁶ Никольский Н.В. Краткий курс по этнографии чуваш. Чебоксары, 1929. С. 58; Культура чувашского края. С. 214–215.

³⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. С. 265; Ед. хр. 207. С. 194; Ед. хр. 215. С. 418; Ашмарин Н.И. СЧЯ. Вып. I. С. 240; Салмин А.К. Праздники, обряды и верования чувашского народа. С. 65–66; Тимофеев Г.Т. Указ. соч. С. 179; Каменский Н. Остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. С. 12.

³⁸ Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. С. 146–147; Месарош Д. Указ. соч. С. 124; Чувашская мифология. С. 81.

³⁹ *Медведев В.В.* Доместичированные объекты чувашей Республики Башкортостан и сопредельных территорий. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 280.

⁴⁰ Чăваш халăх пултарулăхĕ (ЧХП). Пилсемпе кĕлĕсем / кĕнеке йĕркелекенĕ В.П. Станьял, В.Г. Родионов. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2005. С. 323.

⁴¹ *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // ИОАИЭ. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1911. Т. XXVII. Вып. 5. С. 382 (Гл. «Праздники и увеселения»); *Пассек Т.С.* Круг чувашских праздников // Академику Н.Я. Марру. XLV / ред. И.И. Мещанинов; Акад. наук СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 527–541; *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 99–101; ЧХП. Пилсемпе кĕлĕсем. С. 80; Культура родного края. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. С. 175–177; *Месарош Д.* Указ. соч. С. 157–173; *Салмин А.К.* Праздники, обряды и верования чувашского народа.

⁴² НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 21. С. 165–169; Ед. хр. 147. С. 198; *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1875. С. 219–223; *Месарош Д.* Указ. соч. С. 132–143; *Салмин А.К.* Предводители обрядов у чувашей. С. 22; *Ягафова Е.А.* Пространство праздников и обрядов в традиционной и современной культуре чувашей. С. 218.

⁴³ *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. С. 137; *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 28.

⁴⁴ ЧХП. Пилсемпе кĕлĕсем. С. 306.

⁴⁵ *Родионов В.Г.* Чувашские календарные обрядовые тексты (к проблеме реконструкции основных циклов). С. 124–125.

⁴⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 21. С. 4–5; *Матвеев Г.Б.* Мифологические основы календарных обрядов чувашей // Исследования по этнологии чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. С. 120–121; *Ягафова Е.А.* Пространство праздников и обрядов в традиционной и современной культуре. С. 218.

⁴⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 172. С. 268 (Записано в 1910 г. среди низовых чувашей); *Месарош Д.* Указ. соч. С. 127.

⁴⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 33. С. 900; Ед. хр. 156. С. 363; Ед. хр. 247. С. 60–61; Ед. хр. 574. С. 97; *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. С. 153; Чувашская мифология. С. 15; *Фокин П.П.* Производственная обрядность современной чувашской семьи (На примере ритуального комплекса *ёне ырри*) // Материалы по этнографии и антропологии чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. С. 160; ЧХП. Пилсемпе кĕлĕсем. С. 333.

⁴⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 167. С. 79; Ед. хр. 177. С. 513 (зап. в 1910 г. д. Сабакасы Козьмодемьянского уезда Казанской губ., ныне Собакасы Чебоксарского р-на ЧР), 657, 678 (зап. 1910 г. в Курмышском уезде Симбирской губ., ныне Нижегородская обл.); *Салмин А.К.* Праздники, обряды и верования чувашского народа. С. 113–114.

⁵⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. С. 161–162 (зап. в 1895–1899 гг. в д. Кильдюшево Тетюшского уезда Казанской губ., ныне Яльчикского р-на ЧР); Ед. хр. 40. С. 268; Ед. хр. 160. С. 271 (зап. в 1906 г. в д. Белая Воложка Тетюшского уезда Казанской губ., ныне Яльчикского р-на ЧР); *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Чебоксары, 1935. Вып. IX. С. 251–252.

⁵¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 206. С. 176.

⁵² ЧХП. Ваттисен сăмахĕсем / пухса хатĕрленĕ О.Н. Терентьева. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2007. С. 327.

⁵³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 285. Л. 338 об. – Вообще, двужилый имеет обозначение «сильный», «выносливый». Но двужилую лошадь браковали. Так, считалось, что в них можно видеть «обратное», будто бы такие лошади живут двумя жизнями, имеют вампирические свойства (Славянские древности. Т. 2. С. 24, 31, 114, 593).

⁵⁴ *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Чебоксары, 1941. Вып. XVI. С. 195; ЧХП. Ваттисен сăмахĕсем. С. 411.

⁵⁵ ЧХП. Ваттисен сăмахĕсем. С. 66.

⁵⁶ ЧХП. Сăнавсемпе ёненĕсем, тĕлĕксем / пухса хатĕрленĕ Е.В. Федотова. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2009. С. 70.

- ⁵⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 145. С. 192, 453; Ед. хр. 151. С. 127; *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Чебоксары, 1936. Вып. XI. С. 316–318; *Тимофеев Г.Т.* Указ. соч. С. 157.
- ⁵⁸ *Прокотьев К.П.* Обряд прохождения в земляные ворота // ИОАИЭ. Казань: Типо-лит. ун-та, 1903. Т. 19. Вып. 3–4. С. 210–211.
- ⁵⁹ *Руденко С.И.* Добывание огня трением у чувашей. СПб.: Тип. А.Г. Розена, 1911. С. 62.
- ⁶⁰ *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 136.
- ⁶¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 31. С. 70; Ед. хр. 147. С. 239–240; Ед. хр. 215. С. 405; *Месарош Д.* Указ. соч. С. 118–119; *Салмин А.К.* Праздники, обряды и верования чувашско-го народа. С. 50–52.
- ⁶² *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Чебоксары, 1937. Вып. XIV. С. 43; ЧХП. Ваттисен с̆мах̆сем. С. 314; Чувашская мифология. С. 172–173.
- ⁶³ *Миролюбов В.И.* Из быта крещеных чуваш // ИКЕ. 1889. № 18. С. 497–498.
- ⁶⁴ *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. С. 135–136.
- ⁶⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 21. С. 533–534 (д. Трех-Изб-Шемурша Буинского уезда Симбирской губ., ныне с. Трехизб-Шемурша Шемуршинского р-на ЧР); Ед. хр. 160. С. 31; *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 184; *Сбоев В.А.* Указ. соч. С. 109.
- ⁶⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 21. С. 536 (д. Трех-Изб-Шемурша Буинского уезда Симбирской губ., ныне с. Трехизб-Шемурша Шемуршинского р-на ЧР); *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Вып. I. С. 62.
- ⁶⁷ *Спиридонов Г.* Из прошлого в жизни чуваш // ИКЕ. 1910. № 39. С. 1091.
- ⁶⁸ Случай из практики приходского священника у чуваш // ИКЕ. 1868. № 13. С. 366–368.

E.V. Sergeeva

THE ROLE AND STATUS OF MEN IN THE RITUAL CULTURE OF THE CHUVASH (THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURY)

Based on literary sources and archival materials, the author examines the role and status of a middle-generation man in the ritual culture of the Chuvash. The role and status of men are analyzed separately in agricultural, pastoral and protective rites.

Keywords: men, middle generation, ritual culture.

УДК 903.2(470.4)

ЧГВ, 2023 г., № 18
© А.А. Антипина

КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

В работе рассматриваются культовые памятники Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Проанализированы природные объекты, формирующие сакральное пространство, и памятники, созданные человеком, взаимосвязанные с окружающей средой, в отношении которых сложился целый комплекс обрядов, верований в рамках традиционной мифологии и культуры многонационального населения края.

Ключевые слова: культовый памятник, традиционная религия, чуваша, моление, жертвоприношение.

В научном плане культовые памятники Козьмодемьянского уезда Казанской губернии до сих пор оставались вне внимания специалистов. По составу населения данный уезд представлял многонациональный регион, соответственно был разнообразен и состав культовых памятников, оформившихся в качестве таковых в русле традиционной религии. По данным Всеобщей переписи населения 1897 г., в Козьмодемьянском уезде проживало 105 633 чел. В их числе крестьян насчитывалось 99 182 чел., или 93,9 %. Население состояло из чувашей – 49 943 чел. (47,3 %), марийцев – 38 392 (36,3 %), русских – 17 168 (16,3 %), а также представителей других этносов (татары, поляки, мордва, немцы, евреи, латыши и др.) – 130 чел. (0,1 %)¹.

Согласно «Своду этнографических понятий и терминов», понятие «культовый памятник» включает природные урочища и рукотворные объекты поклонения, связанные с народно-религиозными представлениями и ритуальной практикой². Данная работа является продолжением изучения культовых памятников и связанных с ними верований, элементов материальной культуры и обрядовой жизни чувашей. Понятийный аппарат терминов дан

Анна Анатольевна Антипина – младший научный сотрудник секции этнологии исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: annaaleksandrova1792@yandex.ru.

в предыдущих работах автора³. Особое внимание при исследовании культовых памятников уделяется их происхождению и трансформации.

Цель настоящей статьи – на основе опубликованных и неопубликованных архивных источников рассмотреть культовые памятники Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. При этом ставится задача классифицировать состав, выяснить происхождение и назначение и осветить сопровождающие их легенды, проследить их трансформацию под влиянием социально-исторических факторов.

Еще в середине XIX в. появились труды, в частности, С.М. Михайлова⁴, в которых были затронуты различные аспекты религиозной жизни чувашей Козьмодемьянского уезда, а также статьи священников в «Известиях по Казанской епархии»⁵. В качестве основного источника при выявлении культовых памятников края послужили как печатные, так и рукописные материалы видного этнографа второй половины XIX в. В.К. Магницкого. Культовым памятникам чувашей большое внимание уделил Н.В. Никольский, собранные им с помощью корреспондентов материалы хранятся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН). Они содержат много сведений о местах молений, жертвенных дарах, об их характере. Данные об обрядах и поверьях, непосредственно касающихся культовых мест, находим в трудах Н.И. Ашмарина⁶. В ходе работы над темой большое внимание нами уделено рукописному фонду К.В. Элле⁷, где также содержатся сведения о святилищах. Информация о некоторых культовых памятниках Козьмодемьянского уезда имеется в трехтомном научно-справочном издании «Археологическая карта Чувашской Республики»⁸.

С конца XVIII в. существенным фактором формирования своеобразных культовых памятников чувашей в Козьмодемьянском уезде явилась христианизация, когда на их традиционную культуру начали наслаиваться православные и иные национальные культурные традиции и нормы поведения.

Многоэтническое пространство Козьмодемьянского уезда в течение долгого исторического периода служило своего рода катализатором разнообразных культурных традиций. Жители уезда представляли тюркский, финно-угорский и славянский миры, которые с распространением и неуклонным укоренением христианства находились под его влиянием, что способствовало синкретизации религиозных верований и обрядовой культуры разных национальностей.

Несмотря на разнохарактерность выявленных культовых памятников, они могут быть объединены в отдельные группы, конечно, с известной долей условности. В качестве культовых памятников первой группы мы рассматриваем почитаемые культовые памятники, в отношении которых сложился комплекс обрядов и жертвоприношений, связанных с земледельческим культом: а) Главный киреметь; б) природные объекты, входившие в комплекс киреметищ (озера, родники). Ко второй группе относятся культовые памятники, связанные с культом предков: а) киремети, связанные с

именами основоположников рода, родоначальников; б) *Малем-хозя*; в) природный объект (лес); г) *йёрёх*.

Сакральные объекты, связанные с земледельческим культом

Источники свидетельствуют, что наиболее почитаемыми культовыми памятниками Козьмодемьянского уезда Казанской губернии являлись места проведения масштабных по количеству участников *Мӓн (Мун) киремет (Великий киремет)*. Территориально такие моления могли охватывать свыше десятка деревень и собирать несколько сотен человек⁹. Как отмечается в литературе, в регионах со смешанным национальным составом и на этнических границах в молениях участвовали также и представители соседних народов – мари и крещеные татары¹⁰. Места молений *Мӓн киремет* функционировали в следующих населенных пунктах Козьмодемьянского уезда: Кармыши, Новое Шокино, Эхветкасы, Большой Сундырь¹¹, Нижние Олгаши¹². Причем в Березовых Олгашах (ныне д. Нижние Олгаши Моргаушского р-на ЧР) на месте святилища находился лес, но со временем он поредел, и осталось поле. Как отмечается в источнике, на жертвоприношение и моление к киремети приходили «чуаш та, шармӓс та» (и чуваш, и маришцы) из дальних расстояний¹³. Обрядовые церемонии у данного вида культового памятника устраивались каждый год после окончания празднования *Синсе* с принесением жертв из крупного рогатого скота, каши, водки, сыченого пива и квашеного меда. За сакральным объектом обычно закреплялись служители традиционного культа и охранители (*киремет кётӓсӓсем*). Перед началом жертвоприношения охранители молища отправлялись на место киреметища, очищали пространство от мусора. Моления обычно проводились в течение трех и более дней¹⁴.

Как известно, к числу наиболее важных признаков святилища относятся предмет поклонения, культовые сооружения и жертвы¹⁵. Так, объектом поклонения данного вида святилищ является целый «штат» божеств *Мун киремет*: «мун-киремет-увынче» (предстоящий лицу Великой киремети), «мун-киремет-нюлюхе» (ее вестник), «мун-киремет-пуче» (отворяющий двери жилища киремети), «мун-киремет-кебе» (посланник киремети), «мун-киремет-хаяр» (прислужник киремети), «мун-киремет-тибери» (уборщик жилища киремети)¹⁶. В основном на таких сакральных местах устанавливался контакт с объектами почитания при помощи принесения кровных и бескровных жертв.

Сохранились архивные и опубликованные данные о совместных молениях чувашей и маришцев 13–15 декабря 1860 г. с участием 500 чел., в том числе «некрещеные и крещеные чуваше Царевококшайского и Уржумского уездов» близ д. Нуктужи Чебоксарского уезда. Узнав о предстоящем молении, местный священник среди прихожан неоднократно проводил пастырские увещевания, сообщил об этом становому приставу и в местное волостное правление, просил, чтобы власти удержали народ. Однако,

несмотря на это, моления состоялись. Никто из членов причта собственно церемонию моления не смог увидеть, так как они просто побоялись подойти. По той же причине не явились земская полиция и другие представители власти. В последующем данное действие вылилось в судебное разбирательство, подробности которого были опубликованы в Известиях Общества археологии, истории и этнографии в 1915 г.¹⁷

Жертвоприношение заключалось в заклании телят, овец и разной домашней птицы с просьбой ниспослания плодородия земле, приплода домашних животных и птиц и приумножения «новорожденных младенцев»¹⁸.

Стоит отметить, что культовые памятники функционировали в каждом материнском селении Козьмодемьянского уезда, в дочерних же деревнях дублировались памятники, имевшиеся в материнских селениях. Иногда у жителей нескольких селений было общее святилище. Этнографические сведения о большинстве культовых памятников можно считать утерянными по причине их табуированности. По мнению М. Васильева, «чуваши и черемисы-язычники» в основном уклонялись от рассказов о *киремети*¹⁹. Это связывалось, прежде всего, с верой в их вредоносную силу, отсюда и предписывались запреты и ограничения на распространение информации о сакральном объекте среди «посторонних людей». Как отмечает один из респондентов Н.В. Никольского П. Столяров, несмотря на то, что чувашаи Козьмодемьянского уезда давно приняли христианство, но, «будучи христианами, они не оставляли своих языческих богов – киреметей». Вплоть до XX в. приносили им жертвы в особых местах, по преимуществу в лесах, оврагах или же под каким-либо старым деревом. Таковых мест, как он отмечает, в Козьмодемьянском уезде несколько, но более известно одно близ с. Большой Сундырь, «называется святилище “*мун киремет*”, от этого же получил свое название и небольшой лес, в котором совершалось жертвоприношение»²⁰. По свидетельству этнографического документа можно предположить, что действительно в прошлые века здесь устраивались крупные жертвоприношения, так как из костей жертвенных животных образовался целый холм. Вероятно, эта местность была известна жителям весьма дальних селений, и сюда стекалось много народу²¹.

Согласно религиозно-мифологическим представлениям чувашей, святилище могло «мстить» за неуважительное отношение к нему. Ему молились и совершали ежегодное жертвоприношение *чүк* всем народом, чтобы плодородила земля и домашняя живность, и чтобы *киремет* не вредил.

Значимую роль в религиозно-мифологическом мире чувашей играли природные объекты – водные источники (реки, озера, родники и колодцы), которые населяли духи воды, олицетворяющие могущественную силу водной стихии: *шыври* (водяной), *шыври шуйттан* (водяной шуйттан), *шыв хуши* (хозяин воды), *шыв аишĕ* (отец воды), *шыв амăшĕ* (мать воды), *вутăш* (водяной), *шыв синкерĕ* (злой водяной дух) и др. Они могли навредить купающимся, насылая на них судороги и простудные заболевания, а переправляющихся по воде людей стремились утопить²². Во избежание тяжелой

болезни *шыв тытти* (букв. «вода хватает») нужно было придерживаться особого регламента поведения: строго запрещалось рубить растущие деревья, сквернословить и громко разговаривать.

По традиционным представлениям, божества и духи озера символизировали хтонических существ, через которых поддерживалась взаимосвязь между миром людей и силами нижнего мира. Путем задабривания обитавших в озере божеств достигалась гармония в сосуществовании человеческой и запредельной сфер мироздания.

Озера с уникальными природными характеристиками являлись своеобразной сакральной ценностью жителей окрестных селений и активно включались в культурный ландшафт местности. Нередко такие объекты играли роль духовной святыни для больших территориальных групп населения и выполняли этноконсолидирующие функции. Священные озера одновременно являлись и памятниками природы, и культовыми памятниками. Часто они сохраняли высокий сакральный статус на протяжении разных исторических эпох от древности до наших дней.

Особо выраженным сакральным смыслом выделялись озера под названием *Џутӑ кӳлӗ* (Светлое озеро). Обряды поклонения данному виду культового объекта были важнейшей сферой магической практики и входили в структуру многих сезонных земледельческих работ чувашских крестьян. По этой причине данный культовый памятник стоит рассматривать в контексте аграрных обрядов, так как он давал благоденствие в виде осадков. При нем соблюдался особый регламент поведения: в нем нельзя было плываться, стирать грязные вещи. При неуважительном отношении Светлое озеро будто бы могло даже улететь в другое место. По одной легенде, оно вместе со всеми своими водными обитателями «переправилось» во время тумана, а на прежнем месте осталось лишь торфяное болото. Причиной такого перехода якобы послужил поступок одной чувашской женщины, которая выстирала в нем грязное белье, чем осквернила воду в *Џутӑ кӳлӗ*, и озерный дух вместе с озером решил переселиться на новое место.

Светлое озеро считалось бездонным, так как имело подземное сообщение с морем, о чем свидетельствуют легенды о якобы найденных досках с разбившихся кораблей с надписями их названий. Интерес представляет повсеместно бытующее поверье: будто чувашаи часто пробовали измерить середину озера множеством связанных между собой веревок, но 17–19 саженой веревок не хватило. Первыми измерить дно подобного озера пытались марийцы Козьмодемьянского уезда в 1831 г. по приказу одного чиновника из г. Ядрин²³.

Места совершения обрядов, как правило, располагались вблизи почитаемых озер. Согласно этнографическим и фольклорным сведениям, такие сакральные озера находились близ населенных пунктов – Юнго-Ядрино²⁴, Максикасы²⁵, Кадикасы²⁶ Козьмодемьянского уезда. Данные озера были названы чувашами *Џутӑ кӳлӗ*, оттого что «как только выглянет солнышко, так моментально на этом “озере” получается отражение

солнечного света»²⁷. О священном озере *Џутӑ кӳлӗ* близ д. Максикасы у местных жителей бытовала уникальная легенда: «Когда приходилось пахать около этого “*Џутӑ кӳлӗ*”, тогда постоянно из него выходила черная кобылица и донимала пахарей. Те вздумали один раз ее запрячь в соху. Кобылица рванулась и ушла прямо в озерцо, затем она выбралась на противоположный (левый) берег р. Волги, где находится ныне “Кантӑр кӳлли” (Конопляное озеро). Соха же оказалась подвешенной на ветвях высокой сосны. Эти два озерца, продолжает предание, имеют подземное сообщение»²⁸. Легенда имеет свою подоснову, так как чувашаи часто представляли озерного духа в виде коня. В источниках упоминается о том, что крестьяне в годы засухи в качестве жертвы ему приносили жеребенка. Согласно традиционным верованиям, на молодых жеребят дух *Џутӑ кӳлӗ* может ездить быстрее, и таким образом он лучше справляется с дождевыми тучами.

Как сообщал в 1911 г. один из корреспондентов Н.В. Никольского чуваш Григорий Никитин (сын крестьянина из с. Юнго-Ядрино), кроме молений в случае неблагоприятных природных явлений, у священного озера *Џутӑ кӳлӗ* у с. Юнго-Ядрино проводилось еще ежегодное моление *чӳк*, которое являлось одним из важных и обязательных в цикле земледельческих обрядов²⁹. Обряд жертвоприношения совершали в весенне-летний период после посевных работ с целью обеспечения благополучия для жителей, хорошей погоды и своевременных дождей. Обряд включал закаливание бычка или жеребенка белой или черной масти, приготовление ритуальной каши и общую трапезу.

По сообщению того же информанта, священное озеро у с. Юнго-Ядрино (ныне с. Юнга Моргаушского р-на) известно легендой о черной кобылице с похожим мотивом, что и по озеру у д. Максикасы³⁰. Впоследствии озеро высохло. Только на следующий год соха была обнаружена у озера Юксар близ марийского селения Юксары*. По сведениям другого информанта Ивана Васильева, в с. Юнго-Ядрино Татаркасинской волости Козьмодемьянского уезда одна женщина выстирала в озере грязные пеленки ребенка, вследствие чего обитавший в озере дух, рассердившись, оставил это место и переселился на другое³¹. По имеющимся данным начала XX в., помимо культового памятника *Џутӑ кӳлӗ* близ с. Юнго-Ядрино известны сакральные луга *Сар-хорӑн* и *Шор-хорӑн*, где происходили жертвоприношения. Сведения о территории локализации жертвоприношений, к сожалению, не сохранились. Предположительно, данные культовые места являлись местами поклонения предкам, на которых с течением времени могло и не остаться почитаемых деревьев. Помимо всего, у данного селения в заметке Н.И. Золотницкого указаны культовые памятники «Холодон», «Тобаляк-киреметь», «Хорадон-киреметь»³².

* Село Юксары расположено на берегу одноименного озера в Килемарском районе Марий Эл. Окружено лесами и болотами. Само же озеро междюнного происхождения, но, вероятно, есть отдельные карстовые провалы, питание подземное и через болотные ручьи.

Таким образом, культовые памятники с характерным наименованием *Џутӑ кӳлӗ* были широко распространены в Козьмодемьянском уезде. Священные озера были известны жителям марийских и русских селений данного уезда, где в 1852 г. было выявлено 61 озеро³³. В большинстве селений моления у священных озер перестали проводить уже в конце XIX в. Относящиеся к разным населенным пунктам озера *Џутӑ кӳлӗ*, о сакральном статусе которых известно по фольклорно-этнографическим данным, объединяют общие черты. К ним относятся комплексность проводимых возле них религиозных церемоний, включавших календарные обряды, связанные с аграрным культом, индивидуальные моления, эпизодические экстраординарные жертвоприношения.

Необходимость полноводного источника с питьевой водой была важным аргументом при основании поселения. Таким образом, практически при каждом селении присутствовал **родник**, который обладал большой значимостью для его жителей. У чувашей многие родники считались киреметными, то есть местами обитания *Киремети*. Наличие родника имело не только сакральное, но и практическое значение: во время обряда из него могли брать воду. Формирование родников и ключей в качестве культового памятника в чувашской традиционной религии связано с поклонением божествам воды. По этнографическим сведениям, особое значение для жителей Козьмодемьянского уезда имел родник *Сартӑван* у д. Максикасы (ныне Моргаушский р-н) близ урочища под названием «Сартӑван»³⁴. В рамках культовой практики, посвященной этому роднику, выделяется специальное жертвоприношение, проводившееся около него осенью, что подчеркивает важность данного культового памятника и его высокий сакральный статус. Речь идет об обычае осеннего чуклевания – благодарственного моления верховному богу *Аслӑ (Мӑн) Турӑ* и добрым божествам в честь благополучного завершения годового цикла земледельческих работ. У средненизовых чувашей данный обряд известен под названием *Сӑра чӳкӗ* (моление пивом). У жителей д. Максикасы сохранилось поверье о кладе с 70 бочками денег, который охраняют 12 солдат. Скорее всего, данный родник вместе с киреметью *Сартон* (*Сартуан* и *Сартӑван*) возле деревень Верхние и Нижние Олгаши Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне Моргаушский р-н) представляли единый сакральный комплекс.

Родники имели важный статус в сакральном пространстве селения. По регламенту, около них нельзя сквернословить, брать оттуда воду без предварительного жертвоприношения. В случае ненадлежащего поклонения сакральному объекту он мог «перехватывать кашлем». К ряду такого культового памятника, как свидетельствует этнографический источник, относился родник, находившийся у д. Максикасы. По поверью, больные люди исцелялись только после того, как приносили к нему в дар деньги, хлеб, орехи³⁵.

Формирование родников как культовых памятников и структуру связанных с ними обрядов следует рассматривать в рамках традиционного представления чувашей о карающей силе «мстительной» и «злой» киреме-

ти, местопребыванием которого является родник, для своих врагов или обидчика. Источники свидетельствуют: «Если чуваша имеют между собою вражду, то один из них старается у своего противника оторвать кусочек от какой-нибудь вещи и, завязав в оторванный кусок камень, бросает в родник, чтобы киреметь мстила тому лицу и наводила на него болезни и корчи»³⁶. В таком случае в этот же родник в виде подношения киремети обыкновенно пускается щука, хотя и неживая; если же кому не удастся достать большой щуки, тот покупает хотя бы голову и бросает ее в родник. По верованиям чувашей, щука пускается для того, чтобы она могла вытащить все брошенные врагом оторванные кусочки от вещей, тем самым нейтрализуя навводимый киреметью вред³⁷. Культовые памятники такого рода имелись и на территории Козьмодемьянского уезда. Среди них – родник рядом с лесом под горой близ д. Москаасы (Моргаушский р-н)³⁸. Особое почитание данного родника выражалось в специальном жертвоприношении. К нему в летнее время до определенного времени пускались живые утки, куры. Также подбрасывались разные куклы, блестящие жестянки вместо настоящих монет. Иногда вместо домашней птицы бросали в родник умерщвленных маленьких птичек (синичек)³⁹.

Особое почитание родников и обитавших там божеств выражалось в определенном поведении людей, оказавшихся рядом с ними. Перед тем как набрать или напиться воды из источника, следовало вначале принести ему небольшое жертвоприношение. Согласно народным представлениям, пьющий воду из ключа человек обязательно «захворает». Для предотвращения болезни каждый человек по отдельности должен был принести в жертву кусочек хлеба, яйца. В рукописном фонде К.В. Элле сохранились данные о подобных родниках в д. Турыкасы (ныне Чебоксарский р-н) под названием *Тытакан сӑл* (Хватающий родник). С древних времен этот киреметный родник *Тытакан сӑл* для местных жителей являлся священным⁴⁰. В том же источнике в данном селении же отмечен родник под другим названием *Часаш сӑлӗ* (предположительно, мужское имя)⁴¹.

Таким образом, рассматриваемая нами культовая практика, связанная с водными источниками (родниками) Козьмодемьянского уезда, связана с традиционными дохристианскими представлениями, а сами родники являлись в основном местами индивидуального моления пребывающему в них *киреметю*.

Сакральные объекты, связанные с культом предков

У чувашей Козьмодемьянского уезда особое место в системе традиционных взглядов занимает почитание культовых памятников, связанных с культом предков. Как отмечает Н.Р. Романов, культ предков является почитанием духов умерших сородичей, основанный на традиционном взгляде о загробном существовании мертвых⁴². Особо почитались культовые памятники, связанные с именами основоположников рода, родоначальников, которые приобретали со временем характер территориальных или мест-

ных почитаемых. Участки, где они находились, являлись местами жертвенных приношений и молений и наделялись особым сакральным смыслом.

Есть сведения о культовом памятнике в честь Гурия Щеголя у д. Чандрово Козьмодемьянского уезда (ныне Чебоксарский р-н), возникший, как сообщает В.К. Магницкий, в XIX в.⁴³ Примечательно, что легенда о его происхождении схожа с марийским сказанием о появлении киремети под названием Макар. Гурий по фамилии Щеголь и Макар были богатеями, завладевшими обманным путем общинными землями. Когда мир стал высказывать им претензии, они использовали хитрость: во всех четырех углах присвоенных участков вырыли по яме, посадили туда своих сыновей, дав им соответствующий наказ: при обращении с вопросом «чья земля?» отвечать, что земля принадлежит Щеголю и Макару. Сооружения сверху прикрыли землей. Затем на свои владения привели односельчан и разыграли нехитрый спектакль. Обман прошел с большим успехом, и они сохранили за собой присвоенные участки, но в итоге заплатили чудовищную цену за свою проделку. Земля проглотила сыновей за то, что их отцы обманом взяли загоны. Позже место их гибели стало киреметью⁴⁴. Данная легенда указывает на существование у чувашей и марийцев в этноконтактной зоне схождения в религиозных воззрениях и традициях.

По данным В.К. Магницкого, жители д. Чандрово и окрестных деревень при заболевании прибегали к помощи киремети *Гурий Щеголь*. Говорили, что их ломают Щеголевы сыновья, и выясняли у ворожеев и ворожейек, чего Щеголевы сыновья требуют и чем их надо замолить. Ворожейи и ворожейки советовали просителям отнести на то место, где был загон земли, взятой обманом, вощенные свечки и животных (лошадей, коров, телят, баранов, гусей, уток и кур). Регламент жертвоприношений согласовывался с ворожеем. Согласно его наказу, животных закалывали или отпускали живыми, кому как велел ворожей.

Таким образом, частные случаи обращения к данному культовому памятнику и удачное, как вначале казалось обращающимся жителям, решение индивидуальных проблем со временем привели к тому, что эту киреметь начали почитать и жители окрестных селений. Как отмечается в источнике, «жители здешней окрестности сначала так же сильно почитали новую киреметь и боялись ее, как станового пристава»⁴⁵. Спустя некоторое время данный культовый памятник растратил свой общественный статус. Это произошло, скорее всего, из-за того, что не стало людей, хорошо знающих церемонию поклонения святыне. Одной из основных причин приостановки поклонений было то, «что требуется много денег на моления, и мало-помалу стали обманывать ее и не так стали бояться; а некоторые отказались от нее вовсе»⁴⁶. Тем не менее большое число жителей еще продолжало почитать данный культовый памятник, но в видоизмененном виде. К началу XX в. культовая практика жителей деревни выражалась в молениях в рощах – ставили свечи к дубам или пенькам. Вместо кровавых жертвоприношений приносили изготовленные из теста изображения лоша-

дей, коров, телят, баранов, гусей, индеек, уток и кур, которые ставили на ножки вместе со свечами. Участники обряда поклонялись, становясь на колени, держа шапку за пазухой. Некоторые участники молений ставили целую бутылку водки с двух- или трехкопеечной булкой⁴⁷.

Священник Н.В. Смеловский из с. Анат-Киняры Козьмодемьянского уезда (ныне Чебоксарский р-н) во второй половине XIX в. выяснил у местных жителей данные о культовом памятнике *Чора Паттыр*⁴⁸. Согласно им, *Чора Паттыр*⁴⁹ (перевод в источнике: *Чора* – слуга; *паттыр* – сильный, силач) представлялся великаном, одна нога которого находилась на правой, а другая – на левой стороне р. Волги. Согласно легенде, основное его занятие – обкрадывание судов. Он был убит в стычке и зарыт на берегу р. Волги. Предположительно место поклонения находилось в 8 верстах к северу от с. Анат-Киняры на берегу реки в казенной дубовой роще, граничащей к востоку с деревнями «Вурман кас» (ныне д. Вурманкасы Чебоксарского р-на), «Хыр касси» (ныне с. Хыркасы Чебоксарского р-на); к югу в двух верстах от деревень «Малые Ишлей» (ныне д. Питикасы Чебоксарского р-на), «Шобашкар кас» (ныне д. Шобашкаркасы Чебоксарского р-на), «Кибечь» (ныне д. Кибечкасы Чебоксарского р-на); к западу «Шомик» (ныне д. Шомиково Моргаушского р-на)⁵⁰. По «наказу йомзей» чувашские богомольцы из других уездов во время паломничества в церковь св. Архангела Михаила в с. Ишаки (Байзарино) Янгильдинской волости Козьмодемьянского уезда (ныне Чебоксарский р-н), непременно заходили в эту рощу.

В святые *Чора Паттыр* возведен первоначально татарами, а затем чувашами. Как известно, эпические произведения, связанные с именем Чура батыра, являются литературно-культурным наследием сразу нескольких тюркских народов. В творчестве этих народов, имеющих единые корни и когда-то входивших в состав Золотой Орды, героический образ Чура батыра отображается в многочисленных преданиях⁵¹. Данный культовый памятник возник на территории Козьмодемьянского уезда в ходе взаимодействия с разными по этническому и конфессиональному составу селениями (чуваша и татары) в контексте религиозно-мифологических и обрядовых элементов уже предположительно в XIX в. Таким образом, произошло взаимообогащение, при котором отдельные составляющие, внедрившись в традицию соседствующих народов, трансформировались и по-новому переосмыслились в соответствии со сложившимися у местного населения народными представлениями. Данные обстоятельства, как отмечал в 1909 г. священник Т. Земляницкий, повлияли на появление другого культового памятника *Чура паттър* [вариативность *Чора (Чура) паттър*] среди чувашей с. Анат-Киняры. По его данным, культ «поклонения душам умерших знаменитых лиц» построен на страхе перед ними, так как последние представлялись злыми и мстительными. В новых конфессиональных условиях (с принятием христианства) местный образ киремети *Чура паттър* смешался с образом священника, которого в прошлом за суровый характер про-

звали именем данного киреметя⁵². Можно сделать вывод, что традиционная культовая практика жителей Козьмодемьянского уезда, претерпев изменения, адаптировалась к условиям, и соблюдалась в несколько трансформированном виде вплоть до начала XX в.

Наиболее распространенным культовым памятником в Козьмодемьянском уезде является *Малем хозя/Мелим хози/Балын хозя*⁵³. По мнению В.Г. Родионова, обозначенный дух примерно до начала XV в. (до образования «дикого поля») числился в составе главных *ырă*, рядом с ним непременно фигурировало имя билярского святого *Валем хузя*⁵⁴. Как отмечает С.М. Михайлов, «в Козьмодемьянском же уезде в одном лесу на горе существовала у чуваш киреметь, называемая *Валим-хозя*, – вероятно, испорченное болгарское или татарское *Балын-хозя*, имя Булымерского царя...»⁵⁵.

Как отмечают специалисты, *Валим-хозя* является самым главным и старшим духом предков в религиозно-обрядовой жизни чувашей, почитание которого ведется со времен Волжской Булгарии⁵⁶. Согласно имеющимся данным, места поклонения киреметя *Валем хозя* отмечаются, в частности, в следующих населенных пунктах Козьмодемьянского уезда: д. Юнгапось Татаркасинской волости (ныне д. Юнгапоси Моргаушского р-на)⁵⁷, с. Большое Карачкино (ныне Моргаушский р-н)⁵⁸, с. Юнго-Ядрино (ныне с. Юнга Моргаушского р-на)⁵⁹ и д. Яндушевой (Яндушево, мар. *Яндусола*, ныне д. Яндушево Горномарийского р-на Республики Марий Эл – РМЭ)⁶⁰.

На основании религиозно-мифологического сюжета выясняется, что культовый памятник *Малем хоџа* возник в данном уезде в близко расположенных друг к другу селениях Юнгапось и Юнго-Ядрино. Два сохранившихся мифа со схожим содержанием мы находим в архивных фондах К.В. Элле и Н.В. Никольского⁶¹. Можно предположить, что данный культовый памятник возник в указанной местности в начале XVIII в.⁶² В этот период формировалась сундырская подгруппа верховых чувашей, куда относились указанные селения. По легенде, записанной от местного чуваша Ивана Васильева в с. Юнго-Ядрино Татаркасинской волости Козьмодемьянского уезда в середине 1911 г., в данной местности жил сборщик податей по имени *Малем хозя* с шестью сыновьями. В ней рассказывается следующее: «Раз он с сыновьями поехал в город Алатырь вносить деньги в казначейство. Деньги наклали в “хайманы” (меха из лошадиных шкур)... Хайман повесили на лошадей и поехали верхом. В Алатыре в то время была страшная эпидемия (чума либо холера или что-нибудь другое). Жители города почти все поумирали. Деньги выносили в кулях, мешках, сундуках на улицу и оставляли там же. Малем-хозя наклали на своих лошадей денег и приехал обратно домой. У него было в семье шесть сыновей, две дочери и одна сноха, которая взята была из “Вурман-џорт” (поле через овраг). Всей семьей всю ночь на столе пересчитывали кучи денег. К утру они все лежали на полу, выпуская изо рта пену. Вскоре, конечно, умерли. Две дочери убежали совсем из дома, а сноха ушла к родному отцу в “Вурман-џорт”. Мужики, проезжавшие неподалеку от Малем-хозя, пришли

туда, деньги положили в сундук и поставили в лачугу, не касаясь, конечно, руками. А самих покойников баграми зацепили и положили в одну яму. С тех пор сюда никто не заходил и ничего отсюда не брали, даже прутика. Не ломали, боясь смерти. Лачуга тут же сгнила. Через несколько лет пастушок нашел эти деньги и принес дедушке несколько монет серебряных, но дедушка велел отнести их туда, откуда были взяты, боясь заразы. Пастушок так и поступил. Об этом он рассказал товарищу-пастуху. Тот попросил показать сундук с деньгами. Позже они сходили на то место, но ничего не нашли. Пастух, подозревая того пастушка, который нашел было деньги, в укрывательстве, зарезал товарища в лесу же»⁶³. Со временем данное место превратилось в объект почитания у местного населения. Так, по преданию, на том сакральном локусе время от времени «горят» деньги⁶⁴.

Не менее любопытные сведения о *Мелим хузя* опубликовал в 1876 г. В.К. Магницкий в статье «О жертвенных приношениях чуваш»⁶⁵. Так, в д. Маслово Чебоксарского уезда Казанской губернии в «анбаре» отставного солдата-чуваша Ивана «на деревянных, вбитых в стену гвоздях стояла, наподобие иконы, квадратная березовая, вытесненная топором и без всякого изображения, представлявшая собою духа Мелим-хузя, доска...»⁶⁶. Чуваша молились перед ней коленопреклоненно и без крестного знамения. Моление происходило в индивидуальном порядке: «*Мелим-хузя, помилуй меня! Прости из снисхождения! Я дам в подарок (тебе) монету старинного серебра. Детям моим, домашнему скоту и всем дай здоровья. Помилуй!*»⁶⁷. Отсюда можно сделать вывод, что данный религиозный объект с болгарских времен претерпел значительную трансформацию, то есть образ «осовременился», с сохранением некоторой доли своей первоначальной сакральной значимости.

Как известно, в дохристианских религиозных культах и традициях верований горных марийцев и верховых чувашей очень много схожего. В рукописном фонде В.К. Магницкого и Н.В. Никольского имеются данные о местах моления киреметю «*Малем-хозя*»⁶⁸ в с. Большое Карачкино Козьмодемьянского уезда (ныне Моргаушский р-н) и киреметю «*Мелим хози*»⁶⁹ близ д. Яндушевой (ныне д. Яндушево Горномарийского р-на РМЭ). В чувашско-марийском округе с. Большое Карачкино национально-смешанные браки были явлением распространенным: «У черемисина найдешь чувашскую жену, а у чувашина – черемисскую», в селах и деревнях общались на двух языках – чувашском и марийском⁷⁰. Весьма вероятно, что в ходе семейно-брачных отношений появился культовый памятник киреметь *Малем хозя* в д. Яндушево Горномарийского района Марий Эл. Параллели в религиозно-обрядовой жизни двух народов имеют свою историческую подоснову. Козьмодемьянский уезд до заселения чувашами являлся территорией проживания марийского населения, о чем свидетельствуют и археологические находки⁷¹. Как отмечает О.П. Вовина, преемственность религиозных традиций соседей – чувашей и горных марийцев – отразилась и в топонимике, что указывает на взаимосвязь поселений с сакральными местами через имена основателей, мест их захоронений и производимой на

соответствующем пространстве культовой практики, что нашло примечательное отражение, в частности, в названии пос. Кугеси Чебоксарского района (ранее Кугушево). Его марийское название Кугу-Кюсю означает «великое моление». Эти места религиозного поклонения горных марийцев перешли впоследствии в распоряжение переселившихся сюда чувашей⁷². Таким образом, прачувашское население, расселившееся на территориях, ранее заселенных марийцами, впитывало в себя и некоторые элементы бытовой и религиозной жизни последних.

В архивном фонде В.К. Магницкого имеется письмо В.Н. Орлова от 3 мая 1900 г. с уникальными данными по нашей теме. Он пишет, что в 40 верстах от с. Ильинка Козьмодемьянского уезда (ныне Моргаушский р-н) практиковалось совместное моление марийцев и чувашей каменным изваянием барана, что находит параллели с культами других народов. Надо сказать, что данный факт до сих пор не удостоен внимания исследователей. Как известно, каменные изваяния баранов были широко известны древнетюркским народам, они устанавливались как надмогильные камни. Например, на территории Азербайджана и всего Южного Кавказа найдено немало каменных надгробных изваяний баранов.

В.Н. Орлов указывает, что одно из зооморфных каменных изваяний находилось там, «где существует паромная пристань, за Волгой, в лесу, среди черемисского населения», в натуральную величину, с завитыми рогами. Около него стояла лачужка, где жил охранитель этого барана, который исполнял обряд *Киремет шалма*. Тут же находилось четыре улья, а перед изваянием ставилась кадушка с медом. Всякий, кто приходил на поклонение барану, мог откусать мед, но не иначе, как предварительно внеся деньги, кто сколько может, в особую сокровищницу, расположенную при каменном его изображении.

Почитание каменного изваяния барана выражалось в паломничестве к этому месту. Как отмечает В.Н. Орлов, туда стекались не только жители из окружающей местности, но и из далеких территорий, в том числе и чуваш. Акт паломничества производили во второй половине дня, по ночам⁷³.

При личной встрече с В.К. Магницким В.Н. Орлов дополнил свой рассказ следующими подробностями: «1-е каменное изображение барана находится где-то в лесу, где лесопромышленникам отводятся делянки. Двух таких баранов в черемисской стороне в разных местах имеется несколько. Одного из них удалось похитить бывшему прикащику Козьмодемьянского лесопромышленника... На поклонение фигурам баранов с горной стороны приезжают и чуваш»⁷⁴.

Особую значимость как место совершения обрядовых действий в народной религии чувашей Козьмодемьянского уезда занимает **лес (отдельное дерево)**. До перепланировки крестьянских усадеб чувашей во второй половине XIX в. в них имелось огороженное место – мольбище *мӓн кӓлӓ* (большое моление), где резали жертвенных животных. У верховых чувашей данного уезда таким местом служило также *чӱк йывӑсси* (дерево жерт-

воприношения), которое росло во дворе. Как отмечает Паллас, в XVIII в. около него совершали жертвоприношения «отдельные семьи или сродства»⁷⁵. По сведениям Д. Месароша, золу с сожженными костями жертвенных животных сыпали к корням этого дерева. С данного дерева срывали небольшую ветку, с помощью которого брызгали на жертвенное животное водой⁷⁶. Также в традиционном сознании чувашей деревья выступают одними из маркеров сакрального пространства в почитании духов предков. Они располагались за пределами населенных пунктов, являлись в основном местами индивидуального моления с жертвоприношениями. Помимо сакрально-магического значения дерево имело и практическую пользу в деле защиты дома от пожара. Так, по сведениям Василия Митрофанова из д. Изамбаево Малокарачкинской волости (ныне Ядринский р-н), *«чăвашем кил-çурт йёри-тавра йывăç лартса тултарма йуратаççĕ. Пуринен ытла хурăна йуратаççĕ, çавăнна ана нумай лартма тăрйашаççĕ. Чăнах çав усăллă йывăç. Вăл вут-кăвартан хăтарат тата килёшĕ кўртет»* (Чуваши любят обсаживать дом деревьями. Больше всего любят березу, которую больше всего и сажают. Действительно, очень полезное дерево. Защищает от пожара и привносит гармонию в семье)⁷⁷.

Предположительно, каждая семья, особенно в сундырской и вылавожской подгруппах верховых чувашей, могла иметь свое определенное дерево, у которого по указке *йомзи* совершали моления и оставляли жертвенные приношения обитавшим там божествам и духам. В Козьмодемьянском уезде также культовые деревья функционировали под названием *Сар-хорн* (Желтая береза) и *Шор-хорн* (Белая береза) и *Йёрĕх кочĕ*⁷⁸.

Анализ содержания и характера проводимых у каждого культового памятника обрядов дает возможность определить их место в иерархии сакральных объектов, характер функционирования и их роль в традиционном мировоззрении жителей данных местностей. Так, береза могла быть местом пребывания родового божества-хранителя *Йёрĕх*. Это подтверждается сообщением, сохранившимся в рукописном фонде К.В. Элле о такой березе в д. Хоракасы Акрамовской волости Козьмодемьянского уезда (ныне Моргаушский р-н). Данный культовый памятник зафиксирован в лесу, на правом берегу речки Шуккенер, впадающей в р. Волгу, в местности, называемой *Курен*. Здесь находилась «старинная, дуплистая и коренастая, высокая и кудрявая береза» под названием *Йёрĕх кочĕ*. Сюда в жертву божеству *Йёрĕх* преподносили гусей, уток и кур с цыплятами. Отличительной чертой обряда (по сравнению с другими) являлось то, что некоторые чуваше по указанию *юмăç* закалывали птиц у самой березы. Затем мясо этих птиц варили и ели, а кости сжигали и бросали с пеплом вместе под самую березу. Сюда же бросали серебряные монеты – нухратки и кусочки олова. На берегу речки вешали холсты и полотенца. Все действие совершалось с очень большими предосторожностями, с соблюдением абсолютной тишины⁷⁹. По сведениям К.В. Элле, в том же населенном пункте функционировал и другой подобный культовый памятник, находившийся в лесу на

возвышении под названием *сут*, где росло большое дерево под названием *илем* (ильмовое дерево). Жертвоприношения и моления устраивались здесь вплоть до начала XX в. Под него подбрасывали разные предметы и денежки, прося при этом у киреметного дерева помощи: «*Йелме, таттайн пул, каҫар*» (Ильм, будь сытым, прости).

Близким по степени сакральности являлось для хоракасинцев урочище *Йёрёх вар*. Особенность данного культового памятника заключалась в том, что по своей значимости он являлся, предположительно, местом моления родовому божеству *Йёрёх* сельского общества, где ежегодно справлялись жертвоприношения вплоть до начала XX в. Проведение обряда предполагало, судя по имеющимся источникам, соблюдение тишины. Так, к назначенному дню «языческого празднества» приобреталась одна голова заколотого животного. В силу постепенного угасания традиционных верований, участниками действа являлись женщины старшего поколения, которые с пивом «отправляются в овраг *Йёрёх вар*, стараясь на дороге ни с кем не встречаться»⁸⁰. Предположительно, в выс. Хоракасы произошло дробление родовых коллективов (или проживали несколько родовых групп), что привело к появлению на данной территории нескольких вариантов культовых памятников, связанных с поклонением деревьям.

Култ деревьев у чувашей был тесно связан с культом предков. В одном населенном пункте могли функционировать несколько таких священных мест. Так, согласно архивным сведениям, в д. Большие Мамыши Акрамовской волости (ныне Чебоксарский р-н) известны три святилища под названиями *Йёрёх ҫырми* (овраг божества *Йёрёх*), *Сар-хорн* и *Шор-хорн*⁸¹. Проводимые при них обряды имели преимущественно частный характер и заключались в поклонении духам предков.

Как объясняет В.Г. Родионов, лексема *шорхон/шурхун* с течением времени, имея первоначально в чувашском традиционном мировоззрении значение места обитания *ырă* (другое его название – *киремет*), постепенно стала обозначать место нахождения почивших предков. Как дальше объясняется, первоначальная семантика слов была полностью стерта, народная фантазия придумала новую этимологию: *шурă хурăн* «белая береза» и *сарă хурăн* «желтая береза», которыми назывались старые кладбища, обросшие деревьями (и не только березами). На них в праздник *Семик* ходили поминать давно умерших предков с проведением соответствующих обрядов⁸².

Наибольший интерес представляет лес под названием *Каршлых* возле деревень Верхние и Нижние Олгаши Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне Моргаушский р-н), где функционировал киреметь *Сартон*, именуемый также *Сартуан* и *Сартăван*. Судя по этнографическим и археологическим сведениям, данный памятник по своему функциональному назначению относился к типу таких, на которых устраивались церемонии, связанные с культом предков (умерших)⁸³. До основания Александро-Невского монастыря на данном месте находилось древнее кладбище. Как святилище оно было объектом поклонения жителей окрестных деревень и

функционировало до начала XX в. Чуваши сходились к этому культовому памятнику (адресатом читаемой молитвы выступал *Сартӑван*). По предположению священника Т. Земляницкого, «не были ли вначале эти молитвы и жертвы (если сделать широкое предположение) умилованием покровителя-бога “Русых” людей, названных из лести “друзьями, родственниками”, которые своим движением от Москвы, по большому тракту, к царству Казанскому приносили по пути беды и смерть черемисам и чувашам?»⁸⁴. Между тем кладбище являлось «чувашским», в нем погребались «язычники», находившиеся, как можно предполагать, под влиянием татар. На это указывают, по мнению священника, например, погребальный инвентарь, который был представлен украшениями (браслет), погребение покойников лицом к югу и оставшееся название соседней чувашской деревни *Татаркасы*. По археологическим данным, приблизительные размеры могильника предполагают 10–15 тыс. погребений, в основном датированных XVII–XVIII вв. Скорее всего, в связи с полиэтничностью местного уезда и возник указанный культовый памятник, выполнявший погребально-поминальные функции. *Сартӑван* почитали как божество, а в качестве жертвы ставили разные свечи стоимостью от 3 до 52 коп., подносили пряники, оставляли на том месте живого цыпленка и петуха, которых не трогали, ждали до глубокой осени и естественной гибели. Жертвоприношения обыкновенно совершались при падеже домашних животных со словами: «*Сартон тытрӗ пулмалла. Чӑнӑсем вилеҫҫӗ*» (Должно быть, «поймал» Сартон, умирают цыплята)⁸⁵.

Известен как культовый памятник лес у с. Ильинка (ныне Моргаушский р-н), раскинувшийся на правом берегу р. Волги. Ко времени описания его сакрального пространства лес был уже вырублен. В источнике отсутствует информация о каких-либо специально возведенных сооружениях вокруг культовых деревьев, поэтому они ничем не примечательны, кроме как «две кучи мослов»⁸⁶. По сведениям Н.И. Ашмарина, адресатом жертвоприношений и молений было божество *Хора-Туан*, обитавший у дуба возле с. Ильинка. По рассказам, его не только почитали по-особому, а еще и боялись, думали, что он умерщвляет людей, если те не окажут знаков внимания: жертвовали и деньгами, и мамаля (имитация мелких монет из олова), и булочками, и водкой. При этом просили с поклоном, чтобы *Хора-Туан* следил за лошадьми, помогал хозяину стана с честью и достоинством провожать гостей⁸⁷.

В качестве наиболее часто встречаемых пород деревьев в культовой и обрядовой практике были также и сосны. Сохранилось множество сведений, связанных с почитанием хвойных пород чувашами Козьмодемьянского уезда. Так, на левом берегу р. Волга напротив с. Ильинка археологами выявлено святилище Амоксар. Расположено оно на западной возвышенной части острова *Амақсар* (Амоксар), где отмечено несколько сосен со следами ритуальных действий. По данным 2010 г., у подножий деревьев находились разные предметы⁸⁸. По мнению О.П. Вовиной, данное место является действующим культовым памятником, возникшим на основе но-

вой интерпретации чувашской религии *Сардаш*, и выступает объединяющим «священным центром истинных чувашей» северных районов Чувашской Республики (Чебоксарский, Моргаушский и Ядринский)⁸⁹.

В рукописном фонде В.К. Магницкого сохранились сведения о культовом памятнике *Хыркочь* (подножие сосны) в 5 км от д. Чандрово, известном особой культовой практикой. Он был обнаружен случайно самим В.К. Магницким. Моление и жертвоприношение на нем в большинстве случаев проводили тайно. По описанию, в конце XIX в. святилище имело дополнительные ритуальные сооружения. Так, у священного места стояли «четыреножные» продолговатые столики, сделанные из дощечек, а вокруг были расставлены лавочки, на которых размещались различные куклы. «На земле валялись также различные куклы, бутылки, чашки и бурачки, сделанные из берестов; на все эти предметы я смотрел с удивлением, потому что не слышал об этом никогда», – пишет В.К. Магницкий⁹⁰. Данный вид сакрального места предполагает наличие водного источника. «Возле самой площади протянулась дорога, которая заросла травой и спускалась по косогору на низ, на которую я так же смотрел внимательно, потому что мне хотелось узнать, куда она ведет, а потому и пошел по ней дальше и спустился под гору, где и блестело маленькое озеро, около которого валялись куклы и бутылки, но свечей уже здесь не было, и валялись одни заверточные бумаги»⁹¹. В жертву *Хыркочь* преподносились живые курицы в соответствии с местными обычаями, в чем выявляется схожесть с другим рассмотренным выше культовым памятником киреметь *Сартон*. К настоящему времени сведения относительно того, какому именно божеству предназначались приношения и по какому поводу проводились эти моления, не сохранились.

Появление перечисленных выше разновидностей сакральных мест было связано с существованием представлений о посмертном существовании усопших предков и верой в их возможности влиять на жизнь и благосостояние живых сородичей.

Источники свидетельствуют о фактах совместной культовой практики чувашей и марийцев в рамках семейной обрядности. Так, по данным из рукописного фонда Н.В. Никольского, около с. Большой Сундырь Козьмодемьянского уезда (ныне Моргаушский р-н) функционировал культовый памятник *Йонка варё*, который почитался как чувашами, так и марийцами⁹². В словаре Н.И. Ашмарина упоминается культовый памятник со схожим названием *Йанкă-вори керемет* (по Н.И. Ашмарину – это *йёрёх*) в д. Хорачка Малокарачкинской волости Козьмодемьянского уезда (ныне с. Большое Карачкино Моргаушского р-на)⁹³.

Наличие общего с «черемисами» почитаемого родового культового памятника *Йонка варё*, связанного с поклонением божеству *Йёрёх* (божество-хранитель домашнего очага) у с. Большой Сундырь, свидетельствует о сложных культурно-бытовых процессах в рамках одного селения, где «языческие» жертвоприношения и моления происходили вплоть до XX в., не-

смотря на то, что население было крещеное. Коллективные моления к тому времени не проводились. Однако, как свидетельствует источник, «в базарный день здесь можно видеть старых чуваш, отправляющих языческое моление»⁹⁴. Ритуальная практика заключалась в том, что «какая-нибудь старушка сначала что-то поговорит шепотом, потом достает из-за пазухи шкалик водки, льет немножко на землю со словами: “*Йонкă вори, сырлах*” (Йонки вори, помилуй) с троекратным повтором». Затем старушка достает из-за пазухи кусочек белого хлеба, частичку отдает киремети, а остальное съедает сама. Этим заканчивается и само моление»⁹⁵. В целом же, как выясняется, лишь в отдельных семьях, где имелось старшее поколение, бытовала данная культовая практика, причем уже с некоторой утратой деталей обрядового поведения. Функционирование культового памятника *Йонка варё* в XX в. ограничивалось частными молениями с небогатыми жертвоприношениями.

Сведения о культовых памятниках с поклонением родовому божеству *Йёрёх* находим также в рукописном фонде К.В. Элле. Так, в д. Хыркасы (Моргаушский р-н) функционировал *Йёрёх вар* (овраг божества *Йёрёх*). Недалеко от этого святилища находилось другое жертвенное место *Киремет сърчё* (горка киремети), вероятно, имевшее общедеревенское значение⁹⁶. Есть данные о культовом памятнике *Йёрёх вар* в другом населенном пункте – в д. Чурикасы (Моргаушский р-н), где также преподносились жертвоприношения злему духу *Йёрёх*⁹⁷. Помимо данного вида культового памятника функционировал здесь *Чук-сърт* (холм жертвоприношения)⁹⁸. Таким образом, место моления родовому божеству-хранителю находилось за пределами жилища, и в то же время дома на тайном месте могли хранить лукошко, куда клали жертвоприношение.

На месте указанных культовых памятников ежегодно весной, летом и осенью совершались периодические моления с жертвоприношениями. К сожалению, сведений о культовых местах поклонения божеству *Йёрёх* сохранилось мало. Известно, что во всех селениях имелись определенные места молений данному персонажу. Кроме того, чуваша почитали старшего *Йёрёх*, который мог находиться в середине деревни, где местом его пребывания считалось одинокое дерево. У чувашей семейные божества-покровители, перенесенные за пределы усадьбы, являлись также предметом почитания всего селения.

Таким образом, семейно-родовые культовые памятники, связанные с поклонением культу предков, играли большую роль в традиционной религии чувашей. В некоторых селениях утвердилась совместная культовая практика чувашей и марийцев в рамках семейной обрядности.

В результате христианизации культовыми объектами становятся церкви. Судя по документам, наблюдается частичное переосмысление православных канонов в рамках чувашской мифологии, фрагментарное включение христианской символики, предметов и церковных ритуальных действий в структуру обрядов, совершаемых на сакральных объектах. Священник

Т. Земляничский в своей статье «Чуваши. (Некоторые исторические данные о чувашах вообще и в частности Козьмодемьянского уезда, в связи с вопросом о христианском просвещении их)» отмечал, что многие «языческие» понятия изменились под влиянием православия⁹⁹. К примеру, киреметь *Мосякасы*, расположенный к западу от д. Мосякасы Янгильдинской волости Козьмодемьянского уезда (ныне д. Митрофанкасы Чебоксарского р-на) известен легендой о том, что около данного культового памятника был убит русский торговец иконами по имени Моисей. После случившегося окрестные чуваша, боясь мести умершего, устраивали ему жертвоприношения, почитали его¹⁰⁰.

По данным другого источника начала XX в., кроме указанного культового памятника, ставшего одной «из достопримечательных местностей, которые служат предметом особенного уважения чувашей, можно указать еще на один овраг, находящийся около вышеназванной деревни, по направлению к западу». По рассказам старожилов д. Мосякасы, в этом овраге когда-то в землю были зарыты иконы¹⁰¹. В этом «киреметном овраге чуваша, зараженные суеверием, бросают очень много свечей, а иногда и деньги»¹⁰².

Киреметный овраг *Мосякасы* пользовался среди чувашей большим уважением. На поклонение к святылищу съезжались как окрестные чуваша, так и луговые и горные черемисы: они оставляли здесь жертвенные приношения в виде церковных свечей и денег¹⁰³.

И еще. Православные святые, изображенные в росписях Ишаковской церкви (ныне Чебоксарский р-н), местными чувашами воспринимались как киремети. Посещали они церковь практически лишь тогда, когда кто-нибудь в их семьях заболел, или когда сами йомзи советовали им сходить в данный храм, чтобы принести жертву восковыми свечами или монетами иконе с изображением Николая Чудотворца – представлявшийся в обыденном сознании крестьян как Киреметь. Как отмечает М. Гото, «в то время, как духовенство отождествляло Киреметь с Дьяволом, чуваша, со своей стороны, обратили церковь и икону в Киреметь»¹⁰⁴. В определенном промежутке времени молва о «русском божестве», или «русской киремети», разнеслась по всей чувашской окрестности, и у чувашей создалось убеждение, что необходимо уважать это русское божество, умиловать его ежегодным поклонением и жертвами¹⁰⁵. Так же, как и остальным дохристианским сакральным персонажам, Николаю Чудотворцу преподносились умиловительные жертвоприношения, и при этом соблюдался особый регламент поведения. Каждый крестьянин считал обязательным делом раз в году сходить в с. Ишаки и поставить свечу перед чудотворной иконой Св. Николая, чтобы дела в хозяйстве шли успешно. Случится какое-нибудь несчастье, крестьянин сетует: *«Ёлĕк кашни ҫол Миколой Торă умне Ишекре ҫорта ҫутаканчĕ, кăҫал йершимерĕм кайма, ҫылăхĕ ҫаврăнса ҫитрĕ ёнтĕ»* (Раньше каждый год ставил свечи перед иконой Св. Николая, в этом году не было времени, случившийся грех вернулся)¹⁰⁶. Так, по сообщению чуваш-

ского крестьянина Анисимова Максима от 1904 г. (рукописный фонд Н.В. Никольского) из с. Юваново Козьмодемьянского уезда (ныне Ядринский р-н), «иконы считаются святыней, и если хотят с иконы стереть или переставить их, то чуваша набожно перекрестятся сначала. Ложиться к иконе считается грехом, равно мочиться в том углу дома снаружи. Особым почитанием в нашей стороне пользуется Николай Чудотворец “Микололай Торӑ” (многие не различают Бога от святых). Икона Ник. Чуд. встречается почти во всех домах»¹⁰⁷.

Процессы христианизации в Козьмодемьянском уезде повлияли на межэтническое чувашско-марийское взаимодействие в сфере культовой практики. Как уже отметили, особенно внушительный характер имели наплывы марийских богомольцев как с ближайшей округи, так и с отдаленных мест в церковь св. Архангела Михаила в с. Ишаки Козьмодемьянского уезда для поклонения иконам Николая Чудотворца, Архангела Михаила и Василия Великого. Например, «черемисы» из с. Иسمенцы (ныне Звениговский р-н РМЭ) посещали церковь для высказывания Богу индивидуальных просьб «в форме угрозы»¹⁰⁸. Данный храм посещали, как сообщает В.К. Магницкий, и некрещенные чуваша. Они ставили свечи в количестве 10, 15, 20 в храме, а при выходе, на сакральном месте, где была найдена икона Николая Чудотворца, обязательно в жертву приносили свечи, деньги и куски хлеба согласно религиозно-мифологическим традициям. Поклонение иконам семантически соответствовало поклонению киреметю. Такое переосмысление символов христианства происходило, скорее всего, благодаря легенде о «чудотворной иконе», наиболее соответствующей дохристианскому религиозному сознанию чувашей и марийцев Козьмодемьянского уезда.

Сведения о культовом памятнике со схожей сакральной семантикой, с насаждением православных и «языческих» элементов, сохранились в рукописном фонде Н.В. Никольского. Так, по сообщению 1904 г. из с. Акрамово (ныне Моргаушский р-н), в местной церкви имелась икона Божией Матери, известная в округе под названием «*Торхантти турры*». «Икона эта почитается чувашами близлежащих деревень. Пред ней во время богослужения всегда горит много свечей. Почитаются и место, где она найдена, – это овраг близ д. Идакачкассы (ныне Моргаушский р-н). На это место приносят свечи и деньги. Среди некоторых чувашских семей существует обычай ежегодно ставить этим иконам свечи на известную сумму, и глава семейства завещает обыкновенно пред смертью своим детям исполнять этот обычай. При неисполнении же его, они говорят, икона эта наказывает семейства различными несчастиями»¹⁰⁹. Таким образом, в результате христианизации, появления церквей и распространения икон, они, будучи важными культовыми объектами, постепенно становятся частью сакральных объектов традиционной религиозной жизни чувашей и марийцев в XIX – начала XX в.

Культовые памятники чувашей Козьмодемьянского уезда Казанской губернии отражают их традиционные религиозно-мифологические представления. Они разнятся по функциональному назначению и характеру проводимых обрядов и подразделяются на группы, связанные с культом предков и культом земледелия. Первые занимали особое место и касались бытования представлений о посмертном существовании умерших предков и об их возможности влиять на жизнь и благосостояние живых. Особым почитанием были окружены умершие основоположники рода, некоторые из них приобретали со временем характер территориальных или местных почитаемых духов. Места их обитания являлись местами жертвенных приношений и молений, и наделялись особым сакральным смыслом. В обычаях и ритуалах поклонения предкам в некоторых селениях присутствовала совместная культовая практика чувашей и марийцев.

Сакральные объекты, связанные с культом земледелия, почитались главным образом с целью обеспечения плодородия земли, получения хорошего урожая. Обряды поклонения им были важнейшей сферой магической практики и входили в структуру многих сезонных сельскохозяйственных работ чувашских крестьян.

Огромное влияние на чувашей Козьмодемьянского уезда оказало христианство, в результате чего сформировались своеобразные синкретизированные культовые памятники путем слияния элементов православия и традиционных религиозных верований.

Литература и источники

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. СПб.: Тип. Санкт-Петербург. акц. о-ва и писчебум. дела в России «Слово», 1903. Т. 14. 284 с.

² Свод этнографических понятий и терминов / ред.: Г. Штробах, Ю.В. Бромлей. Вып. 3. Материальная культура. М.: Наука, 1989. С. 40.

³ Антипина А.А. Культовые памятники Чебоксарского уезда Казанской губернии // Чăваш халăх историйĕпе культурин сивĕч ыйтăвĕсем: статьясен пуххи = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сб. статей / сост. и науч. ред. Д.В. Егоров. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. Вып. 4. С. 72–91; Антипина А.А. Культовые памятники Ядринского уезда Казанской губернии // Чăваш халăх историйĕпе культурин сивĕч ыйтăвĕсем: статьясен пуххи = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сб. статей / сост. и науч. ред. В.В. Никифорова. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. Вып. 6. С. 59–84.

⁴ Михайлов С.М. Собрание сочинений / сост., авт. предисл., коммент. и прил. В.Д. Дмитриев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 510 с.

⁵ Васильев М. О киреметях у чуваш и черемис // Известия по Казанской епархии. 1904. № 8. С. 237–267; Земляницкий Т. Монастырь «Карăшлăх» и киреметь «Сар-таван» // Известия по Казанской епархии. 1904. № 46. С. 1555–1557; Его же. Чуваш (Некоторые исторические данные о чувашах вообще и в частности Козьмодемьянского уезда, в связи с вопросом о христианском просвещении их) // Известия по Казанской епархии. 1909. № 44. С. 1270–1277; То же. 1909. № 45. С. 1307–1312.

⁶ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка (СЧЯ). Казань: Красный печатник, 1929. Вып. III. С. 8; Чебоксары, 1934. Вып. VII. С. 71–72.

⁷ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 580; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 581.

⁸ Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справоч. изд. / Е.П. Михайлов, Н.С. Березина, А.Ю. Березин, С.В. Кузьминых, Н.С. Мясников, В.Ф. Каховский, Б.В. Каховский; под общ. ред. Е.П. Михайлова и Н.С. Березиной. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. Т. 1. 304 с.

⁹ *Салмин А.К.* Киремет. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1992. С. 2.

¹⁰ *Вовина О.П.* Чувашская киреметь: традиции и символы в освоении сакрального пространства // Этнографическое обозрение. 2002. № 4. С. 41.

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 581 (Фонд К.В. Элле в главе «Большие “Киремети”»). С. 153–154.

¹² *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Чебоксары, 1935. Вып. VIII. С. 307.

¹³ Там же.

¹⁴ *Антипина А.А.* Культовые памятники Чебоксарского уезда Казанской губернии. Вып. 4. С. 85.

¹⁵ *Свирин К.В.* Святилища-жертвенники на территории Восточной Европы VII–XIII вв. // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия «История». 2007. Вып. 4. С. 48.

¹⁶ *Васильев М.* О киреметях у чуваш и черемис. С. 258–259.

¹⁷ *Никольский Н.В.* Из истории христианского просвещения // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете (ИОАИЭ). 1915. Т. 29. Вып. 1–3. С. 47–51.

¹⁸ Там же. С. 49–50.

¹⁹ *Васильев М.* О киреметях у чуваш и черемис. С. 245.

²⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. С. 619.

²¹ Там же.

²² *Егоров Д.В.* Боги, божества и духи // Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. С. 60.

²³ *Архангельский Н.* «Светлое озеро» в приходе села Малой Шатмы Ядрин. уезда Казан. губ. // ИОАИЭ. 1897–1898. Т. XIV. Вып. 1–6. С. 364.

²⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 218. С. 84–85; Чăваш халăх пултарулăхĕ (ЧХП). Тавралăх халапĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2013. С. 161.

²⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 580. С. 279.

²⁶ Там же. С. 282.

²⁷ Там же. С. 279.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Ед. хр. 218. С. 85.

³⁰ Там же. С. 84–85.

³¹ Там же. С. 177.

³² *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1881. С. 75.

³³ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 124. С. 90.

³⁴ Там же. Отд. I. Фонд К.В. Элле. Ед. хр. 581. С. 217.

³⁵ Там же. Отд. I. Ед. хр. 580. С. 259.

³⁶ *Васильев М.* О киреметях у чуваш и черемис. С. 257.

³⁷ *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 10; *Васильев М.* О киреметях у чуваш и черемис. С. 257–258.

³⁸ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 334. Оп. 1. Д. 6. Л. 186 об.; *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 10.

³⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 581. С. 62.

⁴⁰ Там же. Ед. хр. 580. С. 263.

⁴¹ Там же. С. 259.

⁴² *Романов Н.Р.* Культ киреметя у чуваш // Учен. зап. / ЧНИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1957. Вып. XV. С. 191.

- ⁴³ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 11. Л. 89–90.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. Л. 90.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 90 об.
- ⁴⁸ Там же. Д. 6. Л. 45–47.
- ⁴⁹ Но смысл слова «чура» (диал. «чора») не ограничивается понятием просто героя в тюркских языках, он означает понятия батыра, богатыря, храброго воина.
- ⁵⁰ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 6. Л. 45 об.
- ⁵¹ *Мухаметзянова Л.Х.* Тюркский эпос: сравнительное изучение книжной версии дас-тана поволжских татар «Чура батыр» // Вестник ТГГПУ. 2010. № 2 (20).
- ⁵² *Земляницкий Т.* Чуваши (Некоторые исторические данные о чувашах вообще и в частности Козьмодемьян. уезда, в связи с вопросом о христиан. просвещении их) // Известия по Казанской епархии. 1909. № 44. С. 1273.
- ⁵³ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 6. Л. 49–51.
- ⁵⁴ *Родионов В.Г.* Хронологическая стратификация названий духов предков и святых в чувашской народной религии // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. С. 316.
- ⁵⁵ *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 447.
- ⁵⁶ Чувашская мифология: этнографический справочник / авт. коллектив; науч. ред. Д.В. Егоров, В.А. Ендеров, Г.Б. Матвеев, Г.А. Николаев. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. С. 115.
- ⁵⁷ *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 75; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 581. С. 177–179.
- ⁵⁸ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 13. Л. 133 об.
- ⁵⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 218. С. 176.
- ⁶⁰ Там же. Ед. хр. 581. С. 179.
- ⁶¹ Там же. Ед. хр. 218. С. 176–177; Ед. хр. 581. С. 177–179.
- ⁶² Там же. Ед. хр. 218. С. 176.
- ⁶³ Там же. С. 177.
- ⁶⁴ Там же. Ед. хр. 581. С. 179.
- ⁶⁵ *Магницкий В.К.* О жертвенных приношениях чуваш // Известия по Казанской епархии. 1876. № 2. С. 54.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же. С. 55.
- ⁶⁸ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 13. Л. 133 об.
- ⁶⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 581. С. 179.
- ⁷⁰ *Николаев Г.А.* Чувашско-марийские взаимоотношения в Среднем Поволжье во второй половине XIX – начале XX века // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: материалы межрегионал. научно-практич. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.) / сост. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН; МарНИИЯЛИ, 2019. С. 17; *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. С. 341.
- ⁷¹ *Федулов М.И.* Новые археологические исследования памятников древности и средневековья Среднего Поволжья. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 143; Археологическая карта Чувашской Республики: научно-справоч. изд. / Е.П. Михайлов, Н.С. Березина, А.Ю. Березин, С.В. Кузьминых, Н.С. Мясников, В.Ф. Каховский, Б.В. Каховский; под общ. ред. Е.П. Михайлова и Н.С. Березиной. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. Т. 2. С. 37–38.
- ⁷² *Вовина О.П.* Чувашская киреметь. С. 45.
- ⁷³ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 13. Л. 52 об.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ *Паллас П.С.* Путешествия по разным провинциям Российской империи / пер. Зуева. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1809. Ч. I. С. 140; *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. 2007. Т. II. С. 135.
- ⁷⁶ *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. Ю. Дмитриевой. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 97.

- ⁷⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. С. 473.
- ⁷⁸ Там же. Ед. хр. 581. С. 201.
- ⁷⁹ Там же. С. 76–77.
- ⁸⁰ Там же. Ед. хр. 580. С. 269.
- ⁸¹ Там же. Ед. хр. 581. С. 201.
- ⁸² *Родионов В.Г.* Этимология и трансформация семантики названия образа змея-покровителя в чувашской мифологии // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 241–242.
- ⁸³ Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 2. С. 98; *Земляницкий Т.* Монастырь «Карашлях» и киреметь «Сар-таван». № 46. С. 1555–1557.
- ⁸⁴ *Земляницкий Т.* Монастырь «Карашлях» и киреметь «Сар-таван». С. 1556.
- ⁸⁵ *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 374.
- ⁸⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 581. С. 118.
- ⁸⁷ *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Чебоксары, 1941. Вып. XVI. С. 207, 208.
- ⁸⁸ Археологическая карта Чувашской Республики. Т. 2. С. 82.
- ⁸⁹ *Вовина О.П.* Чувашская киреметь. С. 53.
- ⁹⁰ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 11. Л. 91.
- ⁹¹ Там же. Л. 91 об.
- ⁹² *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. Т. 1. С. 374.
- ⁹³ *Ашмарин Н.И.* СЧЯ. Чебоксары, 1930. Вып. V. С. 76.
- ⁹⁴ *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 374.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 581. С. 202.
- ⁹⁷ Там же. С. 201.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ *Земляницкий Т.* Чуваши. № 44. С. 1272.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 1274.
- ¹⁰¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 580. С. 265.
- ¹⁰² Там же. С. 264.
- ¹⁰³ Там же. С. 265.
- ¹⁰⁴ *Гото М.* Историческое превращение традиционной религии чувашей // Чувашский гуманитарный вестник. 2009. № 4. С. 11. – Подробнее о культе Ишакской церкви и чудотворной иконе см.: *С.М.* Чувашское почитание икон // Сотрудник Братства св. Гурия. 1910. Т. 49. С. 783–784.
- ¹⁰⁵ *Земляницкий Т.* Чуваши. № 45. С. 1311.
- ¹⁰⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 154. С. 35.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. С. 227.
- ¹⁰⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. С. 621–622.

A.A. Antipina

CULT MONUMENTS KOZMODEMYANSKY UYEZD OF KAZAN PROVINCE

The article discusses the cult monuments of the Kozmodemyansky district of the Kazan province. The natural objects forming the sacred space and monuments created by man, interconnected with the environment, have been analyzed, in relation to which a whole complex of rituals, beliefs has developed within the framework of traditional mythology and culture of the multinational population of the region.

Keywords: cult monument, traditional religion, Chuvash, prayer, sacrifice.

УДК [659.3:330.567.224-052](470.344):303.425.6

**МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ
ЧУВАШИИ: ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ,
ТЕМАТИЧЕСКИЕ И ПЛАТФОРМЕННЫЕ
ПРИОРИТЕТЫ, ВОПРОСЫ ДОВЕРИЯ**

ЧГВ, 2023 г., № 18

© А.Д. Гаврилов

В статье представлены результаты социологического исследования практик медиапотребления населения Чувашской Республики. Эмпирической базой послужили данные проведенного осенью 2022 г. анкетного опроса 606 жителей 7 городов и 17 сельских населенных пунктов 9 муниципальных округов Чувашии. Информационные предпочтения региональной аудитории рассмотрены в зависимости от пола, возраста и типа поселения респондентов. Выявлены и проанализированы мотивы использования Интернета, уровень доверия к традиционным СМИ и интернет-ресурсам, основные источники информации о событиях в стране и мире и отдельно в регионе, тематические интересы, приоритетные платформы социальных сетей и сервисов, уровень удовлетворенности деятельностью СМИ и медиаресурсов региона, наиболее востребованные печатные издания, радиостанции, телеканалы и интернет-ресурсы Чувашии. Итоги обследования показали, что в текущих условиях формирования полисубъектной и многофункциональной медиасреды, информационного и коммуникационного изобилия возраст реципиента, его поколенческая принадлежность в ряду других социально-демографических показателей во многом предопределяют типологическую разницу в моделях медиапотребления, количественные и качественные характеристики процессов взаимодействия с медиа.

Ключевые слова: медиапространство Чувашской Республики, медиапотребление, информационные предпочтения, медиапоколения, анкетный опрос, медиасоциология.

С распространением Интернета и развитием цифровых технологий устанавливается смешанная (виртуально-реальная) форма бытования общества. Видоизменяется структура повседневности человека – ее начинают предопределять качество и количество взаимодействий с медиа. Во-первых, с инновационными электронными устройствами (компьютером, ноутбуком, планшетом, смартфоном, умными часами) и каналами коммуникации (поисковыми системами, социальными сетями, видеохостингами, подкаст-платформами, мессенджерами). Диапазон их функциональных возможностей позволяет в режиме онлайн совместить сра-

Артём Дмитриевич Гаврилов – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник секции социологии исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: artmaster28@rambler.ru.

зу несколько видов деятельности (например, прочитать новости, выбрать продукты и заказать их доставку на дом, послушать музыку или получить консультацию нужного специалиста), удовлетворить сразу несколько потребностей (познавательные, развлекательные, бытовые и др.). Во-вторых, с классическими и электронными версиями традиционных средств массовой информации – прессой, радио и телевидением. В контексте цифрового неравенства традиционные СМИ остаются наиболее доступными источниками информации, вне зависимости от места проживания аудитории. Медиа, старые и новые их виды, сегодня играют важную роль в формировании социального опыта и в рамках медиатизации разных сфер общественной жизни лишь усиливают свое влияние на массовое сознание. В этой связи в наше время изучение специфики потребления медиа является одной из наиболее актуальных проблем социальных наук.

«То, что показывает телевизор, – это физика, – подчеркивает В.П. Коломиец. – Социология начинается тогда, когда у телевизора собираются люди, которые все, что происходит на экране, видят (потребляют) по-разному»¹. Современное общество находится в мультиэкранной среде и не только неодинаково воспринимает и понимает содержимое интерфейсов, но и неодинаково взаимодействует с ними, имея возможность при этом находиться в разных ситуациях (дома, в дороге, на работе, сидя, стоя и т.п.) и в разных ролях (реципиента, комментатора, продуцента и др.). Происходит «постоянная экспансия медиасферы: сегодня она не просто окружает человека, но трансформирует и поглощает его»². Текущие изменения необходимо фиксировать, описывать и осмыслять, чтобы лучше понять, как меняется рутина человека, его отношения с самим собой и внешним миром в условиях цифровизации общества и конвергентного усложнения медиаландшафта в частности. Исследованием этих процессов сегодня занимаются медиасоциологи – представители направления социологической науки, занятые проблемами социального функционирования медиа³.

Опираясь на понятие «медиапотребление», мы вслед за видными медиасоциологами понимаем под ним такие его проявления, как «социальная практика использования коммуникационных средств (медиа) для получения и освоения символического содержания и осуществления социальных связей и взаимодействий»⁴, «использование ресурсов медиaprостранства для каких-то целей»⁵, а также «коммуникационное поведение, включая выбор и использование медиа»⁶. Важно заметить, что в масштабах коммуникационного изобилия и многообразия источников информации медиапотребление общества в первом приближении носит хаотический характер. Однако наблюдения за ним на определенном отрезке времени позволяют обнаружить некоторые закономерности и определить конкретные тренды.

Особенности медиапотребления в Чувашской Республике оказались в фокусе внимания ученых лишь в начале XXI в. Данной проблемой в разное время занимались научные сотрудники секции социологии Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН): Д.М. Шабунин⁷,

И.И. Бойко, Н.М. Иванова, В.Г. Харитонова⁸, А.Д. Гаврилов⁹. Исследования Д.М. Шабунина охватывают период расцвета традиционных СМИ, И.И. Бойко, Н.М. Ивановой, В.Г. Харитоновой – интенсивного распространения Интернета и влияния информационно-коммуникационных технологий на медиапредпочтения жителей региона, а А.Д. Гаврилова – активной цифровизации СМИ и востребованности новых медиа.

Настоящая работа посвящена анализу медиапотребления жителей Чувашской Республики, основных мотивов их обращения к Интернету, тематических и платформенных приоритетов, предпочтений конкретных информационных ресурсов региона и уровня доверия к медиа. Эмпирическую базу формируют результаты социологического опроса населения Чувашии, проведенного автором данной статьи. Это исследование является частью реализованного социологами ЧГИГН крупного мониторингового проекта «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике».

Осенью 2022 г. нами было опрошено 606 жителей 7 городов (Чебоксары, Новочебоксарск, Алатырь, Канаш, Мариинский Посад, Шумерля, Ядрин) и 17 сельских населенных пунктов 9 муниципальных округов (Алатырского, Батыревского, Ибресинского, Канашского, Красночетайского, Моргаушского, Порецкого, Чебоксарского и Ядринского) Чувашской Республики. Из числа опрошенных 61,2 % – горожане, 38,8 % – сельчане. Доля мужчин составила 46,8 %, женщин – 53,2 %. Возрастные когорты представлены следующим образом: 18–29 лет – 22,3 %, 30–59 лет – 56,1 % и 60 лет и более – 21,5 %. Распределение респондентов по типу поселения, полу и возрасту соответствует данным государственной статистики.

Рассматривая ответы респондентов в трех возрастных группах, мы анализировали межпоколенные различия их медиапрактик, опираясь на концепцию трех медиапоколений¹⁰, согласно которой «“поколение масс-медиа” – люди, которые познали радио, кино, печать, почту и стационарный телефон в период социализации, затем познакомились с телевидением, а в пожилом возрасте столкнулись с цифровизацией; “цифровое медиапоколение” – выросло после появления цифровых медиа, для них изменения, вызванные цифровизацией, являются неотъемлемыми элементами их мультимедийных практик; между первым и вторым находится квази “сэндвич-поколение” – вторичное цифровое медиапоколение, которое также выросло с телевидением, кино, радио, прессой, но затем оказалось более или менее всесторонне охвачено цифровыми медиа, и Интернет стал неотъемлемой частью его медийного репертуара»¹¹. Так, выделяемые нами возрастные группы опрошенных соотносятся с перечисленными медиапоколениями: 18–29-летние являются «цифровым медиапоколением», 30–59-летние – «сэндвич-поколением», а все, кто старше 60 лет, – «поколением масс-медиа».

В последние годы представители отечественных научных школ проводят специальные исследования медиаповедения и интернет-прак-

тик пожилых людей¹², «цифровой молодежи» (поколений Z и «Альфа»)¹³, отдельно школьников¹⁴. Кроме того, они также выявляют различия в медиапотреблении аудитории, исходя из ее поселенческих признаков: уточняют медиапредпочтения людей, проживающих в городской¹⁵ и сельской¹⁶ местностях. В своей работе мы придерживаемся интегрированного подхода и характеризуем особенности медиапотребления населения Чувашской Республики комплексно, анализируя ответы респондентов в зависимости от трех социально-демографических показателей: их возраста, пола и типа поселения.

Оценивая современное медиaprостранство, М.М. Назаров справедливо отмечает, что «мы являемся свидетелями процесса, когда ранее отграниченные между собой среды распространения традиционных медиа – телевидения, прессы, радио – постепенно оказываются включенными в некоторую метасреду, основанием которой является инфраструктура Интернета. При этом в рамках самой среды Интернета появляются новые платформы, расширяющие возможности удовлетворения информационных потребностей, например, социальные сети, мессенджеры, поисковые системы, видеосервисы. На сегодня речь не идет о формировании одного “супермедиа”. В этой связи говорят об экосистеме медийных платформ со своими особыми коммуникативными и технологическими возможностями. Все они находятся в динамическом взаимодействии и конкуренции друг с другом»¹⁷. В ходе трансформации медиасреды и расширения функциональных возможностей цифровых платформ увеличиваются ожидания и растут запросы аудитории. Об этом наглядно свидетельствуют ответы респондентов на вопрос «Для чего Вы обычно используете Интернет?» (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«Для чего Вы обычно используете Интернет?»
в зависимости от типа поселения респондентов
(%, можно было выбрать до трех вариантов)**

Варианты ответов	Всего	Город	Село
Ищу нужную информацию	63,1	65,9	58,8
Читаю новости, слежу за событиями	50,5	49,6	51,9
Общаюсь, знакомлюсь с людьми	17,6	15,4	21
Посещаю развлекательные сайты	6,1	6	6,4
Занимаюсь саморазвитием, учусь	18,4	19,5	16,7
Захожу, чтобы что-то купить, заказать	19,1	18,4	20,2
Работаю (служебная необходимость)	18,1	17,3	19,3
Смотрю фильмы, сериалы	20,6	22,8	17,2
Слушаю и скачиваю музыку	7,3	9,5	3,9
Играю в онлайн-игры	7,8	8,9	6
Веду блог	0,7	1,1	–
Смотрю блогеров	3,2	3,8	2,1
Другой ответ	0,7	0,5	0,9
Не пользуюсь Интернетом	10,6	9,2	12,9

Более половины опрошенных признаются, что обращаются к Интернету, чтобы найти нужную информацию (63,1 %) и узнать новости (50,5 %). Практически каждый пятый респондент заходит в него, чтобы посмотреть фильмы или сериалы (20,6 %), чтобы что-то купить (19,1 %), а также в образовательных целях (18,4 %) или по служебной необходимости (18,1 %). Горожане в большей степени используют Интернет для саморазвития, просмотра кино и прослушивания музыки, а сельчане – для заведения знакомств и по работе. Благодаря включенности в сетевую среду, жители малых населенных пунктов расширяют социальные связи и находят подходящую работу, не меняя места жительства.

В сложившейся ситуации взаимозависимости реальных социальных процессов и цифровых (к примеру, чтобы попасть на прием к врачу, необходимо записаться к нему на портале «Госуслуги»; чтобы получить скидку в магазине, нужно показать продавцу виртуальную дисконтную карту и др.) оставаться интернет-пассивным все сложнее. Однако результаты опроса показывают, что по-прежнему сохраняется число тех, кто совсем не пользуется Интернетом в повседневной жизни (10,6 %), – это практически в равной степени мужчины и женщины старше 60 лет (табл. 2). Вместе с тем, по данным С.Е. Гасумовой, «в современных условиях в России формируется мотивационная готовность пожилых людей к освоению новых информационных технологий»¹⁸.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Для чего Вы обычно используете Интернет?» в зависимости от возраста и пола респондентов
(%, можно было выбрать до трех вариантов)

Варианты ответов	18–29 лет	30–59 лет	60 и > лет	Мужчины	Женщины
Ищу нужную информацию	66,7	71,4	38,2	61,1	65,2
Читаю новости, слежу за событиями	40,2	59,9	36,6	51,4	49,8
Общаюсь, знакомлюсь с людьми	28	16,5	9,9	16,4	18,5
Посещаю развлекательные сайты	9,1	5,6	4,6	6,8	5,6
Занимаюсь саморазвитием, учусь	28	19,2	6,9	16,8	19,7
Захожу, чтобы что-то купить, заказать	26,5	21,5	5,3	13,9	23,2
Работаю (служебная необходимость)	15,2	23	8,4	16,4	19,7
Смотрю фильмы, сериалы	28	23,6	5,3	25,4	16,6
Слушаю и скачиваю музыку	20,5	4,7	0,8	8,9	6
Играю в онлайн-игры	17,4	6,5	1,5	14,3	2,2
Веду блог	2,3	0,3	–	0,7	0,6
Смотрю блогеров	6,1	2,4	2,3	3,2	3,1
Другой ответ	–	0,6	1,5	0,4	0,9
Не пользуюсь Интернетом	–	3,2	40,5	11,1	10

Различия в репертуаре интернет-практик представителей разных поколений связаны с их жизненными приоритетами, актуальными социальными ролями и статусами, опытом освоения цифрового пространства. Так, чем моложе респонденты, тем более разнообразна их деятельность в Ин-

тернете. Люди старше 60 лет в большинстве своем либо не пользуются им (40,5 %), либо только ищут в нем нужную информацию (38,2 %) и следят за событиями (36,6 %). 30–59-летние, кроме поиска данных (71,4 %) и чтения новостей (59,9 %), в Сети смотрят фильмы (23,6 %), работают (23 %), делают покупки (21,5 %) и занимаются саморазвитием (19,2 %). 18–29-летние, вдобавок к действиям, характерным для средней возрастной группы, в Интернете чаще общаются и знакомятся с людьми (28 %), слушают музыку (20,5 %), играют в онлайн-игры (17,5 %), смотрят блогеров (6,1 %) и ведут блоги сами (2,3 %).

Важно заметить, что для половины опрошенных мужчин и женщин одним из основных мотивов использования Интернета является возможность оперативно узнавать о последних событиях. Чтение новостей взамен другим активностям в нем предпочитают две трети 30–59-летних и по более одной трети людей в возрасте 18–29 и старше 60 лет. Интернет как пространство, порождающее множество медиаплатформ (интернет-СМИ, социальные сети, видеохостинги, мессенджеры), не просто не уступает по охвату массовой аудитории традиционным СМИ – телевидению, радио и печати, но и превосходит их (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Из каких источников Вы в основном получаете информацию» в зависимости от типа поселения респондентов
(%, можно было выбрать до трех вариантов в каждом столбце)

Варианты ответов	О событиях в стране и мире			О событиях в республике, городе, районе		
	все	город	село	все	город	село
ТВ	74,7	71,3	80,2	62,1	63,2	60,4
Печать	19,1	17,3	22	28,1	24,2	34,3
Радио	17,8	16,3	20,3	22,2	19,5	26,5
Интернет-СМИ	60,4	65,6	52	50,7	55,5	43
Социальные сети	40,3	40,4	40,1	40,4	40,9	39,6
YouTube	13,9	15,7	11	5,1	4,7	5,7
Telegram	18,3	18,2	18,5	17	14,3	21,3

Основными источниками социально значимой информации выступают телевидение, интернет-СМИ и социальные сети. Из них о событиях в стране и мире узнают 74,7 %, 60,4 % и 40,3 % опрошенных, а о событиях в Чувашии – 62,1 %, 50,7 % и 40,4 % соответственно. Необходимо обратить внимание на то, что ранжируемость ответов респондентов в зависимости от типа их поселения не меняется, что указывает на тенденцию большей востребованности одних ресурсов (названных выше) и меньшей – других (печати, радио, видеохостинга YouTube и мессенджера Telegram). При этом доли жителей городов и сел республики в рамках выбора ими того или иного канала массовой информации не идентичны. Например, сельчан, предпочитающих классические практики потребления новостей – посредством печатного выпуска газеты и радио, в процентном соотношении больше горожан с тем же медиаповедением. В целом, сегодня на селе сохраняется

устойчивость традиционных СМИ как источников информации и вместе с тем прослеживается сформировавшаяся приверженность цифровым медиа. В этом нас убеждает и статистика частоты обращений населения Чувашии к различным информационным ресурсам (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Как часто в повседневной жизни Вы обращаетесь к перечисленным информационным ресурсам» в зависимости от типа поселения респондентов (%)

Варианты ответов	Ежедневно			Несколько раз в неделю			Не пользуюсь		
	всего	город	село	всего	город	село	всего	город	село
ТВ	60,7	55,6	69	19,5	19,8	19	8,3	10,8	4,3
Печать	11	10,1	12,5	24,3	20,7	30,2	31,3	35,9	24,1
Радио	19,1	14,4	26,6	18,8	18,3	19,7	39,4	43,6	32,8
Интернет-СМИ	57,7	56,4	59,8	19,4	23,6	12,8	14,4	11,9	18,9
Социальные сети	58,3	53,8	65,4	16,7	18,9	13,2	18,5	20	16,2
YouTube	28,3	30,2	25,3	20,6	22,6	17,6	30,1	25,8	36,9
Telegram	41,8	39,9	44,8	18,2	19	16,8	34,8	35,5	33,6

Телевидение, интернет-СМИ и социальные сети являются наиболее значимыми носителями медиаконтента для большинства жителей Чувашии. Ежедневно им уделяют свое внимание две трети респондентов. Менее популярными оказались Telegram (41,8 %) и YouTube (28,3 %). К мессенджеру ежедневно проявляют интерес в большей степени сельчане, а к видеохостингу – горожане.

Каждый десятый опрошенный продолжает ежедневно читать газеты. Каждый четвертый просматривает их несколько раз в неделю. Однако совсем не пользуется прессой треть респондентов. В рейтинге не востребо-
ванности ресурсов лидирует радио (39,4 %). И печатные издания, и радиостанции непривлекательны в основном для 18–29-летних (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как часто в повседневной жизни Вы обращаетесь к перечисленным информационным ресурсам» в зависимости от возраста респондентов (%)

Варианты ответов	Ежедневно			Несколько раз в неделю			Не пользуюсь		
	18–29	30–59	60 и >	18–29	30–59	60 и >	18–29	30–59	60 и >
ТВ	27,1	62,6	90,1	28,6	21,1	6,1	19,5	6,8	0,8
Печать	6,8	11	15,4	11,3	24,6	36,9	41,4	32,9	16,9
Радио	9,7	17,7	32,8	10,4	19,5	25,8	51,5	37,7	31,3
Интернет-СМИ	77	63,9	21,5	19,3	18,9	20,8	–	8	46,2
Социальные сети	88,1	61,2	19,8	8,9	20,1	16	3	10,7	55
YouTube	48,9	27,5	9,2	28,9	23,3	5,3	4,4	23,9	72,5
Telegram	67,9	42,8	12,4	20,1	21,4	7,8	6,7	29,8	76,7

Возраст – один из ключевых факторов, предопределяющих структуру современного медиапотребления. Можно заметить, что у каждой из трех возрастных групп есть свои «поколенческие» платформенные приоритеты. В частности, люди старше 60 лет в основном ежедневно предпочитают

смотреть телевизор (90,1 %), 30–59-летние, в годы становления которых появилась и вошла в обиход «всемирная паутина», – читать интернет-СМИ (61,2 %), а 18–29-летние, чья юность проходит в онлайн-коммуникациях, – обновлять ленты социальных сетей (88,1 %). Причем, чем младше аудитория, тем она более восприимчива к новым медиаплатформам. Помимо канала-фаворита, 30–59-летние также каждый день обращаются к контенту телевидения (62,6 %) и социальных сетей (61,2 %), сохраняя медиапривычки старшего поколения и приобретая свойственные младшему, а 18–29-летние пользуются интернет-СМИ (77 %), Telegram (67,9 %) и YouTube (48,9 %).

Младшая возрастная когорта в основном равнодушна к традиционным СМИ: чуть более половины опрошенных не слушают радио, чуть менее – не читают прессу и почти каждый пятый – не смотрит ТВ. Старшая группа в большинстве своем не проявляет интереса к цифровым медиа – более половины ее представителей не пользуются ни социальными сетями (55 %), ни Telegram (76,7 %), ни YouTube (72,5 %). Люди среднего возраста находятся в «промежуточном» положении: не оставляют без внимания и «старые», и новые медиа. Их выбор источников информации более разнообразный и менее заикленный, в отличие от лиц младшего и старшего возраста.

Нельзя оставить незамеченной динамику популярности социальных сетей в современном медиапространстве. Как уже отмечалось выше, жители и городской, и сельской местности активно ими пользуются в повседневной жизни. Рассмотрим, какие из них им наиболее привлекательны (табл. 6).

Таблица 6

**Распределение ответов на вопрос:
«Какими социальными сетями и сервисами Вы регулярно пользуетесь?»
в зависимости от типа поселения респондентов
(%, можно было выбрать до трех вариантов)**

Варианты ответов	Всего	Город	Село
ВКонтакте	64,6	65,9	62,4
Одноклассники	30,3	25,4	38
Facebook	2,6	3,2	1,7
Instagram	17,4	17,8	16,7
Twitter	1	1,4	0,4
TikTok	23,5	18,9	30,8
Другой ответ	15,6	16,5	14,1
Не пользуюсь	17,7	18,4	16,7
Затрудняюсь ответить	3,1	1,9	5,1

Во «ВКонтакте» регулярно заходят две трети жителей Чувашской Республики, одна треть – еще и в «Одноклассники». Каждый пятый – активный пользователь TikTok. Вторая и третья упомянутые социальные сети более интересны сельчанам, нежели горожанам. По сравнению с прошлыми годами, сервисы Facebook и Instagram стали практически невостребованными, поскольку с марта 2022 г. они запрещены и недоступны на терри-

тории России по основаниям осуществления их владельцем экстремистской деятельности.

В графе «Другой ответ» респонденты нередко вписывали названия мессенджеров (WhatsApp, Viber, Telegram), видеохостинга (YouTube), голосового помощника («Алиса»), что говорит о том, что некоторым людям незнакома или непонятна классификация разных цифровых платформ, неочевидна разница между ними. Причем, судя по ответам, к таковым относятся не только представители средней и старшей возрастной групп, но и младшей, которая по всем характеристикам ее медиапредпочтений казалась бы более цифрово восприимчива (табл. 7).

Таблица 7

**Распределение ответов на вопрос:
«Какими социальными сетями и сервисами Вы регулярно пользуетесь?»
в зависимости от возраста и пола респондентов
(%, можно было выбрать до трех вариантов)**

Варианты ответов	18–29 лет	30–59 лет	60 и > лет	Мужчи- ны	Женщи- ны
ВКонтакте	86,7	73,4	19,1	60,5	68,1
Одноклассники	13,3	39,6	23,7	29,2	30,9
Facebook	3,7	2,7	1,5	3,2	2,2
Instagram	37,8	15,4	1,5	13,2	21,3
Twitter	2,2	0,9	0	1,8	0,3
TikTok	40,7	21	12,2	27,8	20
Другой ответ	23	13,6	13	13,9	17,2
Не пользуюсь	1,5	9,8	55	17,4	18,1
Затрудняюсь ответить	1,5	3,8	3,1	3,6	2,5

Среди 18–29-летних наиболее популярны «ВКонтакте», TikTok и Instagram. Посты, размещаемые на этих платформах, увлекают 86,7 %, 40,7 % и 37,8 % опрошенных младшего возраста соответственно. 30–59-летние чаще проводят время во «ВКонтакте» (73,4 %) и «Одноклассниках» (39,6 %). Более половины людей старше 60 лет не пользуются социальными сетями (55 %), а те, кто обращается к ним, заходят в основном в «Одноклассники» (23,7 %) и «ВКонтакте» (19,1 %).

В зависимости от пола респондентов предпочтения социальных сетей практически не меняются. Не слишком значительная, но все же статистическая разница прослеживается в половом составе аудитории Instagram и TikTok. Как показывают данные, первая соцсеть привлекательна больше для женщин, а вторая – для мужчин.

От анализа платформенных медиапредпочтений респондентов перейдем к тематическим (табл. 8).

Политика и культура – самые интересные тематические блоки медиаконтента для большинства жителей Чувашии. Они увлекают более половины опрошенных. Культурная жизнь волнует чаще горожан (58,6 %), а политическая – сельчан (58,3 %). Общесоциальная информация и сведения об окружении занимают треть респондентов. Спортивные новости

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос:
«При обращении к разным источникам информации какие темы могут
заинтересовать Вас больше всего» в зависимости от типа поселения респондентов
 (% , можно было выбрать до трех вариантов)

Варианты ответов	Всего	Город	Село
Культура	51,3	58,6	40
Экономика	17,4	14,2	22,6
Мода и стиль жизни	16,1	16,6	15,3
Социальная информация	34,4	36	31,9
Политика	53,2	49,9	58,3
Спорт	23,3	22,6	24,3
Экология	7,6	7,6	7,7
Гражданско-правовая информация	13,8	10,1	19,6
Информация о моем окружении	29,2	28,6	30,2
Другое	2,3	2,2	2,6

заинтересовывают чаще мужчин (39,6 %), а посвященные моде и стилю жизни – женщин (26,3 %). Политическую информацию также больше предпочитают представители мужского пола, а культурную – женского (табл. 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос:
«При обращении к разным источникам информации какие темы могут
заинтересовать Вас больше всего» в зависимости от возраста и пола респондентов
 (% , можно было выбрать до трех вариантов)

Варианты ответов	18–29 лет	30–59 лет	60 и > лет	Мужчины	Женщины
Культура	61,7	51,8	39,7	41,4	60,2
Экономика	18,8	15,1	22,1	22,9	12,2
Мода и стиль жизни	30,1	16,0	2,3	4,6	26,3
Социальная информация	24,8	35,8	40,5	26,1	41,1
Политика	33,8	51,8	76,3	63,9	43,6
Спорт	24,8	25,4	16,0	39,6	9,1
Экология	4,5	8,6	8,4	6,1	8,8
Гражданско-правовая информация	12,0	14,5	13,7	14,6	13,2
Информация о моем окружении	47,4	29,6	9,9	26,1	32,3
Другое	1,5	2,1	3,8	2,5	2,2

При обращении к разным медиаресурсам 18–29-летние главным образом фиксируют свое внимание на материалах, освещающих темы культуры (61,7 %), и на информации об окружении (47,4 %); 30–59-летние – равно на новостях культуры (51,8 %) и политики (51,8 %); люди старше 60 лет – на политических сообщениях (76,3 %), социальной (40,5 %) и культурной информации (39,7 %). Тематические медиапредпочтения разных возрастных групп максимально точно отражают их жизненные приоритеты. Можно заметить, что младшее возрастное звено в основном сфокусировано на частной жизни (своей и ближайшего окружения), а старшее – на кол-

лективной, общесоциальной. Эта закономерность вполне объяснима: молодые люди находятся в поиске себя, заняты в силу возраста построением семьи, карьеры и др., а пожилые – в соответствии с жизненным опытом больше думают о социальных преобразованиях, переживают за будущее новых поколений – своих детей и внуков.

Участившиеся случаи дезинформации, распространения фейков и очевидной манипуляции массовым сознанием в медиасреде приводят к падению доверия аудитории журналистам и другим производителям контента. Так, отвечая на вопрос «Где Вы чаще встречаете правдивую информацию: в Интернете или в традиционных СМИ (газеты, телевидение, радио)?», треть жителей республики отмечает, что лояльна и к тем, и к другим источникам в равной мере (табл. 10).

Таблица 10

**Распределение ответов на вопрос:
«Где Вы чаще встречаете правдивую информацию:
в Интернете или в традиционных СМИ (газеты, телевидение, радио)?»
в зависимости от типа поселения респондентов (%)**

Варианты ответов	Всего	Город	Село
Больше доверяю интернет-источникам	18,3	19,2	17
Больше доверяю традиционным СМИ	19,8	19,7	20
И тем, и другим доверяю в равной мере	29,3	31,1	26,4
Никому не доверяю	16	17,6	13,6
Затрудняюсь ответить	16,5	12,4	23

Количество тех, кто больше доверяет интернет-источникам, и тех, кто больше доверяет традиционным СМИ, примерно равно. Доли выразивших категоричное недоверие всем медиаресурсам и затруднившихся с ответом также практически совпадают. Если сравнивать мнения горожан и сельчан, то среди первых более популярны позиции однозначного доверия интернет-источникам, доверия и тем, и другим в равной мере, а также полного недоверия им, а среди вторых – однозначного доверия традиционным СМИ и затруднения с ответом.

Каждый пятый мужчина больше доверяет информации из Интернета, а каждая пятая женщина – из традиционных СМИ (табл. 11).

Таблица 11

**Распределение ответов на вопрос:
«Где Вы чаще встречаете правдивую информацию:
в Интернете или в традиционных СМИ (газеты, телевидение, радио)?»
в зависимости от возраста и пола респондентов (%)**

Варианты ответов	18–29 лет	30–59 лет	60 и > лет	Мужчины	Женщины
Больше доверяю интернет-источникам	31,1	19,2	3,1	20,2	16,9
Больше доверяю традиционным СМИ	7,4	15	45	18,8	20,9
И тем, и другим доверяю в равной мере	33,3	32,2	17,6	27,3	31,3
Никому не доверяю	16,3	16,2	15,3	18,1	14,4
Затрудняюсь ответить	11,9	17,4	19,1	15,6	16,6

Лица старше 60 лет в основном оказывают доверие традиционным СМИ (таковых 45 %). Данные подтверждают, что интернет-источники не являются для них надежными. Треть 30–59-летних отмечает, что встречает правдивую информацию и в Сети, и в традиционных СМИ. При этом каждый пятый представитель данной возрастной группы больше доверяет интернет-источникам. Среди 18–29-летних по одной трети тех, кто доверяет сетевым ресурсам, и тех, кто лоялен и к новым, и «старым» медиа. Можно сделать вывод, что молодежь менее критично настроена к информации, распространяющейся в Интернете.

Более половины опрошенного населения Чувашской Республики в целом довольны тем, как журналисты региона освещают локальные события (табл. 12).

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос: «В какой мере СМИ и медиаресурсы Чувашии удовлетворяют Ваши информационные потребности?» в зависимости от типа поселения респондентов (%)

Варианты ответов	Всего	Город	Село
Полностью удовлетворяют	12,9	15,5	8,9
Скорее удовлетворяют	42,4	41,2	44,2
Скорее не удовлетворяют	9,6	11	7,3
Совсем не удовлетворяют	5,9	7,3	3,8
Затрудняюсь ответить	29,2	25	35,8

Среди тех, кто полностью удовлетворен работой местных медиаресурсов, больше горожан, чем сельчан. Также более одной трети жителей сельской местности затруднились с ответом на данный вопрос. Предполагаем, что это связано с тем, что они, будучи погруженными в повестку своего села, деревни, менее пристально следят за событиями общерегиональной и столичной жизни, и ощущают лишь частичную осведомленность. Для лучшего понимания ситуации необходимо изучить, какие СМИ Чувашии наиболее предпочтительны для региональной аудитории. Обратимся к статистическим данным востребованности печатных изданий (табл. 13).

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос: «Какие региональные издания Вы регулярно читаете?» в зависимости от типа поселения респондентов (%)
(%, можно было выбрать до двух вариантов)

Варианты ответов	Всего	Город	Село
«Хыпар»	13,1	10,6	17,1
«Советская Чувашия»	18,9	18,4	19,7
«АиФ-Чувашия»	7,3	7,6	6,8
«МК в Чебоксарах»	3,3	3,8	2,6
Городская газета	10,8	16,5	1,7
Районная газета	20,7	8,1	40,6
Не читаю местную прессу	46,1	53,4	34,6
Затрудняюсь ответить	4,5	3	6,8

В условиях интенсивной цифровизации информационного пространства и глобальной тенденции снижения интереса общества к печатным изданиям в Чувашии сохраняется сегмент регулярных читателей прессы. Главным образом он представлен жителями сельской местности. 40,6 % из них – постоянные читатели районных газет на чувашском и русском языках. В соответствии с местом проживания респонденты отдают предпочтение изданиям своего района: Батыревского района «Авангард», Ибресинского – «Сётерүшён» («За победу»), Красночетайского – «Пирён пурнаç» («Наша жизнь»), Моргаушского – «Сётерү ялавё» («Знамя победы»), Алатырского – «Алатырские вести», Ядринского – «Знамя труда», Порецкого – «Порецкие вести» и Чебоксарского – «Тăван Ен» («Край родной»). Кроме того, сельчане активнее, чем горожане читают официальные республиканские газеты «Хыпар» («Весть») (на чувашском языке) и «Советская Чувашия» (на русском языке). Не интересующихся местной прессой среди сельчан (34,6 %) заметно меньше, чем горожан (53,4 %).

О массовом интересе горожан к прессе говорить сложно. Лишь каждый десятый из них регулярно обращается к контенту городской газеты – печатным выпускам «Чебоксарских новостей» и «PROгород – Чебоксары». Доли тех, кто просматривает региональные приложения к одноименным федеральным изданиям «АиФ-Чувашия» и «МК в Чебоксарах», незначительны, хотя жителей городской местности среди них больше, чем представителей сельской. В целом, к прессе равнодушны 46,1 % опрошенных. Спад аудиторных показателей традиционной печати наблюдается повсеместно и соответствует общемировому тренду¹⁹. Из этого числа 18–29-летних в три раза больше людей старше 60 лет (табл. 14), что совпадает с тенденцией ведущих медиапрактик «цифрового» и «масс-медиа» поколений²⁰.

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос: «Какие региональные издания Вы регулярно читаете?» в зависимости от возраста респондентов
(%, можно было выбрать до двух вариантов)

Варианты ответов	18–29 лет	30–59 лет	60 и > лет
«Хыпар»	3,7	9,8	31,3
«Советская Чувашия»	5,9	20,5	28,2
«АиФ-Чувашия»	2,2	8,3	9,9
«МК в Чебоксарах»	3	2,7	5,3
Городская газета	8,1	10,7	13,7
Районная газета	8,9	22,8	27,5
Не читаю местную прессу	73,3	43,9	23,7
Затрудняюсь ответить	4,4	4,5	4,6

В составе аудитории постоянных читателей печатных выпусков чувашеязычной «Хыпар» и русскоязычной «Советской Чувашии» – по одной трети людей старшей возрастной группы. Доли поклонников «район» из числа 30–59-летних и старше 60 лет практически одинаковы. Из

представленного списка региональных изданий наиболее регулярно просматриваемыми молодыми людьми являются районные (8,9 %) и городские (8,1 %) газеты.

В рамках всеобщей востребованности экранных медиа локальные радиостанции Чувашии не проигрывают в конкурентной борьбе за внимание аудитории, они стабильно охватывают разные страты слушателей (табл. 15).

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос: «Какие местные радиостанции Вы регулярно слушаете?» в зависимости от типа поселения респондентов
(%, можно было выбрать до двух вариантов)

Варианты ответов	Всего	Город	Село
Радио России. Чувашия (ГТРК)	13	12,8	13,2
Национальное радио Чувашии	16,8	13,9	21,3
Таван радио	20,9	15,3	29,8
Другая местная радиостанция	2	0,8	3,8
Не слушаю местные радиостанции	54,8	64,3	40
Затрудняюсь ответить	8	5,4	11,9

Наиболее популярны в Чувашии передачи «Таван радио» – их слушает каждый пятый опрошенный. В числе поклонников местных станций сельчан больше, чем горожан. Предполагаем, что это связано с тем, что прослушивание радио удачно укладывается в образ жизни людей, которые немалую часть своего времени уделяют земледелию, садоводству, дачному хозяйству. Данная медиапрактика не отвлекает их от ритма сельскохозяйственных работ, дает возможность попутно получить актуальную информацию. Кроме того, в региональном радиозфире нередко освещаются истории повседневной жизни сельчан, звучат музыка и программы на родном языке. Однако стоит признать, что с каждым годом радио как источник информации становится менее востребованным – более половины опрошенных заявили, что не слушают местные радиостанции. Из них 73,3 % приходится на младшую возрастную группу, 54,5 % – на среднюю и 36,6 % – на старшую (табл. 16).

Таблица 16

Распределение ответов на вопрос: «Какие местные радиостанции Вы регулярно слушаете?» в зависимости от возраста респондентов
(%, можно было выбрать до двух вариантов)

Варианты ответов	18–29 лет	30–59 лет	60 и > лет
Радио России. Чувашия (ГТРК)	3	11,3	27,5
Национальное радио Чувашии	6,7	17	26,7
Таван радио	13,3	19,3	32,8
Другая местная радиостанция	2,2	2,4	0,8
Не слушаю местные радиостанции	73,3	54,5	36,6
Затрудняюсь ответить	6,7	9,8	4,6

Главные слушатели местных радиостанций – люди старше 60 лет. Треть из них регулярно включает «Таван радио», а каждый четвертый – «Радио России. Чувашия» и «Национальное радио Чувашии». Вместе с тем необходимо отметить, что из приведенного в таблице списка каналов именно «Таван радио» способно увлечь большую часть активных радиослушателей – людей разных возрастов.

Напомним, что информационные предпочтения респондентов в местном контенте приоритизированы телевидением, интернет-СМИ и социальными сетями. Рассмотрим, какие ресурсы занимают ведущие позиции в медиапотреблении жителей Чувашии. Обратимся к практикам их телепросмотра (табл. 17).

Таблица 17

**Распределение ответов на вопрос:
«Какие местные телеканалы Вы регулярно смотрите?»
в зависимости от типа поселения респондентов
(%, можно было выбрать до двух вариантов)**

Варианты ответов	Всего	Город	Село
ГТРК «Чувашия»	47,4	44,3	52,3
Национальное телевидение Чувашии	29,8	26,8	34,5
Телеканал «ЮТВ»	9,9	11,9	6,8
Другой местный телеканал	1,7	2,2	0,9
Не смотрю местное телевидение	34,4	38,9	27,2
Затрудняюсь ответить	3,6	1,6	6,8

Почти половина опрошенных регулярно смотрит телепрограммы ГТРК «Чувашия», одна треть – «Национального телевидения Чувашии», каждый десятый – телеканала «ЮТВ». На селе доля зрителей первых двух каналов превышает ту же долю в городской местности. Однако доля сельчан из числа преданных телезрителей «ЮТВ» уступает той же доле, проживающих в городе. На наш взгляд, это объясняется повсеместной доступностью вещания ГТРК «Чувашия» и «Национального телевидения Чувашии» на территории республики и ограниченностью трансляции «ЮТВ» в сельской местности.

Не смотрит местное телевидение треть жителей региона. В основном это люди в возрасте 18–29 и 30–59 лет (табл. 18). Как отмечают исследователи Научного центра социально-экономического мониторинга С.Г. Ушкин, Р.Р. Агишев и И.А. Пакшина, «региональным телеканалам трудно бороться по популярности с федеральными, хотя они пытаются реализовывать различные стратегии выживания в современных условиях – врезки в первый цифровой мультиплекс, переход к спутниковому телевидению, кабельным сетям и Интернету. [...] Наиболее значимыми проблемами для республиканского телевидения, определяющими падение его популярности, являются низкая доля собственного контента, отсутствие возможности полноценного вещания в цифровом пакете каналов, недостаточная заинтересованность рекламодателей в размещении контента и др.»²¹.

**Распределение ответов на вопрос:
«Какие местные телеканалы Вы регулярно смотрите?»
в зависимости от возраста респондентов
(%, можно было выбрать до двух вариантов)**

Варианты ответов	18–29 лет	30–59 лет	60 и > лет
ГТРК «Чувашия»	23,7	49,3	67,2
Национальное телевидение Чувашии	11,1	30,1	48,1
Телеканал «ЮТВ»	9,6	10	9,9
Другой местный телеканал	0,7	1,5	3,1
Не смотрю местное телевидение	62,2	31,9	12,2
Затрудняюсь ответить	3,7	4,1	2,3

Телеэфир ГТРК «Чувашия» удерживает внимание почти 70 % респондентов старшего возраста. Доли аудитории младшего и среднего возраста данного телеканала практически в три и полтора раза соответственно меньше. Подобным образом распределяются по возрасту сегменты зрителей и «Национального телевидения Чувашии».

Если вести речь о востребованности местных информационных ресурсов в Интернете, то необходимо проанализировать следующие данные (табл. 19).

Таблица 19

**Распределение ответов на вопрос:
«Какие местные информационные интернет-ресурсы Вы регулярно
просматриваете?» в зависимости от типа поселения респондентов
(%, можно было выбрать до трех вариантов)**

Варианты ответов	Всего	Город	Село
Портал органов власти Чувашской Республики	25,6	21,6	31,9
Правда ПФО	14,9	17	11,5
PROгород	40,3	45,1	32,8
Чăваш халăх сайчĕ (chuvash.org)	5,5	6,2	4,3
Другой местный интернет-ресурс	4,8	5,4	3,8
Не просматриваю местные интернет-ресурсы	32,6	35,1	28,5
Затрудняюсь ответить	9,4	5,9	14,9

Портал органов власти Чувашской Республики (сар.ру) – один из самых известных медиаресурсов правительства республики, за многолетнюю историю функционирования получивший негласный авторитет достоверного источника официальной информации о событиях в регионе. Не удивительно, что каждый четвертый житель Чувашии – его постоянный пользователь. На него регулярно заходят одна треть сельчан и каждый пятый горожанин.

Наиболее привлекательным информационным интернет-ресурсом, по мнению респондентов, является сетевое издание «PROгород» (pg21.ru). Его постоянная аудитория достигает 40,3 % населения Чувашии. Из них большинство – горожане (45,1 %).

В графу «Другой местный интернет-ресурс» респонденты часто вписывали названия групп и сообществ в социальных сетях, публикующих новости отдельных населенных пунктов региона: «Подслушано Чебоксары», «Подслушано Алатырь», «Подслушано Ядрин» и т.п., что позволило расширить представление о структуре медиасистемы Чувашии и реальных информационных запросах жителей региона.

Общественно-политическая интернет-газета «Правда ПФО» пользуется спросом у каждого пятого опрошенного в возрасте 30–59 лет и каждого десятого респондента из числа 18–29-летних и людей старше 60 лет (табл. 20).

Таблица 20

**Распределение ответов на вопрос:
«Какие местные информационные интернет-ресурсы Вы регулярно
просматриваете?» в зависимости от возраста респондентов**
(%, можно было выбрать до трех вариантов)

Варианты ответов	18–29 лет	30–59 лет	60 и > лет
Портал органов власти Чувашской Республики	23,7	29,2	18,3
Правда ПФО	10,4	18,6	9,9
PROгород	55,6	42,2	19,8
Чăваш халăх сайчĕ (chuvash.org)	3	6,5	5,3
Другой местный интернет-ресурс	5,2	5,6	2,3
Не просматриваю местные интернет-ресурсы	22,2	26,8	58
Затрудняюсь ответить	8,1	10,6	7,6

Почти 60 % людей старше 60 лет не просматривают местные информационные интернет-ресурсы. Не востребованы они и среди 22,2 % представителей младшей возрастной группы и 26,8 % – старшей. Это довольно большая часть региональной аудитории. Тот факт, что при общем интересе к интернет-СМИ она равнодушна к местным сетевым медиаресурсам, свидетельствует о некоторой скудности локальных медиа-проектов в Интернете как в качественном, так и в количественном отношении, в плане однообразия информационных поводов и способов их освещения. Это предположение, на наш взгляд, относится и к индустрии региональных инфлюенсеров, поскольку практически 80 % жителей Чувашии признаются, что не следят за блогерами, и еще 16 % – затрудняются с ответом (табл. 21).

Таблица 21

**Распределение ответов на вопрос:
«Следите ли Вы за местными блогами и блогерами» (%)**

Варианты ответов	Всего
Да, слежу	4,6
Нет, не слежу	79,5
Затрудняюсь ответить	15,9

Среди наиболее заметных деятелей современной блогосферы Чувашской Республики опрошенные называют звезд чувашской эстрады (Полина Борисова, Эльвира Борисова, Елена Бриз, Данила Ленский), представителей шоу-бизнеса и работников креативной индустрии (Константин Доброхотов (chavashtv), Екатерина Доброхотова, Александр Яшков (bogaty21)). Отдельно респонденты выделяют блоги главы Чувашской Республики Олега Николаева и главы администрации города Чебоксары Дениса Спирина как источники официальной информации и каналы возможного взаимодействия населения с властью.

Таким образом, медиапрактики жителей Чувашской Республики совпадают с общероссийскими трендами медиапотребления²², но при этом имеют свои характерные особенности. Они складываются в рамках выбора телевидения, интернет-СМИ и социальных сетей в качестве основных источников массовой информации. Ежедневно к этим ресурсам обращаются практически 60 % опрошенных. Треть респондентов признается, что встречает правдивую информацию и в Интернете, и в традиционных СМИ, поэтому доверяет и онлайн-, и офлайн-медиапроектам в равной мере. Тематические предпочтения населения региона находятся в плоскости политики и культуры. Первая сфера в большей степени интересует мужчин, а вторая – женщин.

Более половины опрошенных довольны тем, в какой мере медиа Чувашии удовлетворяют их информационные потребности. По мнению респондентов, наиболее привлекательными являются следующие традиционные СМИ: среди печатных изданий – районные газеты, среди радиостанций – «Таван радио», среди телеканалов – вещание ГТРК «Чувашия». Сетевое издание «PROгород» и Портал органов власти Чувашской Республики – самые востребованные местные информационные интернет-ресурсы. Однако велика доля тех, кто проявляет равнодушие к локальным медиапродуктам. На наш взгляд, это свидетельствует о переходном этапе в медиасреде региона – протекающей трансформации медиасистемы, активном поиске редакций, журналистов, блогеров подходящих форматов взаимодействия с аудиторией, инструментов привлечения и удержания ее внимания.

Переход на конвергентный формат работы²³ с ориентацией на реальные информационные предпочтения и сценарии медиаповедения населения позволит как традиционным, так и новым медиа Чувашии стать более заметными и востребованными в современном мире.

Литература

¹ Коломиец В.П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. 2010. № 1 (309). С. 62.

² Давыдов С.Г. Блокнот медиасоциолога. М.: ВЦИОМ, 2020. С. 5.

³ См., например: Давыдов С.Г. Блокнот медиасоциолога. М.: ВЦИОМ, 2020. 376 с.; Коломиец В.П. Медиасоциология: теория и практика. М.: НИПКЦ Восход-А, 2014. 328 с.;

Назаров М.М. Медиа: Аудиторные тренды. Человек в современной российской медиасреде. М.: Ленанд, 2023. 256 с.; и др.

⁴ Коломиец В.П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. 2010. № 1 (309). С. 61.

⁵ Дзялошинский И.М. Медиапотребление как характеристика медиа-аудитории // Медиаобразование 2014. Региональный аспект: сб. тезисов и статей Всеросс. научно-практич. конф. (с международным участием). М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. С. 38.

⁶ Назаров М.М. Указ. соч. С. 24.

⁷ Шабунин Д.М. Медиа-среда региона: социологический аспект анализа // Социология региона: итоги, проблемы, перспективы. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 243–270.

⁸ Иванова Н.М., Харитонов В.Г. Информационно-коммуникационные технологии в этнокультурном развитии региона (на примере Республики Чувашия). Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 128 с.; Их же. Региональные средства массовой информации: востребованность и перспективы развития // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного всероссийского социологического конгресса: Электронный ресурс (Уфа, 23–25 октября 2012 года). Уфа: Российское общество социологов, 2012. С. 2619–2623; Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой. Чебоксары, 2015. 244 с.; Социокультурные факторы модернизации Чувашии: итоги трех волн исследования / под ред. И.И. Бойко, А.П. Долговой. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. 280 с.; Чувашская Республика. Социокультурный портрет / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. 192 с.

⁹ Гаврилов А.Д. Информационные предпочтения жителей Чувашской Республики: итоги социологического исследования // Чăваш халăх историйĕпе культурин сивĕч ыйтăвĕсем: статьясен пуххи = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сб. статей / сост. и науч. ред. В.В. Никифорова. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. Вып. 6. С. 157–177.

¹⁰ Hepp A., Berg M., Roitsch C. A processual concept of media generation. The media-generational positioning of elderly people. Nordicom Review. 2017. 38 (1). P. 109–122.

¹¹ Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А. Медиапотребление в возрастных когортах: ТВ и Интернет // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 565.

¹² Воронин Г.Л., Курячев М.М. Интернет-пространство старшего поколения: анализ проблемы вхождения в цифровую эпоху // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 3 (51). С. 55–65; Гасумова С.Е. Отношение пожилых людей к сети Интернет и мобильной телефонной связи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3 (27). С. 161–171.

¹³ Медиапотребление «цифровой молодежи» в России / под ред. Д.В. Дунаса. М.: Факультет журналистики МГУ: Изд-во Моск. ун-та, 2021. 406, [2] с.

¹⁴ Аникина М.Е. Медиапотребление российских школьников: центр и регионы // Меди@льманах. 2017. № 4 (81). С. 50–62.

¹⁵ Новгородцева А.Н., Сивкова Н.И. Медиапотребление новостей жителями малых городов России // Koipon. 2021. Т. 2. № 3. С. 158–168.

¹⁶ Зачарованное место. Медиапотребление, медиаграмотность и историческая память сельских жителей / под ред. А.Г. Качкаевой, А.А. Новиковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 168 с.

¹⁷ Назаров М.М. Указ. соч. С. 29.

¹⁸ Гасумова С.Е. Указ. соч. С. 166.

¹⁹ Ушкин С.Г., Агизев Р.Р., Пакишина И.А. Медиапредпочтения жителей Республики Мордовия: бюллетень Научного центра социально-экономического мониторинга. Саранск: Нац. исслед. Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарева, 2021. Т. 3 (11). С. 16.

²⁰ Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А. Указ. соч. С. 565.

²¹ Ушкин С.Г., Агишев Р.Р., Пакина И.А. Указ. соч. С. 11.

²² Тренды медиапотребления: аналитический обзор [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-mediapotreblenija-2022> (дата обращения: 01.12.2022).

²³ Гаврилов А.Д. Система средств массовой информации Чувашской Республики в условиях цифровизации общества // Чăваш халăх историйĕпе культурин сивĕч ыйтăвĕсем: статьясен пуххи = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сб. статей / сост. и науч. ред. В.В. Никифорова. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. Вып. 6. С. 127–156.

A.D. Gavrilov

**MEDIA CONSUMPTION OF THE CHUVASHIA POPULATION:
MAIN MOTIVES, THEMATIC AND PLATFORM PRIORITIES,
ISSUES OF CONFIDENCE**

The article presents the results of a sociological study of media consumption practices of the population of the Chuvash Republic. The empirical base consists of the data received from a questionnaire survey conducted in the autumn of 2022 among 606 residents of 7 cities and 17 rural settlements of 9 municipal districts of Chuvashia. The information preferences of the regional audience are considered depending on the gender, age and type of settlement of the respondents. The motives for using the Internet, the level of trust in traditional media and Internet resources, the main sources of information about events in the country and the world and separately in the region, thematic interests, priority platforms of social networks and services, the level of satisfaction with the activities of the media and media resources of the region, the most demanded printed publications, radio stations, TV channels and Internet resources of Chuvashia were analysed. The results of the survey showed that in the current conditions of the formation of a polysubjective and multifunctional media environment, information and communication abundance, the age of the recipient, his generational affiliation among other socio-demographic indicators largely predetermine the typological difference in media consumption patterns, quantitative and qualitative characteristics of the processes of interaction with the media.

Keywords: media space of the Chuvash Republic, media consumption, information preferences, media generations, questionnaire survey, media sociology.

УДК 82.512.111-31"20"

ЧГВ, 2023 г., № 18
© В.В. Никифорова

ЧУВАШСКАЯ ПОВЕСТЬ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА И ЕЕ ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ

Статья продолжает цикл работ по современной чувашской прозе. В ней впервые в чувашском литературоведении рассмотрены особенности чувашской повести первых двух десятилетий ХХІ в., выявлены некоторые отличительные черты жанра на данном этапе. Предложена классификация жанровых разновидностей на чувашском языке, характеристика их специфики, проанализированы наиболее яркие примеры произведений.

Ключевые слова: современная чувашская литература, чувашская проза, повесть, жанровые разновидности повести, начало ХХІ в.

Особенности функционирования так называемого «среднего» жанра прозы – повести – в новом веке не становились объектом отдельного анализа. Чувашская повесть 1950–1960-х гг. проанализирована Г.Я. Хлебниковым в монографии «Современная чувашская литература» (1971)¹. Автор книги считает, что повесть, в отличие от романа, не претендует на исследование всей сложности драматизма взаимодействия героя с обстоятельствами, всей философской и исторической глубины «человеческой судьбы». «Если появление романа обычно связано с возникновением у писателя нового цельного понимания общественного развития, то повесть может зародиться и в результате возникновения какого-либо нового взгляда на отдельные вопросы жизни, на частные стороны бытия»². Исследованию развития чувашской повести 1967–1990-х гг., отдельным вопросам ее истории и теории, посвящена статья Г.И. Федорова «Чăваш повесĕ 1967–1990 сълсенче (историпе теори ыйтăвĕсем)»³. Литературовед приходит к выводу, что повесть является одним из продуктивных жанров в каждой литературе. Не является исключением и чувашская литература. В обозначенный период обновились способы выражения мысли,

Вера Витальевна Никифорова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник секции литературоведения филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: vera.nickiforova@yandex.ru.

появились новые возможности для изображения человека. Г. Федоров анализирует здесь творчество отдельных писателей (Ю. Скворцова, А. Емельянова, Хв. Агивера, Л. Таллерова, А. Артемьева, Д. Гордеева, Н. Мартынова, В. Петрова и др.), размышляет о жанровой концепции их произведений, об особенностях их сюжетостроения и стиля; выявляет ряд изменений, обусловленных национальными особенностями и периодом их создания⁴. В исследовании «Сăнарлă сăмах шыравĕ» (1996) Г.И. Федоров анализирует историю чувашской прозы 1950–1990-х гг. в общем, и особенности чувашской повести до 1990-х гг. в том числе.

В целом работы, посвященные жанру повести в национальной литературе, имеют или эпизодический, или обзорный характер. Наиболее полное теоретическое и практическое исследование данной средней эпической формы проведено В.А. Абрамовым в книге «Становление и развитие чувашской повести» (2004). В ней рассматриваются вопросы теории чувашской повести, история становления и развития жанра до конца XX в. Анализируются отдельные жанровые разновидности: фантастические, приключенческие, детективные, сатирико-юмористические повести. Опираясь на труды своих предшественников и проанализировав огромный материал, исследователь делает вывод, что повесть на протяжении полувека и количественно, и качественно занимает ведущее место в чувашской литературе⁵. По его мнению, в повестях часто наблюдаются события вокруг одного, реже нескольких героев, временные рамки ограничены хроникальностью и циклической завершенностью (чаще всего описывается значимый отрезок жизни человека). Повествователь часто субъективно участвует в повествовании. В повести меньше эпичности и синтезирующего начала жанра романа, повесть более аналитична⁶.

В.А. Абрамов доказывает, что в становлении и развитии чувашской повести нужно выделять три этапа: 1) 80-е гг. XIX в., 2) 20-е – начало 30-х гг. XX в., 3) конец 50-х – 90-е гг. XX в. Последний этап, по мнению ученого, с которым трудно не согласиться, стал триумфальным для чувашской повести. «Повесть впитывала, как и все литературы народов бывшего СССР, те благотворные процессы в художественном мире в виде относительного содержательно-поэтического освобождения, которые были вызваны хрущевской “оттепелью” и эйфорией свободы творчества конца 50-х – начала 60-х годов»⁷.

В настоящей статье мы обратимся к следующему периоду в развитии чувашской повести – началу XXI в. Целью работы является общая характеристика жанра повести первых двух десятилетий нового века. Будут рассмотрены жанровые разновидности произведений, созданных в обозначенный хронологический отрезок, проанализированы наиболее яркие примеры, выявлены отличительные особенности жанра на данном этапе.

Жанровых разновидностей современной чувашской повести немало. Мы постараемся уделить им отдельное внимание, остановимся на наиболее заметных примерах. Общий взгляд на материал показывает, что наи-

большее количество произведений создано в рамках социально-психологической повести. Собственно психологическая повесть – жанр весьма трудный и неактуальный в современной прозе, таких примеров достаточно мало. [Психологическая повесть, лирико-психологическая повесть, психологизм были в числе приметных черт чувашской прозы в 1950–1980-е гг. (Ю. Скворцов, Хв. Уяр, Хв. Агивер, В. Игнатьев и др.).] Нередко авторы обращаются к форме художественно-публицистической, автобиографической повести, реже – к документальной, военной, интеллектуальной, лирической повести, повести-сказке и некоторым другим разновидностям. Наименее распространенными формами сегодня являются фантастическая повесть и повесть в письмах.

В начале XXI в. в чувашской литературе на первом плане также находится частная жизнь отдельного человека. Но изображение социальной реальности, как и в 1990-е гг., в равной мере не теряет своей актуальности. В итоге, несмотря на большое внимание, уделяемое области чувств и переживаний героев, показ, отражение социальной действительности все же доминирует над психологическим анализом. При этом сохраняются, но видоизменяются публицистичность и лиричность.

Психологиллĕ повесть (психологическая повесть) нацелена на раскрытие психологии, внутреннего мира, состояния, характера героев (в повести, как правило, одного героя). Внешние события в них находятся на втором плане, точнее, они описываются в преломлении через внутренний мир персонажа и необходимы, чтобы лучше его понять. Выразительным примером психологического произведения является повесть Елен Нарпи «Хĕл лариччен» («Предзимье», 2006)⁸. Текст прозаика отличается глубоким погружением во внутренний мир героев, Элины и Сергея. Он состоит из двух частей: «Мужчина» и «Женщина», в которых герои изображаются по отдельности, раскрываются оттенки чувств и эмоций, сомнения в их душе. Эпиграф («И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». Бытие 1:27) и само произведение в целом заставляют задуматься о роли Создателя в жизни людей. Следует отметить, что весьма важным органическим элементом художественного мира данного автора являются христианские мотивы.

Повесть Николая Андреева «Тулли уйăх сĕтинче» («При свете полной луны», 2017)⁹ в особенности соответствует критериям психологической повести. В ней показана внутренняя драма Кирилла, в душе которого многие годы копились боль и злость, желание отомстить своим обидчикам, свести счеты с жизнью. Автору удалось очень тонко передать чувства и состояние героя, особенно в критических моментах, когда Кирилл побеждает желание убить своего обидчика, а потом – желание убить самого себя. Важно, что и финал повести, где герой выбирает жизнь, убедителен.

Следует отметить, что в интервью журналу «Таван Атăл» («Родная Волга»)¹⁰ автор определил жанр произведения как «рассказ». Объем произведения, действительно, небольшой. Но в нем выявляются все вышепере-

численные признаки повести: события развиваются вокруг одного лица; наличествуют временные рамки, ограниченные хроникальностью и циклической завершенностью (описывается значимый отрезок жизни человека) и др. Теоретически, прозаик мог бы предложить более длинный вариант текста. Но в этом нет необходимости, так как существующий текст является логичным, завершенным произведением. Более того, тенденция к краткости наблюдается в творчестве значительного количества современных авторов. Отдельные повести прозаиков разных поколений (О. Федорова, О. Австрийская, А. Мышкина, А. Хмыт, Н. Ижендей) в традиционном книжном варианте имеют объем до 30–40 страниц¹¹. В целом, данные произведения могут претендовать на искомое жанровое определение, так как, в свою очередь, соблюдают основные требования к повести. Важно также, что предложенный авторами жизненный материал не вмещается в рамки короткого жанра (рассказа).

Повесть Арсения Тарасова «Вёлтёртетсе вёсет сарӑ сӗлӗ» («Закружилась листва золотая», 2010)¹² изображает жизнь современной молодежи. Она неоднозначна. Отчасти это связано с тем, что главный герой, Виктор Серов, неоднозначен. Это сомневающаяся личность, которому трудно определиться с выбором, кто из двух девушек ему дороже. Прозаик хорошо раскрывает внутренний мир молодого человека, психологию колеблющегося человека. В повести, наряду с этим любовным треугольником, разносторонне показан характер героя. Виктор хочет доказать девушке, что он – настоящий мужчина. Он обещает ей купить шубу, а чтобы на нее заработать – ввязывается в криминал. Осознав свою ошибку, он задумывается об уходе из жизни... По логике развития сюжета казалось, что Виктор сможет победить свое бессилие. Этот герой внушал доверие. И имя у него соответствующее. Оказалось, не смог. В итоге складывается впечатление, что сюжет необоснованно прерывается, не реализует свой потенциал.

Социаллӑ-психологиелӗ повесть (социально-психологическая повесть) представлена в творчестве В. Константинова, А. Павловской, У. Эльмень, Е. Мустаевой, О. Васильевой, Г. Матвеевой и др. Один их выразительных примеров – произведение Валентина Константинова «Тупа» («Клятва», 2018)¹³. Автору удалось наглядно представить непростые отношения близнецов Калистрата и Игната с момента, как они начали отдаляться друг от друга, до сегодняшнего дня. Чувства Калистрата, Игната и Зины, Игната и Полины раскрыты весьма убедительно. В тексте важен также показ социальных связей и взаимоотношений между героями. Следует также отметить, что ранее, в 2018 г., произведение вышло под жанровым определением «роман» в Чувашском книжном издательстве. Впоследствии, видимо, прозаик пересмотрел свою точку зрения и опубликовал его в журнале как «повесть». И был прав, произведение при всей полноте раскрытия характеров не претендует на романное изображение. Тут нет романного мышления и полифонии.

Представляет интерес и повесть «Сӗлӗмри ӳкерчӗк» («Портрет, обжаренный огнем», 2013)¹⁴. В ней раскрываются чувства и отношения пары, кото-

рая четверть века прожила вместе. В сердце Урине рождается чувство к постороннему мужчине. Прозаик весьма тонко описывает, как изменяется и развивается это чувство. Оказывается, может ошибиться любой человек, даже самый порядочный. Но в конце женщина еще больше осознает, что муж Митюк для нее – самый близкий и дорогой человек. И даже появляется надежда, что и Виталий Сидорович встанет на путь очищения.

Во втором десятилетии нового века популярным становится творчество Ангелины Павловской. Стиль этого автора живописный, образный, но без лишней эмоциональности. В повести «Сапаскар хёрё» («Девушка из Сапаскар», 2011)¹⁵ изображается судьба Марине, становление ее характера. По молодости лет она стала виновницей смерти своей подруги Праски, но впоследствии сумела преодолеть собственные худшие черты. И в первую очередь, благодаря дочери подруги, которую она воспитала. В повести изображается тяжелая жизнь чувашского села в дореволюционный период истории, во время Великой Отечественной войны, после войны.

В произведениях Ульяки Эльмень начала XXI в. преобладали черно-белые краски (что было одной из характерных примет литературы того периода)¹⁶. В творчестве последних лет в палитре автора появилось больше тонов. В повести «Сарӑ кӑпе» («Желтое платье», 2015)¹⁷ немало красивых и убедительных сцен. В ней изображается жизнь современных выпускников, их мечты и планы, а также чистое чувство первой любви, взаимоотношения со старшими. Подчас в повести ощущается некоторая «литературность», излишняя пафосность (к примеру, в диалогах Ольги Якимовны с ребятами). В общем и целом же ее можно рассматривать в числе хороших произведений о молодежи.

В повести Елены Мустаевой «Уй варринче ҫинсе хӑва» («Ивушка неплакучая», 2017)¹⁸ также немало удачных эпизодов. К примеру, как переживают окончание войны женщины. Узнав, что война закончилась, они, упав на землю, разрыдались до изнеможения. Эпизод этот напоминает сцену из повести Ю. Скворцова «Уках хурӑнӗ» («Береза Угахви», 1957), когда Укахви, Хёветли и Ольга, узнав, что война закончилась, от души поплакали, потом начали играть в народную игру *лепек*. Тем не менее похожая ситуация, кажется, получилась у прозаика неосознанно. У многих женщин, переживших страшные четыре года войны, могла возникнуть похожая реакция: их объединяло одно желание – приблизить победу, они крепились и все это время сдерживали свои чувства. Много испытаний выпало на долю главной героини Саньки, которая в конце концов остается с четырьмя детьми на руках. В ней есть потенциал Угахви (Ю. Скворцов), Саламби (А. Артемьев). Но, к сожалению, этот образ до конца не раскрывается, и не становится в ряд вышеназванных ярких образов.

В книге повестей и рассказов Ольги Васильевой «Юхӑть ҫӑлкуҫ...» («Встреча у родника», 2018)¹⁹ показана современная молодежь с ее радостями и горестями, взлетами и падениями, надеждами и разочарованиями. Герои только выходят на большую дорогу жизни, но вместе с первой лю-

бовью их ожидают трудности и испытания. Денежный вопрос, ревность, боязнь признаться в своих чувствах, духовная слабость, ложь порою чуть не разлучают героев, ставят их перед непростым выбором. Отрадно, что книга О. Васильевой в ряду четырех российских работ в 2020 г. оказалась среди 180 авторов, вошедших в Почетный список IBBY (Международного совета по детской книге) 2020 г. Почетный список IBBY представляет уникальную коллекцию лучших детских книг мира, изданных за последние два года²⁰. В повести «Талăха юлнă сĕрĕ» («Осиротевшее кольцо», 2019)²¹, в частности, на первом плане – сильное, страстное, изменчивое чувство любви. Автору удалось показать многогранность чувства, способного изменить человека.

Стиль повести Галины Матвеевой «Мăшăр сунат» («Два надежных крыла», 2019)²² лаконичный, информативный. Возьмем образ Нины Селен-теровой. После того, как ее сбила машина, она попадает в больницу Казани. В ее душе просыпается чувство первой любви. До сих пор, несмотря на боли и страдания, она себя сдерживала. Теперь же, осознавая, что у нее никогда не будет женского счастья, она разбивает зеркала в палате и впервые дает волю слезам. В дальнейшем, конечно, она берет себя в руки. Ее характер заслуживает уважения. Через многие жизненные испытания ей пришлось пройти и в дальнейшем, но она смогла стать счастливой, соединить судьбу с хорошим человеком, найти свое место в жизни. События в повести начинаются в 1960-е гг., когда в школах начали притеснять чувашский язык, ввели учебники, напечатанные на русском, заставляли говорить на русском. Эта общественно-политическая ситуация очень зримо запечатлена в произведении. Иными словами, жанровая разновидность произведения также определяется как социально-психологическая повесть.

В формате *семье повеçĕ* (семейно-бытовой повести) создано произведение «Сирĕп чунлисем телейлĕ» («Счастливы сильные духом», 2010)²³ У. Эльмень. Повесть дидактична. Основная мысль лежит на поверхности: в произведении развивается тезис, вынесенный в заголовок. Прозаик изначально как бы готовит читателя к выводу: если ты будешь сильным духом, не станешь сворачивать с правильного пути, то когда-нибудь обязательно станешь счастливым. Герои в повести не развиваются, они уже четко сложились и уверенно идут к своей цели. У. Эльмень хорошо чувствует современного читателя. Многих из них интересует не состояние и развитие внутреннего мира героя, а событие, сюжетные повороты. Герои таких произведений очень часто являются типами – обобщенными образами, которые не выделяются живыми чертами. Примером *йĕла повеçĕ* (социально-бытовой повести) является повесть «Ял хыпарĕсем» («Сельские новости», 2012)²⁴ Лаврентия Таллерова (1929–2013), в которой описывается повседневная жизнь отдельно взятого села и его жителей.

В творчестве Дениса Гордеева отражается современность во всех ее проявлениях: жизнь города и деревни, судьбы и молодых, и старых. «Пси-

хологический мир его (Д. Гордеева. – В.Н.) произведений, если всмотреться в него пристальней, очень часто являет собой невроз действующих лиц – социальные связи, общественные события и отношения социумов превратили психику человека в оголенную, незаживающую рану», – справедливо замечает Г. Федоров, анализируя произведения, написанные в XX в.²⁵ Эти качества сохраняются и в XXI в. Писатель активно включается в обсуждение насущных проблем нашего времени и подробно выписывает портрет современника. Объектом изображения в его произведениях становятся перестройка и ее последствия; недавняя история – период репрессий («Аххаяс-маххаяс», 2003); взаимоотношения в семье, проблема воспитания [повесть «Шъркалчъ» («Мелюзга», 2010) и др.]; изменения общественных нравов в связи с изменениями в социальной жизни [«Туръ алакё» («Дверь Бога», 2020)], среда чувашских чиновников, интеллигенции и бизнесменов [«Хъямат» («Черт», 2017)]. Название повести «Хуп хушшинчи сылăх» («Тайный грех», 2004) раскрывает и основной мотив произведения, само читается на уровне символа, становится отправной точкой для философских обобщений. Для повестей Гордеева более всего характерна постановка социального диагноза: прозаик предъявляет читателю заключение о состоянии социального здоровья общества. Данный диагноз основан на всестороннем систематическом наблюдении и изучении объекта. Как правило, это оценка извне, а цель произведения – создание общей картины, поэтому в нем практически нет психологического анализа, погружения во внутренний мир персонажей. В целом, произведения писателя нужно оценивать в рамках публицистичнôй повести – художественно-публицистической повести.

Автобиографичнôй повесть (автобиографическая повесть) – художественное описание писателями событий собственной жизни, как правило, в хронологической последовательности. Героиня повести Альбины Мышкиной «Атте пилё» («Благословление отца», 1999)²⁶ Алюнчка в одиннадцать лет остается без матери, а через три года – без отца. Неподъемное горе ложится на ее хрупкие плечи. Прозаик очень чутко передает трагедию, чувства и переживания подростка. В повести отмечаются черты психологизма. Героиня близка персонажам Ю. Скворцова – Славику (рассказ «Славик», 1966), Тамаре [повесть «Хёрлё макъань» («Красный мак», 1962)].

Хорошим примером автобиографической прозы является повесть Сергея Павлова «Асамлă кёпер» («Волшебный мост», 2019)²⁷. Автору удалось создать красивые, запоминающиеся эпизоды своего детства. Здесь он использовал также немало документального материала: фотографии, воспоминания брата поэта Михаила Сеспеля – Гурия Кузьмина. Тем не менее жанровую разновидность повести правильнее определять как автобиографическую: события описываются эмоционально, с точки зрения ребенка. Интересна оценка творчества чувашского поэта его глазами.

Запоминаются автобиографические повести о детских годах А. Трофимова «Тăлăх татки»²⁸ («Сиротинка», 2020) и «Анне йăмăкё» («Сестра матери», 2014)²⁹ Г. Алимасовой. Последнее произведение ранее было опубли-

ковано как «Асаилъсем (Ача чухнехи)» («Воспоминания», 2014)³⁰. Жанр данного текста «не дотягивает» до объема повести, но оценка его только как «воспоминания» также была бы неточной – для него характерна образность, один из основных признаков художественного произведения. Очевидно, что его нужно интерпретировать в рамках рассказа.

Документлă повесть (документальная повесть) – разновидность повести, сюжет которой основан на документах, реальных событиях, воспоминаниях очевидцев и самого автора. В документальной прозе соединяются особенности публицистического и художественного стиля. Особый вид художественной литературы, объединяющий, в том числе, форматы повестей с сильно выраженным документальным началом (документальная, военная, автобиографическая, повесть в письмах), мы считаем возможным интерпретировать как литературу нон-фикшн³¹.

В предисловии к повести «Тăвар сапнă суран» («Боль. Ужасная боль», 2015) Вера Савельева предупреждает, что она описывает происходящее глазами журналиста и не избежала фактографии³². Тем не менее, это не чисто публицистическая книга. Она соединяет в себе особенности публицистического и художественного стиля. Вероятно, что описание тюремной жизни не может обойтись языковыми средствами только художественного стиля – это место бытования само по себе очень некрасивое. Книгу также нельзя определить только как автобиографическую, так как в ней описываются биографии и судьбы многих людей. Произведение отчасти сопоставимо с воспоминаниями чувашской актрисы Тани Юн (1903–1977). В 1937 г. они вместе с мужем, режиссером И.С. Максимовым-Кошкинским, были репрессированы, вернулись домой только в 1940 г.³³

Произведение Валентина Савелькина «Элчел» («Горькая участь», 2009)³⁴ имеет подзаголовок «непридуманная повесть». Автор предупреждает, что повесть написана на основе материалов из архива КГБ (ФСБ) ЧР. В ней рассказывается о судьбе чувашского солдата Анатолия Кадеева, а также других солдат, попавших в плен к немцам в начале Великой Отечественной войны. Позже они оказались в Волжско-татарском легионе (легион «Идель-Урал»), который состоял в основном из татар, башкир, чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов.

В сознании советского человека утвердилось негативное отношение к данному легиону, армии Власова, немецкого государства того времени. Автор повести показывает их с другой стороны. Пленные живут в очень хороших условиях. Анатолий помогает Й. Бенцингу, известному тюркологу и востоковеду, составлять чувашско-немецкий словарь, вместе с товарищами издает газету, ведет агитационную работу, пытаясь убедить слушателей в благих намерениях Германии по отношению к народам Поволжья. Время от времени молодые люди, конечно же, сомневаются в правильности своего выбора. Но они успокаивают себя, считая, что Родина и советская власть – не одно и то же, а сами они пошли против советской власти, а Родину не предавали.

В целом, В. Савелькин, по законам жанра, не пытается углубиться во внутренний мир своих героев. Цель документальной повести – познакомить читателя с фактами, раскрыть другую реальность. В языке произведения нет явных шероховатостей. Она хорошо читается, вызывает интерес³⁵. Но повесть адресована возрастной категории 16+. В такого рода произведениях должна быть четкая авторская позиция, которая, к сожалению, не прослеживается. Недостаточно идеи о том, что историческое событие нужно оценивать с разных сторон. Молодому читателю многое нужно объяснять. С одной стороны – наши деды и прадеды, Александр Матросов и Зоя Космодемьянская, миллионы других солдат, которые не пожалели собственной жизни ради спасения родины. С другой – советские солдаты, которые живут в достатке, ходят по ресторанам, получают хорошую зарплату... Генерал Власов, оказывается, был не настолько страшной личностью, был хорошим военачальником... Фашистские вожди, как выясняется, «заботились» о будущем малых народов в России... Если забыть о том, что это фашисты напали на СССР, и другие исторические факты, можно действительно сделать вывод о том, что Германия напала на нашу страну, чтобы улучшить нашу жизнь и благосостояние нашего народа (?!). Возможность таких выводов для современного поколения вполне реальна, так как оно выросло в совершенно в других условиях. Иными словами, автор произведения не очертил необходимых страниц. И произведение о Великой Отечественной войне, хотим мы этого, или нет, нельзя оценивать только с точки зрения художественных достоинств.

В документальной повести Риммы Прокопьевой «Сар хёвел хёрелсен» («Когда краснеет солнце», 2018)³⁶ изображается красивая история жизни и любви известной пары художников Кориных. Девочка из чувашского села Прасковья Петрова, волею судьбы оказавшаяся в Москве, впоследствии станет женой Павла Дмитриевича Корины и замечательным реставратором. Книга вызывает интерес не только документальной основой. Она отличается серьезностью слога, искренностью и чистотой художественной речи в целом. Герои повести – личности, достойные глубокого уважения, посвятившие свою жизнь служению искусству.

Формат *вйрçă повеçĕ* (военная повесть) очень близок документальной и автобиографической. Действие в данных повестях разворачивается в годы войны, либо из рассказов сегодняшнего дня переносится в то военное время и обстоятельства. Самым приметным современным автором здесь является Анатолий Хмыт. Главной темой его творчества на протяжении многих лет остается Афганская война. Автор, испытавший на себе ужасы этого трагического события, как никто другой умеет передавать боль и страдания тех, кто это пережил. Первая повесть, «Вилёмсёр кайкёр юрри» («Песня бессмертного сокола»), опубликована отдельной книгой в 2002 г. Далее его повести увидели свет в книгах «Ан тăк куççуль, аннесĕм» («Вытри слезы, мама», 2003) и «Тёлленмен тёлĕк» («Это не было сном», 2020). Герои произведений Хмыта – в основном солдаты, прошедшие эту войну или же оставшиеся на поле битвы.

Стиль прозаика в целом сжатый, немногословный, но емкий. Чувствуется, что многое остается «за кадром», а это побуждает читателя к размышлениям, внутренней работе. Но нередко при этом внутренний потенциал произведения не раскрывается до конца. Обратимся к повести «Шурă кĕпеллĕ хĕртен юлнă йăмăх» («Свет, оставшийся от девушки в белом платье», 2002)³⁷. Казалось, Тимри и Зульфия по-настоящему любят друг друга. Когда парень через три года возвращается со службы, став инвалидом, она очень быстро от него отказывается. А ведь сама когда-то лечилась от тяжелого недуга и была с детства в него влюблена. Конечно, чувства нельзя обещать. Но поступок девушки не объяснен в тексте. Другими словами, ситуация требует более развернутого повествования, обоснования такого поведения девушки. Похожие обстоятельства и в повести «Айша» (2002)³⁸. Владимир, конечно, был уверен, что Айша погибла. Но почему он позже не искал ее могилу? В тексте это никак не мотивируется.

Повесть «Инкеклĕ телей» («Счастье горькое») Юлии Николаевой, опубликованная в 2001 г., в свое время не получила известности в литературной среде. В 2021 г., в восьмидесятую годовщину начала Великой Отечественной войны, Чувашский государственный академический театр поставил по ней инсценировку на своей сцене (реж. – Сергей Павлов)³⁹. Текст повести неравномерный, но он интересен тем, что тема войны открывается здесь с другой стороны.

В творчестве Николая Ижендея развивается *ăс-хакăллă повесть* (интеллектуальная повесть). В современной литературе значение такой прозы немалое⁴⁰. Сегодня на умы и кругозор читателя огромное влияние оказывает Интернет. В повестях Н. Ижендея «Кĕрешĕпе юрату» («Борьба во имя любви», 2012) и «Ытама кĕреймен юрату» («Необъятная любовь», 2012) ощущается явное, но не излишнее дидактическое начало (они адресованы молодому поколению). Герои этих повестей доказывают на собственном примере: чтобы победить трудности, надо развиваться, быть сильным и физически, и духовно. Неспроста в голове Анюк («Необъятная любовь») рождается Свод законов любящих людей (Чун савнисен саккунĕ).

У истоков чувашской интеллектуальной литературы стоят Б. Чиндыков, В. Степанов, Г. Федоров. Метафорический эскиз Г. Федорова (1942–2015) «Ай, мăнтарăн хир мулкачи» («У нас колесница одна»), состоящий из семи отдельных повестей, создавался на протяжении 25 лет (1990–2015). Последняя его повесть – «Татас терĕм мăйăрне» («Сорвать хотел орешек», 2015). Все произведения вместе правомерно рассматривать в русле интеллектуального романа⁴¹.

Повесть Л. Таллерова «Перентей вăрманĕнче уçалса сÿрени» («Прогулки по Берендеевскому лесу», 2002–2005)⁴² представляет собой другой характерный образец интеллектуальной литературы. Герои произведения «путешествуют» и в прямом, и в переносном смысле. Во время своих прогулок по лесу они обсуждают вопросы литературы, культуры, истории (и не только чувашской)⁴³.

В прозе Н. Ижендея есть примеры текстов, близких к *детективлă повесть* (детективной повести). Повесть «Татăк тăрăллă ватă юман» («Дуб с обломанной вершиной», 2016)⁴⁴ адресована детям среднего школьного возраста. В ней рассказывается о юных следопытах, которые вернули честное имя солдату Великой Отечественной войны. Название произведения символично: образ солдата Ермуша напоминает дуб с обломанной вершиной. Несмотря на то, что война оставила его без ноги и опалила судьбу, он продолжает жить, принося радость и пользу близким, продолжает бороться за правду.

Признаки детективной повести обнаруживаются и в произведении Л. Медведева «Ким Чунэ Дун» (2015). Сюжет, организующийся вокруг Михаила Пителишева, чувашского солдата, ставшего китайцем Ким Чунэ Дуном, интригует. Действие повести происходит не только в нашей стране, но и в Южной Корее. Язык повести органичный. Но в последних трех-четырех частях автор опустил планку: он торопливо пересказал события, которые произошли в жизни героя, не раскрывая сюжетный потенциал.

Лирикăллă повесть (лирическая повесть) наглядно представлена в творчестве Хведера Агивера (1943–2021). В лирической прозе соединяются особенности лирического и эпического изображения жизни. Эмоциональность и чувственность лирики переплетаются в ней с анализом внутренних переживаний героя. Сюжет, как правило, четко не вырисовывается – здесь важнее передать отражение внешних событий в душе героя. Повесть Хв. Агивера «Шăппăн-шăппăн хўхлет катăркас...» («Тихо-тихо плачет боярышник...», 2015)⁴⁵ раскрывает внутренний мир, чувства и переживания человека искусства. 66-летний художник Аслан Асланович после утраты любимой супруги смог заново испытать сильные чувства к Ирине, которая моложе его на сорок лет. Позже он теряет и вторую жену. Сюжет повести не выдерживает хронологических рамок, что вполне допустимо в лирической прозе. В ней много ассоциаций, реминисценций, отсылок к произведениям разных авторов. Повесть напоминает жанр элегии в поэзии.

Лирическая повесть встречается и в творчестве молодых авторов. В частности, выразительный пример – повесть О. Австрийской «Чиe сeскене ларсан» («Когда расцветает вишня», 2019)⁴⁶. Атмосфера в этом произведении подкупает своей чистотой: в нем изображаются чистые чувства и помыслы.

В книге Н. Исмуква «Кĕл айĕнчи кăвар» («Угольки непотухшие», 2020)⁴⁷ опубликовано четыре повести и три рассказа. Они написаны в 2018–2019 гг. В прозе, созданной поэтом, чаще всего, больше лирических настроений, чувств. Проза Исмуква иная. В ней все соразмерно. Есть чувство, но оно не выходит за определенные рамки. Несмотря на то, что детские шалости, юношеские ошибки омрачают сегодняшнее состояние героев, они стараются держать себя в руках. В то же время пытаются сбегать, не навредить всему живому, сентиментально относятся к нему: «умри чечексене таптас марччĕ» («Кĕл айĕнчи кăвар» повесть, 192 с.). В произведениях много автобиографического. Автор смотрит на жизнь как философ.

И это неудивительно, он – доктор философских наук. Писатель пытается дать объективную оценку и историческим событиям, происходившим в стране, ничего не приукрашивая и ничего не утаивая. Данные произведения можно интерпретировать в рамках *социаллă-философиллĕ повесть* (социально-философской повести).

Повесть-юмах (повесть-сказка) Н. Ижендея «Тёрёллĕ сыру тёлĕнтер-мĕшĕсем» («Чудо-вышивка», 2005)⁴⁸, адресованная детям среднего и старшего школьного возраста, осмысливает древнюю историю чувашей. Йăвашук после гибели родителей остался один. Мальчика вырастили и воспитали Белый Волк и другие животные. Дедушка еще в младенчестве подарил ему пояс с вышивкой, в которой была зашифрована мудрость народа, а также благословил юношу в долгий путь. Преодолев множество преград, храбрый и сильный молодой человек находит свою судьбу и становится продолжателем своего рода. Повествователь надеется, что заново возродятся *Сĕрпе Тўне халăхĕ* – народ Земли и Неба, *Сутă ёмĕтлisen сĕршывĕ* – Страна людей с чистыми помыслами.

Герои повести-сказки Петра Яккусеня (1950–2021) «Эснереш» (2007)⁴⁹ попали в другой мир через узоры на стекле. Но, преодолевая трудности, сумели вернуться домой. Критика нашла в этой книге параллели с одной из повестей «Хроник Нарнии» К.С. Льюиса⁵⁰. Теория заимствования привлекает немало исследователей, начиная с XIX в.⁵¹ Находя в устном народном творчестве, произведениях писателей разных народов сходные сюжеты и образы, сторонники данной теории нередко упрощают уникальность текстов словесного творчества того или иного народа. Насколько нам известно, автор чувашской повести не был знаком с текстом британского писателя. Язык «Эснереш» действительно достаточно простой, что обусловлено обращением к детской аудитории. Но повесть содержит немало идей, которые обнаруживаются при более внимательном прочтении и которые непременно должны волновать и взрослых, небезразличных к судьбе своего народа.

В повести-сказке Михаила Юхмы «Пўрнескепе унăн тусĕсем» («Пюрнеске и его друзья», 1968, 2007), состоящей из двух небольших книг, выявляется немало узнаваемых мотивов из известных сказок. Пюрнеске – это куклемальчик размером с большой палец. Он живет на маленьком островке посреди Волги. Однажды в его саду неожиданно появляется новый цветок – мак (*мăкăнь*), а внутри него – девочка Маганьби. Они становятся лучшими друзьями. С ними и другими их друзьями происходит множество приключений.

В числе отличительных черт повести можно назвать воспроизведение в ней образа идеальной, безмятежной страны. Мечты о стране обетованной по-разному отражаются у разных народов. У чувашей данный топос реализуется в образе *Сарă кун сĕршывĕ*. В поисках пропавшей подруги Пюрнеске попадает, в том числе, в *Сарă кун сĕршывĕ* (Страну желтого/светлого дня), где все счастливы, и обретает новых друзей. Во второй книге друзья попадают в другую удивительно красивую и счастливую страну – *Саркил* (Страна желтого дома), которую захватил злодей Чиге-старик,

и побеждают его. Повесть адресована детям, в ней много действия, что в немалой степени способствовало постановке ее в театре.

В данный период опубликована также повесть-сказка Розы Шевлеби «Тун-сăхпи» («Грустинка», 2008)⁵². С нашей точки зрения, она не выдерживает требования к жанру, в первую очередь, формальных: объем произведения не больше двадцати страниц, повествование в нем недостаточно развернутое.

Фантастикăлла повесть (фантастическая повесть) представлена в творчестве Михаила Сунтала (1945–2021). В XXI в. им созданы следующие произведения: «Икĕ тĕнче хушшинче» («Между двух миров», 2009)⁵³, «Ялти сăтмах» («Сельский рай», 2009)⁵⁴. Они адресованы детям среднего и старшего школьного возраста, поэтому в меру дидактичны.

Сырулла повесть (повесть в письмах) представляет собой редкий жанр в современной чувашской литературе. Наглядный образец – текст Анатолия Ыхры (1948–2004) «Шур-шур урла хур кайăксем...» («Болотами-болотами дикие гуси...», 2003)⁵⁵. В данном случае речь, конечно же, идет в первую очередь о формальном выражении текста – повесть состоит в основном из писем молодого человека к сестренке Луизе. Складывается впечатление, что для автора форма была очень важна. Именно через эпистолярный жанр он смог выразить лирическое настроение эпохи.

С точки зрения содержания повесть автобиографична и лирична. Главный герой – «хур кайăк чунĕллĕ Пайтул». Под каждым письмом он старается подписываться по-другому, раскрывая новые грани своей личности: «хур кайăк пулма ёмĕтленекен Пайтул», «эсĕ сываласса шанакан пичĕ Пайтул», «Пайтул-дружнинник». Молодой человек и во время учебы, и во время службы в армии искренне готов отдать свою жизнь за родной язык, чувашский народ. Чистота и наивность его предстают как на ладони. Название повести и эпиграф к ней взяты из народной песни.

В произведении ярко запечатлена атмосфера конца 1960-х гг., приметы и идеалы того времени (воодушевление молодежи полетом Андрияна Николаева в космос, Октябрьские праздники, стремление молодых людей стать дружинником). Очевидно, что современники назвали бы главного героя «героем нашего времени». Это поколение с чистой душой верило и принимало идеалы современности, старалось быть лучше. Leitmotiv дикого гуся, пронизывающий произведение, помогает воспринимать жизнь Луизы как красивый рисунок. Отдельные детали и эпизоды тесно друг с другом связаны, создают цельный образ героини.

Повесть в письмах есть также у Хв. Агивера [«Кĕрхи ейĕ» («Осеннее половодье», 2020)]⁵⁶. В ней запечатлена история любви автора и его жены Валентины. Основу повести составляет их переписка начала 1970-х гг. В произведении опубликованы фотографии возлюбленных, что придает ему еще большую документальность. По сравнению с повестью А. Ыхры, в тексте Хв. Агивера меньше лиричности.

Понятно, что нередко определение жанровой разновидности того или иного произведения носит условный характер, как и выделение границ между

разными формами. В частности, особенности повести Г. Максимова «Атӑлти хӑрессем» («Кресты в реке Волге», 2012)⁵⁷ выражаются в рамках социально-философской и художественно-публицистической повести. В ней описываются 1970–1980-е гг. XX в., жизнь деревни в Заволжье, которая должна уйти под воду после строительства Чебоксарской ГЭС. Проблемы этой деревушки становятся актуальными для всего чувашского народа. Повесть «Кулак ачи» («Сын кулака», 2008)⁵⁸ того же автора создана на стыке художественно-публицистической и исторической повестей. В ней изображаются 1920–1930-е гг., процессы раскулачивания и коллективизации в чувашской деревне.

Жанровая форма произведения Хв. Агивера «Мӑй сыххи» («Ожерелье», 1963–2005)⁵⁹ определена автором как «калав-тӑрленчӑксенчен тӑракан кун-сул пуххи (Василий Аста сӑн ӱкерекен хӑй пурнӑсне шурӑ хут сине вӑхӑтӑн-вӑхӑтӑн сӑнарласа пынисем)». Оно представляет собой текст, состоящий из отдельных озаглавленных частей, объединенных образом рассказчика. Объем произведения достаточно большой, более двухсот страниц, что, разумеется, выходит за пределы рассказа. В произведении, наряду с литературными героями, присутствуют и реально существовавшие деятели литературы (Ю. Скворцов, Хв. Уяр, М. Ильбек). В нем выявляются черты социально-психологической, социально-философской, художественно-публицистической повестей, и даже лирического очерка.

В повестях Анатолия Кибеча [книга «Шартлама» («Крещенские розы»), 2009]⁶⁰ отмечается синтез публицистической, художественной, где-то – философской мысли. В них нет психологизма, погружения во внутренний мир героев, так как показываются готовые характеры⁶¹, но есть и сильное чувство, и страсть, которые раскрываются как бы со стороны, извне. Немаловажное место в них занимают приключенческие, детективные линии. Сюжет произведений, как правило, динамичен, в нем часто прослеживаются неожиданные происшествия и повороты судьбы. Все это наталкивает на мысль об интерпретации данных произведений в рамках авантюрной литературы.

Подводя итоги, отметим следующее:

– Последние четыре десятилетия XX в. были «триумфальными» (В.А. Абрамов) для чувашской повести. Статус данного жанра в первые два десятилетия XXI в., очевидно, изменился. Надо полагать, с количественной точки зрения и в силу ряда объективных причин, произведений в данном жанре было издано меньше⁶². Трансформировалось и содержание жанра. В частности, поменялись акценты в имеющемся жанровом диапазоне. Предполагаем также, что средняя форма имеет большее значение в так называемые «переходные» периоды (в частности, на рубеже веков – Г. Краснов, Н. Максимов, В. Степанов, Н. Петровская, В. Енеш, Ю. Терентьев и др.). Она обладает способностью примирять разнонаправленные качества, неосознанно берет на себя функцию обновления литературной формы.

– Наибольшее количество произведений в новом веке создано в рамках социально-психологической повести. Нередко авторы обращаются к форме художественно-публицистической, автобиографической повести,

реже – к документальной, военной, интеллектуальной, лирической, повести-сказке и некоторым другим разновидностям. Наименее распространенными формами сегодня являются фантастическая повесть и повесть в письмах. Практически нет сатирической повести.

– В творчестве значительного количества современных чувашских авторов наблюдается тенденция к краткости. Повесть как бы «сжимается», уменьшается в объеме, сюжет становится более концентрированным, насыщенным.

– При всех изменениях, произошедших в данный период, повесть в настоящее время остается весьма продуктивным жанром. В рассказ вмещается небольшой жизненный материал, роман как жанр доступен не каждому автору. Именно названная форма способна реализовать потребности многих авторов в творческом самовыражении. Она хорошо воспринимается читателями. Все это способствует тому, что повесть является востребованным жанром и сегодня.

Литература и примечания

¹ Работа переиздана: *Хлебников Г.Я.* Чувашская литература второй половины XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. С. 203–405.

² *Хлебников Г.Я.* Современная чувашская литература. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. С. 12.

³ *Федоров Г.И.* Чăваш повеçĕ 1967–1990 çулсенче (историпе теори ыйтăвĕсем) // Сăнар. Шупашкар: ЧПГАИ, 1999. С. 10–64.

⁴ «Произведенире тĕнче пысăкăш событисене никĕсе хывса (колхоз тăвасси, гигант-завод лартасси, ударлă стройкăра ĕслесси...) сыраси (тен, вăхăтлăха-ши?) пăрахăçланчĕ <...>. Çынпа сын хутшăнни, сын хайпе хай сăмахлани, этемĕн кун-çулĕн аталану перспективи, чун пурнăçĕн тĕрлĕ авкаланчăкĕсем, савна кура ўснĕ лирикăлăх тўпи, повесенче эмоцие пафос вайĕ палăрарах пыни... тата ытти нумай-нумай ен тухрĕс куç умне. – *Федоров Г.И.* Чăваш повеçĕ 1967–1990 çулсенче (историпе теори ыйтăвĕсем) // Сăнар. Шупашкар: ЧПГАИ, 1999. С. 64.

⁵ *Абрамов В.А.* Становление и развитие чувашской повести: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 3.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Там же. С. 29.

⁸ *Нарпи Е.* Хĕл лариччен: повесть, калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2019. С. 3–76.

⁹ *Андреев Н.* Тулли уйăх сүтинче // Тăван Атăл. 2017. 4 №. С. 3–28.

¹⁰ *Андреев Н., Ильина А. калаçнă.* «Юрама пĕлместĕп» // Тăван Атăл. 2022. № 4. С. 47.

¹¹ Такие тексты формально находятся на границе рассказа и повести. Официально закрепленных норм, разумеется, нет. По критериям, принятым в издательствах: рассказ – это обычно текст до 2 авторских листов (80 000 знаков), повесть от 2 до 5, роман – свыше 5. URL: <https://blog.selfpub.ru/size-of-book>. Больше – не значит лучше (дата обращения: 01.02.2023).

¹² *Тарасов А.* Вĕлтĕртетсе вĕсет сарă çулçă // Тăван Атăл. 2010. 10 №. С. 62–101. В книге «Вĕлтĕртетсе вĕсет сарă çулçă: калавсем» (Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2016) по техническим причинам произведение опубликовано в числе «рассказов» (С. 40–119).

¹³ *Константинов В.* Тупа // Тăван Атăл. 2020. 1 №. С. 7–23; 3 №. С. 7–32; 4 №. С. 16–47.

¹⁴ *Константинов В.* Кивĕ сăл вăртăнлăхĕ: повесть, калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2013. С. 3–52.

¹⁵ *Павловская А.* Сапаскар хĕрĕ: повесть, калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2011. С. 10–132.

¹⁶ *Никифорова В.В.* Хальхи литература идеи-идеалĕ: 2001–2005 çулсенчи проза // Чăваш халăх историйĕпе культурин сивĕч ыйтăвĕсем: статьясен пуххи / Актуальные воп-

росы истории и культуры чувашского народа: сб. статей / сост. и науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. Вып. 1. С. 204–228.

¹⁷ *Элмен У. Сарă кёпе // Тăван Атăл. 2015. 2 №. С. 3–59.*

¹⁸ *Мустаева Е. Уй варринче синсе хăва: калавсемпе повеçсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2017. С. 54–99.*

¹⁹ *Васильева О. Юхатъ çăлкуç...: повеçсемпе калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2018. С. 4–33.*

²⁰ Лауреаты Почетного списка IBBY 2020. URL: <https://ibbycongress2020.org/ru/news/220-laureaty-pochetnogo-spiska-ibby-2020> (дата обращения: 06.12.2022).

²¹ *Васильева О. Кётмен юрату: çамрăк авторсен повеçсемпе калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2019. 256 с.*

²² *Матвеева Г. Мăшăр çунат: повесть, калав. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2019. С. 3–181.*

²³ *Элмен У. Çирĕп чунлисем телейлĕ: повеçсем, калав. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2010. С. 223–412.*

²⁴ *Таллеров Л. Ял хыпарĕсем // Тăван Атăл. 2012. 3 №. С. 13–44.*

²⁵ *Федоров Г.И. Художественный мир чувашской прозы 1950–1990-х годов. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. С. 101.*

²⁶ *Мышкина А. Атте пилĕ: повеçсемпе калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2004. С. 99–128.*

²⁷ *Павлов С. Асамлă кёпер: автобиографиллĕ повесть. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2019. 62 с.*

²⁸ *Трофимов А. Тăлăх татки // Тăван Атăл. 2020. 9 №. С. 12–23; 10 №. С. 3–14.*

²⁹ *Алимасова Г. Анне йăмăкĕ // Тăван Атăл. 2017. 3 №. С. 3–15.*

³⁰ *Алимасова Г. Асаилĕсем (Ача чухнехи) // Тутлантарнă пилеш. Шупашкар: ЧПГАИ, 2014. С. 9–28.*

³¹ См. подробнее: *Никифорова В.В. Нон-фикшн в современной чувашской прозе (на материале жанра повести) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. № 2 (66). С. 178–185.*

³² *Савельева В. Тăвар сапнă суран: документлă повесть. Шупашкар: Çĕнĕ Вăхăт, 2015. С. 7, 8.*

³³ *Тани Юн. Аса илес килменнисем // «Хыпар» кĕнеки. Шупашкар, 1993. 6 №. Нарăс, 2. 13 с.*

³⁴ *Савелькин В. Элчел: шухăшласа кăларман повесть. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2017. 144 с. Ранее опубликовано здесь: Тăван Атăл. 2009. 9 №. С. 3–47; 10 №. С. 42–99.*

³⁵ Имеется рецензия на журнальный вариант (Тăван Атăл. 2009. 9 №. С. 3–47; 10 №. С. 42–99) данной повести: *Станьял В. Анатолий Асамат ячĕ литература историйĕнче пул-малла-и? // Хыпар. 2010. Çурла, 25. Ее автор дает положительную оценку повести в целом и больше внимания уделяет личности главного героя. Он считает, что необходима объективная оценка творчества А. Азамата, возвращение его имени в историю чувашской литературы. Вопрос этот, действительно, непростой. В любом случае, сначала нужно найти и опубликовать стихи поэта, только потом принимать решения.*

³⁶ *Прокопьева Р. Сар хёвел хёресен: документлă повесть. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2018. 62 с.*

³⁷ *Хмыт А. Тёлленмен тёлĕк: повеçсемпе калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2020. С. 91–123.*

³⁸ *Хмыт А. Тёлленмен тёлĕк. С. 123–153.*

³⁹ Спектакль подробно проанализирован Н.М. Кирилловой: *Кириллова Н.М. «Инкеклĕ телей» тата «Уйăпсем те шăнса хытрĕç». URL: <https://www.chuvash.org/content/5580-Инкеклĕ%20телей%20тата%20Уйăпсем%20те%20шăнса%20хытрĕç>. html (дата обращения: 15.03.2022).*

⁴⁰ *Никифорова В.В. Современный литературный процесс: чувашская интеллектуальная проза рубежа XX–XXI веков. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. 48 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 25).*

⁴¹ Произведение в целом проанализируем в статье о современном романе.

⁴² *Таллеров Л. Перентей вăрманĕнче уçалса çурени // Тăван Атăл. 2005. 8 №. С. 28–42.*

⁴³ Вот как определяет особенности повести профессор Г.И. Федоров: «Тёллĕн-тёллĕн повесть палăрмаллах эссе евĕр янăрать, публицистикăллă хĕрÿлĕх ăна паянхи “нраво-описани” картинелле туртать, теплерен памфлет паллисем чĕрĕлесĕ. Персонажсен кăмăл вĕрийĕпе хĕрсе ситнĕ хайлаври сюжет вулакана малаллах туртать, тепрех чух приключе-нилĕрех интригана илĕртет. Чăваш литературинчи лару-тăрăва социографи саккунĕсемпе тĕсени те, политикари вăл-ку пăрнăса сăнани те, саманан авăрĕнче хăр тăлăха юлнă хĕрарăмсен аштанлăхне публицист пек хаклани те — пăсмаççĕ повесть килпетне. Автор позицийĕ те, геройсен позицийĕ те — вĕри. Çапла Таллеров хайлавĕсенчи паянхи жанр концепцийĕ». — *Федоров Г.* «Шухăшăмçăм, шухăш! хурлăхпа эс хутăш», е «Тан тапнă» самана // *Тăван Атăл*. 2006. 5 №. 58 с.

⁴⁴ *Ишентей Н.* Татăк тăрăллă ватă юман. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2016. 64 с.

⁴⁵ *Агивер Хв.* Шăппăн-шăппăн хўхлет катăркас... // *Тăван Атăл*. 2015. 12 №. С. 26–71.

⁴⁶ *Австрийская О.* Чие сĕçкене ларсан // Кĕтмен юрату: сăмрăк авторсен повесĕсемпе калавĕсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2019. С. 6–36.

⁴⁷ *Исмуков Н.А.* Кĕл айĕнчи кăвар: повесĕсемпе калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2020. 223 с.

⁴⁸ *Ижмендей Н.* Тĕрĕллĕ сыру тĕлĕнтермĕшĕсем: повесть-юмах. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2005. 32 с.

⁴⁹ *Яккусен П.Я.* Эснереш: повесть-юмах. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2007. 111 с.

⁵⁰ *Чин М.* Путешествие в Страну Узоров // ЛИК. 2008. № 4. С. 158–159.

⁵¹ Бродячие сюжеты. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/821973> (дата обращения: 05.12.2022).

⁵² *Шевлеби Р.* Тунсăхпи=Грустинка: повесть-сказка. Чебоксары, 2008. 40 с.

⁵³ *Сунтал М.* Икĕ тĕнче хушшинче: фантастикăллă повесĕм. [Электрон. текстовые дан.]. Шупашкар, 2009. 225 с. URL: http://elbib.nbchr.ru/lib_files/0/kkn1_0_0000070.pdf (дата обращения: 20.12.2022).

⁵⁴ *Сунтал М.* Мăнту вăрттăнлăхĕ: калавпа фантастикăллă повесть. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2011. С. 19–141.

⁵⁵ *Ыхра А.* Шур-шур урлă хур кайăксем // *Тăван Атăл*. 2003. 5 №. С. 14–33; 6 №. С. 4–31.

⁵⁶ *Агивер Хв.* Кĕрхи ейÿ // *Тăван Атăл*. 2020. 11 №. С. 18–39; 12 №. С. 3–21.

⁵⁷ *Максимов Г.* Атăлти хĕрессем // *Тăван Атăл*. 2012. 10 №. С. 7–53; 2013. 9 №. С. 3–42; 10 №. С. 37–84.

⁵⁸ *Максимов Г.* Сĕрĕллĕ хура кушак: повесĕм, калавсем. Шупашкар, 2009. С. 245–312.

⁵⁹ *Агивер Хв.* Пăрлак: повесть, калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2007. С. 240–445.

⁶⁰ *Кибеч А.И.* Крещенские морозы: повести. Чебоксары. 2009. 608 с. (Перевод книги: *Кипеч А.И.* Шартлама. Шупашкар, 2005. 544 с.).

⁶¹ *Федоров Г.И.* Ёмĕр чиккисен ани: сÿтă кун-ши е тĕттĕм каç? // *Тăван Атăл*. 2005. 8 №. 62 с.

⁶² Без элементарного статистического подсчета нельзя сделать однозначный вывод.

V.V. Nikiforova

THE CHUVASH TALE OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY AND ITS GENRE VARIETIES

The article continues the cycle of works on modern Chuvash prose. In it for the first time in ChuvashThe features of the Chuvash story of the first two decades of the XXI century are considered in the Russian literary criticism, some distinctive features of the genre at this stage are revealed. The classification of genre varieties in the Chuvash language is proposed, the characteristics of their specificity are described, the most striking examples of works are analyzed.

Keywords: modern Chuvash literature, Chuvash prose, novella, genre varieties of the novella, the beginning of the XXI century.

УДК 738(470.344)"19"

ЧГВ, 2023 г., № 18
© А.А. Малинина

ЧУВАШСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КЕРАМИКА КАК НАУЧНАЯ ПРОБЛЕМА

В Чувашском крае керамика существовала с древнейших времен. В XX в. она получает профессиональное развитие, которое связано с появлением гончарных артелей, народных мастеров и художников, получивших специальное образование. Имея художественные достоинства, признание, чувашская керамика не получила описания, систематического и научного анализа.

Ключевые слова: Чувашская художественная керамика, гончарное мастерство, художник-керамист, гончарная артель, искусство, орнамент.

Художественная керамика у чувашей как вид декоративно-прикладного искусства получила развитие в республике лишь в середине XX в. В настоящее время она является активно развивающимся видом. Мастерами созданы произведения, экспонировавшиеся на выставках, вошедшие в коллекции музеев, ставшие украшением интерьеров, элементом ландшафтного дизайна, их образцы являются объектом искусства, результатом индивидуального творчества. Чувашское искусствоведение касалось этой темы лишь вскользь или в связи с организацией выставок декоративно-прикладного искусства. Публикации носили обзорный характер, не предполагающий глубокого анализа. Без внимания осталось и творчество отдельных мастеров, даже выдающихся по их вкладу в развитие этого вида искусства, вместе с тем в российской искусствоведческой науке художественная керамика изучается достаточно полно и глубоко. На наш взгляд, такая ситуация возникла, в первую очередь, из-за отсутствия специалистов – исследователей в этой области, между тем как в музеях республики – Чувашском государственном художественном музее (ЧГХМ), Чувашском национальном музее (ЧНМ), сельских и школьных музеях хранятся не только образцы гончарных изделий артельного производства, но и произведения художников

Алина Александровна Малинина – младший научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: m-anila@mail.ru.

по керамике. Однако имеющийся фонд предметов пока не каталогизирован: не выявлено происхождение коллекций, иногда и авторство предметов, не описаны их художественные особенности, а зачастую и техника выполнения.

Актуальность выбранной темы подтверждается и широко обсуждаемой в настоящее время проблемой этнической идентичности. Она все более остро стоит перед современными художниками-керамистами, но пока не находит адекватного решения. С одной стороны, рост интереса к народному искусству во многом обогатил образный и изобразительный язык современных мастеров, с другой – включение «национальных элементов» (главным образом им оказывается орнамент чувашской вышивки) не всегда органично ложится на форму, материал или пластику произведения, разрушает его целостность. Так, в гончарном искусстве мастера начинают усиленно искать возможность использования геометрического орнамента в традиционных формах гончарной посуды, якобы придающего предмету национальный характер. Этот устоявшийся стереотип довлеет над самими мастерами и определяет основную линию развития чувашского искусства в целом, а декоративно-прикладного – в первую очередь. Стало обычным использование в художественном образе не только орнамента, но и персонажей чувашского фольклора, литературного или музыкального жанра. Искусственное, неорганичное соединение формы и декора, заимствованного из образцов вышивки «по счету», стало проблемой в создании высокохудожественных произведений.

Таким образом, степень изученности имеющегося материала позволяет говорить лишь о начальном этапе работы. В чувашском искусствоведении назрела необходимость не только систематизации и каталогизации всего объема созданных чувашскими авторами произведений, но и постановки и решения вопросов теоретического характера. Один из основных – исследование самобытных черт и национальных особенностей в предметах традиционного гончарного ремесла. Вслед за этим встает проблема выявления их в произведениях современных мастеров. Еще более сложный вопрос – адекватное понимание языка информации, заложенной в древнем орнаменте чувашской вышивки, сакральный характер использования орнамента в одежде и правомерность его использования в предметах повседневного быта. Могут ли эти изделия передавать и сохранять тайный смысл знаков и символов орнамента, или этот информационный язык уже утратил для современных художников свою ценность?

В связи с поставленными вопросами необходимо обратиться к археологическому материалу. Сведения о керамике, имеющей отношение к территории современной Чувашии, наличествуют в трудах историков и археологов – В.Ф. и Б.В. Каховских, А.И. Арыченкова, Е.П. Михайлова, Н.С. и А.Ю. Березиных, Н.А. Кокориной, П.П. Фокина, Ф.Ш. Хузина¹ и др. Керамические изделия рассматриваются ими как «документы» времени, а не произведения изобразительного искусства, что, безусловно, верно. В описании древних керамических предметов основными ее показателями они считают

технику, состав глины, орнамент. Разумеется, что в определении художественных особенностей более важную функцию несет орнамент, покрывающий предмет, его композиционные особенности наряду с формой, пропорциями, обработкой изделия, назначением. По этим характерным особенностям различают «культуры», стили, направления, региональный компонент и др.

Крупнейший пласт керамического материала, связанного с эпохой Волжской Булгарии, А.П. Смирнов назвал «рогожной керамикой», на основании характерного узора на посуде². Казалось бы, гончарная культура Волжской Булгарии должна была передаться чувашам – потомкам булгар. Однако приходится признать, что булгаро-чувашская преемственная связь в гончарном деле за более чем тысячелетнюю историю оказалась во многом утраченной. Наиболее значимым памятником булгарской цивилизации на территории современной Чувашии является крупное городище Большая Таяба (ныне Яльчикский округ Чувашии), открытое в 1927 г.³ в результате экспедиции, организованной Государственной академией истории материальной культуры (ГАИМК)⁴. В нем обнаружена керамика плотной красной глины, выполненная на гончарном круге. Она выложена и орнаментирована полосами и зубчатыми вдавлениями. Точная датировка пласта, связанного с булгарской культурой, установлена П.Н. Третьяковым⁵ на основе керамического материала⁶. «По всем деталям она аналогична посуде типа IV Самарской Луки, рассматриваемой В.В. Гольмстен как болгарская, на что указывает наличие ее в слое самого Болгарского городища, так и других подобных памятников Среднего Поволжья»⁷. Однако констатация наличия геометрического орнамента на изделиях не может быть показателем ярко выраженной национальной принадлежности. Это характерно для керамики практически всех древних культур.

Наряду с производством обычной гончарной посуды булгарские мастера изготавливали также и художественно оформленную керамику, различную по назначению: кувшины, амфоровидные кринки, миски, кружки, блюда, чаши, котлы, лампочки-светильники, копилки, чернильницы, детские игрушки, в том числе в виде различных животных и птиц⁸. В коллективном труде «Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья» в главе о народном искусстве чувашей упоминаются прикладные произведения малой скульптуры⁹. Это терракотовые фигурки божеств чувашского языческого пантеона. Наиболее полное и подробное освещение получила данная тема в отдельной статье искусствоведа А.А. Трофимова «Чувашская народная скульптура малой формы и ее истоки»¹⁰. Автор подробно описывает пластику, форму, детали, способ выполнения глиняных фигурок божков XVIII в. (ил. 1, 2), называя их имена и предназначение. А.А. Трофимов считает, что чувашская народная скульптура, относящаяся к раннему периоду существования Булгарского государства, по внутренней структуре, ее традиции, имеет гораздо более древнее происхождение¹¹. Он указывает на схожесть черт этих фигурок с подобными образцами культуры других народов, например, с широко известной Виллендорфской Венерой. Ученый не рассматривает чувашскую терракотовую культовую скульптуру как художественное произведение.

Ил. 1. Фигурка антропоморфная глиняная в виде человечка. XX в.
Глина, обжиг. 6,7×3×2.
ЧНМ, КП-40497

Ил. 2. Фигурка антропоморфная глиняная в виде человечка. XX в.
Глина, обжиг. 6,7×3×2.
ЧНМ, КП-40498

Выявление и классификация болгарской керамики является, на наш взгляд, особой проблемой. Чувашские археологи считают, что средневековая керамика, найденная на территории Чувашии, исключительно болгарская или русская, поясняя, что различить ее можно по трем показателям – технике, примесям, орнаменту. На наш взгляд, такие характеристики не могут быть достаточными в определении принадлежности керамики к той или иной культуре. Техника или способ выполнения изделия связаны с эволюционным процессом. В начале своего развития это была ручная лепка, затем гончарный круг – ручной, ножной, механический и т.д. Относительно примесей тоже не все так однозначно. По мнению И.Г. Глушкова, «качественная и количественная характеристика добавок – это важный информационный блок в системе археологических и технологических знаний о древнем гончарстве»¹².

Вне всякого сомнения, наличие разного рода включений в составе глины не случайно, их добавляют с целью придания ей определенных свойств при формовке, сушке, обжиге и в процессе эксплуатации, они влияют на прочность и качество черепка. Эти компоненты могут выгорать, сплавляться, спекаться и прочее, в зависимости от температуры обжига. Высокотемпературный обжиг стал возможным только в технически развитых условиях, к которым человек шел постепенно, в процессе развития цивилизации. Однако показателем является и географическое положение, то есть состав местного сырья. Глины по своей структуре могут быть жирными или тощими, одни готовы к применению, другим необходимы добавки. Методология выявления технических особенностей состава керамического материала целесообразна в вопросах «раскрытия принципов комплексного подхода к изучению керамики как исторического явления и как продукта конкретного специализированного производства»¹³.

Что касается орнамента, то производство посуды на гончарном круге значительно снижало степень его детализации, приводило к появлению довольно простых стандартных линейных узоров – прямых и волнистых. Но при этом такой способ позволял мастерам разнообразить сосуды правильной и красивой формы. Болгарские мастера безупречно находили соотношения формы сосуда, его пропорций, масштаба и лаконичности орнамента. Именно это, наравне с уникальной техникой обжига сосудов, стало отличительной чертой художественной керамики ремесленников Волжской

Булгарии и послужило толчком к повсеместному распространению, воздействию на керамическое искусство других народов. Изготовленные сосуды украшались геометрическим, иногда растительным орнаментом. Как правило, узоры находились в верхней части тулова, а иногда и по всему горлу сосуда. По словам археологов, большая часть используемых в работе мотивов несла определенный смысл¹⁴. К примеру, украшение сосуда чешуйками, безусловно, является стилизованным изображением воды. Что касается растительного орнамента, то на керамических изделиях домонгольского периода нередко можно встретить чередующиеся наклонные ветки, изображения цветочных узоров в соединении с геометрическими фигурами. В этом мы находим ответы на некоторые наши вопросы. Не бездумное нанесение декоративных элементов, но наполнение их содержанием, близким народному мировоззрению, присутствовало и в изделиях древних мастеров. Именно это давало органичное соединение формы и декора.

Обратимся к более изученной керамике, к которой, несомненно, относятся материалы археологических раскопок в г. Чебоксары. Так, в ходе работы Чебоксарской археологической экспедиции 1969–1972 гг. под руководством П.Н. Третьякова¹⁵ в исторической части города был выявлен мощный культурный слой XV – первой половины XVI в., содержавший булгарскую керамику, что подтвердил и археолог А.П. Смирнов¹⁶. Ранние этапы истории города открываются в результате раскопок 1969–1972 гг., проведенных под руководством В.Ф. Каховского¹⁷. В нижних слоях (в старой части города в районе ул. Р. Люксембург, Чернышевского и Советской) преобладает булгарская лощеная керамика, преимущественно желтая и коричневая, с резным и волнистым орнаментом, иногда встречается гребенчатый штамп. По форме посуда булгарского типа, но здесь археолог различает несколько типов венчиков, имеющих распространение во всех булгарских поселениях на территории Чувашии¹⁸.

По сведениям археологов В.Ф. Каховского и А.И. Арыченкова, в Чебоксарах уже со второй половины XVI в. было развито многоотраслевое ремесло. Город становится административно-политическим и торгово-ремесленным центром. А уже к XVIII в. 35 % горожан составляли ремесленники. Наиболее развитыми ремеслами являлись кузнечное, гончарное, кирпичное, столярное¹⁹. А.И. Арыченков утверждает, что в результате археологических раскопок, проведенных в 1969–1972 гг. в зоне затопления города, «оказалось, что в части культурного слоя был открыт горизонт, который может быть датирован рубежом XIV–XV вв. Здесь найдены черепки протобулгарской посуды хорошего обжига, золотоордынских поливных сосудов. Тут же обнаружен гончарный горн»²⁰.

Посуда булгарского типа – желтая и коричневая, изготовленная из тонкой, хорошо вымешанной глины, иногда с добавлением мелкого песка, высокого качества обжига (горновый обжиг), имеет сходство с керамикой эпохи Казанского ханства. Цвет черепка определяется качеством местной глины. Изделия украшены орнаментом – линейным и волнисто-линейным. Остатки гончарной мастерской указывают на место ее производства²¹. В более поздних слоях встречается грубая желтая керамика с плохим об-

жигом, без лощения и однотипным орнаментом – волнистым, и, по многим признакам близкая к ней, грубая красная, почти не орнаментированная. Это горшки, миски, реже кувшины. По мнению Б.В. Каховского, найденная посуда средневековых Чебоксар имеет болгарские корни и давние традиции керамического производства. «Гончарное ремесло в древнем городе, зародившись в болгарскую эпоху, продолжало успешно развиваться и в последующие периоды его существования. В верхних слоях появляется керамика подобно московской, что связано либо с появлением в городе русских мастеров, либо чувашские мастера перенимали их опыт»²².

К художественной керамике можно отнести и керамические рельефные изразцы, которых в посадской, кремлевской частях Чебоксар найдено большое количество. Встречаются поливные полихромные и неглазурованные фрагменты, реже – целые. Некоторые образцы с синей и голубой поливой археологи Ю.А. Краснов и В.Ф. Каховский относят ко второй половине XIII–XIV вв. и считают привозными из золотоордынских центров Поволжья или Средней Азии. Это весьма характерно для городов Поволжья этого времени, в том числе и для Волжской Булгарии²³. В вышележащих наслоениях XVII в. обнаружены красные неполивные изразцы, аналогичные русским. Они имеют рельефы растительного или сюжетного орнамента и, вероятнее всего, изготавливались в московских мастерских.

Таким образом, керамика, выявленная в ходе археологических раскопок на территории Чувашии в целом изучена и описана, и вместе с тем художественные достоинства таких предметов все еще остаются неисследованными. С точки зрения искусствоведения интерес представляют форма предмета, его пропорции, композиционные особенности декора орнамента. По этим характерным особенностям различают «культуры», стили, направления, региональный компонент и др. У археологов в этом отношении несколько иной подход. Для них важным является вопрос структуры так называемого «теста» – процент примесей в глине, технология изготовления глиняного теста, техника обжига, «инструмент» и способ нанесения орнаментации, исходя из чего и классифицируется материал. Сама же форма предметов может быть интересна для них далеко не в первую очередь.

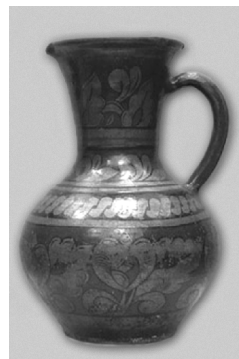
Собственно понятие «художественная керамика» предполагает авторское творчество и включает в себя произведения многих профессиональных художников и народных мастеров. Оно утвердилось в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. В это время советские исследователи в своих работах отошли от традиционного взгляда на керамику как на предмет бытовой утвари и начали рассматривать ее как объект искусства»²⁴. Основу теоретическому осмыслению сущности и специфики декоративно-прикладного и народного искусства заложили работы Г.К. Вагнера, Н.А. Маслиха, М.А. Ильина, М.С. Кагана, Б.В. Павловского, С.Х. Раппопорта. Начиная с 1990-х гг., появляется множество публикаций российских искусствоведов, в том числе и монографические работы о различных аспектах декоративно-прикладного искусства и творчества отдельных художников-керамистов.

Ил. 3. Горшки для молока.
1935. Ибресинская гончарная артель. Глина, обжиг, роспись.
(Из альбома: Чувашское народное искусство / сост. Э.Д. Меджитова, А.А. Трофимов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. С. 142)

Ил. 4. Сосуд.
1935. Ибресинская гончарная артель. Глина, обжиг, роспись.
29×14. РЭМ. 6217-18

Ил. 5. Кувшин.
XX в. Ибресинская гончарная артель. Глина, обжиг, роспись.
31×21. ЧГХМ. КП-7324

В чувашском искусствоведении вопросы этого вида искусства впервые были затронуты в трудах А.А. Трофимова (1984, 1986, 1993)²⁵, Г.Н. Иванова-Оркова (1984, 2012)²⁶. А.А. Трофимов описал деятельность самой крупной в Чувашии Ибресинской гончарной артели «Красный строитель», начиная с момента ее организации в 1928 г. Осветил историю ее возникновения, описал трудности, с которыми сталкивалась артель (острый недостаток сырья – глазури и свинца, отсутствие художников-керамистов и пр.). Перечисляя ассортимент продукции артели, искусствовед обращает внимание на самые яркие музейные образцы керамики, например на кувшины из собрания Государственного музея этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей в Санкт-Петербурге, здесь хранится 27 предметов) и Чувашского национального музея. На наш взгляд, с рядом оценок и описаний А.А. Трофимова сегодня трудно согласиться. Так, например, сегодня часть рассматриваемого им материала можно отнести к разряду профессиональных лишь с большой оговоркой. Вызывает вопрос и не всегда точное использование специальной терминологии в описании художественных особенностей росписи изделий.

Прославленная гончарная артель получила освещение и в книге этнографа Г.Б. Матвеева «Ибресинский край» (1993). Описывая выпущенную ею продукцию (кувшины, горшки, миски, цветочницы, плошки, хлебницы, пивные корчаги, вазы), расписанную в три цвета народным орнаментом, политую глазурью цветною и бесцветною, он отмечает особенности используемого декора: «Художественные способы, которые использовали мастера артели, были многообразны. В росписях находили применение композиции орнаментов старинной чувашской рубашки, сурпанов, поясных украшений (ил. 3, 4). Сосуды оформлялись по принципам хохломских (ил. 5) и семеновских мастеров Горьковской области»²⁷.

Присутствие хохломской росписи в декоре сосудов вызывает особый интерес и требует объяснения. По нашему мнению, это было обусловлено в первую очередь тем, что в 1929–1936 гг. Чувашия находилась в составе Нижегородского края. Продукция, производимая артелью, обеспечивала бытовые потребности населения не только Ибресинского района, но и вывозилась на реализацию на ярмарки и в другие районы республики, а также в регионы Нижегородского края. Признанное качество изделий порождало спрос не только на утилитарный ассортимент, но и на сувенирную, подарочную керамику. Очевидно, что такие гончарные изделия должны были выделяться своими яркими и оригинальными художественными решениями. При специальном обращении к этому вопросу можно выявить целый пласт подобного материала. Обратимся к известному образцу из собрания Чувацкого государственного художественного музея (ЧГХМ). Это керамический кувшин с хохломской росписью, имеющий, по всей вероятности, «ибресинское» происхождение. В нем – уникальное использование технологии росписи по дереву на керамике. Поскольку опыта расписной керамики у чувашских мастеров не было, то в этом качестве были использованы приемы хохломской росписи. Возможно, потому, что в технологии хохломы «белье» грунтуют жидкой очищенной глиной – вапой²⁸, что близко тому, как в керамике под роспись изделие покрывают ангобом. Однако следующие этапы росписи абсолютно различны. Хохлома выполняется под лак, в то время как глину принято покрывать глазурью.

Ибресинские мастера украшали посуду не только росписью – это очень сложный и затратный по времени процесс. Чаще всего изделия украшались и лепными деталями, например, в форме птиц, животных, листьев, веток, шишек. Особый подход к изготовлению керамических изделий выделяет деятельность «Красного строителя» из общей массы подобных артелей и являет собой событие в истории декоративно-прикладного искусства и художественных промыслов Чувашии. Однако в 1950-е гг. гончарная посуда стала терять популярность – в послевоенные годы постепенно налаживалась работа ведущих фарфоро-фаянсовых заводов, таких как Дулевский, Первомайский, Гжельский, Конаковский, чья продукция отвечала более высоким критериям – разнообразию ассортимента, прочности и эстетической стороне, и в 1960 г. предприятие в Ибресях было ликвидировано. Завершилось время артелей, хотя гончарное дело просуществовало некоторое время как частный семейный промысел почти до конца XX в. в сельской местности, там, где это ремесло имело традиционный характер с давних пор. Следует отметить, что данное явление также пока осталось за пределами интересов искусствоведов.

Инновационным решением была попытка в конце 1970-х гг. поставить на промышленные рельсы изготовление художественной керамики. Базой для этого стало Специализированное управление отделочных работ (СУОР) в Чебоксарах. Это предприятие имело в цеху керамики печи высокотемпературного обжига, установки, подготавливающие глиняные массы и глазури, сушильные печи, модельные мастерские и электрические гон-

чарные станки. В течение 1980–1990-х гг. эта производственная линия выпускала изделия широкого потребления – горшки, кружки, миски и др. В отдельных случаях создавались предметы декора интерьеров – напольные вазы, кашпо, декоративные панно. Изделиям старались придать эстетичный законченный вид. Художники вручную украшали глиняные предметы цветными пигментами способом подглазурной росписи по утилю. Такой способ декорирования дает возможность использовать самые разные по сложности элементы. Используя технику кистевого мазка (он бывает локальный или «с тенью»), а также самые разные по сложности элементы (ленты, отводки, усики), мастера добивались различных эффектов, наделяя общую композицию изделия единым художественным образом. Здесь, на производстве, использовался и другой способ украшения гончарной продукции, в частности ваз с лепными элементами растительного характера: эти вазы покрывались цветными поливами, акцентирующими рукотворный рельеф.

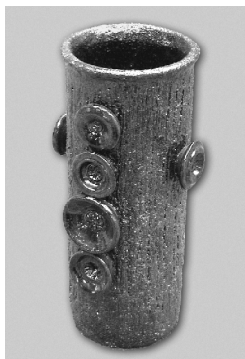
Еще одна область художественной керамики – профессиональная, которая пока имеет скромный список имен. Ее начальная история представлена в Чувашии лишь одним именем – Ольгой Александровной Дуняк (1940–2023), выпускницей отделения керамики и стекла Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В.И. Мухиной (ЛВХПУ) в 1970 г. Хотя первой, получившей такое образование, стала Екатерина Иосифовна Ефремова. В 1948 г. она успешно закончила факультет художественной керамики Московского государственного института прикладного и декоративного искусства. На защите диплома она представила комплект керамической посуды с чувашским орнаментом, который выполнила под руководством известного художника В. Пруссакова и при участии В.А. Фаворского. Однако после возвращения в Чувашию Е.И. Ефремова возглавила художественную лабораторию Чувашшвейпромсоюза и активно занялась возрождением чувашской национальной вышивки, чему и посвятила всю оставшуюся жизнь²⁹.

Как художника-керамиста можно выделить и известного монументалиста, эмалиера и живописца В.П. Петрова (Праски Витти). Его творчество представляет совершенно иную линию этого вида искусства. Яркая творческая индивидуальность мастера проявилась во многих видах и жанрах монументального и декоративно-прикладного искусства. Свой талант он сумел реализовать и на поприще художественной керамики. Следует, однако, заметить, что все его произведения в этом материале были созданы в 1970-е гг., когда он жил и работал в других городах России³⁰.

С возвращением О.А. Дуняк из Ленинграда при Чебоксарском кирпичном заводе была создана экспериментальная лаборатория. Это стало началом производства в Чувашии гончарной продукции. Здесь в 1970–1980-е гг. по ее эскизам и образцам изготавливались на гончарном круге горшки, кринки, имеющие сходство с формой и орнаментом, выполненным способом процарапывания, с традиционной посудой, встречающейся на территории Чувашского края. Эта гончарная продукция вышла в серийное производство и была очень популярна (ил. 6). Важно, что в те же годы Ольга Дуняк

Ил. 6. Дуняк О.А.
Горшок. Из набора
крестьянской керамической
посуды. 1980. Глина,
глазурь, обжиг. 9,4×10,5.
ЧНМ. КП-13511/2

Ил. 7. Дуняк О.А.
Ваза. 1973. Шамот,
глазурь, обжиг.
30,5×14,3. ЧГХМ.
КП-1947

Ил. 8. Дуняк О.А.
Декоративное панно «Гончар».
1973. Шамот, глазурь, обжиг.
19×18,5×5,4. ЧГХМ. КП-1946

занималась творчеством, создавая авторские произведения художественной керамики – вазы, блюда, кубки, объемные композиции, панно (ил. 7, 8). Значительная часть ее произведений находится в музеях Чувашской Республики. Надо признать, что, к сожалению, творчество О.А. Дуняк до сих пор не получило серьезного изучения. Поэтому мы посчитали необходимым дать ему краткую характеристику. В публикациях о ее творчестве находим только перечисление работ, экспонированных на всесоюзных, зональных, региональных выставках. Наиболее значительным является каталог «Первой республиканской выставки изделий народного художественного творчества и народных промыслов», проходившей в Чебоксарах в 1984 г. Согласно сведениям, составленным Г.Н. Ивановым³¹, на выставке было представлено значительное количество произведений художницы. Это гончарные предметы наборов посуды, кринки, горшочки, солонки, орнаментировано декорированные налепкой, процарапкой, расписанные ангобом, эмалями. Ее авторский почерк – монументальность и лаконичность. Создавая композиции авторской керамики, она не «дробит» их детальной проработкой или росписью; ее характерный прием – эффектные поливные глазури, придающие работам цельный характер.

Творческая энергия вовлекла О.А. Дуняк в активное участие в культурной жизни республики. Работу на производстве она успешно сочетала с творческой деятельностью, в 1972–1990 гг. работала в чувашских творческо-производственных мастерских Художественного фонда РСФСР. Будучи членом правления Союза художников Чувашии, являлась председателем комиссии по работе с народными мастерами и членом бюро секции монументального и декоративно-прикладного искусства.

Проблема подготовки квалифицированных художников-керамистов впервые в республике получает решение именно благодаря деятельности Ольги Александровны Дуняк. Профессиональный опыт художника

становится востребованным, когда она в 1980 г. начинает преподавать в Чебоксарском художественном училище. Ее талант, энергия, авторитет подвигли руководство учебного заведения к идее открытия в 1992 г. отделения керамики. В 1996 и 1997 гг. она выпустила два курса специалистов. Чуть позднее в училище начинают преподавать О.А. Афимкина, выпускница Абрамцевского художественно-промышленного училища, С.Н. Кадикин, окончивший художественно-графический факультет (ХГФ) Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева (ЧГПИ, с 1998 – ЧГПУ). Художественное училище становится неким центром «керамического возрождения» в республике. Здесь имелись печи, гончарные станки, а значит, и возможность осуществления творческих замыслов, здесь готовят все новых специалистов гончарного дела. Таким образом, можно утверждать, что основы профессиональной керамической школы в Чувашии были заложены О.А. Дуняк, которая смогла организовать процесс обучения и оказала влияние на формирование индивидуального стиля молодых мастеров. Именно ею были определены направления развития чувашской художественной керамики на рубеже XX–XXI вв.

В конце 1990-х гг., после окончания Красноярского художественного института, возвращаются в Чебоксары керамисты с высшим специальным образованием Надежда Сыромятникова и Ирина Федорова. В Чувашской Республике начинает складываться плеяда профессиональных художников по керамике, однако непростые социальные и экономические обстоятельства в стране на рубеже XX–XXI вв. не способствовали реализации их таланта и творческого потенциала. Отсутствовали мастерские, не было достаточной материальной базы, оборудования, возможности приобретения сырья, материалов. По этой причине художники реализовали себя в других видах искусства. К сожалению, профессиональная подготовка Сыромятниковой не была оценена должным образом, и вскоре она покинула Чебоксары. В ее произведениях обнаруживалась близость к народному искусству – в характере стилизованных фигурок птиц, животных, в форме предметов быта. В них угадывался новый, оригинальный подход в использовании традиционной культуры чувашей.

И.В. Федорова (род. в 1971 г.) преподавала в Чувашском государственном педагогическом университете им. И.Я. Яковлева с первого дня открытия специальности «художественная керамика» в 2005 г. Профессионал высокого уровня с высшим специальным образованием, она постоянно совершенствует полученные знания и повышает квалификацию. Стажировки на заводах Гжели, в Богородском центре развития гончарного искусства, в Международной студии керамики в г. Кечкемет (Венгрия), участие в международных фестивалях гончаров в г. Скопин Рязанской области (с 2005 по 2015 г.) – известном гончарном художественном промысле, обогатили ее художественный язык. Таким образом, в 1990-е гг. в Чувашии была создана база для подготовки собственных мастеров гончарного искусства – сначала в Чебоксарском художественном училище (ЧХУ), затем, в 2005 г., в ЧГПУ.

Благодаря этому в последние 10–15 лет профессиональная художественная керамика получила существенное развитие, в число художников-керамистов вливаются новые специалисты, для которых открываются все большие возможности. Отечественные и зарубежные производители предлагают широкий выбор печей для обжига керамики в домашних условиях по самым различным параметрам – объему, вместимости, возможной допустимой температуре, мощности и т.д. Появились в продаже инструменты, керамические массы, глазури, ангобы и прочие компоненты.

Возвращаясь к наиболее острой сегодня проблеме возрождения традиционных промыслов и выявления национального компонента в изделиях керамики, можно говорить о том, что художниками делаются для этого немалые усилия. Но, как мы предположили, «национальный компонент» растворяется в массе материала других народов, имеющих в традиционном ремесле те же формы и способы декорирования. Поэтому наиболее часто используемым является способ наложения орнамента чувашской вышивки на поверхность керамического изделия, что стало общим местом и лишило их не только индивидуальности, но и художественных качеств.

Эта проблема является актуальной и для других видов изобразительного искусства Чувашии. Так, живописцы решают ее через сюжет, композиционную организацию, пластические средства – геометризирова детали, «перекраивая» перспективу или акцентируя на декоративности цветового строя произведения. Подобный изобразительный ряд и приемы кажутся на керамике еще более чуждыми, нежели использование орнамента. Хотя, в отличие от других видов изобразительного искусства, прикладное собственно и не отрывалось от народного. Поэтому в творчестве наиболее ярких и талантливых современных художников-керамистов, опирающихся на традиционно-национальные способы исполнения изделий, видим весьма разнообразные решения авторского замысла. Так, например, О.А. Дуняк в 1970–1980-е гг. формовала на гончарном круге горшки, имеющие сходство с формой и орнаментом, выполненным способом процарапывания, с традиционной посудой, встречающейся на территории Чувашского края.

И.В. Федорова является, пожалуй, одним из немногих чувашских художников, чье творчество наиболее полно представляет картину современной керамики в Чувашии. Ее произведения являют собой удачные попытки соединения современного подхода с традиционным. В своей технике она использует роспись цветными глазурями, никем до нее в Чувашии не практикуемую (ил. 10). Да, применяли роспись, подглазурную – пигментами, ангобами, надглазурную – эмалями. Конечно, изделия покрывали глазурями (поливали),

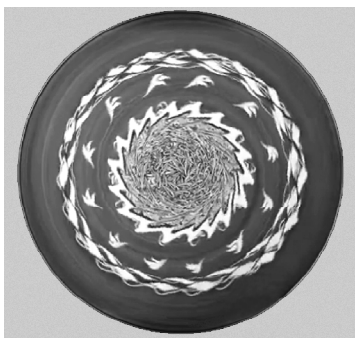
*Ил. 9. Федорова И.В.
Ваза «Земля чувашская».
2021. Н 32. Мелкошамотная
светложгущая глина.
Контур масляная глазурь.
Роспись цветные глазури.
Техника кракле. Собствен-
ность автора*

Ил. 10. Федорова И.В.
Блюдо Солнечный знак. 2022.
D 36. Мелкошамотная светлоглу-
жащая глина. Контур – масляная
глазурь. Роспись – цветные
глазури. Техника кракле. Соб-
ственность автора

Ил. 11. Афимьина О.А.
Серия «Переплетения». Блюдо 3.
2008. Глина, глазурь, оксиды,
промасливание, прокаливание.
D 38×3,8. ЧГХМ. КП-17927

Ил. 12. Садовников М.Ю.
Шоу KRUGOVOROT. 2014

в том числе цветными, однако это росписью не является. Среди самых ярких ее работ декоративные блюда, вазы, штофы, кувшины, которые она изготавливает способом ручной лепки – жгутами, а затем расписывает цветными глазури композицию, составленную из элементов чувашского орнамента. Кувшины Федоровой по своей форме напоминают болгарскую керамику с широким туловом (ил. 9).

Ученица И.В. Федоровой Екатерина Кузнецова в своем творчестве отдает предпочтение работе на гончарном круге, изготавливая чаши, вазы. Но у нее скорее не форма предмета имеет привлекательность. Большее значение она придает эффектным покрытиям – это кракле, потечные и кристаллические глазури из разряда наиболее сложных. Ставя перед собой непростые задачи, она ищет себя в искусстве, и это приводит к высоким результатам. В качестве дипломной работы она выбрала непростую тему – триптих-горельеф «Путь Миттова» – и выполнила работу на высоком профессиональном уровне. Сама тема, ее осмысленность и глубина постижения личности А.И. Миттова – гения чувашского искусства – не нуждалась в подкреплении ее чем-либо «национальным». Триптих Е. Кузнецовой – редкий пример создания в керамике произведения неприкладного характера.

Ольга Садовникова (Афимьина) (род. в 1965 г.) использует элементы национального орнамента, совершенно не стараясь придать своим произведениям «национальный характер». Она применяет самые разные «мифологические, литературные и религиозные сюжеты, исторические реминисценции, растительные и зооморфные мотивы»³². Высокий уровень владения материалом позволяет ей воплощать разнообразные пластические идеи. В сфере творческих интересов мастера мелкая декоративная пластика и садово-парковая скульптура, художественная посуда (декора-

тивные тарелки, скульптурные сосуды) и декоративный рельеф (ил. 11).

В лаконичных формах и элементах орнамента произведений гончара Михаила Садовникова (род. в 1955 г.) национальный аспект теряется, обретая общие формы и характер декора. В то же время в них есть авторское звучание. Художник разработал свою технику обработки материала – «лощение и многократное промасливание и прокаливание», что делает их узнаваемыми³³. Он создает кувшины, горшки и крынки традиционно, «поднимая» их на круге, или выкладывает жгутами, правя на круге. Активно экспериментируя в рамках гончарной техники, М. Садовников отмечает при этом, что главное в объекте – форма, материал, фактура.

В 1980–1990-е гг. «чувашская керамика» была представлена и мастерами глиняной игрушки. Не будучи профессиональными керамистами, Л.А. Конорева (1946–2021) и М.А. Михайлова (род. в 1951 г.), окончившие ХГФ ЧГПИ, занялись изготовлением небольших по размеру работ на тему чувашского фольклора. У Коноровой это фигурки людей размером от 2,5 до 45 см. Иногда это отдельные персонажи, а иногда сюжетная композиция. Выполненные из красной и белой глины, они облачены в чувашские национальные одежды. В отличие от Людмилы Коноровой (ил. 13), Маргарита Михайлова создает свистульки и фигурки, выполненные в виде персонажей чувашских сказок (мифические существа пирёшти, шыври, Шурсухал и т.п.), языческих божков (ил. 14), а также статуэтки, изображающие человека в момент какой-либо крестьянской работы. Мастерницы намеренно развивали в своем творчестве национальную тему, вняв советам и рекомендациям А.А. Трофимова. Произведения специально не покрывались глазурью, что роднит их с народным творчеством.

Проанализировав творчество даже нескольких мастеров-керамистов, становится очевидным, насколько разнообразны их поиски: от попытки воспроизвести традиционные образцы до абсолютной свободы в формальных поисках. Сегодня назрела необходимость анализа и оценки всего материала. При том, что декоративное искусство, казалось бы, предполагает камерность, в нем, как в любом другом виде, отражается эпоха и дух времени. Вспомним искусство первых послереволюционных лет в начале XX в., когда художественная керамика воплотила новые идеи в ярких и ориги-

Ил. 13. Конорева Л.А.
Чувашенинка в колпаке
низовой подгруппы конца
XIX в. 1994. Глина, ангоб.
13,5×4×3. ЧГХМ.
КП-13952

Ил. 14. Михайлова М.А.
Свистулька «Белая
борода» (Шурсухал).
1980–1990. Глина, лепка,
обжиг. 10,5×8,5×5,6.
ЧГХМ. КП-12522/3

нальных произведениях в так называемом декоративном супрематизме – стиле, возглавляемом К. Малевичем. Вне всякого сомнения, в пространстве современного искусства Чувашии художественная керамика также занимает значительное место. Возникают и совершенно новые выставочные проекты, акции и другие способы художественного выражения. Так, для творчества М. Садовникова характерен не только конечный результат, но сам процесс работы на гончарном круге, который превращается в искусство посредством перформанса и видеофильма. Его проект «Шоу KRUGOVOROT, или Танец на круге» сейчас входит в серию проектов под общим названием «Русская АМФОРА» (2011–2015)³⁴ (ил. 12). Подобного рода контент выкладываются им на различных сайтах, он рассматривает социальные сети как платформу для продвижения своего творчества.

Как и любой другой художник, гончар ищет способы и возможности не только для реализации творческого потенциала, но и получения материального вознаграждения. В этой связи широко распространилась новая форма творчества, когда многие мастера открывают студии-мастерские, предоставляя услуги желающим попробовать свои силы в лепке и росписи, находя время для выполнения заказных и авторских произведений. В 2011 г. такая мастерская художественной керамики «ЛИЯЛЮ» была создана Анной Саевич-Родионовой, выпускницей отделения керамики Чебоксарского художественного училища, и дизайнером Юрием Никифоровым. Тем самым они заявили о том, что планируют «выполнять индивидуальные заказы по разработке и производству авторских изделий из керамики ручной работы: эксклюзивных предметов интерьера, в том числе изразцов для печи и облицовки камина, а также элементов художественного оформления фасадов домов и садово-парковой территории»³⁵. На этой площадке Родионова и Никифоров организовали и провели ряд симпозиумов «КераМагия» межрегионального уровня – Первый (2013) и Второй (2015). Третий, «КераМагия-2017», имел уже статус Международного, где участвовали ведущие художники-керамисты из Испании, Москвы, Подмосковья, Нижнего Новгорода, Казани и Самары. По итогам работы симпозиумов состоялись выставки в Художественном музее, где были показаны работы, созданные в результате творческих экспериментов в самых разных техниках обжига. Подобного рода акции, несомненно, стали событием в культурной жизни города и могли бы быть таковыми для чувашских художников-керамистов, для которых в конкурсном процессе происходил творческий обмен различных профессиональных школ России и дальнего зарубежья. Однако участниками симпозиумов «КераМагия» от Чувашии становились непрофессиональные художники-керамисты. Это скорее была разовая акция для тех, кто решил попробовать свои силы на данном поприще. В результате конкурсные работы были единожды представлены на итоговой выставке и вряд ли могут представлять собой картину современного профессионального гончарного ис-

кусства республики. Просуществовав немногим более пяти лет (2014–2019), студия «ЛИЯЛО» была закрыта.

Известно о существовании еще одной мастерской – «KEREMET», в которой работает выпускница художественного училища Александра Ермакова вместе с супругом. Их изделия имитируют древнюю керамику разных народов, подражая внешним ее эффектам – лощению, дымлению, молочению. Используя современные формы, они добавляют им элементы разных культур – маски, рога, иероглифы, руны, выбирая сдержанные тона – черный, серый, молочно-белый, выдавая в результате эдакий неофолк.

Новые формы демонстрации произведений не исключили и традиционные музейные выставки. Они освещаются специалистами, которые выделяют те произведения, где прослеживается продолжение и развитие лучших народных традиций. В этой связи чувашская керамика стала более заметна, некоторые ее образцы публикуются в альбомах, несущих, правда, иллюстративный характер, и работы художников здесь не подвержены научному анализу. Автор-составитель двух альбомов – «Узоры земли чувашской» (2007) и «Узоры, цвет, символика» (2012) Г.Н. Иванов-Орков называет современных мастеров керамики, как народных (З.И. Игнатьеву, В.И. Попову, И.В. Амакову, М.А. Михайлову), так и профессиональных керамистов, авторов художественных произведений [И.В. Федорову, О.А. Садовникову (Афимьину), М.Ю. Садовникову, Н.В. Сыромятникову]. Однако несомненная польза альбомов есть. Они презентуют изображения произведений народных мастеров, и часто хорошего качества. Один из первых красочных альбомов «Чувашское народное искусство» 1981 г.³⁶ знакомит с артельной продукцией – ибрезинского производства и Чебоксарской утильбазы (1940-е гг.), свистульками народных мастеров (1960–1970), изделиями профессионального художника Ольги Дуняк (1976–1980). Однако этого недостаточно. Необходимо отдельное рассмотрение попыток мастеров современной художественной керамики восстановить традиционные способы, формы, мотивы прошлых веков.

Должного внимания не было уделено и профессиональным мастерам художественной керамики, обладающим ярким творческим почерком, создающим новые формы, часто интересные в контексте общероссийских тенденций. В таком трудозатратном искусстве, как керамика, имеют место и экономические, и социальные условия в стране, а также уровень и условия для профессиональной подготовки специалистов в этой области. О выразительных авторских произведениях мы можем говорить лишь в связи с такими художниками, как О.А. Дуняк и И.В. Федорова, прошедших ведущие художественные школы страны, где специалистов готовила целая плеяда профессионалов. В свою очередь, уже наши специалисты в своей преподавательской деятельности смогли подготовить лишь единичных мастеров. Настоящий художник может сформироваться в профессиональной

во всех смыслах среде. К сожалению, такие условия для мастера-керамиста в Чувашии еще не сложились. Здесь необходимы усилия и искусствоведов, способных осветить проблемы и задачи художественной керамики как вида искусства.

Литература, источники и примечания

¹ *Каховский В.Ф.* Археология Среднего Поволжья. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1977. 113 с.; *Каховский В.Ф., Краснов Ю.А.* Средневековые Чебоксары: материалы Чебоксарской экспедиции 1969–1973 гг. М.: Наука, 1978. 192 с.; *Каховский Б.В.* Гончарное ремесло. Глиняная посуда // Старые Чебоксары: археология, история, топонимика: сб. статей / сост. и науч. ред. Е.П. Михайлов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. С. 17–24; *Каховский Б.В., Михайлов Е.П.* Изразцы. Кровельные плитки (черепиц). Кирпичи // Старые Чебоксары: археология, история, топонимика. С. 69–78; *Арыченков А.И.* Ремесло и промыслы города Чебоксар второй половины XVI–XVIII вв. (по археологическим данным и письменным источникам) // История и культура Чувашской АССР: сб. статей / НИИЯЛИЭ при Совете министров Чуваш. АССР; ред.: А.В. Изоркин, В.А. Прохорова. Чебоксары, 1975. Вып. 4. С. 145; *Михайлов Е.П., Березина Н.С., Мясников Н.С.* Археологические памятники Чувашского Поволжья: некоторые итоги и задачи изучения // Итоговые научные сессии 2015–2018 / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 194–241; *Кокорина Н.А.* О керамике болгарского типа средневековых Чебоксар // Старые Чебоксары: археология, история, топонимика. С. 115–134; *Хузин Ф.Ш.* О некоторых проблемах болгарской археологии в аспекте этногенеза чувашских народов // Волжская Болгария (Булгария): этнокультурная ситуация и общественное развитие: [материалы научного семинара]. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 37–45 (Тюркские племена и государства Евразии в древности и в Средние века; вып. 1).

² *Смирнов А.П.* Древняя история чувашского народа. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948. С. 17.

³ *Михайлов Е.П., Березина Н.С., Мясников Н.С.* Археологические памятники Чувашского Поволжья: некоторые итоги и задачи изучения. С. 196.

⁴ Средневожская экспедиция / Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enc.cap.ru/?t=publ&lnk=2944> (дата обращения: 01.07.2022).

⁵ В 1930 г. научный сотрудник Государственной академии истории материальной культуры археолог П.Н. Третьяков (в послевоенное время – член-корреспондент АН СССР) совместно с Г.П. Гроздиловым проводил в Чувашской АССР разведочные обследования городищ. Экспедицию он начал в юго-восточной части республики, которая с IX в. входила в состав Болгарской земли. О возникновении Чебоксарского поселения / Чебоксары – столица Чувашии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.workshome.ru/bolgarchuvashskiy-gorod-shupashkar-veda-suar-cheboksary/o-vozniknovenii-cheboksar/> (дата обращения: 30.06.2022).

⁶ *Смирнов А.П.* Указ. соч. С. 24.

⁷ О возникновении Чебоксарского поселения / Чебоксары – столица Чувашии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.workshome.ru/bolgarchuvashskiy-gorod-shupashkar-veda-suar-cheboksary/o-vozniknovenii-cheboksar/> (дата обращения: 30.06.2022).

⁸ *Валеев Ф.Х., Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Древнее искусство Татарии. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. С. 97.

⁹ Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья / В.П. Иванов, П.П. Фокин, А.А. Трофимов и др. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1993. С. 232.

¹⁰ *Трофимов А.А.* Чувашская народная культовая скульптура малой формы и ее истоки // Искусство. Избранные труды: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 191–208.

¹¹ *Трофимов А.А.* Чувашская народная скульптура малой формы и ее истоки // Искусство. Избранные труды: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 191–192.

¹² Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://arheologija.ru/harakteristika-i-diagnostika-primesey-formovochnyih-mass/> (дата обращения: 15.06.2022).

¹³ Сайко Э.В., Кузнецов А.В. Методологические основы исследования древней керамики. М.: Информцентр по проблемам культуры и иск-ва, 1977. С. 2.

¹⁴ Гафиятуллина И. Наследие предков: керамические изделия жителей Волжской Булгарии // Информационно-аналитический федеральный портал «Ислам Сегодня» [Электронный ресурс]. URL: <https://islam-today.ru/obshestvo/kultura/nasledie-predkov-keramiceskie-izdelia-zitelej-volzskoj-bulgarii/> (дата обращения: 20.07.2022).

¹⁵ Средневожская экспедиция ГАИМК. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enc.cap.ru/?t=publ&hry=173&lnk=2944> (дата обращения: 20.07.2022).

¹⁶ О возникновении Чебоксарского поселения / Чебоксары – столица Чувашии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.workshome.ru/bolgaro-chuvashskiy-gorod-shupashkar-vedasuar-cheboksary/o-vozniknovenii-cheboksar/> (дата обращения: 20.07.2022).

¹⁷ Михайлов Е.П. Чебоксарская экспедиция / Чувашская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enc.cap.ru/?t=publ&hry=112&lnk=3571> (дата обращения: 20.06.2022).

¹⁸ Каховский В.Ф. Археология Среднего Поволжья. Чебоксары, 1977. С. 86.

¹⁹ Арыченков А.И. Указ. соч. С. 143–144.

²⁰ Арыченков А.И. Указ. соч. С. 145.

²¹ Там же. С. 146.

²² Каховский В.В. Гончарное ремесло. Глиняная посуда. С. 24.

²³ Каховский В.Ф., Краснов Ю.П. Средневековые Чебоксары. С. 14.

²⁴ Ткаченко Л.А. Художественная керамика Западной Сибири последней трети XX – начала XXI века. ЧГХМ [Электронный ресурс]. URL: <https://uchebana5.ru/cont/2960446-p2.html> (дата обращения: 09.12.2021).

²⁵ Трофимов А.А. Проблемы народного искусства Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. С. 40–41; Трофимов А.А. Ибресинская гончарная артель // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского народа. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1986. С. 94–111; Трофимов А.А. Чувашская народная культовая скульптура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. 237 с.

²⁶ Чувашская республиканская выставка изделий народного художественного творчества и народных промыслов (1984; Чебоксары). Первая республиканская выставка изделий народного художественного творчества и народных промыслов: Вышивка. Ткачество. Вязание. Резьба по дереву. Плетение. Керамика. Украшения из серебра и бисера. Музыкальные инструменты: каталог / сост., вступ. ст. Г.Н. Иванов. Чебоксары: [б. и.], 1984. 60 с.; Иванов-Орков Г.Н. Узоры, цвет, символика. Народное искусство и художественные промыслы современной Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. 191 с.

²⁷ Матвеев Г.Б. Ибресинская гончарная артель // Ибресинский край. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1993. С. 156–158.

²⁸ Вапа – мелкозернистая отмученная глина, разведенная до определенной густоты. В раствор добавляется от 25 до 50 % мела.

²⁹ Екатерина Иосифовна Ефремова [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ефремова_Екатерина_Иосифовна (дата обращения: 30.11.2021).

³⁰ Праски Витти. Монументально-декоративное искусство / Национальная библиотека Чувашской Республики, 2006. URL: http://www.nbchr.ru/virt_praski/applied_ukas.htm (дата обращения: 07.12.2021).

³¹ Чувашская республиканская выставка изделий народного художественного творчества и народных промыслов. 60 с.

³² Открытие выставки произведений Ольги Афимьиной и Михаила Садовникова. «Два неба» / Чебоксары.Ру [информационный сайт столицы Чувашии] / Новости культуры 23.12.2008. URL: https://www.cheboksary.ru/culturen/6862_otkrytie_vystavki_proizvedenij_olgi_afiminoj_i_mihaila_sadovnikova_dva_neba.htm (дата обращения: 22.12.2021).

³³ Садовников Михаил Юрьевич. Персоналии. ЧГХМ [Электронный ресурс]. URL: <https://artmuseum.ru/author/27e91afd-34d1-4d85-83dd-ef799d596812> (дата обращения: 08.12.2021).

³⁴ Садовникова О.А. Синтез традиционного и современного искусства как перспективное направление развития фольклорной темы на сцене и в медиа-пространстве на примере проекта «Шоу KRUGOVOROT» / Народные традиции: преемственность поколений и органичность бытования: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 14 августа 2020 г.). Чебоксары: Новое время, 2020. С. 238.

³⁵ Сайт Мастерская художественной керамики «ЛИЯЛО» [Электронный ресурс]. URL: <https://liyalo.inni.info/> (дата обращения: 22.12.2021).

³⁶ Чувашское народное искусство: альбом: на русском и чувашском языках / сост. Э.Д. Меджитова, А.А. Трофимов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. 248 с., ил.

A.A. Malinina

CHUVASH ART CERAMICS AS A SCIENTIFIC PROBLEM

Ceramics have existed in the Chuvash Region since ancient times. In the XX century, she receives professional development, which is associated with the emergence of pottery artels, folk craftsmen and artists who have received special education. Having artistic merit, recognition, Chuvash ceramics has not received a description, systematic and scientific analysis.

Keywords: Chuvash artistic ceramics, pottery, ceramic artist, pottery artel, art, ornament.

УДК 342.52

ЧГВ, 2023 г., № 18
© В.А. Медведев

ВЛИЯНИЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПОВЫШЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье анализируется процесс совершенствования правовой культуры через законотворчество и законодательство. Во время разработки законопроекта, его опубликования и обсуждения общественное мнение оказывает наиболее сильное влияние на качество будущих законов, поэтому всенародное обсуждение законопроектов можно рассматривать в качестве самостоятельной и важной стадии. Важной задачей, указывается в статье, является выделение тех сфер и положений законодательства, которые представляют наибольший интерес для гражданина и дают ему возможность ориентироваться в действующем законодательстве.

Ключевые слова: правовая культура, повышение правовой культуры, законотворчество, законодательство.

За последнее время увеличилось количество научных работ, касаемых правовой культуры, что несомненно указывает на научный интерес к данной теме (А.А. Петручак, О.Б. Шубин, И.И. Балаклеец, В.С. Григорьева и др.).

Повышение правовой культуры происходит через совершенствование ее элементов, в частности, через законотворчество и законодательство. Знание законотворчества, соблюдение его процесса и участие в нем граждан в значительной степени способствует повышению их правовой культуры. Правотворчество – одно из важных направлений работы любого государства. Это специфическая, требующая особых знаний и умений интеллектуальная деятельность, связанная с созданием или изменением существующих в государстве правовых норм.

Законотворчество предполагает как подготовку законопроектов, так и участие в их обсуждении. И если в первом случае возможности граждан

Владимир Александрович Медведев – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Чебоксарского кооперативного института (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации»; e-mail: v.a.medvedev@ruscoop.ru.

более ограничены в силу необходимости специальных знаний, то во втором случае, когда речь идет о готовом законопроекте, они принимают активное участие в его обсуждении.

Активное обсуждение на страницах «Российской газеты» получили поправки к ныне действующей Конституции Российской Федерации. В настоящее время важное значение имеет обсуждение не только федеральных законопроектов, но и законопроектов субъектов Федерации. Необходимо заметить, что ныне обсуждение законопроектов чаще практикуется на местах.

Во время разработки законопроекта, его опубликования и обсуждения общественное мнение оказывает наиболее сильное влияние на качество будущих законов. Вот почему не только с чисто юридических, но и с воспитательных позиций важно рассматривать всенародное обсуждение законопроектов в качестве самостоятельной и важной стадии законотворческой работы государственных органов и общественности в создании законов.

К сожалению, практика показывает, что процесс подготовки проектов законов, ход их обсуждения и принятия в рамках законодательных органов широкого воспитательного воздействия на население пока что не оказывает. Данные стадии законотворчества оказывают определенное воздействие идеологического характера в основном на депутатов и должностных лиц, имеющих непосредственное отношение к созданию законов. Поэтому обсуждение гражданами и их общественными объединениями проектов наиболее важных законов в СМИ, особенно в печати, аргументация различных точек зрения, учет мнения граждан при создании закона способствуют не только демократизации законотворческого процесса, но и более глубокому пониманию причин и целей правового регулирования, то есть, по большому счету, смыслу принятия закона.

С учетом сказанного становится вполне очевидным заметное влияние законотворчества, особенно тогда, когда в нем принимает участие общественность, на повышение правовой культуры. Вместе с тем существуют возможности дальнейшего совершенствования этого процесса. К ним следует отнести:

- оптимальное разграничение правотворческих полномочий федеральных, региональных и местных органов государственной власти. Это необходимо не только в силу федеративного характера устройства нашего государства, о чем я неоднократно более подробно писал в других своих работах, но и в силу важного воздействия на правовую культуру как федеральных, так и региональных законов;

- обязательное обсуждение законопроектов, имеющих важное социальное значение, для чего необходимо законодательное регламентирование процесса всенародного обсуждения. Это в значительной мере упорядочит не только данную работу, но и будет способствовать повышению правовой культуры;

- совершенствование законодательной техники. Высокий уровень законодательной техники является одним из существенных показателей сте-

пени развития правовой культуры. Правовая норма, регулируя общественные отношения, должна одновременно воздействовать и на правосознание граждан, а для этого необходимо соответствующее профессиональное изложение гипотез, диспозиций и санкций правовых норм. Каждый гражданин, прочитав текст закона, должен отчетливо уяснить себе, что же запрещает или позволяет законодатель, каковы последствия за ненадлежащее исполнение или соблюдение правового веления, почему то или иное отношение вообще регулируется правом, и почему оно регулируется именно таким образом;

– нуждается в специальной подготовке комплекс мероприятий по ознакомлению населения с ходом подготовки, обсуждения и принятия закона компетентными органами. В частности, заслуживает внимания широкая организация прямых радио- и телевизионных передач с заседаний комитетов по подготовке проектов законов, заседаний законодательных органов. Такие передачи могли бы еще больше приблизить граждан к правовой материи, сделали бы их как бы непосредственными участниками создания и принятия законов, помогли бы им еще до опубликования правового акта и вступления его в законную силу уяснить и оценить его социальное назначение и содержание;

– надлежащее опубликование законов. Что имеется в виду? Это опубликование законов в отведенный для них срок в средствах массовой информации, признанных официальными. Качественным отличием официального опубликования законодательных актов является его обязательность. Поэтому нельзя согласиться с авторами, допускающими, что можно публиковать нормативные акты, ограничиваясь доведением их до сведения исполнителей путем официальной рассылки. В этом случае во многом теряется их предназначение. Наоборот, чем шире осуществляется публикация нормативных правовых актов, чем больше возможности знакомства с их содержанием, тем сильнее оказывают они воздействие на правовую культуру граждан, и наоборот, если они остаются неизвестными широким массам, их роль значительно теряется.

Анализ существующей практики законотворчества позволяет считать, что официальная правовая информация в соответствии с действующим законодательством осуществляется посредством публикации текстов правовых актов в специально установленных центральных, республиканских, областных и районных газетах. Опубликование нормативных актов в «Собрании законодательства Российской Федерации» и в соответствующих республиканских органах рассчитано на должностных лиц и других специалистов – юристов.

В прошлом многие законы, имеющие определенное общественное значение, часто в широкой печати не публиковались. Хотя именно на этапе опубликования принятый закон доводится до сведения населения, именно после ознакомления с текстом закона у многих людей складывается определенное к нему отношение.

Действующая Конституция Российской Федерации принципиально изменила ситуацию по данному вопросу. Впервые в Конституции была закреплена норма (статья 15, ч. 3) о том, что «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные Законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения».

Важнейшим элементом правовой культуры является законодательство как результат законотворческой работы. Закрепляя в законах правила поведения и устанавливая ответственность за их нарушения, государство использует законодательство в качестве важнейшего средства формирования развитой личности. В ее правовой культуре принято выделять такие элементы, как знание права, отношение к праву и готовность к правомерному поведению.

Говоря о знании права, в первую очередь следует выделить знание законодательства. Вполне очевидно, что все законы практически невозможно знать, тем более для гражданина, специально не занимающегося юридическими вопросами. Поэтому возникает задача выделить те сферы и положения законодательства, которые представляют наибольший интерес для гражданина и дают ему возможность ориентироваться в действующем законодательстве. К данным сферам относятся:

- основы конституционного строя. Здесь сформулированы принципиальные положения относительно приоритета прав и свобод человека и гражданина, верховенства федеральных законов, организации государственной власти и местного самоуправления, механизма действия национального законодательства и принципов международного права;

- права и свободы человека и гражданина, способы их защиты национальными и международными органами власти. Это основная задача законодателя, других институтов государственной власти. Не зря пересмотр положений главы второй Конституции РФ, посвященной правам и свободам человека и гражданина, предполагает особую, более сложную процедуру, чем изменения ряда других глав Конституции;

- принципы и общие правила функционирования различных ветвей власти;

- наиболее важные нормы из гражданского и трудового законодательства, а также законодательства в сфере профессиональной деятельности человека, что, наряду с общими нормами права, будет заметно способствовать повышению его правовой культуры;

- неразрывное единство прав и обязанностей граждан – один из основополагающих принципов действующего законодательства. Каждый гражданин Российской Федерации, согласно статье 6 Конституции РФ, обладает на ее территории всеми правами и свободами и несет равные обязанности. Последние более подробно предусмотрены в статьях 57, 58 и 59 Конституции РФ.

Одного только знания указанных положений законодательства явно недостаточно для соответствующего уровня правовой культуры личности. Чрезвычайно важным является ее отношение к данным и другим нормам права, степень участия в формировании нормативно-ценностной ориентации и мотивации социально-правовой деятельности. А это возможно только тогда, когда само законодательство является достаточно совершенным. К сожалению, этого нельзя сказать в отношении всего законодательства. Вместе с тем указанные выше нормы права, особенно те из них, которые определяют правовой статус личности, вобрали в себя достижения современной теории права и законодательства по вопросам прав и свобод человека и гражданина. Да и практика показывает, что в последние годы к ним все чаще прибегают наши граждане, в том числе при защите своих прав и законных интересов. Однако эффективное использование их, как и других норм права, обуславливает необходимость выявления наиболее действенных направлений влияния законодательства на правовую культуру.

Исходя из прошлого опыта и изменившихся условий жизни, в том числе и сферы правового воспитания, можно выделить несколько таких направлений:

- доступность законодательства, что является важнейшим условием знания нормативных правовых актов. Сейчас, когда они постоянно меняются и в связи с этим потеряли свою стабильность, а переход к демократическому обществу и рыночной экономике ведет к резкому возрастанию роли законодательства, намного увеличивается значимость его доступности. Одного лишь опубликования в официальных изданиях явно недостаточно. Необходимо предусмотреть возможность дополнительной публикации в других изданиях;

- выступления и комментарии специалистов по наиболее важным положениям законодательства. Многие новые нормы права, а тем более, если они противоречат друг другу, что нередко бывает, невозможно уяснить без помощи специалиста;

- создать систему непрерывного и последовательного правового воспитания, которое охватывало бы все ступени общеобразовательной школы, весь период обучения в средних специальных и высших учебных заведениях, а также обеспечивало бы постоянный переход, по мере формирования личности, от относительно простых к более сложным и полным знаниям о законодательстве;

- организовать правовой всеобуч, который бы охватывал более широкий круг всех слоев населения, с учетом их образовательных, профессиональных, возрастных и других социальных особенностей. К этой работе можно было бы подключить и будущих юристов – студентов старших курсов, которым в рамках прохождения производственной практики можно было бы запланировать ознакомление населения с наиболее актуальными вопросами законодательства.

В государстве должна проводиться целенаправленная политика по повышению соответствующего уровня состояния законодательства. В этой

связи необходимо уделять должное внимание правовой реальности, вследствие чего нужно с учетом инновационных подходов пересмотреть и изучить правовую систему в обществе с целью создания истинно правового государства.

Литература

1. *Красавчиков О.А.* Основные черты и значение социалистической правовой культуры // Советское государство и право. 1968. № 6. С. 17.
2. Общая теория права и государства: учебник для вузов / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб., доп. М.: Юристъ, 2001. 520 с.
3. *Малахов В.А.* Культура и человеческая целостность. Киев: Наук думка, 1984. 119 с.
4. *Семитко А.П.* Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 21.
5. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского. М., 1998. С. 224.

V.A. Medvedev

THE INFLUENCE OF LAWMAKING AND LEGISLATION TO IMPROVE THE LEGAL CULTURE

The article analyzes the process of improving legal culture through lawmaking and legislation. During the development of the bill, its publication and discussion, public opinion has the strongest influence on the quality of future laws, so the nationwide discussion of bills can be considered as an independent and important stage. An important task, the article points out, is to highlight those areas and provisions of the legislation that are of the greatest interest to the citizen and give him the opportunity to navigate the current legislation.

Keywords: legal culture, improvement of legal culture, lawmaking, legislation.

**Диалог о двухтомной монографии
В.Н. Клементьева «История национальной
государственности чувашского народа»:
Книга 1 «Истоки государственности чувашей».
Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 383 с.;
Книга 2 «Создание чувашской государственности. 1920–1925».
Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. – 382 с.**

24

июня 2020 г. Чувашская Республика отметила 100-летие образования автономии. Как и положено, данное вне всякого сомнения эпохальное для чувашского народа событие было отмечено множеством ярких мероприятий не только в рамках республики, но и за ее пределами – как в Москве, так и в регионах Российской Федерации с компактным проживанием диаспорных групп этноса. В ряду памятных событий юбилейного года особое место заняло присуждение Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники двухтомной монографии кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Чувашского государственного института гуманитарных наук Владимира Николаевича Клементьева «История национальной государственности чувашского народа». Оба тома – «Истоки государственности чувашей» (Кн. 1) и «Создание чувашской государственности. 1920–1925» (Кн. 2) – увидели свет в Чувашском книжном издательстве еще в 2018 г. Разумеется, что изначально подготовка и издание данной монографии приурочивалось к юбилею республики. Над исследованием В.Н. Клементьев работал в течение многих лет, и оно увенчалось бесспорным научным успехом. Автор поставил перед собой задачу, как сам подчеркивает, «нарисовать объемную картину возникновения и эволюции национальной государственности чувашского народа, показать историко-генетическую связь между различными ее этапами».

В первой книге рассматриваются истоки государственности чувашского народа: зарождение и развитие этнического движения, возникновение и организационные формы национального движения, модели и сути самоопределения чувашей с момента создания государства Волжская Булгария до образования Чувашской автономии.

Во второй книге освещаются и анализируются вопросы создания национально-территориальной государственности чувашей: образование в июне

1920 г. Чувашской автономной области, ее преобразование в автономную республику, особенности национально-государственного строительства Чувашии в первой половине 1920-х гг.

И правда, исследование получилось весьма содержательным, фактологически и информационно насыщенным, концептуально интересным. Между тем проблематика истории образования автономии и национально-государственного строительства чувашского народа настолько сложна, что никак нельзя обойтись без дискуссий и обсуждений. Понятно, что работа В.Н. Клементьева, охватывающая несколько веков истории чувашей, начиная с эпохи Волжской Булгарии и до 1920-х гг., разумеется, не может дать ответов на все вопросы исследовательской темы. Короче говоря, вопросы остаются. С рядом своих соображений, замечаний, размышлений и пожеланий, порожденных чтением монографии В.Н. Клементьева, согласились выступить в нашем журнале доктор исторических наук В.П. Иванов и кандидаты исторических наук Н.Б. Смирнова, А.Д. Гаврилов, В.Г. Харитонов.

В.П. Иванов: *Тема, конечно, очень непростая...*

Научная разработка вопросов зарождения идеи национальной государственности и истории ее практической реализации фактически все годы советской эпохи оставалась одной из сложнейших проблем чувашских исследователей. Собственно говоря, так же обстояли дела по этой теме и в других автономных республиках. Как известно, по данной проблематике в Чувашской АССР активно и последовательно работали И.Д. Кузнецов, В.Н. Любимов, А.В. Изоркин, однако по ряду причин их замыслы, концептуальные подходы и выявленные материалы так и не увидели свет в виде специальных монографических исследований. Впрочем, и это надо признать, на всех тех, кто так или иначе пытался объективно анализировать весь исторический процесс становления национальной государственности чувашского народа, неприкрыто давил «установочный» подход к этому вопросу со стороны партийных идеологических органов. Отсюда не удивительно, что В.Д. Димитриев, хотя и включил в первый том «Истории Чувашской АССР» (1983) специальный подраздел «Консолидация чувашей в нацию. Движение за национальное равноправие», тем не менее ни о каких-либо устремлениях представителей образованной прослойки чувашей к обретению национально-территориального самоопределения не пишет. Все сводится к формуле: «Условия исторические (вхождение Чувашии в состав России в XVI веке, традиции совместной борьбы народных масс против общих врагов), географические (местоположение в центре России), экономические (давние рыночные и хозяйственные связи) и межнациональные (этническая чересполосность и смешение населения, мирное сожительство) питали и усиливали традиции содружества чувашского народа с русским и другими народами России. Естественно поэтому, что национально-освободительные стремления среди чувашей не выходили за рамки установления национального равноправия в России» (с. 199).

Однозначно надо признать, что тема монографии – одна из самых сложных в пространстве исторической науки Чувашии. Она выделяется самыми разными толкованиями тех или иных событий, предшествовавших образованию автономии. В среде представителей национальной творческой интеллигенции получили распространение мифологизированные сюжеты. Кстати, в своей работе В.Н. Клементьев многие из них развенчал на фактическом архивном материале.

Что интересно отметить, дискуссии по ряду ключевых вопросов истории реализации национальной государственности чувашей до появления исследования В.Н. Клементьева сводились не более чем как к выяснению того, насколько Д.С. Эльмень и его команда были тверды в деле отстаивания идеи создания полноценной автономии (республики!) на территории сравнительно большей площади, чем это было реализовано в последующем. И, конечно, в качестве противоположного примера ставились напористо продвигавшиеся проекты татарских политиков по созданию крупных государственных образований в виде Урало-Идельских штатов и Татаро-Башкирской республики. Мол, Д.С. Эльмену и другим чувашским деятелям ментально не хватало храбрости «просить больше, и дали бы столько, сколько на самом деле было бы более чем достаточно».

Тема рассматриваемого исследования настолько многоаспектна, что ее автору с трудом удалось удержать равновесие и субординацию между главными, второстепенными и не имеющими прямого отношения к ней сюжетами. И, все же, на мой взгляд, явно с перебором уделено внимание проблематике просветительства. Неоправданно объемно освещены жизнь и деятельность целого ряда безусловно ярких и значимых личностей – В.К. Магницкого, С.М. Михайлова, И.Я. Яковлева, Д.Ф. Филимонова, Н.В. Никольского, но при этом, надо признать, не совсем в достаточной степени раскрыты роль и значение их деятельности в зарождении и формировании идеи национальной государственности чувашского народа. Вместе с тем на удивление недопустимо мало отведено внимания значимости научного подвига тюрколога Н.И. Ашмарина в деле подъема национального сознания этноса. Н.И. Ашмарину в монографии отведены всего 3 страницы, а его труду «Болгары и чуваша» (1903) – всего 1 маленький абзац. Между тем как раз данное исследование оказало сильное эмоционально-психологическое влияние на формирование у национальной интеллигенции осознания культурно-языковой самобытности и, главное – способствовало становлению исторического сознания, утверждению в общественном мнении представлений о том, что предки чувашей в лице еще волжских булгар имели свою государственность.

При всей очевидной научной фундированности историографического обзора монографии за его рамками осталось имя одного из первых профессиональных чувашских историков – М.П. Петрова-Тинехпи, который еще в 1920-е гг. обратил внимание на аспект истоков государственности чувашей, выводя их еще из эпохи Волжской Булгарии. В своем обстоятельном

труде «О происхождении чувашей» (1925) он горячо поддержал теорию Н.И. Ашмарина о болгарском происхождении чувашей и на основании результатов исследований русских, финских и венгерских ученых сформулировал свою аргументацию положения, что «прямыми и чистыми потомками болгар необходимо и должно считать чуваш». В частности, М.П. Петров-Тинехпи приводит как пример, подтверждающий, что чувашаи когда-то имели свою государственность, события, имевшие место в связи с их восстанием 1608–1609 гг., вспыхнувшим по причине грубого нарушения правительства Ивана Грозного обязательств, принятых им в отношении новых подданных при заключении подданнического договора. «Такая стойкость [чувашей] была бы совершенно не понятной вне генетической связи их с болгарской государственностью, – утверждает историк. – Если бы было не так, то чувашаи оставались бы пассивными и неподвижными и легко подчинились бы чужеземному владычеству, как это делают обычно народы безгосударственные и политически слабые. Многие русские историки гордятся как бы мирным характером русской колонизации среди финских племен, которые вообще без особенной борьбы слились и исчезли в русском море. На самом деле здесь имела место встреча двух народов, с одной стороны русских, политически организованных и экономически сильных, и финских племен – с другой, политически не организованных и во всех отношениях слабых. Поэтому первые поглотили вторых без особого труда. Чувашаи же в этом отношении, как видим, составляют резкое исключение именно потому, что **они очень давно, значительно ранее русских, начали жить своей обособленной, хорошо налаженной государственной жизнью**».

Во втором томе монографии В.Н. Клементьев отмечает, что одним из серьезных объективных факторов, осложнявших решение вопроса самоопределения чувашского народа, являлась исторически сложившаяся дисперсность его расселения на территории нескольких губерний в регионе Среднего Поволжья и Южного Урала (с. 25). Это обстоятельство создавало иллюзию невозможности объединения всех чувашей в одно территориальное «кольцо», на чем настаивали наиболее активные национальные деятели.

Как известно, национально-освободительные устремления ведущих авторов чувашского национального движения вплоть до 1918 г. в основном сводились к требованию предоставления расширенной национально-культурной автономии. Экстерриториальный характер их программных целей этого времени объясняется не только тем, что в политическом, интеллектуальном и экономическом плане чувашский народ еще не был готов к административно-территориальному обособлению, но, как уже отметили, играл свою роль и очевидный фактор географической распыленности этноса в Волго-Уральском регионе. В значительной мере и по этой причине идея национально-территориальной автономии вызревала среди чувашей сравнительно долго, противоречиво. Но и то правда, что она, конечно же, подогревалась первыми шагами татарского национального движения. Тут надо полностью согласиться с В.Н. Клементьевым в том, что скорее все-

го, эволюция взглядов активистов чувашского национального движения по вопросу «территориального выделения чувашей» произошла именно в ходе развернувшихся в 1917–1918 гг. горячих дискуссий вокруг проектов создания Волго-Уральского штата и Татаро-Башкирской республики. Важно и то, что в период Гражданской войны в среде интеллигенции уже получили развитие процессы национальной консолидации вокруг идеи территориального самоопределения, но сомнения продолжали их одолевать. В этом плане показательно признание одного из лидеров национального движения Д.П. Петрова-Юмана в 1920 г.: «Семен – сын Мигулая – так прямо и говорил: “Мы не можем мечтать об автономии, как это делают киргизы и грузины. Наша родина обмельчала и истощена. Нам остается добровольно покинуть родину и, подобно евреям в Палестине, рассеяться по России”». Поэтому я, когда узнал из сибирских газет об образовании чувашской автономии, весь задрожал от страха. “Не к добру!” – пронеслось у меня» [*Петров-Юман Д.П.* 1905 год. Воспоминания о событиях среди чуваш. 1925. С. 117].

У меня создалось впечатление, что проблематика дисперсного расселения чувашей накануне образования Чувашской автономии в рассматриваемой монографии не получила достаточного освещения. Можно и нужно было данный вопрос проиллюстрировать статистическими материалами, которые могли бы помочь читателю получить развернутое представление о характере и трудностях движения чувашского народа к национально-территориальному самоопределению. Явно недостает в монографии данных Первой всеобщей переписи 1897 г. Они тем более интересны, что в ходе данной переписи в качестве показателя этнической принадлежности учитывался родной язык, и таким образом в России было учтено 843 755 лиц с родным чувашским языком. Большинство их – 837 872 чел., или 99,3 %, проживали в европейской части России, в том числе в Казанской губернии – 502 042 чел. (59,5 % от общей численности народа), Симбирской – 159 766 (18,9 %), Самарской – 91 839 (10,9 %), Уфимской – 60 616 (7,2 %), Саратовской – 14 403 (1,7 %), Оренбургской – 5064 (0,6 %). В Казанской, Симбирской и Самарской губерниях в конце XIX в. проживало 89,3 % всех чувашей империи.

Полагаю также, что по рассматриваемой монографии было бы весьма важно познакомить читателя со сведениями о доле чувашей в населении губерний и уездов в пределах Волго-Уральского региона в конце XIX в. Здесь чувашаи проживали в 6 губерниях и 27 уездах: в Казанской (23,1 % от общей численности населения губернии), Симбирской (10,5 %), Самарской (3,3 %), Уфимской (2,8 %), Саратовской (0,6 %), Оренбургской (0,3 %). Доля чувашей в населении Урало-Поволжья составляла 3,8 %. Регион наиболее компактного проживания чувашей составляли западные уезды Казанской и северо-западные уезды Симбирской губерний: Цивильский (79,9 % от населения уезда), Чебоксарский (66,5 %), Ядринский (90,9 %), Козьмодемьянский (47,3 %), Буинский (44,31 %), Курмышский (25,9 %). Что касается

остальных территорий, то в двух уездах – Чистопольском и Тетюшском – доля чувашей превышала 16 %. В 6 уездах Урало-Поволжья – Спасском, Симбирском, Белебеевском, Стерлитамакском, Бугульминском, Бугурусланском – доля чувашей варьировала в пределах 7–9 %, в остальных колебалась от 0,41 до 4,64 %.

Таким образом, как выясняется, к концу XIX столетия в 7 смежных уездах Казанской и Симбирской губерний (Ядринском, Чебоксарском, Цивильском, Козьмодемьянском, Тетюшском, Буинском и Курмышском) находилось 662 тыс. чувашей, то есть 78 % всей их численности в Российской империи. Чуваша проживали здесь более чем компактно, лишь местами имея чересполосицу с русским, татарским и мордовским населением, что явилось этногеографической предпосылкой к упрочению у них внутризтнических хозяйственно-экономических и культурно-языковых связей. «...Где чуваша живут сплошной массой, составляя преобладающее население, так это на пространстве земли, заключенном между реками Сурой, Волгой и Свиягой. Это настоящая страна чуваш, их **метрополия** по настоящему времени, – это настоящая “**Чувашия**”, по выражению одного из исследователей чуваш проф. Сбоева», – писал Г.И. Комиссаров в 1911 г. Именно этот территориальный массив чувашей, вступив в конце XIX – начале XX в. в процессы национальной консолидации и подъема этнического самосознания, и становится ядром, а земли указанных уездов, составив в последующем территориальную основу Чувашской автономии, – «материнской» родиной для большинства чувашей России.

Справедливости ради следует сказать, что В.Н. Клементьев не раз подчеркивает необходимость осмысления вопросов истории становления национальной государственности чувашей с учетом территориальных масштабов их расселения. Да и по замыслу самого автора, «издание двухтомной истории национальной государственности чувашей преследовало цель не только осветить наиболее важные компоненты национальной истории народа в контексте его государственно-правовой институализации, но и стимулировать исследовательскую мысль по созданию национального исторического нарратива, **не ограничивающегося узкими административно-территориальными рамками современной Чувашской Республики**» (Кн. 1, с. 7).

Н.Б. Смирнова: Значительный вклад в региональную историографию

С момента выхода двухтомной монографии В.Н. Клементьева минуло пять лет, которые показали, что она имеет концептуально важный характер и всегда будет востребована. Книга вносит весомый вклад в воссоздание картины общественно-политической жизни Чувашии XX в. Поэтому издание данного научного труда, несомненно, знаковое событие для республики. В исследовании нашли отражение как истоки государственности чувашского народа, так и непосредственно история ее создания.

В.Н. Клементьев рассматривает такие вопросы как зарождение и развитие этнического движения, возникновение и организационные формы национального движения, модели и пути самоопределения чувашей со времен возникновения Волжской Булгарии до образования Чувашской автономии. Также исследователь не оставил без внимания вопросы национально-государственного строительства Чувашии в первой половине 1920-х гг.

Вне всякого сомнения, история создания государственности родной республики найдет отклик в сердце каждого жителя Чувашии и будет способствовать укреплению национального самосознания. Об этом также свидетельствует обращение к этой теме и деятелей культуры. Например, в 2018 г. на студии «Чувашкино» был снят документально-художественный фильм «В красном море». Таким образом, данное издание всегда будет представлять интерес как для профессиональных историков, так и для широкого круга читателей. В.Н. Клементьевым проделана большая кропотливая работа по выявлению, систематизации и введению в научный оборот значительного массива литературы и источников. Автор безупречно владеет методологией исторического исследования, обладает многоаспектным видением научной проблемы, высокой эрудированностью, ответственно подходит к анализу поставленной проблемы.

Образование Чувашской автономной области, разумеется, не было спонтанным, ему предшествовали долгие дискуссии партийных лидеров и общественности по различным вопросам. Не была оставлена ими без внимания и тема проектов штата Идель-Урал и Татаро-Башкирской республики. Автору удалось дать им довольно подробную характеристику, показать их важность, так как данные проекты вынуждали партийное руководство отнестись со всей серьезностью к тому, каким должно быть дальнейшее политическое развитие чувашского народа. Штат Идель-Урал должен был представлять собой автономное национально-территориальное образование, объединяющее в своих границах все коренные народы Среднего Поволжья и Южного Урала. В.Н. Клементьев скрупулезно описывает историю проекта с момента его провозглашения 20 ноября 1917 г. на Национальном собрании мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири до осени 1918 г., когда проект фактически потерял свою актуальность (Кн. 1, с. 337–382). По данному вопросу автором задействовано много фактического материала. Особенно подробно историк останавливается на дискуссии о том, какой вариант автономии из множества предложенных должен был найти воплощение по мнению его приверженцев, представителей различных народов Волго-Уральского региона. Не оставлена без внимания автором и внутренняя борьба сторонников штата, прежде всего, его татарских и башкирских представителей. В.Н. Клементьев представляет историю проекта через призму его восприятия видными в то время представителями чувашского народа (И.В. Васильев, В.Н. Абрамов-Иревли, Д.П. Петров, И.К. Лукьянов и др.). В частности, он приводит оценки проекта, прозвучавшие на проходившем

одновременно с мусульманским военным конгрессом в Казани Всероссийском чувашском военном съезде (12–14 февраля 1918 г.) (с. 342). В целом, В.Н. Клементьеву вполне удалось проследить основные этапы истории не реализованного проекта штата Идель-Урал.

Нельзя не согласиться с мнением татарского историка А.Ш. Файзрахманова о том, что современное восприятие штата Идель-Урал недалеко ушло от советских штампов, когда на него навешивали ярлык сепаратизма. Однако, как он утверждает, проект предусматривал советское государственное устройство и являлся отправной точкой современного Татарстана. Кроме того, он считает, что в Татарстане имена лидеров данного проекта (Г.Ш. Шарафа, И.С. Алкина и др.) практически забыты. Исследование В.Н. Клементьева, на наш взгляд, вносит определенную лепту в вопросе возвращения этих имен общественности, так и в изменение восприятия проекта Волго-Уральского штата в сознании людей.

Автор уделяет внимание и проекту Татаро-Башкирской советской республики, который, как он подчеркивает, являлся большевистским, альтернативным буржуазно-национальному проекту «Идель-Урал». Историк отмечает сомнения чувашской интеллигенции как по поводу вхождения чувашей в состав штата Идель-Урал, так и его большевистского аналога. Здесь, безусловно, представляет интерес и приведенный отрывок диалога, состоявшегося между И.В. Сталиным и Д.С. Эльменем (где также присутствовали М.М. Вахитов и М.Х. Султан-Галиев), который был случайно услышан И.С. Максимовым-Кошкинским через приоткрытую дверь кабинета И.В. Сталина (с. 352). Историком прослежены и охарактеризованы основные точки зрения на данные проекты национальной элиты и большевиков на указанные проекты.

Однако при наличии несомненных достоинств при освещении данного вопроса, на наш взгляд, имеется и ряд недоработок. Например, автором не прослежена идея штата Идель-Урал в исторической динамике. Так, им почти ничего не говорится о предыстории проекта, о том, какие идеи и исторические предпосылки привели к его появлению. Если о нем впервые открыто заговорили в 1917 г., то это предполагает, что возможно идея проекта в несколько иных формах давно зрела в умах его неофитов. Также вызывает сожаление тот факт, что автор не касается деятельности такого яркого национального представителя региона, как Садри Максуди, который, как известно, был избран председателем Милли Идарэ, органа национально-культурной автономии мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири, и являлся фактическим руководителем несостоявшегося штата. Между тем эта несомненно ярчайшая личность, безусловно, заслуживает более подробного упоминания. Также нельзя не отметить, что при всей полноте картины в целом не отражена история ликвидации штата большевиками (отрядами казанских красногвардейцев и моряков – события 28 марта 1918 г.), которые вошли в отечественную историографию как подавление «Забулачной республики».

Кроме того, автором не были прослежены дальнейшие судьбы руководителей проекта. На наш взгляд, их жизнь и деятельность после подавления движения в 1918 г. заслуживают определенного внимания. Как известно, некоторые из них были репрессированы, а часть оказалась в эмиграции и впоследствии была использована немецкими фашистами в годы Второй мировой войны в пропагандистских целях.

Также для автора было бы несомненным плюсом отметить, что идея проекта «Идель-Урал» не умерла и практически всплывает в разрезе истории. Она неоднократно находила свое отражение в разных формах на протяжении всего XX в. Например, в 1938 г. НКВД Мордовской АССР было заведено дело об антисоветской организации «Идель-Урал». Ее участники, в основном татары, обвинялись в намерении свергнуть советскую власть и на территории Средней Волги, Татарской и Башкирской республик создать самостоятельное государство под протекторатом Японии. Также не является тайной, что если в 1918 г. проект так и не был реализован в силу противодействия со стороны правительства РСФСР, то в 1942–1945 гг. была предпринята вторая попытка его воплощения. Именно под этими идеями создали данное воинское формирование, в состав которого входили представители татар, башкир, чувашей, мордвы, марийцев и удмуртов. Существуют разные его оценки, которые тоже заслуживают своего упоминания.

На наш взгляд, следовало бы сказать и об идее воссоздания штата Идель-Урал после распада СССР. Так, в начале 1990-х гг. она была весьма популярна у татарских национальных общественных деятелей. Ряд казанских идеологов заявил о существовании особой Волго-Уральской цивилизации и необходимости создания Волго-Уральского штата. Этот ареал с населяющими его народами – татарами, русскими, башкирами, чувашами, мордвой, марийцами, удмуртами и др. – был объявлен гомогенным и отличающимся от России сообществом, в пределах которого административные границы между территориями признавались условными.

Актуальность данной идеи подтверждается и в настоящее время. Об этом свидетельствуют дискуссии в научных кругах и творческой интеллигенции. В частности, татарский исследователь профессор А.Ю. Хайбутдинов высказывает интересную мысль, что фактически с 2011 г. идея Волго-Уральского штата получила новое дыхание, так как, по его мнению, Приволжский федеральный округ, по сути, повторяет границы предполагаемого штата! С ним согласен и историк Р.Л. Исхаков, для которого штат Идель-Урал (1917–1918) является прообразом федеральных округов современного административно-территориального устройства Российской Федерации. Данная идея популярна даже в самой радикальной форме. В частности, в 2018 г. в Киеве украинские, татарские и эрзянские активисты заявили о создании новой общественной платформы «Свободный Идель-Урал» с целью «восстановления реального суверенитета коренных народов региона». В Интернете неоднократно имеют место сепар-

ратистские обращения, призывы к татарскому, чувашскому, башкирскому и другим народам Среднего Поволжья, и очень часто это происходит именно «под флагом» создания уже государства Идель-Урал. Например, активную деятельность в данном направлении развил мордовский националист Александр Болькин, известный под псевдонимом Сырьесь Боляень. Он является частым гостем на украинских ток-шоу и упоминается в новостных выпусках, а после начала Специальной военной операции с оружием в руках участвовал в боевых действиях против российских войск. Таким образом, хотелось бы, чтобы автор в последующих изданиях своего труда осветил бы этот вопрос в исторической ретроспективе, что, безусловно, прибавит интерес к его исследованию и усилит научную ценность.

Отдельного внимания заслуживает отношение простого населения к данным проектам и дискуссиям вокруг них. Доносились ли данные идеи до широких масс или обсуждались только в политических кругах? Проводилась ли какая-то разъяснительная работа на местах или через прессу? Какие настроения имели место среди широких слоев населения в рассматриваемый автором период? Хотелось бы узнать об этом подробнее.

Интересно было бы также ознакомиться с отношением В.Н. Клементьева к идее создания штата Идель-Урал в 1918 г. Как он ее оценивает? Сыграло ли бы создание штата в той или иной форме положительную или отрицательную роль для нетатарского населения края – в частности, чувашей? Что думает автор об особой Волго-Уральской цивилизации, о которой говорят многие апологеты воссоздания штата Идель-Урал? Насколько ему близка идея создания Волго-Уральского штата и видит ли он такую необходимость? Согласен ли автор с тем, что возможна данная цивилизация и если не цивилизация, то особая культурно-языковая (этническая) общность народов, населяющих Среднее Поволжье и Южный Урал?

В заключение хотелось бы отметить, что автор, безусловно, прав, рассматривая национальную государственность как национально-политическую и правовую систему, динамично развивающуюся в соответствии с конкретно-историческими условиями. Вне всякого сомнения, это ему удалось обосновать в полной мере. В монографии поставленные автором задачи были успешно решены. Она соответствует всем научным требованиям, насыщена ценными источниками, ранее не вводившимися в оборот, которым дан глубокий анализ. Данное научное изыскание вполне позволяет читателю всесторонне представить историю создания чувашской государственности и вносит значительный вклад в региональную историографию.

А.Д. Гаврилов: *Дискуссия по истории национальной государственности чувашей еще не закончена*

Присоединяясь к диалогу о книге В.Н. Клементьева, будучи социологом, считаю необходимым рассмотреть ее не с исторического ракурса, а, спроектировав социальную ситуацию, глазами пытливого читателя – человека, заинтересованного авторской концепцией «нациестроительства чувашей».

Перед нами – двухтомная монография «История национальной государственности чувашского народа». В ней автор ставит вопрос о таком явлении, как «государственность чувашей», и на обширном материале, систематизировав взгляды предшественников по данной проблеме, впервые введя в научный оборот солидную базу архивных источников, аргументировано излагает собственную позицию.

В первом томе «Истоки государственности чувашей» В.Н. Клементьев провел анализ опубликованной литературы по теме своего исследования (первая глава). Мы видим, что дискуссия по вопросу национально-государственного строительства в Чувашской Республике продолжается уже более 100 лет. Ее развитию в первой половине XX в. во многом способствовали работы А.Д. Краснова, И.Д. Кузнецова, Д.П. Петрова-Юмана, Н.М. Семенова и др., в 1950–1960-х гг. – В.Л. Кузьмина, Я.К. Павлова, И.Е. Петрова и др., в 1970-е гг. – конце 1980-х гг. – Г.А. Александрова, Т.А. Ахазова, Г.А. Варюхина, И.Д. Кузнецова, В.Н. Любимова и др., начиная с 1990-х гг. – труды В.П. Иванова, А.В. Изоркина, А. Каппелера, В.Н. Клементьева, Е.К. Минеевой, Т.В. Немцевой, В.Г. Родионова, С.В. Щербакова и др. Однако, несмотря на солидный корпус изысканий, по-прежнему остаются лакуны как по поводу возникновения чувашской национальной государственности, так и ее эволюции.

Во второй главе автор обзорно рассмотрел социально-исторические условия развития чувашей с IX по XIX в., сделав затем особый акцент на либерально-буржуазных реформах второй половины XIX в. как факторе национальной мобилизации чувашского этноса. На мой взгляд, верным решением было подробно остановиться на вопросе просветительства и раскрыть специфику национального самосознания чувашей через осмысление жизни и деятельности видных просветителей (третья глава). Проанализировав данные о С.М. Михайлове, И.Я. Яковлеве, Н.В. Никольском и Г.И. Комиссарове, исследователь, с одной стороны, составил их исторические портреты, ценные и вне разрабатываемой проблематики, а с другой – тем самым обосновал вклад каждого из них в «формирование идеологии чувашского народа» (по В.Н. Клементьеву).

События первой четверти XX в. описываются максимально подробно в последующих трех главах. Добрая половина книги посвящена изучению национально-политического развития этноса на фоне революционных событий, Гражданской войны и первых лет утверждения советской власти, что, несомненно, приводит нас к мысли о том, что именно данный отрезок времени автор монографии считает поворотным, давшим возможность чувашскому народу обрести национально-территориальную автономию: «Февральская революция 1917 г. явилась мощным катализатором движения за национальное самоопределение чувашей – происходит его окончательная институализация: оно превращается в социальный институт, приобретает организационные формы» (с. 368). Таким образом, первый том прокладывает читателю непростой многовековой путь

самоопределения чувашей со времен Волжской Булгарии до образования Чувашской автономии.

Второй том «Создание чувашской государственности. 1920–1925» несколько иной, можно сказать, специализированный. Он охватывает ключевой этап – образование Чувашской автономной области. В этой книге В.Н. Клементьев старается учесть все исторические обстоятельства, в той или иной степени непосредственно повлиявшие на становление национальной государственности чувашского народа. Кроме того, он проясняет спорные моменты институализации Чувашской автономии, связанные с установлением административных границ: «В случае с установлением границ с Марийской автономной областью решающей была позиция Центра, который, передав левобережье в состав МАО, тем самым лимитировал, с его точки зрения, максимализм чувашских лидеров, добивавшихся преобразования ЧАО в республику с расширением ее территории, с административным центром в г. Симбирск» (с. 278). История изучения вопроса заканчивается 1925-м годом и требует продолжения. Автором обещан финальный том: «В третьей книге планируется рассмотреть национально-государственное строительство Советской Чувашии в 1925–1991 гг.» (Кн. 1, с. 7). Однако уже сейчас можно уверенно заявить, что издание состоялось.

На сегодняшний день научный проект «История национальной государственности чувашского народа» В.Н. Клементьева – наиболее обширное исследование из ныне существующих трудов по названной тематике. Ученый прослеживает эволюцию нациестроительства чувашского народа линейно, с позиции наблюдателя – взыскательного реконструктора, позволяет себе смелые интерпретации, заранее оговорив, что осознает неоднозначность и неустойчивость дефиниций понятий, которыми он оперирует. Для подтверждения достоверности изложенных положений автор обращается к научной литературе и публицистике, активно задействует архивные источники. К одному из достоинств двух томов можно отнести гляцевые вкладки, содержащие многочисленные фотографии и документы из фондов Чувашского национального музея, Чувашского государственного художественного музея, Государственного исторического архива ЧР, Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук и личных архивов представителей чувашской интеллигенции. Они обеспечивают наглядность, помогают читателю сориентироваться при упоминании в тексте конкретных исторических личностей, событий и явлений.

В качестве справочной информации В.Н. Клементьев приводит несколько списков: использованных архивных фондов, источников и литературы, а также сокращений. Для объемного монографического исследования – это обязательная часть. Однако было бы удобнее, если бы, помимо перечисленных списков, в конце книг находились предметный и именной указатели. В них действительно есть необходимость, как в первом томе, так и во втором, поскольку компоненты национальной истории народа находятся в системе координат замкнутого предметно-именного категориаль-

ного аппарата. Наличие указателей облегчает навигацию по книге как специалистам по теме, так и тем, кто только знакомится с историей национально-государственного строительства чувашей.

Еще одна ремарка критического толка, связанная со структурой издания, относится к авторскому решению составить отдельный список литературы и источников для каждой главы. Чтобы обратиться к нужной ссылке, приходится либо открывать содержание, либо на глаз переворачивать страницы в надежде попасть на ту самую, где размещена библиографическая информация. Если бы перед нами было учебное пособие, в котором обычно к параграфам и литературе по ним прилагаются списки вопросов и другие задания для усвоения пройденного материала, то подобное вынесение списка могло быть оправданным. В данном случае и первый, и второй том представляют собой единое смысловое пространство, поэтому логичнее было бы составить один список литературы и источников для всей книги. Другой удобный для читателей вариант – сделать постраничные ссылки на упоминаемые в тексте работы и источники.

Комментируя структурную организацию книг, хочется особенно отметить манеру подачи исторического материала. Работа В.Н. Клементьева соответствует нормам научного стиля русского литературного языка, отличается композиционной стройностью, логической последовательностью, ясностью мыслей. Монографию можно использовать и в качестве дополнительного учебного пособия по дисциплине «История и культура Чувашии» или взять за основу для спецкурса по истории национальной государственности чувашского народа.

Если завершить диалог о книге в формате диалога с книгой, то наряду с озвученными ранее положительными характеристиками получившегося труда следует осветить моменты, которые могли бы сделать обсуждаемую работу лучше. Так, мне как социологу иногда не хватало полифонии взглядов. К примеру, во втором томе национально-административное строительство республики раскрывается исключительно «сверху вниз»: через обсуждение решений органов власти, интерпретацию официальных документов. Однако, если вести речь о национально-государственном строительстве конкретного этноса, то, на мой взгляд, для объективности необходимо показывать мнения и оценки его представителей, выражающие общие настроения, демонстрирующие эмоциональный фон. Общественное мнение по крупным вопросам можно попытаться воссоздать, привлекая газетные публикации, дневники и записи из личных архивов. Они порой могут сказать больше, чем отдельные протоколы, передать общую атмосферу «эпохи», конкретного исторического периода.

Кроме того, согласен с критическими замечаниями исследователей А.И. Минеева и Е.К. Минеевой¹. Так же, как и они, считаю, что рассмотрение проблемы на общероссийском (РСФСР) фоне позволило бы прийти автору к более широким обобщениям.

В.Н. Клементьев успешно справился с поставленной им целью – не только осветил наиболее важные компоненты национальной истории наро-

да в контексте его государственно-правовой институализации, но, как мне кажется, самое главное – сумел стимулировать исследовательскую мысль по созданию национального исторического нарратива. О последнем свидетельствует явный интерес современных исследователей к проблемам нациестроительства этносов России и научному проекту автора – увеличение числа тематических научных статей и цитирование связанных с исследованиями В.Н. Клементьева работ после выхода его монографии соответственно. Закономерным стало и проведение в 2020 г. в Национальной библиотеке Чувашской Республики Всероссийской научно-практической конференции «Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа», посвященной 100-летию создания Чувашской автономии.

Дискуссия по истории национальной государственности чувашей не закончена. Думается, третий том В.Н. Клементьева позволит в присущей ему авторской манере детально, с привлечением широкой базы источников, изложить особенности национально-государственного строительства Советской Чувашии в 1925–1991 гг.

Литература

¹ Минеев А.И., Минеева Е.К. Исследовательская литература конца XX – начала XXI века о национально-государственном строительстве в Чувашии: к историографии проблемы // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: сб. материалов IV Международ. научно-практич. конф. В 2 т. (Чебоксары, 10 декабря 2017 г.) / редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. Т. 1. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. С. 66–71.

В.Г. Харитонов: *О предпосылках национально-государственного строительства*

Монографическое исследование «История национальной государственности чувашского народа», автором которого является один из видных исследователей данной темы в регионе В.Н. Клементьев, посвящено проблемам исторического опыта становления и развития национально-государственного строительства. Актуальность выбранной темы не вызывает сомнений, высокий научный интерес связан именно с опытом нациестроительства, позволившим, с одной стороны, сохранить этнокультурное многообразие, а с другой – сформировать общность, которую идентифицировали как советский народ. На современном этапе вопросы национальной политики не менее актуальны, так как Российская Федерация является одним из самых многонациональных государств в мире. Исходя из этого, значительное внимание уделяется реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, национальным проектам и развитию регионов страны.

В начале нашего рассуждения об исследовании Владимира Николаевича хотелось бы остановиться на тематике и проблемах, которые получили освещение в его научном труде, что позволит аргументировано обозначить некоторые сюжеты и аспекты, дающие возможность отразить их с

учетом новых подходов и выводов, нашедших отражение как в региональной, так и отечественной исторической литературе.

Раскрытие темы научного поиска В.Н. Клементьев начинает с изучения истоков государственности чувашей. Хронологические рамки охватывают длительный исторический период, с IX в. по конец 1919 г. Основное внимание исследователь уделяет социально-историческим условиям развития чувашского этноса (IX – первая половина XVI в.); формированию национального самосознания и идеологии чувашского народа; зарождению национального движения. Наиболее подробно автор рассматривает национально-политическое развитие чувашского народа в соответствии с реализацией национальной политики Советской России в 1917–1919 гг., заостряя внимание на общей ситуации в России и регионах, в частности, вопросам самоопределения народов Среднего Поволжья и Приуралья. Далее он останавливается на истории образования Чувашской автономной области, ее преобразовании в автономную республику, национально-государственном строительстве в Чувашии в первой половине 1920-х гг. Хронологические рамки второй книги охватывают небольшой исторический период (1921–1925), но значимый для развития процессов национально-государственного устройства Чувашии.

Несомненным достоинством и достижением автора, одновременно достаточно дискуссионным, является его обращение к истокам государственности чувашского народа, охватывающим продолжительный исторический период. Данная проблема связана в первую очередь с той политикой, которая проводилась в Российской империи в отношении народов, входивших в его состав. Этноконфессиональная политика государства, несмотря на имевшиеся особенности и специфику, опиралась на модель, включающую в себя веротерпимость, культурную автономию и систему косвенного управления нерусскими народами, большинство из которых сохраняли этническую территорию проживания, что в дальнейшем непосредственно отразилось на процессе национально-государственного устройства ряда регионов современной России.

Сама по себе такая постановка вопроса требует основательного изучения каждого периода, учитывая специфику времени и историческую обстановку. В данном же случае В.Н. Клементьеву, исходя из поставленных научных задач, также и учитывая объем издания, пришлось остановиться на избранных им узловых моментах, связанных с национальными процессами. Автор при раскрытии темы опирается в основном на научные исследования, посвященные этим вопросам. Также достаточно активно он обращается к работам современников (И.Я. Яковлев, Н.В. Никольский, Г.И. Комиссаров и др.), освещающих эти этапы истории, которые скорее можно отнести к источникам личного происхождения. Одновременно часть работ, имеющих непосредственное отношение к аргументации истоков государственности чувашского этноса [Н.И. Ашмарин, М.П. Петров (Тинехпи), А.П. Смирнов, В.Д. Димитриев и др.] и являющиеся источником постоянных

дискуссий по этой проблеме, в концепции В.Н. Клементьева не получили достаточного анализа и авторской оценки. При этом данное примечание можно отнести и к историографическим разделам монографии. Как первая, так и вторая книга начинаются с глав, посвященных изучению истории национальной государственности чувашского народа. Автору не удалось уйти от некоторого повтора части аспектов при историографическом анализе литературы. В то же время работы ведущих ученых республики, к примеру, В.Д. Димитриева, М.Р. Федотова, С.Р. Малютина, И.А. Андреева и др., носящие научно-публицистический характер и написанные в 90-е гг. XX в., но касающиеся вопросов государственности чувашского народа, не нашли отражения в исследовании и анализе сюжетов развития процессов государственного строительства в регионе.

Источниковая база, в основном архивные материалы, использованы намного шире в разделе, посвященном вопросам образования Чувашской автономной области и ее преобразовании в республику. Автор придерживается четкого изложения хроники событий данного периода на основе широкого круга научной литературы и документальных данных. В.Н. Клементьев – исследователь высокого уровня и профессионализма, на наш взгляд, мог бы уделить внимание хотя бы краткому источниковедческому анализу введенных в научный оборот архивных и других источников.

Предваряя свое «историческое исследование», как отметил сам автор, он очень кратко останавливается на теоретических концепциях государственно-правовой природы национальной государственности. В большинстве исследований использование и значение термина «национально-государственное строительство», вошедшее в научный оборот в первое десятилетие советской России, остается традиционным. Содержание термина включало и включает процессы установления в целом по России, так и в национальных регионах, советских, партийных и государственных структур власти, формирование автономных образований, регулирования социально-экономических и культурного развития данных территорий. На сегодняшнем этапе развития исторической науки часть исследователей предлагает опираться на другие варианты терминов, обозначающих эти процессы.

Основные сюжеты национально-политического развития чувашского народа в послеоктябрьский период В.Н. Клементьев раскрывает, опираясь на процессы, обусловленные принципами национальной политики Советского государства, закрепленными в Декларации прав народов России от 15 ноября 1917 г. и Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. При освещении данных вопросов на первый план выходит роль большевистского правительства, которое использовало и поддерживало национальные устремления к сохранению культурной самобытности и формированию политических ассоциаций на этнической основе в процессе нациестроительства. При проведении национальной политики государство опиралось на совместную деятельность с этническими и национальными элитами многочисленных народов, что и легло в основу развития процессов национально-государственного стро-

ительства как в Чувашии, так и в других регионах. В.Н. Клементьев принимает эту ситуацию и подчеркивает, позволим себе процитировать эти обобщения: «В послеоктябрьский период процесс национального самоопределения чувашей подчинялся общему ходу развития национального движения в России, проделавшему эволюцию от лозунга национально-культурной к национально-территориальной автономии. ...Понадобились время, опыт дискуссий и скрупулезных исканий, прежде чем лидеры национальных движений и Центр пришли к выводу, что наиболее оптимальной формой реализации этнополитического самоопределения народов региона является выделение их в самостоятельные национальные административно-территориальные единицы». Такая точка зрения сложилась в большинстве исследований как общероссийского, так и регионального уровня, посвященных вопросам реализации национальной политики Советского государства.

Сегодня же мы можем апеллировать и к другим концепциям, рассматривающим данные процессы с другой точки зрения. Речь, прежде всего, идет о применении отдельными исследователями разных методик и методологии изучения рассматриваемой темы. Наиболее активно по материалам Чувашии эти проблемы освещались М.В. Кирчановым и С.В. Щербаковым.

Общественный и культурный фон, прежде всего социально-экономическая ситуация, сложившаяся в регионе в рассматриваемый В.Н. Клементьевым период и внесшая свои коррективы в развитие национальных процессов, освещены кратко и тезисно. Наверное, было бы правильным обращение автора на значимость влияния внешних и внутренних факторов, изучение и системный анализ исторических и культурных предпосылок развития Чувашии и национально-государственного строительства. Если в первой книге автор делает акцент на вопросах зарождения и формирования этнического движения, то в последующем эти проблемы остаются на втором плане. В целом, мы не прослеживаем влияния общей общественно-политической и социально-экономической ситуации, этнических и культурных связей, межконфессиональной обстановки, социальной однородности и социальной мобильности чувашского общества на процессы национально-государственного строительства. В данном случае речь может идти также об эволюции взглядов лидеров национального движения, готовности чувашского общества к переменам, формировании общественного сознания и др. Имелись и свои особенности, Чувашия оставалась аграрным регионом с преобладанием сельского населения, с аграрной социальной структурой и системой духовной жизни. Данная ситуация сказывалась непосредственным образом на процессах государственного строительства и тут на первые позиции выходят культурные и интеллектуальные предпосылки национального развития чувашского народа и Чувашии, как основы для строительства нового общества. Свидетельством сложного политического и социально-экономического состояния Чувашской автономной области в 1920-е гг. являются ряд архивных и опубликованных документов. Один из них, на-

правленных в Москву, в Совет Народных Комиссаров 8 октября 1921 г. в связи с начавшимся голодом, подписанный руководителями области, характеризует политическое состояние области «неудовлетворительным». (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 17. Д. 6. Л. 2, 2 об.). Наиболее последовательно влияние национальных и экономических факторов автором раскрывается в главе, посвященной установлению административных границ автономной области и республики. Данная проблема остается актуальной на протяжении всего XX и начала XXI в., с начала реализации в 1920-х гг. политики административно-территориального деления и экономического районирования территории Российской Федерации и СССР. На разных этапах исторического развития чувашского этноса вопросы пересмотра границ или же перераспределения части населенных пунктов в основном с чувашским населением из одних регионов в другие выходили на повестку дня (середина 1960-х гг., начало 1990-х гг. и т.д.). Сложность разрешения данных проблем заключалась также в том, что первоначально границы национальных автономий, образовавшихся в 1920-х гг. определялись Центральными органами российского государства, в частности Наркомнацем РСФСР, по национальному признаку. Поиск вариантов установления оптимальной системы административно-территориального деления был продолжен и в последующие годы, то есть этот вопрос не был разрешен в рассматриваемый в монографии исторический период.

В связи с тем, что монографическое исследование, исходя из тематики и актуальности проблемы, носящий преимущественно академический научный характер, адресовано широкому кругу читателей, хотелось бы иметь более глубокие авторские обобщающие выводы к главам монографии.

В заключение хотелось бы заострить внимание на научных проблемах, поставленных в монографии автором и обозначенных в качестве возможных вариантов дальнейших изысканий. Однозначно все вопросы такой сложной и многогранной темы не смогли найти отражение в представленном труде. Автор это хорошо понимает и ставит ряд новых задач для изучения проблематики. В целом, В.Н. Клементьеву удалось отразить историю истоков национального развития и единения чувашского этноса, показать наиболее значимые вехи истории чувашского народа. Весомым вкладом в региональную историографию является изучение процессов создания Чувашской автономной области и ее преобразования в автономную республику. В научный оборот введен широкий корпус источников, раскрывающих эти явления, дан анализ литературы.

Надеемся, что автор данного научного труда порадует научное сообщество и просто любителей истории новыми трудами.

УДК 001:80(470.344)(092)

ЧГВ, 2023 г., № 18
© Э.Е. Лебедев

ЖИЗНЬ В ПАРАДИГМЕ
ЧУВАШСКОГО МИРА

Статья посвящена жизни и деятельности известного чувашского ученого и общественного деятеля А.П. Хузангая. В ней рассказывается об основных этапах его жизненного и творческого пути, о содержании нескольких его научных и публицистических работ, описаны некоторые ключевые события, оказавшие влияние на его становление и развитие. Отдельным абзацем представлена история политической деятельности А.П. Хузангая.

Ключевые слова: синтаксис арабских диалектов, чувашская поэзия, чувашский антропонимикон, возрождение и развитие чувашского народа, социальное функционирование чувашского языка.

Богата талантами земля чувашская!

Среди сынов и дочерей народа нашего, прославивших свою малую родину, имеются представители разных профессий. Это – и люди творчества: писатели, поэты, артисты, ученые и учителя; и люди, посвятившие себя труду на благо общества в других областях нашей жизни: строители, работники производства, руководители, фермеры, врачи и даже космонавты. В длинном списке имен известных деятелей Чувашии присутствует также имя А.П. Хузангая, чувашского ученого, общественного деятеля, почетного президента Чувашского национального конгресса, кандидата филологических наук, автора большого количества научных и публицистических трудов, которому 8 октября 2023 г. исполняется 75 лет.

А.П. Хузангай родился в Чебоксарах в 1948 г. в творческой семье. Его отец – народный поэт Чувашии П.П. Хузангай, мать – актриса Чувашского государственного академического театра им. К.В. Иванова, народная артистка СССР В.К. Кузьмина. Творческая среда, в которой маленький Атнер, благодаря своим родителям, находился с самого раннего дет-

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник секции языкознания филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

ства, способствовала формированию его мировоззрения и во многом определила его дальнейшую судьбу в плане профессионального и личностного развития. Среди друзей семьи были такие известные чувашские поэты как С. Эльгер, В. Митта, писатели А. Талвир, М. Ильбек, композиторы Г. Хирбю, В. Ходяшев, Г. Лебедев, этнопедагог Г. Волков и др.¹ Знанию же чувашского языка он обязан прежде всего своим бабушке по отцу (*асанне*)² и самому отцу, конечно. Определенную роль в становлении Атнера также сыграл, по его собственному признанию³, двор дома, в котором он жил. Именно здесь он научился таким важным навыкам, как умение дружить, помогать и поддерживать друзей, строить контакты и взаимоотношения с другими людьми.

Среднее образование Атнер Петрович получил в школе № 4 г. Чебоксары. В годы учебы в средней школе были заложены основные черты характера будущего ученого – большую роль в его становлении сыграла первая учительница Антонина Васильевна Черпакова, заслуженный учитель школы РСФСР (1877–1971). Стремление к новым знаниям особенно ярко проявлялось у Хузангая при освоении таких школьных предметов, как геометрия, география, физика, английский язык. А тяга к гуманитарным наукам определила его дальнейшую научную и творческую карьеру. Как любит вспоминать сам ученый, после окончания школы с серебряной медалью он собирался поступать на английское отделение одного из вузов г. Ленинграда. Этот город был выбран им для дальнейшего обучения не случайно – здесь живет его сестра по отцу Саламби⁴. Любовь к английскому языку у Атнера Петровича родилась под влиянием англоязычной рок-музыки, прежде всего творчества «Beatles», «Rolling Stones» и др. Вместе с друзьями он мог вечерами напролет слушать их музыку и записывать на слух тексты песен. Однако строгий отец настоятельно посоветовал вчерашнему школьнику поступать на арабское отделение восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова. Атнер Петрович не мог идти против воли отца и подал документы на этот факультет, достойно сдал экзамен по английскому языку, выдержал конкурс из 10 человек на место и поступил на кафедру арабской филологии, где он с воодушевлением погрузился в изучение классического языка ислама и культуры народов арабских стран. Надо сказать, что данное отделение всегда являлось одним из центров исследования Ближнего Востока – его преподавателями были крупные ученые, имена которых известны не только в нашей стране, но и во всем мире [почти все они были учениками патриарха отечественной арабистики, академика И.Ю. Крачковского (1883–1951)]. Доброжелательная атмосфера, царившая на восточном факультете и на кафедре, способствовала лучшему усвоению материала, а сложность изучаемых предметов требовала приложения огромного труда, что благоприятно сказывалось на воспитании в молодом студенте таких качеств, как терпение, трудолюбие и требовательность к себе. Все эти качества, выработанные в годы учебы в университете, пригодились Атнеру Петровичу в последующем, когда он занялся научным и публицистическим творчеством.

Большую роль в формировании его национальной самоидентификации, по словам самого А.П. Хузангая, сыграла интернациональная среда, в которую он попал на восточном факультете. Здесь учились представители разных национальностей, приехавших на учебу из Латвии, Узбекистана, Израиля и других стран и республик СССР. Ленинградский госуниверситет, который в то время возглавлял ректор К.Я. Кондратьев, являлся центром вольнодумства, где зарождались новые течения и направления разных областей науки. Так, именно здесь выступал со своими лекциями известный социолог, психолог и сексолог И.С. Кон.

На разных конференциях обсуждались и апробировались идеи и методы структурализма. С особым трепетом вспоминает Атнер Петрович посещение им лекций Л.Н. Гумилева, которые проходили в Географическом обществе. Тогда он только начинал разрабатывать свою теорию пассионарности и этногенеза. Известно, что Лев Николаевич в свое время встречался с отцом А.П. Хузангая (они познакомились весной 1960 г. в Эрмитаже), подарил ему свою книгу «Хунну» и даже перевел одно из его стихотворений («Вечерние тени», 1931) на русский язык.

Важным этапом профессионального становления молодого ученого стали две командировки в качестве военного переводчика арабского языка. Первая командировка состоялась в начале 1970 г. По запросу Министерства обороны СССР его и еще двух студентов направили на станцию Ашулук Астраханской области, где проходили стажировку военнослужащие из Египта. В холодной, продуваемой всеми ветрами степи, в течение нескольких месяцев Атнеру Петровичу приходилось осваивать терминологию, касающуюся зенитных комплексов. Вторая командировка была более длительной и комфортной с точки зрения климатических условий. В 1970–1971 гг. он жил и работал переводчиком в Арабской Республике Египет в бригаде, которая занимала позицию у Большого Горького озера (части Суэцкого канала). На выходные дни его с другими переводчиками отпускали в Каир, где Атнер Петрович с интересом изучал жизнь местного населения. Особое впечатление на него произвели дни мусульманского поста Рамадан, когда утром до восхода солнца давали скромный завтрак (обычно чечевичная похлебка), в течение дня нельзя было пить, есть, курить, зато в подразделениях бригады с заходом солнца закатывали целые пиры, что очень удивляло нашего студента.

В 1972 г. А.П. Хузангай оканчивает восточный факультет ЛГУ, успешно защитив дипломную работу по теме «Именные непредикативные словосочетания в египетском диалекте». Ему была присвоена квалификация «востоковед-филолог» по специальности «арабская филология». После окончания университета Атнер Петрович решает продолжить карьеру на поприще науки и поступает в аспирантуру Института востоковедения АН СССР. Именно здесь он знакомится со своей будущей супругой Гажидмой Дамбаевой, ставшей верным спутником жизни. В 1978 г. он успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологи-

ческих наук по теме «Типология простого предложения в арабском диалектном языке». Это исследование стало определенным прорывом в области изучения диалектов арабского языка. В нем впервые была проанализирована их типология с точки зрения синтаксиса и сделаны выводы об инвариантном характере строя арабских диалектов в сравнении с литературным языком. Молодой ученый, еще будучи студентом, всерьез заинтересовался грамматическими отличиями арабских диалектов, прежде всего марокканского, египетского и сирийского, от классического литературного языка. По его твердому убеждению, эти диалекты по сути представляют собой уже отдельные языки, сильно удалившиеся друг от друга. После получения степени кандидата наук перед ним открылись перспективы дальнейшего профессионального развития, и Атнер Петрович собирался продолжить свои научные исследования грамматического строя диалектов арабского языка и даже подал ходатайство о приеме на работу в Институт востоковедения АН СССР. Но тут неожиданно умирает директор этого заведения Б.Г. Гафуров – известный исследователь истории народов Средней Азии и ислама, и на его место приходит не менее известный нам Е.М. Примаков. Новоиспеченный кандидат наук решил не повторять своей попытки устроиться на работу в этот институт и возвратился на родину в Чебоксары.

Малоизвестным фактом из биографии А.П. Хузангая является его первая попытка получить должность научного сотрудника Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики (ЧНИИЯЛИЭ; ныне – Чувашский государственный институт гуманитарных наук). Бывший в то время директором этого института В.Д. Дмитриев не принял на работу молодого ученого, сославшись на то, что тот дружил с опальным в то время поэтом Г. Айги и даже давал ему деньги на покупку квартир.

Подобный же вопрос возник и при его приеме на работу в Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова (ЧГУ), но усилиями И.А. Андреева, бывшего тогда заведующим кафедрой чувашского языка, он все же был взят на работу. С 1978 г. А.П. Хузангай преподает в ЧГУ на должностях ассистента, старшего преподавателя, а с 1987 г. – в должности доцента. В 1989 г. ему было присвоено ученое звание доцента. Период преподавательской деятельности в ЧГУ стал для Атнера Петровича временем плодотворной работы. Здесь он читает лекции по общелингвистическим дисциплинам и дисциплинам исторического цикла, арабскому языку, чувашской диалектологии. Ученый вспоминает, как тяжело ему, городскому жителю, было вести курс по диалектам чувашского языка. Доходило до того, что его студенты, прекрасно владеющие своими диалектами, посмеивались над ним.

В это время у А.П. Хузангая выходит ряд статей в «Советской тюркологии», посвященный различным вопросам в области тюркологии и чувашского языкознания. Также им были подготовлены учебные программы

и методические указания по истории чувашского языка, чувашской диалектологии, арабскому языку, введению в тюркологию, а также по использованию терминов современного чувашского литературного языка. В сборнике «Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка» вышла одна из знаковых статей ученого, посвященная этимологическому исследованию чувашского теонима *Киреметь*⁵. В ней Атнер Петрович дает развернутый анализ происхождения и семантической истории этого теонима, опираясь на труды известных исследователей Н.И. Ашмарина, А. Альквиста, В.К. Магницкого и др. Важным выводом ученого является, что «в культе *Киреметь* мы встречаемся с достаточно сложной ситуацией многократного взаимодействия разных религиозных систем, что вызвало смену репертуара теонимов, синкретизм соответствующих им комплексов семантических представлений...»⁶.

Начиная с 1985 г. А.П. Хузангай является председателем Координационного совета творческой молодежи при обкоме ВЛКСМ. Именно на этом посту состоялось его крещение в качестве общественно-политического лидера. Это была эпоха перемен, эпоха новых веяний в жизни общества. Одним из самых значимых событий в те годы, по мнению самого Атнера Петровича, были «Сеспелевские форумы», проходившие в 1985–1987 гг. Они оказали большое влияние на общественную и политическую жизнь республики, стали своего рода школой для будущих лидеров. На них шли жаркие дискуссии творческой молодежи о перспективах развития чувашского и других языков и культур нашей страны. Гостями этих форумов были представители и других республик – Татарстана, Башкирии, Марий Эл, Удмуртии, Мордовии, Алтая, Грузии и Латвии, Москвы. В 1989 г. в журнале «Дружба народов», являвшемся органом Союза писателей СССР, выходит статья А.П. Хузангая, посвященная злободневным вопросам национально-культурного строительства – «Полупессимистический прогноз»⁷. В ней ученый делится своими мыслями в отношении прошлого, настоящего и будущего чувашского языка. С болью в сердце он пишет об отсутствии в среде чувашского народа массового движения за развитие своего языка. Все мероприятия и акции, которые проводятся в его защиту отдельными представителями научной и творческой интеллигенции, не дают необходимого эффекта, «получая весьма слабый общественный резонанс». Атнер Петрович предлагает ряд мер с целью изменить сложившуюся ситуацию, к которым относятся: развертывание широкого политического движения за возрождение чувашского языка и культуры; обращение национальной интеллигенции к политической деятельности; предоставление чувашам, проживающим за пределами республики, всех прав культурно-национальной автономии и др. Идеи и размышления ученого, представленные в этой статье, выдают в нем настоящего национального лидера, заботящегося о развитии и процветании своего народа, а саму статью с полным правом можно считать программой будущего кандидата в Президенты Чувашии по национальному возрождению чувашей.

В 1990 г. А.П. Хузангай приглашен на работу в Чувашский государственный институт гуманитарных наук, где проработал до 2011 г.: в 1990–2009 гг. в должности заведующего отделом языкознания, а в 2009–2011 гг. – ведущего научного сотрудника. Эти 20 с небольшим лет также стали для него временем активной научной и организационной деятельности. Основным направлением научных исследований Атнара Петровича в 1990–2000 гг. было изучение социального функционирования чувашского языка. Эту тему ученый исследовал в разных аспектах: с точки зрения использования языка в различных социальных условиях – в городе, в деревне, в диаспоре, а также у разных социальных и возрастных групп населения. Кроме этого, им изучалась языковая ситуация в диахроническом аспекте, то есть на различных хронологических срезах. Работа над такой глобальной темой требовала от А.П. Хузангая глубокого знания как теории социолингвистики, так и практического применения языковой политики в разных странах мира. В 1999 г. в сборнике «Проблемы национального развития чувашского народа» опубликована статья ученого по вопросам витальности чувашского языка – «Проблема языкового существования чувашского этноса и перспективы языковой политики»⁸. Эта работа представляет собой результат многолетних исследований автора в области социального функционирования чувашского языка. В ней дается трезвая и многосторонняя оценка языковой ситуации в нашей республике, предлагаются конкретные меры в сфере языковой политики по улучшению этой ситуации. К ним относятся: организация широкомасштабных социолингвистических исследований чувашского этноса, исследование языковой ситуации в городах (прежде всего в Чебоксарах), дальнейшая работа в области языкового законодательства и др.⁹

При этом Атнар Петрович продолжает и исследование проблем, касающихся истории языка и его отдельных компонентов. В 1993 г. выходит еще одна знаковая работа ученого – «Имянаречение в булгаро-чувашской традиции», где вопросы чувашского антропонимикона рассматриваются в культурно-историческом контексте¹⁰. А.П. Хузангай принимал участие в большом количестве научно-практических конференций и других научных форумах, которые проходили в городах России (Чебоксары, Москва, Казань, Ульяновск, Улан-Удэ и др.) и других странах (Гаага, Тарту, Турку, Вентспилс, Измир, Бурса, Париж, Висконсин и др.). Отметим также, что А.П. Хузангай является экспертом и консультантом в области исследования социолингвистической ситуации с чувашским языком таких организаций, как Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям и Отдел урало-алтайских языков Института языкознания РАН, Центр языков и культуры Северной Евразии им. кн. Н.С. Трубецкого Московского лингвистического университета, Сектор по изучению языков народов Поволжья Университета Турку (Финляндия).

За время работы в ЧГИГН Атнар Петрович выступил в качестве организатора экспедиций, основной задачей которых было изучение чувашского языка с точки зрения его социолингвистического и социокультурного

статуса. Эти экспедиции проводились в Чувашской Республике (2004), Республике Татарстан, Самарской и Ульяновской областях (1996, 2002). Как заведующий отдела языкознания ЧГИГН А.П. Хузангай инициировал, организовал и провел несколько межрегиональных конференций и научных форумов, имеющих международный статус. Среди них: «Ономастика и языки Урало-Поволжья» (1997), «Революция в художественном сознании начала XX в. и поэзия Михаила Сеселя» (1999), «Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура» (2001), «Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра» (2004), «Источники и периодизация истории чувашского языка: к 75-летию со дня рождения А. Рона-Таша» (2006), VI Международный симпозиум «Вариативность в языках народов Поволжья» (2006), «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики» (2009), «Творчество Геннадия Айги: литературно-художественная традиция и неоавангард» (2009), «Поэтическое и культурное пограничье/безграничье творчества Геннадия Айги» (2020).

Научная деятельность Атнара Петровича не ограничивается тематикой, представленной выше. Большая часть исследований ученого посвящена изучению поэтической функции языка и поэтических идиолектов. По его мнению, в области чувашской словесности имеется семь наиболее значительных («абсолютных») поэтов. Это – С. Эльгер, Н. Шелеби, П. Хузангай (ученый является редактором-составителем 5-го и 6-го томов академического издания собрания сочинений П.П. Хузангая¹¹, а также научным редактором библиографического указателя произведений поэта¹²), В. Митта, К. Иванов, М. Сеспель и Г. Айги¹³. В изучение творчества этих и других чувашских поэтов А.П. Хузангай внес значительный вклад. В качестве литературного критика и публициста он начинает публиковаться еще в середине 70-х гг. XX в. Его статьи напечатаны в таких авторитетных изданиях того времени, как «Литературная газета», «Литературная Россия», «Дружба народов», «Вопросы литературы», «Литературное обозрение», «Новый мир» и др. В 1987 г. он становится членом Союза писателей СССР¹⁴. Исследования Атнара Петровича доступны для чтения не только русскоязычным любителям поэзии и литературы, часть из них переведены на языки других народов – марийский, татарский, датский, итальянский, латышский, шведский, эсперанто, японский и др. По словам Г. Айги, французские языковеды считали А.П. Хузангая одним из лучших литературных критиков в Советском Союзе¹⁵. Основные идеи в отношении развития поэзии на языках народов Поволжья и Урала изложены им в статье «“Сто тысяч слов”... или диалектика обновления». Автор статьи предстает перед нами как великолепный знаток народной словесности и современной многонациональной поэзии. В ряде статей им дается блестящий анализ творчества наиболее талантливых, на его взгляд, чувашских, марийских, татарских, башкирских, удмуртских и бурятских поэтов XX в. Среди них Г. Айги, М. Сениэль, П. Эйзин, А. Тимиркаев, Р. Харис, М. Аглямов, Дж. Сулейман, В. Романов, Р. Бикбаев, Б. Дугаров и др. Атнар Петрович твердо убежден, что настоящий поэт обязан творить в общем контексте культуры своего

народа, черпать вдохновение в народном творчестве. Но при этом его стихи не должны слепо копировать это творчество, они должны быть народными по духу, но индивидуальными по содержанию¹⁶. В 1986 г. ученый пишет рецензию на «Чувашскую антологию» Г. Айги (которого Атнер Петрович считает своим старшим братом¹⁷), изданную в том же году на итальянском языке в серии «Поэзия народов Поволжья» в Венеции. В этой рецензии он дает русскоязычному читателю подробную информацию о структуре и содержании «Антологии», в своем узнаваемом стиле образно и выразительно раскрывает суть этого произведения, восхищается трудолюбием и мастерством его автора, радуется тому, что «чувашское слово» теперь в полную силу зазвучало и для европейского ценителя поэзии и народной словесности¹⁸. Весьма интересной по содержанию является статья А.П. Хузангая «Ашмарин/Айги: диалог через столетие»¹⁹. В ней он проводит интересные параллели между идеями Н.И. Ашмарина, высказанные в статьях «Очерк народной поэзии у чуваш», «Декаденты Запада и поэзия волжских инородцев» и в учебном пособии «Введение в курс чувашской народной словесности», и творчеством современного поэта Г. Айги. Оба гения в своих произведениях писали о важности связи творческой личности с истоками народной культуры, об особом отношении чувашей к окружающей природе и о том, как отражается эта невидимая связь в чувашской речи.

Нельзя обойти вниманием и активную редакторскую деятельность юбиляра. А.П. Хузангай на протяжении всей своей научной жизни был редактором многих изданий. Особо отметим его руководство отраслевой редакцией «Чувашской энциклопедии» и «Краткой чувашской энциклопедии», при этом сам ученый является автором более 160 статей этого справочного издания. Кроме этого, он входил в состав редакционного совета журнала «Дружба народов», международного журнала чувашской культуры «ЛИК Чувашии» и «КИЛ», был членом редакционной коллегии биографической серии «Замечательные люди Чувашии», среди выпусков которой есть тома, посвященные таким известным деятелям культуры и науки Чувашии, как К. Иванов, М. Сеспель, Н. Бичурин, Н. Ашмарин и др. А.П. Хузангай входил в редакции книжных серий «Библиотека Президента Чувашской Республики», «Чувашская антология выстаивания и преображения». До последнего времени наш юбиляр был в составе бюро Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН.

Большой период жизни А.П. Хузангая посвящен общественно-политической деятельности. Собственно, начало этой деятельности можно вести еще со времен проведения «Сеспелевских форумов», о которых мы писали выше. В 1990 г. Атнер Петрович был одним из учредителей Партии чувашского национального возрождения (ЧАП = Чăваш аталану партийĕ), ставшей основой для создания впоследствии Чувашского национального конгресса. Эта партия была единственной среди партий подобного рода в регионе, которая была официально зарегистрирована Министерством юстиции. Конец 1980-х и начало 1990-х гг. в нашей стране были временем жарких

дискуссий, проходивших в основном на страницах газет и журналов. А.П. Хузангай активно участвует во всех этих дискуссиях, последовательно продвигая идеи национального возрождения чувашей и развития чувашского языка. По инициативе студенческого актива ЧГУ (не последнюю роль в этом сыграл будущий деятель чувашского национального движения Олег Мустаев) Атнер Петрович выдвигается кандидатом в депутаты от 53-го избирательного округа г. Чебоксары. Как рассказывает сам будущий депутат, у него в то время не было ни средств, ни опыта проведения агитационных мероприятий. Они просто ходили по улицам микрорайона вместе с коллегой В.А. Андреевым и подходили ко всем идущим навстречу прохожим, знакомились, излагали программные тезисы. Неоценимую помощь в подготовке и печати агиток (фотовизиток) с предвыборными лозунгами и информацией о кандидате ему оказал Э.М. Юрьев. На волне своей растущей популярности Атнер Петрович побеждает в этих выборах и с 1990 по 1994 г. является народным депутатом Верховного Совета Чувашской АССР 12-го созыва. Будучи депутатом, А.П. Хузангай возглавил постоянную Комиссию по культуре, развитию языка и межнациональных отношений. Именно в эти годы идут активные процессы становления государственности Чувашской Республики. При непосредственном участии Атнера Петровича разрабатываются и принимаются такие важные законы как Декларация о государственном суверенитете Чувашской Республики, Закон ЧР «О языках в Чувашской Республике», Программа по реализации Закона о языках в Чувашской Республике на 1993–2000 и последующие годы, законодательные акты о Государственных символах Чувашской Республики, законы о Президенте Чувашской Республики и выборах Президента Чувашской Республики. С 1992 по 1997 г. А.П. Хузангай работает на посту президента Чувашского национального конгресса. В настоящее время он – почетный президент ЧНК. В 1997–2002 гг. являлся первым вице-председателем Генеральной Ассамблеи Организации непреставленных народов и наций (UNPO)²⁰. ЧНК с 1993 г. был членом этой неправительственной организации.

Важным этапом в жизни ученого и общественного деятеля является его участие в выборах первого Президента Чувашской Республики. Как рассказывает сам Атнер Петрович, в дни, когда шло выдвижение кандидатов, он должен был поехать в Англию на презентацию «Антологии чувашской поэзии» (составитель Г. Айги). Когда он находился в Москве для вылета в Лондон, его попросили выдвинуть свою кандидатуру. Пришлось отменить поездку и срочно вернуться в Чебоксары для участия в предвыборной кампании. Его соперниками были известные политические деятели Чувашии того времени – Э.А. Кубарев, П.В. Ивантаев, И.П. Прокопьев. Во второй тур выборов они прошли вместе с И.П. Прокопьевым. На дебатах молодой и активный А.П. Хузангай выглядел в глазах избирателей гораздо предпочтительнее своего соперника, которого к тому же на каждой встрече обвиняли в том, что в свое время он посодействовал завозу в республику «мяса из Чернобыля». В результате голосования Атнер Петрович

обходит И.П. Прокопьева и получает 47,6 % голосов избирателей. Но этих процентов не хватило ему для того, чтобы стать первым Президентом Чувашии. По иронии судьбы положение о необходимости для вступления в должность президента получить не менее 50 % голосовавших, было инициировано и пролоббировано именно его партией. На результаты выборов был наложен мораторий, и Чувашия в тот раз осталась без президента. А.П. Хузангай выдвигал свою кандидатуру и в ходе вторых выборов. Но тогда пик его популярности уже начинал проходить, и явным кандидатом на должность стал Н.В. Федоров, которому и суждено было стать первым президентом.

Активная жизненная и общественная позиция Атнара Петровича, его неустанный труд на благо Чувашии, многочисленные научные труды и публицистические статьи о социальном положении и статусе чувашского языка, статьи-размышления на тему будущего родного народа и общественно-политического вектора развития республики, постоянные выступления в прессе, на конференциях и общение с обычными людьми, наконец, просто личное обаяние спокойного, но уверенного в себе человека сделали его настоящим символом нашего времени. Как написано о нем в одной юбилейной статье, фамилия «Хузангай», начиная с 90-х гг. прошлого века уже стала синонимом этнонима «чуваш», так как нет такого человека среди чувашей, который бы не слышал эту фамилию²¹. Думаю, что вполне можно согласиться с этим утверждением. Об А.П. Хузангае на страницах журналов и газет в период наиболее острых дискуссий о судьбе республики, а также во время предвыборных баталий высказывались и другие видные представители чувашской нации. Так, Г.Н. Айги назвал его «национальным достоянием, умом и совестью ... народа»²². Лучшие слова в адрес ученого и общественного деятеля говорил и всем известный А.П. Айдак, который называл его честным и порядочным человеком, достойным стать первым Президентом Чувашии²³. Всей душой поддерживали А.П. Хузангаю и другие известные деятели в области культуры, науки и политики нашей республики, такие как И.А. Дмитриев, Н.Е. Лукианов, М.Р. Федотов. Они гневно отвергали все обвинения в национализме, ярлык которого пытались наклеить на Атнара Петровича его недруги²⁴.

А.П. Хузангай является лауреатом нескольких премий, среди которых премия Союза журналистов Латвии (1987), журнала «Дружба народов» (1987), Чувашского комсомола им. М. Сеспеля (1989)²⁵, им. Василья Митты (1998), им. И.Я. Яковлева (2002), Международной отметины им. Давида Бурлюка (2010). Ученый также имеет следующие награды: Почетная грамота Чувашской Республики (1998), Почетная грамота Государственного Совета ЧР (1994, 2012).

Литература и источники

¹ Леонтьев А.П. Откровенно о сокровенном: интервью с А.П. Хузангаем // КИЛ. 2008. № 4. С. 91–102; Степанов В.В. Хамър сын // Таван Атӑл. 2008. № 11. С. 94.

² Леонтьев А.П. Указ. соч. С. 91–102.

³ Там же. С. 91.

⁴ Агнер Петрович Хузангай: биобиблиографический указатель / сост. Б.Б. Чиндыков, И.П. Семенова, Г.А. Дегтярев. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 5.

⁵ Хузангай А.П. Значение культурно-исторического контекста при этимологизации топонимов (Киреметь) // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка: [сб. статей]. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1986. С. 56–70.

⁶ Там же. С. 62–63.

⁷ Хузангай А.П. Полупессимистический прогноз // Дружба народов. 1989. № 6. С. 224–228.

⁸ Хузангай А.П. Проблема языкового существования чувашского этноса и перспективы языковой политики // Проблемы национального развития чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 88–106.

⁹ Там же. С. 103.

¹⁰ Хузангай А.П. Имянаречение в булгаро-чувашской традиции. Функция имени и культурно-исторический контекст // Вестник чувашской национальной академии. 1993. № 1. С. 83–91.

¹¹ Хусанкай П. Сырнисен пуххи: Ултӑ томпа тухать. 5-мӗш том. Шупашкар: Чӑваш кӗн. изд-ви, 2005. 478 с.; 6-мӗш том. Шупашкар: Чӑваш кӗн. изд-ви, 2006. 479 с.

¹² Хузангай Петр Петрович: научно-вспомогательный библиографический указатель / науч. ред. А.П. Хузангай; сост. Р.В. Степанова, Г.П. Соловьева, Т.А. Николаева, М.Д. Алексеева. Чебоксары: Нац. б-ка Чуваш. Респ., 2007. 280 с.

¹³ Хусанкай А.П. Чӑн тӑпери... // Тӑван Атӑл. 2012. № 2. С. 91.

¹⁴ Сосаева А.А. Агнер Петрович Хусанкай (50 ҫӑлне халалласа) // Чӑваш чӑлхе пӗлӗвӗ: статьясен пуххи. Шупашкар: ЧПГАИ, 1999. С. 185.

¹⁵ Туркай В. Сӑмах шыравӗ // Пионер сасси. 1999. Январь. № 1. С. 2.

¹⁶ Хузангай А.П. «Сто тысяч слов»... или диалектика обновления // Дружба народов. 1984. № 11. С. 236–244.

¹⁷ Ӑс-хакӑллӑ чун хӑюлӑхӗ // Ӑс-хакӑл хӑвачӗ: интервьюсем / материала Л.Н. Сачковӑпа Л.П. Петров хатӗрленӗ. Шупашкар: ЧПГАИ, 2015. С. 325.

¹⁸ Хузангай А.П. На языке Данте и Петрарки // Вопросы литературы. 1986. № 11. С. 244–251.

¹⁹ Хузангай А.П. Ашмарин/Айги: диалог через столетие // Новый ЛИК. 2001. № 1. С. 46–53.

²⁰ Хузангай Агнер Петрович // Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук, 1930–2005: [справочник]. Чебоксары: [ЧГИГН], 2005. С. 164–165.

²¹ Степанов В.В. Хамӑр ҫын // Тӑван Атӑл. 2008. № 11. С. 95.

²² Геннадий Айги: «Наша совесть – Агнер Хузангай» // Советская Чувашия. 1991. 18 декабря. С. 2.

²³ Аркадий Айдак: «Пӗтӗм шанӑс — ҫӗнӗ вӑйсене. Хусанкай президент пулма тивӗҫлӗ» // Хыпар. 1991. Раштав, 18. С. 1.

²⁴ Политический портрет Агнера Хузангай глазами избирателей // Советская Чувашия. 1991. 5 декабря. С. 2.

²⁵ [Электронный ресурс]. URL: <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=2722> (дата обращения: 21.07.2023).

E.E. Lebedev

THE LIFE IN CHUVASH UNIVERSE'S PARADIGM

The article is devoted to the life and activities of the prominent Chuvash scholar and public figure A.P. Khuzangay. It tells about the main stages of his life and creative path, the content of several of his scientific and journalistic works, and describes some key events that influenced his formation and development. A separate paragraph presents the history of A.P. Khuzangay's political activities.

Keywords: syntax of Arabic dialects, Chuvash poetry, Chuvash personal names in historical context, revival and development of Chuvash nation, social functions of Chuvash language.

ЧГВ, 2023 г., № 18
© Л.И. Бушуева

**«В КУЛЬТУРЕ ЧУВАШЕЙ ЕСТЬ ВСЕ,
ЧТОБЫ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ
УВЕРЕННО В БОЛЬШОМ МИРЕ»**

В статье рассматривается научная и общественная деятельность известного чувашского музыковеда, доктора искусствоведения, профессора М.Г. Кондратьева. Представлены основные направления его исследований, отмечены наиболее значительные результаты, оказавшие заметное воздействие на российскую гуманитарную науку. Оригинальный научный подход музыковеда способствует расширению представлений о региональной музыкальной культуре и позволяет найти объяснение многим явлениям, выводя их на всероссийский и международный уровень.

Ключевые слова: М.Г. Кондратьев, музыковед, чувашское искусствоведение, чувашская музыкальная традиционная и профессиональная культура.

2023

год – юбилейный для

доктора искусствоведения, профессора Михаила Григорьевича Кондратьева. Родился он 9 августа 1948 г. в г. Владивосток Приморского края. В связи с работой на железной дороге отца Г.И. Кондратьева семья неоднократно меняла место жительства. После рождения сына Григорий Ильич был командирован в Китай, затем в г. Канаш, позже в г. Чебоксары. Михаил учился в начальной школе пос. Красный Узел Ромодановского района Мордовской АССР (1955–1956), средней школе № 59 г. Канаш Чувашской АССР (1955–1961), средних школах № 22 (1961–1962) и 10 (1962–1963) г. Чебоксары. Окончил Чебоксарское музыкальное училище им. Ф.П. Павлова (1967) по специальности «Теория музыки», теоретико-композиторский факультет Казанской государственной консерватории (1972) по специальности «Музыковедение».

В трудовой книжке ученого значится только одно место работы – Чувашский государственный институт гуманитарных наук (до 1994 г. – Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР), где он последовательно

Любовь Ивановна Бушуева – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: niclub7@gmail.com.

занимал должности младшего научного сотрудника (1972–1974), старшего научного сотрудника (1974–1992), заместителя директора по научной работе (1992–1994), ведущего научного сотрудника (1994–1996), заведующего отделом искусствоведения (1996–2014), главного научного сотрудника (с 2014 г.) искусствоведческого направления. Более полувека М.Г. Кондратьев служит чувашской гуманитарной науке, существенно обогатив ее собственными достижениями. В словах, вынесенных нами в заголовок, он однажды по предложению философа Г.Ф. Трифонова сформулировал смысл и итог нескольких десятилетий своей работы. Созданные им за это время свыше 400 научных публикаций, в том числе 17 монографий, учебных пособий, буклетов и более 300 музыкально-критических и энциклопедических статей, охватывают разные стороны чувашской традиционной и профессиональной музыкальной культуры. Для исследователя нет тем главных и второстепенных, его интересует все: народная музыкально-поэтическая система, творчество композиторов и исполнителей, жанры *opus*-музыки, история коллективов и образовательных учреждений, а также множество других явлений художественной культуры регионального и российского масштаба. Рассматривая их с оригинальных методологических позиций, совмещающая историко-теоретические музыковедческие подходы с исследовательскими инструментами из других научных направлений, М.Г. Кондратьев внес заметный вклад в проблематику всех затронутых им тем.

В первые десятилетия его работы приоритет был отдан фольклористике и полевым исследованиям. Состоявшиеся в 1970–1990-е гг. экспедиции по районам Чувашии, Татарии, Башкирии, Ульяновской и Оренбургской областей с последующей расшифровкой записей народных песен привели к составлению и публикации фольклорных антологий «Анатри чăвашсен юрисем» (1981, 1982) и «Анат енчи чăвашсен юрисем» (1993). Большой пласт малоизученных музыкально-фольклорных традиций этнографических и этнотерриториальных групп чувашей – бесценный в научном и практическом отношении материал, открылся не только исключительными музыкальными качествами. Непреходящие ценности традиционной этики и культуры, самодостаточность мироощущения этноса навсегда покорили и «влюбили» в себя, вызвав непреодолимое желание разобраться в истоках их своеобразия. «С самого начала научных занятий мне выпало счастье (именно так!) погружения в изучение чувашской народной музыки, – вспоминает ученый. – Это – фантастически благодарный материал. Теперь я понимаю, что в традиционной народной культуре чувашей есть все, чтобы чувствовать себя уверенно в большом мире, сознавать собственное достоинство. Иногда тшатася приукрасить, домыслить, даже присвоить что-нибудь, дабы придать родной культуре значимость, как правило – надуманную. Это, между прочим, признак недоверия к ней, признак неумения увидеть ее природные, истинные, самобытные ценности»¹.

Проанализировав собранные образцы, музыковед сосредоточился на ритмике – важнейшей стороне фольклорного звукового мышления, привле-

кавшей своей сложностью внимание исследователей еще в XIX в. Ключ к объяснению «непонятного» метроритмического строения нашелся в концепции квантитативности – ритмической системе, распространенной в музыке древних и средневековых цивилизаций Индии, Ирана, Греции, Рима. Для музыкальной общности Чувашии такой ракурс стал слишком неожиданным, встретив по большей части недоверие. Но в столичных центрах – Москве и Ленинграде – взгляды ученого, изложенные в кандидатской диссертации «Ритмические основы чувашской народной песни (К проблеме изучения квантитативной метроритмической системы в музыкальном фольклоре)» (1984) и монографии практически с тем же самым названием², по достоинству оценили самые авторитетные ученые страны. Крупнейший советский этномузыковед-теоретик И.И. Земцовский, оппонент на защите диссертации, назвал ее «незаурядным событием в советском этномузыкальном знании», отметив, что предложенная «концепция смела, свежа и ясна. Метод действенен не только на чувашском материале и может оказать плодотворное стимулирующее воздействие на разработку аналогичных проблем в других советских республиках»³. Оригинальность подхода акцентировала ведущий отечественный специалист по музыкальной ритмике В.Н. Холопова: «М. Кондратьев, занимаясь фольклором Чувашии, охарактеризовал музыкальную ритмику этой культуры как чисто квантитативную, при этом он пересмотрел в актуальном плане древнейшую из систем ритма и одновременно открыл для всеобщего внимания систему, некогда свойственную грекам, арабам, индусам, в современных условиях бытующую в автономной советской республике на Волге»⁴. Со временем «ритмическая» линия определилась в магистральное направление исследований ученого, сформировав представление о нем как о ведущем специалисте по изучению фольклорной ритмики народов России.

Наряду с ритмикой, внимание М.Г. Кондратьева привлекла пентатоника – основополагающая для народов Среднего Поволжья звуковысотная ладовая система. Основательно изучив ее проявления в музыке чувашского этноса, исследователь ввел в научный оборот понятие «южночувашского лада», применив его к необычным ладовым свойствам мелодий, бытующих у правобережных низовых чувашей (анатри) в юго-восточной части Чувашии и соседних с ней районов Татарстана и Ульяновской области. Это открытие, расширив представление о музыкальных диалектах, имело заметное практическое значение для обновления интонационных ресурсов и появления новых сочинений композиторов Чувашии. Продолжив изыскания в области диалектных различий, музыковед дополнил их другими параметрами народно-песенного творчества: структурой жанров, ритмической системой, строфическими формами, типами сюжетосложения. Причудливое переплетение в Волго-Уральском регионе национальных традиций стимулировало исследование их взаимодействия. Вслед за теорией чувашской ритмики концепцией общекультурного уровня признано изучение М.Г. Кондратьевым феномена народно-песенной поэзии *çавра юрă*⁵, аналоги которой, по

его мнению, существуют в ряде восточных культур, прежде всего татарской, и далее, в мировых традициях персидской, японской, индийской, корейской поэтической афористики.

Посвятив выявлению и обоснованию безусловной общности фольклорных компонентов народов Поволжья множество статей и докторскую диссертацию «Чувашская народная музыкально-поэтическая система и ее инонациональные параллели» (1995), в монографии «Чувашская музыка в зеркале параллелей» (2018) ученый проанализировал их на принципиально новом уровне – как единую целостную метакультуру, названную по примеру абстракций современной науки Волго-Уральской музыкальной цивилизацией. Ее пространство, считает М.Г. Кондратьев, отличается самобытным сочетанием надэтнических, надлингвистических, надконфессиональных свойств, в иных пропорциях известных другим мировым музыкальным цивилизациям. Монография «Чувашская музыка в зеркале параллелей» – первое исследование, где сложные вопросы этномузыкальной компаративистики раскрываются через изучение типологически сходных явлений на разных уровнях организации фольклорных произведений и при помощи новых научных методов. В общерегиональной картине дифференцируются «поликультурные» характеристики и «бинарные» параллели, касающиеся отдельных пар культур. Избрав центром чувашей и обратив свое внимание на песенный фольклор соседних поволжских народов – марийцев, удмуртов, татар, башкир, затрагивая также древние истоки болгар и венгров, музыковед доказывает глубокую структурированность всех элементов чувашской народно-песенной системы и существование в ней ряда региональных свойств. «И такой подход, – считает рецензент издания, доктор искусствоведения А.Л. Маклыгин, – представляется вполне оправданным, придающим работе неповторимо самобытные черты, и показывающим автора как одного из самых ярких российских этномузыкологов, имеющего на многие вопросы свой глубоко профессиональный и научно оригинальный взгляд»⁶. Книга получила не только высокую научную оценку, но и общественное признание в виде Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники за 2020 г. Тема параллелей – неисчерпаемая и многоаспектная, как и сам фольклор – продолжает разрабатываться в новых исследованиях ученого. Среди них – изучение музыкально-поэтического ритма тувинской музыки, общих структурно-типологических свойств песенного творчества марийцев и мордвы, народно-песенной культуры кряшен и других этносов Волго-Уралья.

Не менее основательную разработку в трудах М.Г. Кондратьева получило профессиональное музыкальное искусство Чувашии. В монографиях, статьях, буклетах, рецензиях, интервью затронуты вопросы истории и теории, стиля, жанра, формы, тематики, музыкального языка. Нет ни одного композитора Чувашии, о котором бы не писал музыковед. Большой ряд публикаций посвящен музыкантам и артистам, национальным исполнительским коллективам. Около полутора сотен критико-публицистических и на-

учно-популярных статей в периодических изданиях, сотни статей в Краткой чувашской энциклопедии и четырехтомной Чувашской энциклопедии послужили источниками для более крупных работ: обзоров, научно-исследовательских статей, монографий. Монография как жанр, «который в науковедении считается важнейшим показателем состояния научного знания»⁷, разносторонне представлена сегодня в чувашском музыкознании всецело благодаря именно М. Кондратьеву. Ученый обратился к монографиям практически первым, за исключением появившихся ранее двух книг, посвященных Г.В. Воробьеву и Г.Я. Хирбю, создав фундаментальные труды по проблематике традиционной и профессиональной национальной культуры.

Многолетние размышления над историей чувашского музыкального искусства от цивилизационных основ до Новейшего времени отражены в большом ряде исследований, из числа которых сам музыковед выделяет монографии «Чувашская музыка: От мифологических времен до становления современного профессионализма» (2007) и «Государственный ансамбль песни и танца Чувашской АССР: История возникновения. Этапы развития. Творческие искания» (1989). Переосмыслив исторические факты, М. Кондратьев смог выделить и рассмотреть в широком музыкально-эстетическом контексте ведущие тенденции развития чувашского искусства, выявить через анализ творчества мастеров разных поколений типологические для национальной композиторской школы черты. Огромное значение для понимания художественной культуры второй половины XX столетия имеют введенные ученым понятия стилей: «национально-традиционного», «национально-нетрадиционного» и «внечувашского», дифференцированных по интонационным истокам.

Открывая недоступные ранее источники «архивная революция» начала 1990-х гг. позволила по-новому взглянуть на музыкальную культуру советского времени. Обозначив эту тему в статье «На подступах к изучению подлинной истории»⁸, музыковед разработал ее в масштабных историко-биографических монографиях «Степан Максимов. Время. Творчество. Масштаб личности» (2002), «Композиторы Воробьевы» (2006), «Степан Максимов. Музыкант-просветитель» (2010), «“Гора золотая...” Федор Павлов и его время» (2016), «Максим Михайлов: “Настоящий русский бас”» (2019). Поднятый пласт новых документов отразил неизвестные страницы художественной культуры и получил достойный отклик со стороны общественности. Монография «Степан Максимов. Время. Творчество. Масштаб личности» была отмечена Государственной премией Чувашской Республики в области литературы и искусства за 2004 г. Опубликованные в серии «Замечательные люди Чувашии» издания о С.М. Максимове и М.Д. Михайлове удостоились соответственно в 2017 и 2020 гг. дипломов Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» – одной из престижных литературных национальных премий, «единственной в России награды, которая поощряет исторические литературные произведения и мемориальные музейные проекты, посвященные личностям, сделавшим значительный вклад в развитие России и оказавшим особое влияние

на общественную жизнь, науку, культуру и историю нашей страны»⁹. По инициативе музыковеда в полном авторском варианте издано Собрание сочинений выдающегося чувашского композитора довоенного времени Г.В. Воробьева. Композиторам Г.Я. Хирбю, Ф.М. Лукину, В.А. Ходяшеву, А.Г. Васильеву и другим мастерам посвящены составленные и отредактированные М.Г. Кондратьевым научные издания.

Многие научные идеи ученого имеют практический выход. Свод фольклорных антологий чувашских народных песен этнических групп анатри и анатенчи, дополненный переизданием сборника В.А. Мошкова «Мелодии Волго-Камья» (2011) и собрания «Т. Парамонов. Чувашские народные песни» (2012), служит постоянным источником вдохновения для композиторов и фольклористов. При поддержке М.Г. Кондратьева началось возрождение современного фольклорного движения, открылось фольклорное отделение в Чебоксарском музыкальном училище им. Ф.П. Павлова, возобновилось обучение игре на старинных чувашских шлемовидных гусях *кёсле* в Чебоксарских детских музыкальных школах № 4 им. Д.С. и В.А. Ходяшевых и № 1 им. С.М. Максимова. Для подрастающего поколения им созданы первые учебные пособия по чувашской музыкальной литературе. Тесное сотрудничество с кафедрой этномузыкологии Казанской государственной консерватории, с Республиканским дворцом культуры и народного творчества (ранее – Республиканский дом народного творчества) отмечено проведением лекций, семинаров, конференций.

Идеи и знания М.Г. Кондратьева всегда «в свободном доступе» – как для маститых специалистов, так и для начинающей свой путь в науку молодежи. Его научная деятельность связана с регулярными выступлениями на международных и всероссийских научных конференциях в городах Чебоксары, Москва, Санкт-Петербург, Таллин, Йошкар-Ола, Казань, Ижевск, Саранск, Астрахань, Уфа, Саратов, лекциями в ведущих консерваториях России. Член диссертационных советов Казанской и Новосибирской консерваторий, он выступает экспертом по вопросам теории и истории музыки Чувашии и республик Волго-Уральского региона, оппонирует на защитах кандидатских и докторских диссертаций в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Казани. Является членом редакционного совета сетевого ежеквартального издания «Музыкальное искусство Евразии. Традиции и современность» (Москва, с 2020), научных журналов «Музыка. Искусство, наука, практика» (Казань, с 2013), «Язык и фольклор коренных народов Сибири» (Новосибирск, с 2013), главной редколлегии серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирск, с 2003).

Научные изыскания М.Г. Кондратьев всегда успешно сочетал с педагогической деятельностью. Долгое время он преподавал в Чебоксарском музыкальном училище им. Ф.П. Павлова. В настоящее время богатый опыт накопленных знаний профессор передает студентам Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова и Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, аспирантам по специальности «Музыкальное искусство» кафедры теории и методики

музыки этого же вуза. Как научный руководитель кандидатов искусствоведения И.В. Даниловой, С.В. Ильиной, Л.И. Бушуевой, он признан создателем научной школы чувашского музыковедения.

М.Г. Кондратьев ведет большую общественную работу в качестве члена Совета по стратегическому развитию Чувашской Республики, члена Комиссии по Государственным премиям в области литературы и искусства при Главе Чувашской Республики, члена правления Союза композиторов Чувашской Республики. Его научные заслуги отмечены присвоением ему почетных званий: заслуженный деятель искусств Чувашской Республики (1991), заслуженный деятель искусств Российской Федерации (2001), лауреат Премии комсомола Чувашии в области науки и техники (1982), Государственной премии Чувашской Республики в области литературы и искусства (2004), Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники (2020). Академик Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики (1994), Международной академии наук педагогического образования (1999). Награжден медалью ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой» (2008), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2019), медалью к 100-летию образования Чувашской автономной области (2020).

Профессиональные качества незаурядного исследователя, как правило, тесно сопряжены с сильными, неординарными сторонами его характера. Ведущих деятелей науки отличают такие социально-психологические черты, как «целеустремленность и терпение, огромная воля, желание заглянуть за черту изведанного, способность к каждодневной кропотливой работе, уважительное отношение к трудам своих предшественников и корректность к оппонентам»¹⁰. Этот портрет истинного ученого, соотнесенный историком Г.А. Николаевым с личностью выдающегося представителя чувашской интеллигенции Н.В. Никольского, во многом коррелирует пытливой натуре М.Г. Кондратьева, всегда готового идти вперед, к новым вершинам науки, понимаемой им не как «забава, не игра ума, а определенный результат»¹¹. Коллеги-музыковеды считают, что «он честолюбив, но не в том смысле, что любит почести, им движет честолюбие первооткрывателя. Как верно заметила татарский музыковед-фольклорист, кандидат искусствоведения Н.Ю. Альмеева, М.Г. Кондратьев имеет привычку “застолбить тему”. Препятствия, а они встречаются везде и всегда, не подавляют, а разжигают его энтузиазм, рождая интеллектуально-творческую энергию большой силы и мощи»¹². Совсем не случайно явное совпадение устремленности к научному познанию – это неотъемлемое качество натуры Михаила Григорьевича сближает его с доктором искусствоведения, профессором Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского В.Н. Холоповой: «С юных лет меня увлекала идея – раньше других заметить молодого композитора, который впоследствии станет классиком, и вовремя заняться его творчеством. Чуть ли не спортсменское желание стать первой почему-то всегда было при мне»¹³.

Многие деятели науки, культуры и искусства считают труды М.Г. Кондратьева незаменимыми книгами, где научную документальность и достовер-

ность дополняет блестящая манера подачи материала. Его научное творчество адресовано как специалистам, так и широкой аудитории любителей музыки. Пытливый читатель всегда найдет в них для себя много ценного и приятного. Книги ученого привлекают не только новизной идей и фактов – весьма выразителен и своеобразен найденный автором особый стиль изложения, «сочетающий подлинную научность содержания с естественной и непридуманной интонацией живой беседы»¹⁴. По мнению музыковеда С.И. Макаровой, М.Г. Кондратьев одновременно ученый-исследователь и музыкальный писатель, чьи монографии «неожиданно ярко продолжили на чувашской земле литературно-музыкальные традиции Ромена Роллана и Германа Аберта»¹⁵. Исследователь такого уровня, считает В.Н. Холопова, проявивший себя как «собиратель народных музыкальных источников, музыковед-этнограф, первооткрыватель сложившихся ценностей, глубокий теоретик, высокоэрудированный педагог и организатор, <...> распространитель открытой им культуры, должен счастливо обладать огромным диапазоном культурного видения и слышания»¹⁶.

И действительно, блестящую эрудицию, глубокую компетентность, масштабность культурологических ассоциаций в сочетании со своеобразными научными методами в трудах М.Г. Кондратьева отмечают многие российские ученые как из ведущих столичных центров, так и региональной периферии. Выдающийся советский фольклорист И.И. Земцовский (г. Санкт-Петербург) считает, что метод чувашского музыковеда идет всегда «от живого материала, от практики к теории; теория же вновь проверяется практикой, что позволяет выходить на все новые теоретические рубежи»¹⁷. Оппонент М.Г. Кондратьева на защите докторской диссертации, видный исследователь Г.Л. Головинский (г. Москва) говорил, что автору присуща «основательность изучения любой проблемы и осторожность в выводах (к такому мнению я пришел, ознакомившись с его работами)»¹⁸. Видный музыковед А.Г. Юсфин, под руководством которого в спецклассе на теоретико-композиторском факультете Казанской государственной консерватории в 1967–1972 гг. происходило становление будущего ученого, отреагировал на найденные своим воспитанником научные подходы следующим письмом: «Ваша чувашская история поразила меня не только своими интереснейшими фактами и свидетельствами, но, прежде всего, – методологией, открывающей большие возможности проникновения в историю музыкальной культуры едва ли не до “ее дна”. В этой методологии мне увиделось нечто сходное с тем, что когда-то разработал палеонтолог Кювье, по одной найденной кости восстанавливая весь организм. Может быть, имеет смысл описать разработанную Вами технологию работы по восстановлению вроде бы навсегда утраченного прошлого?»¹⁹.

Благодаря книгам ученого ценности «чувашского мира» созвучны читателям разных национальных культур, профессий, возрастов. Помимо научной привлекательности, специалисты находят в его трудах художественное совершенство, эстетическую красоту, высокий этический смысл, восходящий к важнейшим вопросам человеческого существования. Доктор филологических наук Ю.М. Артемьев считает серьезным достоинством моно-

графии «Чувашская савра юрă и ее татарские параллели» то, что «в ней ставится целый ряд вопросов, напрямую не связанных с заявленной проблематикой. Это касается, прежде всего, содержательной стороны исследования, скажем, философских, нравственно-эстетических проблем. В ряде случаев автор, кажется, и не ставил перед собой цели специально рассмотреть экзистенциальные или онтологические вопросы, но они присутствуют в книге как воздух»²⁰. Рецензент книги «Композиторы Воробьевы», музыковед из Мордовии М.В. Голубчикова пишет, что автору присущи «недюжинная эрудиция и психологическая чуткость, принципиальная непредвзятость и подлинная научность, незаурядное литературно-художественное мастерство, острота мышления»²¹. «Работы Кондратьева, помимо известных и общепризнанных в наши дни их научных достоинств, — отмечает доктор искусствоведения Н.И. Бояркин, — имеют еще и большое воспитующее значение, они увлекательны, в них всегда присутствует нечто новое, что вызывает глубокий интерес к народу, его творчеству. История и современность в них слиты воедино»²².

Вовлекая в орбиту своих интересов многообразные традиции искусства прошлого и современности, разработав для изучения теории и истории культуры собственную методологию, М.Г. Кондратьев открыл в чувашской гуманитарной науке новые возможности. Значение трудов ученого для национального искусствоведения емко охарактеризовал его выдающийся современник, чувашский композитор А.Г. Васильев: «В последние десятилетия (3–4) своим стремительным развитием и вхождением в общероссийский музыковедческий контекст чувашское музыкознание обязано Михаилу Григорьевичу Кондратьеву. Обладая фундаментальной подготовленностью, обширнейшей эрудицией, феноменальным трудолюбием, М.Г. Кондратьев наподобие мощного тарана толкнул, дал движение научной мысли о чувашской музыке. Историю и теорию чувашского народного и профессионального музыкального искусства как безусловного факта он внес в общероссийский культурный процесс»²³. Благодаря трудам М.Г. Кондратьева национальная музыкальная культура предстала на новом уровне обобщений и широко известна сегодня в научном сообществе России.

Литература и источники

¹ Трифонов Г.Ф. Автографы: времена и судьбы (деятели чувашской науки, культуры и бизнеса о времени и о себе). Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2007. С. 471.

² Кондратьев М.Г. О ритме чувашской народной песни: К проблеме квантитативности в народной музыке. М.: Сов. композитор, 1990. 144 с.

³ Земцовский И.И. Отзыв официального оппонента, доктора искусствоведения И.И. Земцовского о кандидатской диссертации Михаила Григорьевича Кондратьева «Ритмические основы чувашской народной песни (К проблеме изучения квантитативной метроритмической системы в музыкальном фольклоре)» (17.00.02). Рукопись. С. 1, 6.

⁴ Холопова В.Н. Исследования по музыкальной ритмике в СССР // Советская музыка. 1990. Вып. 5. С. 55.

⁵ Кондратьев М.Г. Чувашская савра юрă и ее татарские параллели. Чебоксары: ЧГИГН, 1993. 80 с.

⁶ Маклыгин А.Л. Кондратьев М.Г. // Чувашская музыка в зеркале параллелей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. Обложка.

⁷ *Науменко Т.И.* Текстология музыкальной науки: монография. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 60.

⁸ *Кондратьев М.Г.* На подступах к изучению подлинной истории // Музыкальная академия. 1996. № 1. С. 84–89.

⁹ *Зайцева Е.А.* За вклад в развитие России и диалог культур // Советская Чувашия. 2017. 27 октября; *Митина М.Г.* Книга о Максиме Дормидонтовиче Михайлове стала дипломантом Всероссийской премии «Александр Невский» // Советская Чувашия. 2021. 27 января.

¹⁰ *Николаев Г.А.* Слово о Н.В. Никольском и его трудах по истории христианизации и христианского просвещения чувашей // *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Т. II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С. 9.

¹¹ *Макарова С.И.* «Удивительно, как он смог столько сделать...» (М.Г. Кондратьев) // Мастера музыкального искусства: очерки: иллюстрированное издание. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 174. (Библиотека Президента Чувашской Республики; т. 7).

¹² Там же.

¹³ *Науменко Т.И.* Указ. соч. С. 39.

¹⁴ *Голубчикова М.В.* Рецензия на книгу «Композиторы Воробьевы». Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006 // Проблемы изучения истории и теории музыки народов России: материалы Всерос. (с международным участием) научно-практич. конф. (Чебоксары, 2–3 октября 2018 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 273.

¹⁵ *Макарова С.И.* Указ. соч. С. 171.

¹⁶ *Холопова В.Н.* Из письма к М.Г. Кондратьеву // Проблемы изучения истории и теории музыки народов России. С. 3.

¹⁷ *Земцовский И.И.* Указ. соч. С. 5.

¹⁸ *Головинский Г.Л.* Из отзывов о трудах М.Г. Кондратьева // Михаил Григорьевич Кондратьев: библиографический справочник. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 81.

¹⁹ *Бушуева Л.И.* «Доказательство существования количественной системы... следует оценивать как «мировое открытие» // Проблемы изучения истории и теории музыки народов России. С. 48.

²⁰ *Артемов Ю.М.* Исторические судьбы савра юрă // Известия НАНИ ЧР. 1997. № 6. С. 107.

²¹ *Голубчикова М.В.* Указ. соч. С. 265–274.

²² *Бояркин Н.И.* Из отзывов о трудах М.Г. Кондратьева // Михаил Григорьевич Кондратьев: библиографический справочник. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 83.

²³ *Васильев А.Г.* Из отзывов о трудах М.Г. Кондратьева // Михаил Григорьевич Кондратьев: библиографический справочник. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 85.

L.I. Byshyeva

«THE CHUVASH CULTURE HAS EVERYTHING, TO FEEL LIKE CONFIDENT IN THE BIG WORLD»

The article examines the scientific and social activities of the famous Chuvash musicologist, Doctor of Art History, Professor M.G. Kondratiev. The main directions of his research are presented, the most significant results that have had a noticeable impact on Russian humanities are noted. The original scientific approach of the musicologist contributes to the expansion of ideas about regional musical culture and allows us to find an explanation for many phenomena, bringing them to the All-Russian and international level.

Keywords: M.G. Kondratiev, musicologist, Chuvash art criticism, Chuvash musical traditional and professional culture.

ЧГВ, 2023 г., № 18

© Ю.М. Виноградов. Рец. на: Долгова А.П. **Синтаксический строй чувашского языка как объект лингвистического исследования** / А.П. Долгова; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2023. – 44 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 36).

Представленный для обсуждения доклад раскрывает состояние изученности простого предложения в чувашском языке, хотя название доклада предполагает охватить как синтаксис словосочетаний, так и синтаксис сложных предложений. Кроме того, было бы ошибкой, если бы в стороне осталась синтагматика как общая теория синтаксиса.

Работа состоит из Введения, основной части и Заключения. Есть приложение с литературой и примечаниями. Во Введении указывается, на каких вопросах будет останавливаться докладчик: роль порядка слов в простом предложении, принципы выделения членов предложения, типология предложений, как пишет автор, – «по представленности структурных элементов», осложнение простых предложений. Все названные темы последовательно рассмотрены в основной части доклада.

В разделе «Общие положения» (с. 4–7) рассматривается вопрос о соотношении языка и речи, теории о языке и речевой практике, влиянии русского языкознания на чувашское. Раскрывается проблема соотношения итогов научных исследований и их отражения в школьном преподавании. А.П. Долгова придерживается мнения, что содержание школьного преподавания не должно быть приравнено к современным достижениям языкознания, хотя этот тезис, в целом, справедлив только по отношению к русскому языку. Несомненно, к каждой проблеме нужен индивидуальный подход, если идет речь о чувашском, татарском и других нерусских языках, так как наука о национальных языках развивалась параллельно со школьным языкознанием.

Подробно изложена тема о многоаспектности предложения и связанных с ней направлений синтаксиса как науки (с. 7–10). Одни ученые изучают предложение как объект языка, другие – как объект речи. Есть направление, учитывающее как язык, так и речь. Разные аспекты предложения (формальный, семантический, коммуникативный, прагматический, когнитивный и др.) предполагают разные подходы к его рассмотрению. В связи с этим, как отмечает А.П. Долгова, появились различные направления синтаксической науки: формально-

Юрий Михайлович Виноградов – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра регионального развития Чувашского республиканского института образования; e-mail: jurijvin46@mail.ru.

грамматический (традиционный), прагматический и др. Каждый из них в той или иной степени затронут в тексте доклада.

Раздел «Чувашская синтаксическая наука: основные направления и особенности развития» (с. 10–15) посвящен истории изучения синтаксиса чувашского языка, поэтому имеет большое научное значение. Автор справедливо указывает, что исследование чувашского языка началось по образцу русского языкознания, и выделяет, отмечая основной подход изучения, несколько периодов активного развития синтаксической науки (автор пишет, что их было три, но описывает больше): первый (начальный) – первая четверть XX в. – связан с трудами Н.И. Ашмарина; второй – 1920–1930 гг. – отмечен системным подходом к исследованию синтаксиса в рамках концепции членов предложения; третий период – 1930 – середина 1950-х гг. – отличался преобладанием идеологических установок; четвертый период – с конца 1950-х по 1970 г. – характеризуется переходом от рассмотрения чувашского языка с позиций русского языкознания к анализу самого чувашского языка, поэтому этот период отличался преобладанием объяснительного подхода (труды И.П. Павлова и И.А. Андреева).

А.П. Долгова отмечает ряд особенностей развития чувашского языкознания: во-первых, господство описательного подхода в течение долгого времени; во-вторых, преобладание исследований практического направления (потребностей школы и нормализации литературного языка); в-третьих, переключение внимания исследователей на теоретические и практические разработки данных различных уровней строя языка, в том числе синтаксического (с. 15). Синтаксис чувашского языка исследовался, в основном, в традиционном направлении на основе выделения так называемых членов предложения. Основательно разработан коммуникативный аспект предложения. Сделаны первые попытки изучения его семантики. По утверждению исследователя, грамматическая наука до сих пор остается морфологически ориентированной. «Теоретическое осмысления и отражения всей совокупности явлений, относящихся к языку, речи и речевой деятельности, как единой непротиворечивой системы, пока не сложилось» (с. 15).

Ряд вопросов рассматривается в докладе в разделе «Спорные вопросы современной чувашской синтаксической науки»: «Порядок слов в чувашском языке», «Трактовка членов предложения», «Обособление в чувашском предложении», «Типология простых предложений по представленности структурных элементов» (с. 16–33). Поскольку порядок слов в прозаическом тексте профессором И.А. Андреевым четко описан и объяснен, то, на первый взгляд, кажется, что здесь все ясно. Оказывается, есть над чем подумать. Автор доклада обращает внимание читателя на предложения в стихотворных текстах, которые пока никем не были изучены. С этим нельзя не согласиться.

Неясным остается отношение автора к порядку слов в предложениях, используемых в текстах публицистики и устной речи. На наш взгляд, знать особенности порядка слов в публицистических текстах и устной речи весьма необходимо. Это нужно для разработки норм письма и речи. Ошибки пока встречаются очень часто. Например, с точки зрения актуального членения диктору радио нельзя говорить: *Ултӑ сехет сурӑра «Спорт площадки» программа эфирӑ тухать* (В половине седьмого передача «Спортивная площадка» выходит в эфир). В этом случае логическое ударение падает на находящееся впереди в непосредственном контакте со сказуемым слово *эфирӑ* (в эфир). Следует говорить: *Ултӑ сехет сурӑра эфирӑ «Спорт площадки» программа тухать* (В половине седьмого в эфир выходит передача «Спортивная площадка»), так как слушателю важно узнать название передачи. Остальные данные уже известны из ситуации.

Вместе с тем нельзя оставлять без внимания вопрос о порядке слов в именных, глагольных и других словосочетаниях. К сожалению, об этом в докладе ничего не говорится.

Слова как в предложении, так и в словосочетании входят в подчинительную связь и составляют синтагму, поэтому о синтагме должен быть особый разговор, включая вопросы о простых и сложных синтагмах, средствах связи компонентов. Интересно было бы узнать мнение автора, как относиться к сочинительной связи в структуре предложений и словосочетаний.

Что касается вопроса о членах предложения (с. 20–27), то традиционная грамматика предложение рассматривает не как связь слов, а как связь так называемых «членов предло-

жения». Профессор И.А. Андреев был категорически против деления простых предложений на «члены», так как это не позволяет раскрыть истинную структуру предложения. Ученый сожалел о том, что в свое время подчинился просьбе членов методического совета и включил вопрос о членах предложения в школьную программу 2002 г. (*Андреев И.А. Хальхи чăваш чĕлхи. Синтаксис. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2005. С. 82*).

Поскольку выстроить единую непротиворечивую систему в рамках членов предложения невозможно, как считает А.П. Долгова, предложение необходимо рассмотреть поаспектно (с. 27). С этим следует согласиться. Отказ от рассмотрения предложений по членам предложения особо важен в школьном курсе чувашского языка. Это должны хорошо знать и специалисты по русскому языку. Из программ по всем языкам тему «Члены предложения» необходимо вывести.

Случайно ли или умышленно словосочетание *вырсарни кун*, написанное слитно, в предложении *Ситес вырсарни кун килсе курăр* «Навестите в следующее воскресенье» (с. 21) автором доклада названо членом предложения, хотя слово *кун* само по себе является обстоятельством времени, а *вырсарни* – определением, если по традиции соблюдать разбор по членам предложения. Сравните: *Шăматпа вырсарни кассенче клуб пушă лармасть* «В вечернее время с пятницы на субботу и с субботы на воскресенье клуб не пустует». В противном случае вернемся к дням, когда говорили о распространенных и нераспространенных второстепенных членах. Ученый, поставивший своей целью изучение синтаксиса, не может не видеть, что слова *вырсарни* и *кун* образуют один из видов синтагмы – словосочетание. Синтаксис нельзя строить, исходя из решения орфографической комиссии. Есть законодательно введенный в действие свод правил (см. Постановление Государственного Совета Чувашской Республики № 88 от 13 октября 1994 г.). Правило, изложенное в § 75, разрешает двоякое написание, поэтому следует воспользоваться правом писать раздельно. Если даже допустить, что существует требование писать только слитно, то автор как синтаксис должна сказать, что перед читателем не слово, а словосочетание, и доказать это примерами. При ином раскладе обстоятельств наука причинит огромный вред школе. В настоящее время на государственных итоговых аттестациях следят за тем, сколько слов написано в изложении и сочинении в общей сложности. (Пока минимум составляет 140 слов, а невыполнение этой нормы приводит к понижению оценки на 1 балл не в одной, а сразу в нескольких позициях.) Слитное написание вынуждает считать сумму двух слов одним словом. Чтобы выпускник общеобразовательной школы не занимался не учитываемой работой, раздельному письму всячески надо дать широкую дорогу.

В докладе рассмотрена история обособления в чувашском предложении (с. 27–29), но не в полной мере, поэтому рекомендую обратиться к учебному пособию профессора И.А. Андреева, посвященному чувашской пунктуации (*Андреев И.А. Чăваш пунктуацийĕ: тÿрлетсе сĕнетнĕ кăларăм. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2004. 175 с.*). В нем изложена теория пунктуации, проанализирована история чувашской пунктуации, даны правила, утвержденные орфографической комиссией, и литература по теме. Правила пунктуации есть также в школьном орфографическом словаре (*Виноградов Ю.М., Виноградова Г.М. Орфографи словарĕ. Тĕрĕс сырмалли правилăсем. Шупашкар: Чăваш Республикин вĕренÿ институтĕн редакципе издательство пайĕ, 2002. С. 273–289*).

Проблема, рассмотренная в разделе «Типология простых предложений по представленности структурных элементов» (с. 30–33), в первую очередь важна для школы. Автор выражает сомнение в том, что принципы классификации типов предложений, представленные в действующем школьном учебнике (*Виноградов Ю.М., Егорова А.С. Чăваш чĕлхи: 8-мĕш класс валли. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2018. С. 52–61*), противоречивы, и обвиняет в этом его авторов, хотя эту классификацию первоначально предложил разработчик последней теории о безподлежащих и бесказуемых предложениях И.А. Андреев (*Андреев И.А. Чăваш чĕлхи: 8–9 классем валли. Хушса сĕнетнĕ 2-мĕш кăларăм. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2009. С. 115–130*).

В Заключении доклада А.П. Долгова делает выводы, что изучение предложения многоаспектно: грамматический аспект, актуальное членение (коммуникативный аспект), семантический аспект, прагматический аспект. Слабо изученным в синтаксисе чуваш-

ского предложения она считает семантический и прагматический аспекты. Исследователь справедливо обращает внимание на то, как русский язык влияет на чувашскую речь. Видимо, в оценке данного явления специалистам необходимо выработать определенную позицию.

По мнению автора, многоаспектное исследование синтаксиса чувашского языка с применением современных методик способствует созданию более точного и адекватного представления чувашского языка, так как аспекты между собой тесно связаны. Представленные виды схем предложения, возможно, будут обсуждены в дальнейших исследованиях. А.П. Долгова считает, что в перспективе эффективным и результативным подходом в изучении синтаксиса является поаспектный анализ. На это следует обратить внимание.

Мы считаем, что автором доклада выбраны правильные подходы к изучению синтаксиса чувашского языка, тем не менее рекомендуем учесть наши замечания. Непременно необходимо привести содержание работы в соответствие с названием. Видимо, многоаспектное исследование займет очень много времени, и дойти до окончательных результатов будет нелегко.

ЧГВ, 2023 г., № 18

© А.П. Хузангай. Рец. на: Долгова А.П. **Синтаксический строй чувашского языка как объект лингвистического исследования** / А.П. Долгова; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2023. – 44 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 36).

Задача, которую поставила автор перед собой, определяется так: «В данном докладе мы предприняли попытку представить обзор истории и итогов изучения синтаксического строя чувашского языка, выявить наиболее актуальные задачи и наметить возможные пути преодоления некоторых противоречий, сложившихся в чувашском языкознании» (с. 36). А.П. Долгова справедливо утверждает, что чувашский синтаксис изучался на основе традиционной концепции членов предложения. «Такое рассмотрение содержит много противоречий и неоднозначных трактовок, что препятствует созданию стройной системы теоретического осмысления явлений чувашского языка и практического применения в процессах его нормализации и преподавания» (с. 3). Тут важна постановка вопроса о плюрализме в анализе языковых явлений.

Синтаксис – это сложный многоаспектный механизм (уровень структуры языка), что предполагает разные методы и множественность интерпретаций. Кроме того, само становление национальных лингвистик происходило в определенный период (1920–1940-е гг.) путем копирования системы русского языкознания, то есть живая эмпирия родного языка игнорировалась и загонялась в схему генетически и типологически иного языка. А.П. Долгова в этой связи обращает внимание на расхождение терминологических систем, тем более что в начальный период чувашская лингвистическая терминология находилась в зачаточном состоянии.

Разработка собственно чувашской терминологии началась с обеспечения практических потребностей образования (Ф.Т. Тимофеев, Т.М. Матвеев). Здесь следовало бы упомянуть и «Заметки по грамматике чувашского языка» Н.И. Ашмарина. Эта работа представляет собой конспект лекций, которые ученый читал в 1929–1930 гг. в Казанском Восточном педагогическом институте на отделении чувашского языка и литературы (см. публикацию в Трудах ЧНИИ. Чебоксары, 1976. Вып. 66). В лекции XXII дается список грамматических терминов на чувашском языке с их русскими эквивалентами (с. 72–77). Собственно, это был уже второй период развития чувашской синтаксической науки. Первым была первая четверть XX в., когда появились две части труда Н.И. Ашмарина «Опыт исследования чувашского

синтаксиса» (1903, 1923). Второй период (1920–1930-е гг.) характеризуется нормативным подходом в целях формирования общенародного средства общения.

С середины 1930-х гг. происходит спад в исследовании синтаксиса и наблюдается унификация графическая, орфографическая и терминологическая, опять же по образцу русского языка.

По мнению автора, наиболее успешным был период 1950-х по 1970-е гг., когда выходят труды И.П. Павлова и И.А. Андреева (1980–1990-х гг. по 2010 г.). Его А.П. Долгова называет объяснительным (экспланаторным) и отмечает, что, хотя синтаксис по-прежнему исследовался в традиционном направлении (грамматика членов предложения), но разрабатывался и коммуникативный аспект чувашского предложения, изучалась его семантическая сторона, отчасти был затронут и прагматический аспект. Однако в целом чувашская синтаксическая наука осталась в рамках морфосинтаксиса.

Если в первых трех главах доклада излагаются некоторые общие положения, постулируется необходимость многоаспектного анализа предложения (формальный, семантический, коммуникативный, прагматический, когнитивный аспекты), рассматривается становление и развитие чувашской синтаксической науки и ее вклад в разработку описательной, нормативной, объяснительной грамматик, начиная с Н.И. Ашмарина (можно это считать вкладом в ненаписанную «историю чувашского языкознания»), то 4-я глава «Спорные вопросы современной чувашской синтаксической науки» является наиболее проблематичной. Разные трактовки функций порядка слов в чувашском предложении наиболее детально с точки зрения актуального членения предложения рассмотрел И.А. Андреев: «...линейное разворачивание чувашского предложения в своей коммуникативной перспективе четко делится на исходный компонент высказывания, который или уже известен (*данное, тема*), и саму информацию об этом компоненте, которая сообщается (*новое, рема*)» (с. 18). Из этого следует, что порядок слов выражает не столько грамматическую, сколько коммуникативную функцию.

Детально рассматривается в докладе трактовка членов предложения с выявлением всех существующих противоречий. При разных критериях выделения выход А.П. Долгова видит в обращении к семантическому синтаксису с тем, чтобы семантика синтаксических явлений не входила в противостояние с формальной стороной (с. 26–27).

В разделе «Обособление в чувашском предложении» интересно изложена полемика между М.Ф. Черновым, который разрабатывал это явление, и И.А. Андреевым, который его подходы отрицал.

Что касается раздела «Типология простых предложений по представленности структурных элементов», автор предлагает здесь обратиться опять же к структурно-грамматическому, семантическому, коммуникативному и прагматическому параметрам и на этом выстроить типологию. Нам же кажется, в данном случае лучше использовать построение структурных схем предложений (по Н.Ю. Шведовой, изложенной в академической «Русской грамматике», 1980), можно сделать также с помощью метода непосредственных составляющих, или структурного синтаксиса Люсьена Теньера, где сказуемое является вершинной (центральной) единицей, а все остальные члены – актантами (включая подлежащее).

Собственно, в Заклучении автор использует метод непосредственно составляющих и сама же говорит, что «такое схематическое представление больше соответствует семантическому аспекту предложения» (с. 35).

В целом, оценивая работу, можно отметить ее актуальность, так как новые подходы к истолкованию чувашского синтаксиса позволят в какой-то мере решить проблему грамматической интерференции. Автор учла в своем докладе не только сугубо научную литературу известных отечественных и чувашских синтаксистов, но и учебную литературу вузовского и школьного уровня. Это и связано с тем, что чувашский язык изучался обычно для нужд образования.

Надеюсь, эта работа станет важным, хотя и в какой-то степени подготовительным, шагом в более глубоком осмыслении интересных феноменов чувашского синтаксиса.

В региональной историографии история городов Чувашии разрабатывалась наряду со многими актуальными научными проблемами. Еще в 1970-х гг. в стенах Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР стали выходить в свет очерки по истории городов. Основанная в те годы серия считалась приоритетной и готовилась историками института не одно десятилетие. С 1978 по 2019 г. были опубликованы книги по истории Алатыря, Цивильска, Ядрина, Мариинского Посада, Козловки, Новочебоксарска, Канаша и Чебоксар¹.

В 2000-х гг. наступил новый этап в изучении истории городов Чувашии. С накоплением документальных материалов и переосмыслением прежних оценок и положений возникла закономерная потребность в подготовке монографических исследований, посвященных отдельным периодам истории городов. В 2003 г. из-под пера историка В.Д. Димитриева вышли очерки истории Чебоксар конца XIII–XVII вв., а в 2011 г. в соавторстве с С.А. Селивановой – очерки истории города XVIII в.² По данному случаю исследователь А.Н. Зорин писал: «Беспрецедентные для регионального исторического городоведения по широте тематического охвата, по детализации, количеству и качеству приведенного первичного материала, две названные книги задали новые исследовательские стандарты в области изучения истории и этнографии отдельных городов России»³.

В 1978 г. кандидатом исторических наук Валерием Дмитриевичем Кочетковым была опубликована небольшая по объему книга об истории Алатыря, и с его легкой руки началась серия «Города Чувашии». С тех пор на протяжении нескольких лет он активно занимается изучением истории Алатырского края, посвятив ему десятки научных статей, сборников документов и других изданий⁴. Отдельного внимания исследователей заслуживает его монография «Город-крепость на Суре: Очерки истории города Алатыря и уезда в XVIII в.», подготовленная на основе богатого массива архивных документов.

Книга состоит из двух разделов. В первом размещены сами очерки, собранные из 14 тематических сюжетов, а во втором – биографии алатырских воевод. Научный труд сопровождается сведениями об авторе, перечнем использованных архивных фондов и списком сокращений. Однако читатели сразу заметят отсутствие в работе Введения и Заключение, что бесспорно вызовет вопросы: каковы же цель и задачи книги, чем обусловлен выбор хронологических и территориальных рамок, в чем новизна и актуальность проведенного исследования по сравнению с предшественниками и т.д. С другой стороны, Валерий Дмитриевич не ограничивает себя какими-либо рамками, что позволяет ему излагать очерки истории Алатырского края в свойственной авторской манере, порой весьма эмоционально, и в то же время научно-популярной форме.

Первый подраздел монографии, как и большинство из них, озаглавлен цитатой из документа с сохранением орфографии оригинала – «Грацких и уездных людей ведать» (с. 6–44). На первый план автор вынес вопросы об организации системы местного управления в Алатырском уезде (с 1719 по 1781 г. – Алатырской провинции). В рамках преобразований Петра Великого особое внимание уделено трудностям при сборе налогов, размещению полков, проведению переписей и ревизий населения, переходу от подворного обложения к подушному сбору, набору рекрут, осуществлению губернской реформы Екатерины II (1775–1781). В анализируемом очерке главная сюжетная линия сводится к тому, чтобы «подчеркнуть отношение воеводской власти ко всем сословиям, которое характеризовалось непрофессионализмом и беззаконием, вызывавшим “неупорядоченность” (И. Мадариага) и недовольство населения всей России» (с. 32). Все 40-е гг. XVIII в., как отмечает автор, спокой-

Дмитрий Викторович Басманцев – кандидат исторических наук, ученый секретарь Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: basmantsevd@yandex.ru.

ную жизнь алатырского захолустья сотрясали скандалы (с. 28–32). К сказанному приводят злоупотребления алатырского воеводы Ф.Г. Шишкина и секретаря Алатырской провинциальной канцелярии С. Щербинина. Следует оговорить, что для разбора резонансных дел создавались следственные комиссии, которые были призваны бороться с лихоимством должностных лиц.

Вторая глава посвящена полицейской и судебно-следственной практике государственных учреждений Алатырской провинции. Автор, рассматривая вопросы о правопорядке и соблюдении законности на местах, знакомит читателей с новыми материалами о деятельности алатырских городничих, воевод и палачей, фискалов и прокуроров (с. 50–60, 64–71). Им приходилось бороться с различными противоправными действиями уездных и городских жителей, проводить следственные мероприятия и применять жестокие пытки, выносить судебные вердикты по уголовным и гражданским делам, содержать их в тюрьмах и сурово наказывать. Несмотря на осуществляемую правительством политику, как убеждает В.Д. Кочетков, «местная администрация была не в состоянии бороться с преступностью» (с. 46). Основной виной тому была криминогенная обстановка, сложившаяся в Присурье, где на протяжении XVIII в. орудовали вооруженные до зубов ватаги воров и разбойников. По содержанию вторая глава является продолжением главы первой, и, на наш взгляд, их логично следовало бы объединить в один подраздел.

Каждый российский провинциальный город имел свой неповторимый облик, который веками создавался его жителями. Алатырь не стал исключением. Подтверждение этому находим в третьей главе «Обитатели города и их занятия». В начале XVIII в. о былом военном значении города напоминали казаки, стрельцы и пушкарки (с. 96–101), которых в 1722 г. по числу дворов составляло 34,2 % (195 дворов из 571 двора). Если раньше они приносили обществу пользу, неся военную службу, то в эпоху Петра I поддерживали правопорядок и безопасность горожан. Здесь же уместно привести интересные факты: «Служилые люди стали первыми пожарными... содержали почтовую лошадь и собирали деньги на жалованье канцелярским служителям» (с. 98). Трудолюбивым служилым людям дополнительные доходы приносили ремесла и торговля, передача участков земли в аренду, урожай, получаемые с земельных угодий.

Другую особенность Алатыря составляли ямщики (с. 101–108). Они занимались «гоньбой» и были освобождены от уплаты подушных денег. Ямщики являлись своеобразной связующей нитью между властными структурами. К сожалению, к концу XVIII в. Ямская слобода Алатыря пришла в упадок, особенно со времени отправки в 1786 г. ямщиков в Херсон, а также с утраты их привилегированного положения.

В Алатыре же можно было встретить горожан с редкими профессиями. Скажем, А. Тепловоцкий славился тем, что отливал медные изделия и занимался ремонтом часов. Для монастырской братии востребованными считались переплетчики книг, мастера по починке церковной утвари (с. 91–92). В 1763 г. на вновь введенную должность алатырского городского лекаря был назначен И.А. Демидов. Следует отметить, что в те времена прибегать к помощи местного эскулапа было в диковинку, в то же время его содержание дорого обходилось горожанам. Поэтому неоднократно поднимался вопрос о прекращении деятельности лекаря И.А. Демидова в Алатыре (с. 95–96).

По-своему складывалась жизнь посадских людей (с. 75–90). В зависимости от рода занятий и достатка среди них встречались богатые и нищие, успешные и не очень. Весьма любознательными являются примеры, приводимые историком из жизни и деятельности семей Герасимовых, Доморошеновых, Хворостовых, Волковых, Сквориковых, Косолаповых. В особенности следует обратить внимание на их хозяйство и быт. В работе даны списки домашней утвари, личных вещей, входивших в обиход того времени, описания строений, садов, и т.п. На благосостояние посадских людей напрямую влияли налоги и различные повинности, которые большим бременем ложились на их плечи. Алатырское посадское население, как отмечается в книге, часто не справлялось с налоговыми сборами и находилось под пристальным контролем губернской власти (г. Нижний Новгород) и центральных учреждений на протяжении всего XVIII столетия, что, возможно, вкрупне отражало существовавшие проблемы в развитии торговли и промышленности Алатыря.

Алатырский уезд имел тесные связи с Всероссийским рынком. Дворяне, купцы, канцелярские служители и крестьяне проворачивали большие торговые операции и на этом сколачивали огромные состояния. В числе благоприятных условий для развития промышленности, в особенности винокуренной, лесопильной и кожевенной, были низкие закупочные цены на зерновые культуры, обилие водных артерий, богатый лесной фонд и т.д. Достойное место в очерках заняла деятельность промышленников Ушаковых, Симоновых, Щепочкиных, Шалимовых, Кожиных, Новиковых, В. Горезина (с. 259–286). Среди них на предпринимательском поприще кому-то сопутствовала удача, кого-то настигало разорение. Удивительной оказалась судьба крестьянина Андрея Ивановича Новикова, круглого сироты, которого поставил на ноги и дал образование бобыль Алатырского Свято-Троицкого монастыря Е. Степанов. Его торгово-промышленные дела шли в гору, он добился больших успехов. Начинания А.И. Новикова продолжили его сын Андрей и внук Егор Новиковы.

Алатырский край отличался богатой историей русского дворянства. Это обстоятельство оставило свой отпечаток и на анализируемом научном труде, в котором львиная доля посвящена именитым помещикам и сановникам: Пазухиным, Болтиным, Соймоновым, Румянцевым, Бахметевым, Долгоруковым. Им посвящены главы «Он добрый русский дворянин» (с. 112–146), «Да из Чебарчина пишут» (с. 287–321), «Явились в великих воровствах...» (с. 322–334), «Ссылный воевода» (с. 335–350). Используемый автором персонифицированный подход позволяет читателям проникнуться историей отдельных фамилий, узнать об их владениях в Алатырском уезде, детально ознакомиться с биографиями известных лиц. Если в советской историографии основной упор делался на помещичий произвол и эксплуатацию крепостных крестьян, то в книге В.Д. Кочеткова жизнь дворян представлена под новым углом зрения. В излагаемых очерках наблюдается scrupulousность историка в деле сбора и анализа архивных документов, знание научной литературы, в частности, трудов современных исследователей. В работе добротно представлены портреты дворян, схемы родословных, подробные жизнеописания. Большую ценность представляют публикуемые письма помещика сел Араповка, Засарье и Сара П.С. Пазухина, датируемые 1742–1754 гг. (с. 135–138), а также многочисленные выдержки из переписки графа А.И. Румянцева, находившегося в 1730-х гг. в ссылке в с. Чеберчино Алатырского уезда (с. 287–321).

Обращает свое внимание то, что автор монографии не всегда придерживается временных и территориальных рамок заявленных очерков. Особенно это прослеживается в главах «Явились в великих воровствах...» и «Ссылный воевода», рассказывающих о службе и злоупотреблениях братьев Д.Е. и И.Е. Бахметевых, о воеводстве А.Г. Долгорукова. Порой Валерий Дмитриевич в своем повествовании уходит в XVI–XVII вв., что было бы уместно это сделать в вышедшем ранее труде «Город-крепость на Суре: Очерки истории города Алатыря и уезда в XVI–XVII вв.» (Чебоксары, 2012). Излишняя перегруженность сведениями кто с кем состоял в родстве и кому кем приходился, какие должности имел и т.п., уводит читателя в сторону, отвлекая от главных вопросов: в чем же Бахметевы «явились в великих воровствах...», как опальный А.Г. Долгоруков оказался «ссылным воеводой» Алатырской провинции?

Алатырский край как центр православия и просветительства предстает перед нами в главах «Реалии религиозной жизни», «Лучшего ради исполнения монашеского обещания», «Непрестанного труда требует» и «Науки юношеству преподавать начаты» (с. 160–258). Как известно, в религиозном отношении Присурье имело свои характерные особенности, на что В.Д. Кочетков обращает свое внимание в очерке «Реалии религиозной жизни». Наряду с реформами Петра I и положением Церкви, в ней повествуется о старообрядцах и сектантах, обитавших в Алатырском уезде, и борьбе церковных и светских учреждений с ними. В свете новых данных освещаются вопросы строительства монастырских и приходских храмов г. Алатырь с указанием строителей, иконописцев, меценатов. Говоря о культурно-интеллектуальном уровне местного духовенства, автор справедливо утверждает, что сельский священник, особенно в первой половине XVIII в., был близок к крестьянству (с. 162–163). Он по образу жизни, мировоззрению и даже по тому, как одевался, мало отличался от хлебопашцев. Среди них были и те, кто злоупотреблял своим социальным положением и нарушал правовые нормы.

Алатырский Свято-Троицкий мужской, Старо-Николаевский и Киево-Николаевский женские монастыри вплоть до секуляризации считались не только центрами православия в

Присурье, но являлись крупными вотчинниками с многочисленными земле- и душевладениями. С наступлением синодального периода духовные учреждения постоянно находились под натиском светской власти, выражавшимся в учете монастырских хозяйств, обложении налогов, контроле приходов и расходов обителей, введении различных ограничительных мер. Большой урон монастырям был нанесен в 1764 г. с изданием Манифеста о духовных имениях, когда в пользу государства были обращены монастырские крестьяне и вотчинные земли. В.Д. Кочеткову также удалось на основе документальных материалов обрисовать внутреннюю жизнь монахов. Оказывается, в алатырских монастырях существовала библиотека, функционировали иконописные мастерские, проживали переплетчики книг. Благодаря монахам до наших дней дошли известные Алатырский список с Воскресенской летописи и «Алатырский летописец».

Особой страницей истории Алатырского края стало дальнейшее проникновение православия в среду нерусского населения, в том числе путем применения насильственных мер. Проводившаяся в 1740-х гг. активная христианизация мордвы и чувашей Алатырского, Курмышского и Ядринского уездов дала свои плоды. По мнению автора, в этом деле отличились епископ Нижегородский и Алатырский Д. Сеченов и игумен Духовой пустыни Неофит и их единомышленники – Я. Васильев, курмышский посадский человек А. Алексеев, приходские священники и др. Несмотря на формальное принятие православия нерусским населением Алатырской провинции, в Присурье активно возводились часовни и церкви, учреждались новые приходы. Вслед за распространением православия открылась возможность организовать сеть школ. Предпринимались попытки создать школы для обучения грамоте и детей иноверцев. До этого еще с 1721 г. в Алатырской школе обучались дети священников и приказных служителей, дети служилых людей, азовских переведенцев, солдат. С ними занимался «математических и навигацких наук учитель» С. Попов. В 1739 г. действовала школа для «церковнических детей», которая через год была переведена в Нижний Новгород и присоединена к Славяно-латинской школе. В с. Чеберчино графом А.И. Румянцевым была открыта школа для дворовых детей. Правительственная политика в сфере просвещения оживилась во второй половине XVIII в. и не обошла стороной Алатырский край.

Посещению императрицей Екатериной II Алатыря и событиям периода Крестьянского восстания под предводительством Е. Пугачева (1773–1775) посвящены подразделы «Церковный благовест 1767 г.» (с. 147–195) и «Пугачевский воевода» (с. 351–365). Волею судьбы алатырцы под звон колоколов в 1767 г. встречали коронованную особу, а в 1774 г. – якобы ее мужа «Петра III» в лице самозванца Е. Пугачева. Если говорить о значении двух событий, то, забегая вперед, следует отметить, что они являлись предвестниками преобразований в области веротерпимости и системы местного управления. Отмечая, что В.Д. Кочетков не ограничивается известными событиями, а старается передать атмосферу жизни простых горожан и уездных обывателей, знакомя с волновавшими их насущными вопросами. Поэтому в очерках не случайно помещены интересные сюжетные блоки, например, о прошениях жителей города и уезда в Уложенную комиссию 1767 г., причинах благожелательной встречи отрядов Е. Пугачева, последствиях визита императрицы и восстания и т.д.

Областным правителям XVIII в. отведен второй раздел книги «Алатырские воеводы» (с. 366–408). Он открывается списком 31 воеводы, служившего в Алатыре с 1700 по 1779 г. Далее в алфавитном порядке приводятся их биографии. Несмотря на трудоемкость и на то, что они играют вспомогательную роль, автору удалось емко и наиболее полно представить жизнеописания местных управленцев с использованием широкого круга источников. Это новаторская работа. Исходя из имеющихся данных, у алатырского воеводы указаны год рождения или смерти, его дворянское происхождение, иногда аж с XI в., продвижение по служебной лестнице. Отдельные сведения относятся к алатырскому периоду службы.

Таким образом, труд В.Д. Кочеткова является новым словом в региональной историографии. В первую очередь поражает воображение объем проделанной работы по выявлению и сбору ранее неизвестных документов, добытых в архивах и библиотеках Москвы,

Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Ульяновска, Чебоксар, а также введению их в научный оборот с учетом достижений современной исторической науки.

Отмечая достоинства книги, следует указать и на некоторые недочеты. Каждый автор ставит перед собой конкретные задачи и вправе по-своему их решать, доверяясь накопленным источникам. И все же после ознакомления с монографией осталась некоторая неудовлетворенность, вызванная отсутствием в ней информации по следующим вопросам: какова была численность, социальный и национальный состав Алатыря и уезда в указанное время, как происходило изменение этих параметров по итогам переписей начала XVIII в., первой, второй, третьей и четвертой ревизий, в чем выражались особенности города с точки зрения географического положения, административно-территориального устройства, развития торговли и промышленности и мн. др. Не совсем оправданными оказались названия очерков первого раздела. Они часто не в полной мере согласовываются с излагаемым текстом, а иногда и вовсе выглядят некорректными. К примеру, выражение «Он добрый русский дворянин» В.Д. Кочетковым заимствовано из письма Н.М. Карамзина. По мнению автора, речь идет о С.П. Пазухине, хотя в статье Л.Ю. Ершовой говорится об одном из сыновей С.П. Пазухина⁵. Если обратиться к содержанию, то рассказ в целом посвящен роду Пазухиных, охватывая период с конца XV в. Помимо Пазухиных в данный подраздел также включены общие сведения об алатырском дворянстве, помещиках Болтиных и т.д. Структурно некоторые очерки можно было бы объединить между собой, акцентировав свое внимание на конкретной теме, что облегчило бы восприятие материала очерков.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что исследование В.Д. Кочеткова является оригинальным научно-популярным трудом, адресованным не только алатырцам, краоведам, студентам и аспирантам, но и историкам, занимающимся изучением истории XVIII столетия. Несмотря на очерковый характер книги, в ней автор впервые на суд читателей представил целостную картину жизни и деятельности горожан и уездных жителей. Бесспорно, рецензируемый труд достойно займет свое место в региональной историографии и не раз найдет положительный отклик у читающей аудитории.

Литература

¹ Кочетков В.Д. Алатырь: краткий исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. 200 с.; Кочетков В.Д., Николаев Г.А. Цивильск: исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 160 с.; Изоркин А.В. Ядрин: исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 189 с.; Дмитриев С.К. Мариинский Посад: исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 172 с.; Клементьев В.Н. Козловка: исторический очерк. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. 239 с.; Захаров Д.А., Касимов Е.В., Погodin Е.П. Город Новочебоксарск: исторический очерк / науч. ред. В.С. Григорьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. 278 с.; Харитонова В.Г. Канаш: исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. 256 с.; Чебоксары: исторический очерк: коллективная монография / науч. ред. И.И. Бойко и др. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 511 с.; Чебоксары: исторический очерк: коллективная монография / науч. ред. И.И. Бойко [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2019. 640 с.

² Дмитриев В.Д. Чебоксары: Очерки истории города конца XIII–XVII вв. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. 177 с.; Дмитриев В.Д., Селиванова С.А. Чебоксары: Очерки истории города XVIII века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 445 с.

³ Зорин А.Н. Профессор В.Д. Дмитриев как этнограф и историк города // Дмитриев Василий Дмитриевич: ученый, педагог, общественный деятель, гражданин: сб. статей / сост. Г.А. Николаев; отв. ред. И.И. Бойко. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 43.

⁴ Основные публикации В.Д. Кочеткова см.: Басманцев Д.В. Кочетков Валерий Дмитриевич (К 70-летию со дня рождения) // Марийский археографический вестник. 2021. № 31. С. 233–235.

⁵ Ершова Л.Ю. Тайны фамильных портретов. URL: <https://monomax.sisadminov.net/main?cmd=view&article=468&print=1> (дата обращения: 21.07.2023).

Монография Б.С. Соловьева, П.М. Кожина, Е.П. Михайлова «Балановский могильник в системе археологических культур эпохи бронзы юга лесной полосы Среднего Поволжья» посвящена наиболее полной публикации материалов эпонимного Балановского могильника с культурно-хронологическим переосмыслением места балановской и атликасинской культур в древностях финала среднего бронзового века юга лесной зоны Среднего Поволжья.

Монография состоит из четырех глав и трех текстовых приложений. Также приведены все сохранившиеся иллюстрации погребальных комплексов Балановского могильника, карты распространения памятников балановской и атликасинской культур. Приведены иллюстративные материалы памятников с аналогичной керамикой. Достоинством работы являются архивные фотографии и полевой дневник 1933 г. К.В. Элле процесса раскопок Балановского могильника в 30-х гг. XX в.

Глава 1 посвящена истории изучения Балановского могильника. В ней приведена история полевого изучения памятника с 1933 по 1977 г. Отдельным параграфом представлена различная интерпретация материалов могильника исследователями разных лет и вопрос выделения самостоятельных балановской и атликасинской культур. Данная полемика связана с именами О.Н. Бадера¹, Д.А. Крайнова, А.Х. Халикова², П.Н. Третьякова, П.М. Кожина³, Б.В. Каховского, Б.С. Соловьева и др. Дискуссия по поводу самостоятельных балановской и атликасинской культур в общности культур боевых топоров и шнуровой керамики не утихает и по сей день.

В главе 2 на основе полевых дневников, отчетов, публикаций К.В. Элле, М.С. Акимовой, О.Н. Бадера, В.Ф. Каховского приведено наиболее полное на сегодняшний день описание 76 погребальных комплексов Балановского могильника со 118 погребенными. Отмечено, что на сегодняшний день не все предметы, описанные в документах, сохранились. Далее приведена краткая характеристика погребального обряда, где отмечены четыре группы погребений – одиночные в индивидуальных могилах, парные, коллективные и вводные погребения. По керамическому материалу можно выделить как балановские и атликасинские, так и синкретические погребения, что отражено на рис. 83. Прослежено половозрастное распределение погребального инвентаря. Мужчин сопровождали медные топоры и наконечники копий, каменные сверленные и плоские клиновидные топоры, амулеты из зубов животных, горшки с черным лощением и пышным штампованным орнаментом, заканчивающимся свисающими вниз фартучками. Для женских погребений характерны крупные амфоры, нарядные бомбовидные сосуды, орнамент в виде крупного зигзага, кремневые клиновидные топоры и наконечники стрел. Детским захоронениям свойственны небольшие размеры вещей, наличие чашек, ложек, игрушек, моделей сверленных топоров.

В главе 3 рассматривается богатый погребальный инвентарь Балановского могильника. Почти в каждом погребении найдены керамическая посуда, разнообразные каменные и медные изделия, а также костяные предметы и уникальные мелкие изделия из обожженной глины, которые связаны с детскими погребениями. В работе отмечена неоднородность керамики, преобладание лопатных и обушковых сверленных топоров, широкое распространение кремневых клиновидных топоров, большое количество медных предметов, находки глиняных моделей колес, что, по мнению авторов, свидетельствует о лесостепном происхождении бала-

Антон Васильевич Лыганов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела первобытной археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань); e-mail: liganov.anton@yandex.ru.

новско-атликасинского населения, и значительную близость материалам верхневолжских памятников фатьяновской культуры.

Глава 4 посвящена культурно-хронологической интерпретации Балановского могильника, а вернее ее переосмыслению в свете удревнения хронологии культур бронзового века. С учетом отсутствия радиоуглеродных дат из могильника упор делается на поиск аналогий в продатированных памятниках. Таким образом, хорошо ловится нижняя граница существования Балановского могильника, как время появления носителей средневолжской абашевской культуры на этой территории (около начала четвертой четверти III тыс. до н.э.), верхняя граница не столь ясна и может быть установлена только умозрительно (около середины III тыс. до н.э.). В параграфе, посвященном культурной идентификации Балановского могильника, отмечается его двухкомпонентный синкретический состав, видимо, из местного балановского и пришлого атликасинского населения. Приводятся широкие аналогии в других памятниках этого времени юга лесной зоны.

Несомненным достоинством монографии являются текстовые приложения. В первом приложении опубликована точка зрения П.М. Кожина на этнокультурные процессы, происходящие на юге лесной зоны во время функционирования Балановского могильника. Это касается в первую очередь выделения атликасинской культуры, которая отличается от балановской курганным обрядом погребения, «геометрическим» орнаментом керамики, и которая позже самого населения с балановской керамикой и грунтовыми могильниками.

Во втором приложении публикуется полевой дневник раскопок Балановского могильника в 1933 г. К.В. Элле. И наконец, в третьем приложении приведена точка зрения Б.С. Соловьева на атликасинскую культуру, выделенную, в том числе, и на материалах Балановского могильника П.М. Кожиним. Эта точка зрения встретила резкую критику современников, однако сейчас термин «атликасинская культура» все чаще встречается в публикациях⁴. Существование самостоятельной атликасинской культуры, на мой взгляд, до сих пор четко не оформлено территорией, которая в целом совпадет с балановской, отсутствием радиоуглеродных датировок и сопоставления их с балановскими датами. Сама культура отличается от балановской только керамикой и курганным обрядом погребения. Стоит отметить, что Балановский могильник грунтовый, а в погребениях встречается керамика балановская, атликасинская и смешанная балановская-атликасинская. Таким образом, если атликасинская культура самостоятельная, то очень близка балановской, и атликасинская проблема по-прежнему остается предметом дискуссий.

Монография «Балановский могильник в системе археологических культур эпохи бронзы юга лесной полосы Среднего Поволжья» является актуальной работой, вводящей в научный оборот все материалы Балановского могильника на современном научно-методическом уровне.

Литература

¹ См.: Бадер О.Н. Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М.: Наука, 1963. 372 с.

² Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятники балановской культуры / САИ. Вып. В1-25. М.: Наука, 1976. 168 с.

³ Кожин П.М. О происхождении фатьяновской культуры: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1967. 19 с.

⁴ См.: Соловьев Б.С. Археологические культуры юга лесного Поволжья на рубеже среднего и позднего бронзового века. Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т, 2016. 411 с.; Соловьев Б.С., Ставицкий В.В. Балановская и атликасинская культуры // Энеолит и бронзовый век // Археология Волго-Уралья / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. Т. 2. С. 420–441.

Мемуарная литература, представляющая собой художественно-документальные произведения с невымышленными ситуациями, с преломленными в творческом сознании человека реальными обстоятельствами, сегодня является одним из массовых и востребованных источников. Здесь удачно сочетается потребность читателя в индивидуальном представлении об окружающем мире (пусть и уже не существующем в большинстве случаев!) с осознанием личностной попытки «остановить мгновение». Воспоминания – это особый жанр, где пишущий не стесняется высказываться и не выбирает порой слова. Здесь столько характеристик известных и не очень событий, показанных под специфическим углом зрения. Не маркированное под шаблон, не стандартизированное отражение прожитого делает каждую такую публикацию неповторимой и, как следствие, – безусловно, интересной.

Нельзя сказать, что мемуары как жанр (а современные литературоведы уже рассматривают их как вполне оформившийся самостоятельный жанр) для чувашской литературы явление новое. Воспоминания выходили и ранее. Например, можно назвать опубликованные в конце 1950-х – 1960-х гг. небольшие жизненные зарисовки участников установления советской власти в Чувашии: «В революционные дни (Воспоминания старого коммуниста о событиях 1917–1918 гг.)» А.С. Косырева, «В годы великих свершений» М.Р. Рублева, «В суровый восемнадцатый год» А.П. Шигаева, «Записки участника трех революций» М.Г. Булочникова, «В борьбе за Советскую власть» И.Е. Ефимова, «Революцией призванные (Из воспоминаний красногвардейца)» Д.К. Лаптева и др. Но практически все они носят явный характер «политического заказа» на соответствие «духу времени».

XX век со всеми его масштабными событиями поставил перед людьми большое количество вызовов, и каждый человек пытался на брошенную ему перчатку ответить по-своему: одни – смиренно и безропотно, другие – встав на путь борьбы (кто-то – за общественно-политические и социокультурные нововведения, кто-то – против режима и его ценностных установок). Время все рассудило по-своему, показав иллюзорность радикализма представлений и тех, и других.

С 1990-х гг. востребованность мемуаристики как жанра возрастает. Одна из причин – потребность подвести некоторые итоги крайне противоречивой эпохи. Причем падение цензурного занавеса привело к изданию разнонаправленных по оценкам советского периода произведений: к настоящему времени можно уже говорить о формировании всего спектра от критики до апологетики. И свое место в этом ряду занимает «Моя жизнь» Г.И. Кондратьева.

Григорий Ильич Кондратьев родился 5 октября 1918 г. в д. Хачики Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне Чебоксарского муниципального округа Чувашской Республики) в семье крестьянина. Окончил Чебоксарский коммунально-строительный техникум. Работал в системе железнодорожного транспорта и строительной отрасли. Выйдя на заслуженный отдых, он оглядывается на пройденный им жизненный путь: «Я, заурядный рядовой гражданин, взявшись за воспоминания, не думал, что они будут политизированными». Как это в духе нашего человека (сначала – советского, теперь – российского): и не захочет, а свернет на политику! И в каждом дворе – свой Цицерон, Марк Порций Катон, Александр Керенский, Владимир Ленин и т.д. В общем, доморожденных стратегов не счесть, и Григорий Ильич был из той же когорты, если бы не одно «но...». В отличие от многих других, в годы «перестройки» мгновенно перекрасившихся в «демократы», он так и остался убежденным коммунистом. Здесь напрашивается сравнение с еще одной тематически и смыслово схожей книгой – «На стыке двух эпох» А.П. Петрова. Оба автора – идеологически (в хорошем значении этого слова) выдержаны. Не изменив своим идеалам, они – да, пристрастны, но – честны. И благодаря этому очень высока цена их взглядов и оценок.

Федор Николаевич Козлов – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева»; e-mail: fedor1977@yandex.ru.

Насколько яркими оказываются отдельные воспоминания детства! Как у большинства тех, чье детство и отрочество пришлось на лихую годину первой трети XX в., мало в них радостного, счастливого. Зато это тот самый слепок с быта рядового сельчанина, отталкиваясь от которого легко провести проекцию к общему полотну переформируемой страны. Столько емких характеристик, столько повседневных моментов быта чувашской деревни... Не транспарантная тенденциозность, не лозунговая пафосность, не глянцевики картинки со страниц газет и журналов, а вот эти строки – калька с повседневных реалий: как на все полученные от учительницы деньги купил семечки, хотя рядом были пряники и прочие сласти! Как те же самые пряники купил на сохранившуюся 15-копеечную царскую монету (размером и весом схожую с советской), а потом нэпман заставил все вернуть! И каким чудом воспринималось мороженое! Сегодня все это обыденно, а тогда – было в диковинку. А страх от впервые увиденного трактора?! Или знакомство со светофором, о котором даже в Чебоксарах на тот момент не слыхали, и только в Москве он узнал что за зверь такой. Или как вступали в колхоз в период «сплошной коллективизации»?!

Воспоминания, относящиеся к более зрелому возрасту, скуднее, немногословнее, хотя фактическая сторона от этого нисколько не страдает. Здесь и история советско-китайских взаимоотношений, и пресловутый жилищный вопрос, и история преобразования Чувашии и Чебоксар, и заметки с натуры социально-экономического развития. Фраза «дьявол кроется в деталях» как нельзя лучше подходит к книге Г.И. Кондратьева. Ни в одном учебнике, ни в одном монографическом исследовании не прочтешь такой характеристики хрущевской поры: казалось бы уже сколько лет существует советская власть, более-менее организовано образование и социальное обеспечение, налажено здравоохранение, решается (пусть и со скрипом) даже квартирный вопрос, но... автор мемуаров описывает, как себя ведет его мать, которую он перевез из деревни в городскую квартиру: «Пожила у нас мать, но не могла привыкнуть пользоваться унитазом – как можно пачкать белую вещь?». Кому-то может от этой бытовой детали станет смешно, а между тем она подчеркивает глубоко сидевшую в старшем поколении чувашей бережливость, о которой нынешние и слышать не хотят и думать не могут: когда все так привычно с детства – уже и не так ценится.

«Чуваши раньше понятия не имели о том, что картошка может гнить (болеть) или повреждаться вредителями, хотя о пестицидах и гербицидах не знали. А с чем нынче сталкиваемся?»; «В году 1931-м я был свидетелем события – проезжал человек на легковом автомобиле. Заметив, как глазают люди (глядели-то на красоту автомобиля), он остановился. Естественно, увидевшие собрались. Человек вышел, поздоровался и так душевно побеседовал с людьми, что забыть невозможно. Это был председатель Центрального исполнительного комитета Чувашской АССР А.Н. Никитин. Теперь разве можно представить подобное?»; «Когда стояли в очереди к аттракциону “Американские горки” (был такой в Ленинграде), люди обратили внимание на наш разговор (по-чувашски). Расспросили: “Откуда?”. Мы ответили: “Из Чебоксар”. Они: “А, знаем эту деревню”. Мы: “Нет, это город”. Для них города – это Ленинград, Москва, Киев, все остальное – деревня». Немало на страницах книги таких критических, но не злобных замечаний с параллелями между прошлым и настоящим.

Кстати, о настоящем. Оценивая современность, точнее – события первой половины 1990-х гг., Г.И. Кондратьев за словом в карман не лезет и «правду-матку» выдает не удобоваримыми порциями, а как есть – всю на духу. В этой знаковой откровенности нет желания подстроиться, а есть вполне объективная критика. Здесь нужно отдать должное его убеждениям: всю свою жизнь он оставался верен принципам и идеям коммунизма и не изменил своей партийной принадлежности даже тогда, когда быть членом этой структуры было, мягко скажем, непопулярно. Дошло до того, что даже с женой возникли разногласия! И все это на фоне бытовых «приключений»: разбили очки в очереди за хлебом, мытарства по получению звания «Ветеран труда», борьба с пофигизмом обслуживающих дом организаций...

В книге немало констатаций, которые – и повод для раздумий, и риторический вопрос одновременно. Открыто выражая свою позицию, Г.И. Кондратьев насыщает рассказ разнообразными деталями. Так что можно сказать, как аргументировать свою позицию, когда автор рубит в лоб: «Что стало с мощным отечественным кино, почему показывают лишь заграничное (чужое), в том числе вредное?». Или когда звучит такой совет, основанный на оценке постперестроечного телевидения: «Неужели непонятно, что людям без дикции лучше выполнять другую

работу, а не идти в дикторы. На ТВ смазанная речь не редкость. Если хочется говорить с людьми – учись у попов!». Или воспоминания о судьбе документов, переданных руководству АО «Честр» (бывший Стройтрест № 2) для организации музея: воспоминания, фотоснимки и т.п. – «теперь узнал: музея нет, нет и тех воспоминаний. Удивительно, как легковесно относиться к истории».

А чего стоит небольшой абзац размышлений над русским языком и его эволюцией в относительно коротком историческом периоде! Точкой отсчета для этого ракурса послужило присвоение автору в 1983 г. звания «Изобретатель СССР», и вот мысль понеслась: «Если создателя паровоза можно назвать “изобретателем паровоза”, то, выходит, я – создатель СССР?». Здесь чувствуется и сарказм, и боль за необдуманные трансформации словесности.

Воспоминания ситуативны, в них отражены самые яркие моменты, запавшие в память события. И главное – в них нет равнодушия, хотя и присутствует явная выборочность. Последнее – естественная черта человеческой памяти, когда в зависимости от обстоятельств, в фокус попадает тот или иной факт. Порой это значимое, масштабное событие (и тогда мы видим индивидуальное его восприятие и можем провести параллель к другим оценкам), а нередко – мелочь, повседневная рутина, до которой у власть предержащих руки не дошли, а для рядового гражданина эти бытовые нюансы куда важнее тех самых, глобальных... «Мировые» – это где-то, это далеко, о них покажут по телевизору, а вот отключение горячей воды или отваливающиеся плитки облицовки на лестничной площадке – это «здесь-и-сейчас», это я на своей шкуре ощущаю... И в этом преломлении жизни вся ее прелесть. Здесь нет (или почти нет) ничего под копирку.

Главное достоинство рецензируемого издания – субъективность. Информационная составляющая мемуаров в современных условиях открытости архивов и доступности документальных источников не привлекает к себе повышенного внимания. Именно личностные оценки происшедшего, персонализированное восприятие событий делают воспоминания Г.И. Кондратьева серьезным историческим источником. Здесь действительность отражается в человеческой призме, пропускается автором через себя и дается в преломлении индивидуального восприятия. Справедливость оценок – уже другой вопрос, зато их откровенность, несомненно, повышает уровень доверия к тексту. Не приходится сомневаться, что Г.И. Кондратьев писал как думал, поэтому довольно часто в книге встречаются критические отзывы о некоторых фактах советской истории в целом и жизни конкретных людей в частности.

Подмеченные редактором фактологические неточности при описании исторических событий: время существования Уссурийской области, районирование территории Чувашии в 1930-е гг., время введения государственных общесоюзных стандартов, результаты голосования населения Свердловской области на выборах Президента РСФСР и т.п. – несколько не умаляют общей значимости воспоминаний. Ошибаться – вообще свойство человеческой натуры. Ошибаясь, вспоминая «дела давно минувших дней», – естественно, поскольку память зачастую коварно совмещает события и сводит воедино поступки разных людей. Такие нюансы просто нужно иметь в виду, беря в руки очередной том воспоминаний.

В приложении рецензируемого издания приведены публикации Г.И. Кондратьева на страницах республиканских или городских газет и так называемых «многотиражек», то есть ведомственных изданий той или иной организации. Всего в подборке 90 статей: три и две соответственно на страницах «Советской Чувашии» и «Коммунизм ялавл», семь – в канашской городской газете «Путь Ильича» и 78 – в еженедельной газете Стройтреста № 2 «Знамя строителя». Объем приложения сопоставим с самими воспоминаниями. Составителем проведена масштабная работа по сбору и оформлению многочисленных газетных публикаций автора мемуаров, которые гармонично дополняют основной текст. Приоритетно тематика заметок связана с вопросами развития строительной отрасли. Ключевое внимание приковано к злободневным проблемам, мимо которых Г.И. Кондратьев как человек и как профессионал не мог пройти равнодушно. Фиксируя тот или иной недостаток или недочет, Григорий Ильич тем самым и здесь демонстрирует свою активную жизненную позицию и свою заинтересованность в улучшении условий труда и качественной подготовки специалистов различных строительных профессий, организации быта и даже межличностных отношений. Поэтому, на наш взгляд, включение данного комплекса материалов в книгу является целесообразным и оправданным.

Думаю, данное издание вполне заслуженно займет свое место на книжной полке специалиста-историка.

СЕРГЕЕВ ТИХОН СЕРГЕЕВИЧ

(к 85-летию со дня рождения)

28 февраля 2023 г. исполнилось 85 лет со

дня рождения известного ученого, доктора исторических наук, профессора Тихона Сергеевича Сергеева. Биография его, с одной стороны, достаточно типична для советской эпохи: деревенский паренек, сын фронтовика, погибшего в первых сражениях Великой Отечественной войны, остался на руках у матери с братом Михаилом и сестренкой Зоей. Во многом благодаря ее усилиям все трое детей получили высшее образование, стали высококвалифицированными специалистами. Но для молодого Тихона, уроженца д. Новые Мамен Канашского района, профессиональный рост на этом не закончился, и он проделал впечатляющий путь до высоких научных и педагогических вершин. И с этой точки зрения подобные достижения являются примечательными, они выбиваются из ряда типичных биографий большинства современников.

А началось все в семилетней школе, расположенной в родной деревне, в первом классе которой он начал учиться в 1944 г., когда еще не окончилось военное лихолетье. После окончания семи классов он поступает в Цивильское педагогическое училище и успешно обучается в нем в 1951–1955 гг. Затем последовала учеба на историко-филологическом факультете Чувашского государственного педагогического института, который он окончил в 1960 г. Видимо, предрасположенность к педагогической работе передалась в этой семье от отца, сельского учителя. Педагогами стали не только Тихон, но и его брат, и сестра, которые также посвятили себя воспитанию сельских школьников.

Опираясь на природные данные и навыки, полученные в школе и педагогическом училище, студент Тихон Сергеев стал активно проявлять себя в институте: участник художественной самодеятельности, музыкант духового оркестра, автор корреспонденций и статей, опубликованных в республиканских газетах и журналах, редактор факультетской стенной газеты. В стенах вуза под руководством одного из ведущих спортсменов республики А.Г. Улангина он практически стал профессиональным легкоатлетом, кандидатом в мастера СССР. Т. Сергеев защищал честь вуза и республики на многих соревнованиях, и особенно памятным для него стал сентябрьский день 1958 г., когда он, будучи капитаном команды-победительницы среди вузов по эстафетному бегу на призы газеты «Советская Чувашия», получил переходящий кубок из рук главного судьи соревнований, Героя Советского Союза Михаила Девятаева, легендарного человека, угнавшего немецкий самолет и спасшего жизнь 9 узников фашистского концлагеря. В 1959 г. легкоатлет завоевал звание чемпиона Чувашии в беге на 30 км, его успехи способствовали становлению и развитию марафонского бега в регионе.

Как и многие представители молодежи Чувашии, принимал участие в освоении целинных земель и за активное участие в этой работе в Алтайском крае в 1957 г. был удостоен правительственной медали.

В годы учебы у молодого студента все отчетливее проявлялись способности к научным исследованиям, которые в основном простирались в сферу развития культуры. После двух лет службы в Советской армии и года работы учителем в Чебоксарской школе № 4 он поступил в аспирантуру Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Кандидатская диссертация, выполненная на кафедре истории СССР, была посвящена культурному строительству и формированию нового быта в чувашской деревне в 1928–1941 гг. Успешная защита прошла в 1965 г., после чего молодой кандидат наук начинает трудиться в родном вузе, но судьба преподнесла новый поворот. В 1967 г. открылся Чувашский государственный университет, и Т.С. Сергеев приступил к работе на историко-филологическом факультете нового вуза. Здесь он стал доцентом, профессором, в течение 33 лет передавал свои знания студентам, и здесь же раскрылся его талант как исследователя культуры, образования, науки. В ЧГУ он стал организатором музея И.Н. Ульянова, жизни и деятельности которого посвящено немало трудов Т.С. Сергеева. В течение трех десятков лет он являлся научным консультантом этого музея.

В 1991 г. в Уральском государственном университете Т.С. Сергеев защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Культура Чувашии (1917–1990 годы)», что стало закономерным итогом исследовательской деятельности на протяжении десятков лет творческой жизни. Одновременно с работой в ЧГУ с 2000 г. он заведовал кафедрой отечественной истории и права ЧГПУ, с 2004 г. окончательно перешел на работу в педагогический университет, продолжая возглавлять кафедру, с 2007 г. являлся профессором кафедры отечественной и всеобщей истории, в 2020 г. переведен на должность старшего научного сотрудника НИИ этнопедагогики им. академика РАО Г.Н. Волкова.

Почти за 60 лет работы в двух вузах Т.С. Сергеев принял непосредственное участие в подготовке около 5 тыс. специалистов истории, русского языка и литературы, которые трудились и трудятся в школах, колледжах, вузах, органах власти и управления, архивах, СМИ, библиотеках и т.д. Он также подготовил 1 доктора и 9 кандидатов наук.

Как ученый он издал свыше 500 научных публикаций, в том числе 25 монографий и свыше 40 учебных и учебно-методических пособий, которые в основном посвящены культурному строительству в Чувашии и Среднем Поволжье. Особо следует обратить внимание на активное сотрудничество Тихона Сергеевича с Чувашским государственным институтом гуманитарных наук во время работы над Краткой чувашской энциклопедией и четырехтомной Чувашской энциклопедией. Более 350 тематических и биографических статей стали заметным вкладом в создании этого сборника научно выверенных сведений практически обо всех сферах жизни республики.

Т.С. Сергееву немало лет, но он активно участвует в научной работе, и регулярно печатаясь в высокорейтинговых журналах, подтверждает свою квалификацию высококвалифицированного историка. Он регулярно выступает в качестве официального оппонента на защитах диссертаций, высказывая свое профессиональное мнение о достижениях коллег.

Следует отметить и еще одно уникальное качество Т.С. Сергеева и его супруги, доктора биологических наук В.Е. Сергеевой, которые создали в семье настоящую творческую атмосферу. Одним из примеров теплого содружества старшего и младшего поколений Сергеевых является домашняя стенная газета «Искорка», издающаяся 47-й год. Недавно увидела свет газета под номером 310, в подготовке которой участвовали все члены семьи, в том числе в онлайн-овом режиме. Остается только гадать, что же движет супругами до сегодняшнего дня, в чем лежит их удивительный интерес к «издательской» деятельности. Они привлекают к созданию газеты не только двух дочерей, но и более младшее поколение, которое сегодня представляют четыре внука и три правнука. Вполне закономерно, что за большие заслуги в укреплении института семьи указом Главы Чувашской Республики от 7 июля 2016 г. супружеская чета Сергеевых награждена орденом «За любовь и верность».

Т.С. Сергеев удивительно активен по жизни. Он ежегодно участвует в «Тотальном диктанте» по русскому языку и пять раз был удостоен «Сертификата отличника». Регулярно

участвует и во «Всечувашском диктанте». Наверное, можно вести речь о неумном стремлении проверить себя, здоровом любопытстве, и при этом маститый профессор не стесняется возможных ошибок, не боится «опозориться». К сожалению, подобных качеств абсолютному большинству из нас, его коллег, недостает. Конечно, он не забывает о спорте, участвует в массовых акциях «Кросс нации», «Лыжня России».

Наконец, еще одно качество Тихона Сергеевича, хорошо известное коллегам, – это его стремление увековечить важные события в стихотворной форме. В четырех сборниках «На Парнас в досужий час» можно найти зарифмованное отражение различных ипостасей его жизни, что не может не вызвать доброго расположения к автору.

Вклад в исследование культуры республики отмечен присуждением Т.С. Сергееву почетного звания «Заслуженный работник культуры Чувашской АССР» (1990), ему вручен нагрудный знак «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» (2008), он награжден Почетной грамотой Чувашской Республики (2015), является заслуженным профессором ЧГПУ им. И.Я. Яковлева (2023).

Основные научные труды

Старые и новые Ходары (Историко-этнографический очерк). Чебоксары: Чувашкиноиздат, 1965. 52 с.

Создание национальных кадров для сельского хозяйства и их роль в подъеме культурно-технического уровня чувашского колхозного крестьянства в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.) // Ученые записки Чуваш. гос. пед. ин-та (ЧГПИ). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. Вып. 28. С. 121–140.

Из истории осуществления начального всеобщего в Советской Чувашии // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. ун-та (ЧГУ), 1970. С. 27–42.

К вопросу о культурном строительстве и формировании социалистического быта в чувашской деревне в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.) // Расцвет, сближение и взаимообогащение культур народов СССР. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1970. С. 36–42.

Ульяново-яковлевские традиции в Ходарской средней школе Чувашской АССР // И.Я. Яковлев и его школа // Ученые записки ЧГПИ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. Вып. 33. С. 182–194.

Детище педагога-демократа И.Н. Ульянова (К 100-летию Порецкой учительской семинарии). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. 64 с.

И.Я. Яковлев и Ходарская школа // Вопросы истории и историографии чувашского народа. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 1973. С. 121–133.

Роль партийных и советских органов в организации охраны здоровья населения в период голода 1921–1922 гг. и ликвидации его последствий // Вопросы социальной гигиены и организации здравоохранения: сб. статей. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 1976. Вып. 1. С. 8–15.

Из истории высшего образования в Чувашии // Вопросы воспитания и обучения студентов вуза: сб. статей. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 1976. Вып. 2. С. 3–11.

Культурное строительство в Советской Чувашии в годы предвоенных пятилеток (на материалах колхозной деревни). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. 192 с.

История изучения вопросов культурной революции в Чувашии // Вопросы истории культурного строительства в Чувашии. Чебоксары, 1980. Вып. 102. С. 143–158. (Труды ЧНИИ).

Социалистическая культура Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 160 с.

Подготовка специалистов средней и высшей квалификации в Чувашской АССР в 1961–1980 гг. // Культурное строительство в Чувашской АССР на этапе развитого социализма: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 77–92.

Вклад трудящихся Горьковского края в просвещение и культуру нерусских народов региона в период строительства социализма // Социалистическая революция и социалистическое строительство в Волго-Вятском регионе: межвузовский сборник. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 1985. С. 92–101.

Культура Советской Чувашии. К 70-летию автономии республики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. 335 с.

Страницы истории высшей школы Чувашии. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 1992. 190 с. В соавторстве.

Ликвидация неграмотности населения. Развитие общеобразовательной школы // Из истории культуры Чувашии. 1917–1985 / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 4–48. В соавторстве.

Подготовка кадров массовых профессий и специалистов со средним и высшим образованием // Из истории культуры Чувашии. 1917–1985 / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 49–84. В соавторстве.

Академик В.Д. Дмитриев (В связи с 70-летием со дня рождения) // Вестник Чувашского университета. 1995. № 1. С. 128–132. В соавторстве.

Родник знаний и культуры (К 125-летию Порецкой учительской семинарии и 40-летию школы-интерната им. И.Н. Ульянова). Чебоксары: Клио, 1997. 64 с.

Изучение дореволюционного культурного наследия Чувашии // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1997. № 1. С. 14–23.

Изучение истории культуры Чувашии новейшего времени // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1998. № 1. С. 115–132.

Факел знаний (К 125-летию Порецкой учительской семинарии и 40-летию школы-интерната им. И.Н. Ульянова). Екатеринбург; Чебоксары: УралНАУКА, 1998. 147 с. В соавторстве.

Храм мой – библиотека. История становления и развития Национальной библиотеки Чувашской Республики. Чебоксары: Нац. б-ка ЧР, 1999. 146 с.; 2-е изд. Чебоксары: Пегас, 2021. 188 с.

Канашцы – доктора наук. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 168 с.

Народное образование среди чувашей России и в Чувашской Республике в 1918–1928 годах: к историографии проблемы // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 2000. № 2. С. 48–55.

Подготовка боевых резервов Красной Армии в годы Великой Отечественной войны через курсовую систему обучения (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской республик) // Марийский археографический вестник. 2000. № 10. С. 121–132. В соавторстве.

Вопросы историографии, истории образования, науки и культуры Чувашии. Чебоксары: ЧГПУ, 2000. 232 с.

Горизонты сельской школы (К 130-летию Ходарской школы им. И.Н. Ульянова). Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 308 с.

Историки Чувашии – доктора наук: учеб. изд. Чебоксары: ЧГПУ, 2002. 171 с.

Из истории ликвидации неграмотности среди взрослого населения Чувашии в 1928–1941 годах // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 2002. № 3. С. 52–66. В соавторстве.

Возрожденный исторический (К 75-летию ЧГПУ им. И.Я. Яковлева): науч. изд. Чебоксары: ЧГПУ, 2005. 398 с. В соавторстве.

Художественная интеллигенция Чувашии в 1920–1941 гг. Чебоксары: ЧГПУ, 2005. 205 с. В соавторстве.

Школа поисков и инноваций: к 70-летию Чебоксарской гимназии № 4. Чебоксары: ЧГПУ, 2006. 386 с.

Чувашская областная организация КПСС: Хроника 1898–1991. В 2 кн. Кн. 2 (1956–1991). Чебоксары: Чуваш. республикан. отд. КПрФ, 2007. В соавторстве.

Научно-педагогическое наследие И.Н. Ульянова и современность. М.: МГТУ им. М.А. Шолохова, 2009. 388 с.

Внешняя работа в педагогической системе И.Н. Ульянова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2010. № 3–1. С. 43–48.

Творческая интеллигенция Чувашии в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время (1941–1953): монография. Чебоксары: ЧГПУ, 2013. 256 с.

Научно-педагогическая и просветительская деятельность И.Н. Ульянова. 2-е изд. Чебоксары: ЧГПУ, 2014. 622 с.

Земские школы в просветительской деятельности И.Н. Ульянова в многонациональном Среднем Поволжье // Вестник Российского университета кооперации. 2014. № 1 (15). С. 106–111.

Научно-педагогическая деятельность И.Н. Ульянова по развитию образования в Среднем Поволжье: историография, источники. Чебоксары: НИИ педагогики и психологии, 2015. 192 с.

Обсуждение педагогических проблем в российской печати середины XIX века // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2015. Т. 1. № 1 (1). С. 49–55.

Организация на территории Чувашии ухода за ранеными и больными в период Первой мировой войны // Здравоохранение Чувашии. 2018. № 3. С. 91–100.

Великая Отечественная война 1941–1945 годов в восприятии внуков и правнуков фронтовиков и тружеников тыла: учебно-методич. пособие. Чебоксары: НИИ педагогики и психологии, 2019. Вып. 1. 128 с.; 2020. Вып. 2. 182 с. В соавторстве.

Просветительская и научная деятельность православных миссионеров в Китае и развитие востоковедения в XIX веке // Вестник Чувашского университета. 2020. № 2. С. 141–149.

Чуваш Никита Бичурин (Иакинф) и бурят Доржи Банзаров – известные исследователи этнической культуры монголов в XIX веке // Вопросы истории. 2020. № 12 (3). С. 143–152. В соавторстве.

Вклад декабристов в изучение и развитие этнокультуры народов Сибири // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 1 (57). С. 24–30. В соавторстве.

Хранительница этнокультуры народа (К 150-летию Национальной библиотеки Чувашской Республики): учебно-методич. пособие. Чебоксары: НИИ педагогики и психологии, 2021. 178 с.

Этнокультура монголов в трудах востоковеда Н.Я. Бичурина // Исторический поиск. 2022. Т. 3. № 2. С. 95–103.

Патриотизм фронтовиков и тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны в восприятии потомков: учебно-методич. пособие. Чебоксары: НИИ педагогики и психологии, 2022. 226 с. В соавторстве.

Книжная палата Чувашской Республики – хранительница письменности и этнокультуры народа // Этническая культура. 2022. Т. 4. № 2. С. 34–39.

Сельские библиотеки Чувашии – хранительницы языка и этнокультуры народа // Библиотековедение. 2022. Т. 71. № 1. С. 49–60.

Книжная культура в меценатстве купцов Таланцевых // Библиотековедение. 2022. Т. 71. № 3. С. 307–316.

Академик Г.Н. Волков – исследователь научно-педагогического наследия И.Я. Яковлева и продолжатель его идей // Современные тенденции развития этнопедагогики в образовательном пространстве мира: сб. научно-методич. статей по итогам Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения академика РАО Г.Н. Волкова. Чебоксары, 2022. С. 302–310.

Патриотизм фронтовиков и тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в восприятии потомков (по материалам студенческих рефератов) // Духовные основы отношения человек – природа: материалы Всероссийской (Национальной) научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 2023. С. 387–394. В соавторстве.

Участие волонтеров-медиков Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова в санитарном просвещении и охране здоровья населения Чувашии // Воспитательный процесс в медицинском вузе: теория и практика: сборник научных трудов по материалам II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Иваново, 2023. С. 144–149. В соавторстве.

Тотальный диктант как средство приобщения населения к русскому языку и русской этнокультуре // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2023. № 1 (118). С. 33–43.

Краеведческие организации в изучении и хранении родного языка и этнокультуры чувашей в 1920-е годы // Этническая культура. 2023. Т. 5. В соавторстве.

Литература о Т.С. Сергееве

Димитриев В.Д. Члену-корреспонденту НАНИ ЧР Т.С. Сергееву – 60 лет // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1998. № 1. С. 176–178.

Чернобаев А.А. Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории: биобиблиографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Летопись, 2000. С. 466.

Димитриев В.Д. Сергеев Тихон Сергеевич // Канашцы – доктора наук. Чебоксары, 2000. С. 124–132.

Димитриев В.Д., Касимов Е.В. Сергеев Тихон Сергеевич // Чувашский гуманитарный вестник. 2007/2008. № 3. С. 211–215.

Димитриев В.Д. Преданный служитель науки (к 75-летию со дня рождения профессора Тихона Сергеевича Сергеева / Халӑх шкулӗ = Народная школа. 2013. № 1. С. 43–44.

Бойко И.И. Сергеев Тихон Сергеевич // Чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2009. Т. 3. С. 662.

Григорьев В.С. Сергеев Тихон Сергеевич // Чувашский гуманитарный вестник. 2013. № 8. С. 235–240.

Павлов И.В. Полвека служения образованию и науке // Советская Чувашия. 2013. 27 февраля.

Сергеев Тихон Сергеевич // Энциклопедия чувашской журналистики и печати. Чебоксары, 2014. С. 393.

Павлов И.В. Исследователь истории образования и культуры // Халӑх шкулӗ = Народная школа. 2018. № 1. С. 92–93.

Павлов И. В досужий час – на Парнас // Республика. 2023. 22 февраля.

И.И. Бойко

ДМИТРИЕВА ЮДИТ

(к 70-летию со дня рождения)

Юдит Дмитриева-Салонтаи родилась 6 октября 1953 г. в г. Будапешт (Венгрия). Училась в средней школе в классе с углубленным изучением русского языка. Во время учебы в гимназии, точнее летом 1971 г., она впервые побывала с пионерами из Хевешской области в дружеских городи Эгеру Чебоксарах. Эта поездка послужила толчком для более интенсивных занятий русским языком.

В 1972 г. поступила на факультет венгерского языка и литературы и русского языка и литературы Эгерского педагогического института. На третьем курсе прошла стажировку на историко-филологическом факультете Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. Перед стажировкой познакомилась с профессором Андрашем Рона-Ташем, который в то время был занят организацией кафедры алтаистики в Сегедском университете. По его просьбе Юдит в Чебоксарах начала изучать чувашский язык. После стажировки в 1975 г. перевелась в Сегедский университет и стала обучаться по специальности «русский язык и алтаистика».

На кафедре алтаистики первостепенное место отводилось исследованию древней истории венгров в связи с так называемыми чувашскими заимствованиями в венгерском языке и глубокому изучению чувашского языка в синхронном и диахронном плане. Активно велась студенческая научно-исследовательская работа. В годы учебы студенты данной специализации встречались с выдающимися венгерскими тюркологами и востоковедами, например, так Юдит познакомилась с известным академиком Л. Лигети. Однако больше всего впечатлял студентов сам заведующий кафедрой А. Рона-Таш, прежде всего своим огромным научным кругозором и эрудицией. Еще во время стажировки в Чебоксарах Юдит познакомилась со своим будущим мужем А.В. Дмитриевым, с которым они поженились летом 1977 г. Будучи уже замужем, но еще студенткой Сегедского университета, в первом семестре 1978/79 учебного года она стажировалась на кафедре татарской филологии Казанского государственного университета.

Получив таким образом многостороннее образование, Ю. Дмитриева-Салонтаи в 1979 г. переехала к мужу в Советский Союз и приступила к работе в качестве младшего научного сотрудника отдела языка Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (с 1994 г. – Чувашский государственный институт гуманитарных наук). В 1991 г. она переведена на должность научного сотрудника, в 1993 г. – старшего научного сотрудника. В 1996 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Опыт сравнительно-исторического и ареально-типологического изучения флористической лексики чувашского языка (Названия высших растений)».

Ю. Дмитриева в течение почти четверти века проработала научным сотрудником отдела языкознания в ЧНИИ (ЧГИГН). За это время в общей сложности написала около 30 научных трудов по истории и этимологии чувашского языка. Опубликовала несколько работ по ономастике чувашского языка, цикл статей, посвященных сравнительно-историческому анализу лексико-семантической группы фитонимов в чувашском языке, в которых подвергла этимологическому, морфологическому и семантическому анализу чувашские народные названия растений на буквы от А до Я. Подробное и всеобъемлющее изучение богатой фитонимической лексики чувашского языка позволило Ю. Дмитриевой подметить основные структурные особенности и признаки номинации не только этой группы лексем, но и всего словарного состава чувашского языка. В итоге в 2001 г. она выпустила монографию «Чувашские народные названия дикорастущих растений» в издательстве Дебреценского университета (Венгрия) под редакцией выдающегося чувашеоведа Клары Адягаши.

Особый пласт работ Ю. Дмитриевой составляют обзорные статьи и аннотации научных изысканий венгерских коллег, способствующие наиболее полному вводу в научный оборот их идей и концепций. Самый объемный труд этого жанра – составленный совместно с Klarой Адягаши аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых, выпущенный в свет Чувашским государственным институтом гуманитарных наук в 2001 г.

Высокую оценку в научных кругах Чувашии получили ее переводы трудов ученых Венгрии по языкознанию, музыковедению, истории, этнографии и археологии. С большим интересом была воспринята не только представителями гуманитарной науки, но и широким кругом читателей переведенная на русский язык Ю. Дмитриевой книга Д. Месароша «Памятники старой чувашской веры» (1909), изданная на русском языке в 2000 г.

Каждодневный кропотливый труд ученого Ю. Дмитриева совмещала с деятельностью в сфере популяризации науки: регулярно выступала в средствах массовой информации с публикациями по истории и культуре венгерского народа, знакомила читателей с творчеством деятелей литературы, искусства, науки Венгрии.

В 2003 г. Юдит Дмитриева была приглашена на работу в Югорский государственный университет (ЮГУ). До 2008 г. трудилась в качестве доцента кафедры финно-угроведения и общего языкознания Института языка, истории и культуры народов Югры ЮГУ, преподавала венгерский язык. В связи с тем, что в вузе не было готовых учебных материалов для занятий этим языком, ею был разработан учебник венгерского языка для начинающих, изданный в 2007 г. в Ханты-Мансийске на средства гранта фонда Яноша Араня (Венгрия).

С 2008 г., с переводом ее на должность старшего научного сотрудника научно-исследовательской лаборатории (творческой лаборатории) Ювана Шесталова, она стала консультантом и переводчиком в коллективе, организованном для издания трехязычного (мансийский, венгерский, русский) фольклорного текста под названием «Именитые богатыри Обского края». Благодаря идеальному знанию родного венгерского языка, прекрасному владению теорией и практикой большинства отраслей финно-угроведения и высокому профессионализму Ю. Дмитриева показала себя как бесценный переводчик архаичных мансийских фольклорных текстов, записанных венгерскими учеными в XIX в. и опубликованных на венгерском и мансийском языках. Четыре тома «Богатырей...» вышли в свет с 2010 по 2018 г. Известно, что не только фольклор, но и большое количество иной научной литературы по угроведению издано лишь на венгерском языке, в силу чего она малодоступна или даже вовсе недоступна для российских ученых. Юдит в полной мере владеет этой информацией, поэтому за консультацией по материалам, опубликованным в Венгрии, сотрудники ЮГУ и других научных учреждений Ханты-Мансийска при необходимости до сих пор обращаются к отзывчивой коллеге.

В 2009–2010 гг. Ю. Дмитриева продолжила работу в качестве доцента кафедры мансийской филологии Института языка, истории и культуры народов Югры ЮГУ.

В течение всего периода работы в Югорском университете она прилагала максимум усилий для налаживания контактов с венгерскими научными и преподавательскими кругами. При поддержке венгерской стороны она оборудовала кабинет венгерского языка, организовала обучение студентов ЮГУ в венгерских вузах. Так, по ее инициативе в 2006–2009 гг. ежегодно по два студента в течение десяти месяцев занимались на интенсивных курсах венгерского языка и хунгарологии в Институте им. Балашши в Будапеште. В 2007 г. она организовала выезд в эту страну двух студентов для прохождения обучения на курсах венгерского языка в г. Дебрецене. Она регулярно принимала участие в международных, всероссийских и иных научных, научно-практических конференциях и семинарах, на которых выступала с докладами по угорской филологии. Опубликовала несколько статей по мансийскому языкознанию и угроведению. В 2008 г. она за добросовестный труд и вклад в развитие Югорского государственного университета была награждена Почетной грамотой Югорского государственного университета.

С выходом на заслуженный отдых Юдит Дмитриева вернулась в Чебоксары. Однако она продолжает достаточно активную научную и переводческую деятельность, хотя не столь интенсивную, как ранее. Но все же коллеги имеют возможность знакомиться с ее новыми научными публикациями – статьями по чувашскому языкознанию, тюркологии и финно-угроведению – в научных журналах и сборниках. Все так же большой интерес представляют публикации переведенных ею трудов венгерских коллег и высококвалифицированных рецензий на них. Ю. Дмитриева – частый участник различного рода научных заседаний, круглых столов, презентаций. Ее выступления на научных форумах всегда выслушиваются с большим вниманием и, как правило, вызывают оживленное обсуждение.

Юдит Дмитриева-Салонтаи стала надежным связующим звеном между тюркологическими и финно-угроведческими сообществами России и Венгрии. Для представителей российской гуманитарной науки и культуры она является проводником информации о достижениях зарубежной алтаистики и уралистики, а для коллег из Венгрии – своим представителем в российском научно-информационном поле и отзывчивым человеком, готовым протянуть руку помощи ученым (как начинающим, так и маститым), желающим познакомиться с разработками российской науки или поработать с материалами из наших архивных фондов.

Основные научные труды

A csuvas *yumšă* «varázsló» szó etimológiája // Acta Iuvenum Universitatis Szegediensis (Sectio Linguistica). Tomus 2. Szeged, 1978. P. 95–107.

Названия деревьев в чувашском языке // Труды / НИИЯЛИЭ при Совете министров Чуваш. АССР. Вып. 97: Проблемы исторической лексикологии чувашского языка. Чебоксары, 1980. С. 28–37.

The Etymology of the Chuvash Word *yumšă* «Sorcerer» // Chuvash Studies / Ed. by A. Róna-Tas. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. С. 171–179.

Чувашская грамматика Й. Буденца // Исследования по лексике и грамматике современного чувашского языка: сб. статей / НИИЯЛИЭ при Совете министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1986. С. 44–59.

Чувашская грамматика Й. Буденца (статья 2-я) // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка: сб. статей / НИИЯЛИЭ при Совете министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1987. С. 28–43.

Названия грибов в чувашском языке // Чăваш чĕлхе пĕлĕвĕ = Вопросы чувашского языкознания: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1999. С. 41–55.

Чувашское наследие Йожефа Папаи // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1999. № 2. С. 124–129.

Языкознание // Чувашский государственный институт гуманитарных наук. 1930–2000. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 77–96.

Чувашские народные названия дикорастущих растений: (сравнительно-исторический и ареальный аспект) / под ред. К. Адягаши. Дебрецен: Kossuth Egyetemi Kiadó, 2001. 211 с. (Studies in Linguistics of the Volga-Region. Vol. 1.)

Hungaro-Tschuwaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. Чебоксары: [ЧГИГН], 2001. 239 с. В соавторстве.

Словообразовательные и словоизменительные значения каритивного аффикса (аффикса лишения) в тюркских и финно-угорских языках (на основе чувашского и венгерского языков) // Проблемы словообразования в тюркских языках / Акад. наук Респ. Татарстан; Ин-т языка, лит-ры и искусства им. Г. Ибрагимова. Казань: Фикер, 2002. С. 134–141.

Magyarantánítás Hanti-Mansziszokban // Finnugor Világ. A Regulý Társaság Értésítője. 2005. № 4. С. 19–23.

Чуваши́е диалекти́змы с аффиксом -сăр, -сёр // Цивилизации народов Поволжья и Приуралья. Т. 3: Проблемы языка и этноса на рубеже веков. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2006. С. 64–76.

Чуваши́е фами́льные прозвизча (по Словарю чувашского языка Н.И. Ашмарина) // Чăваш чĕлхе пĕлĕвĕ = Вопросы чувашского языкознания: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2006. Вып. 2. С. 157–171.

Практический курс венгерского языка: учебник для начинающих. Ханты-Мансийск: Югорский гос. ун-т; Ин-т истории, языка и культуры народов Югры, 2007. 165 с.

О некоторых морфологических и синтаксических сходствах в мансийском и венгерском языках // Обские угры: научные исследования и практические разработки: материалы Всерос. науч. конф. VII Югорские чтения «Обские угры: научные исследования и практические разработки», посвященной 15-летию создания первого окружного научного учреждения обско-угорских народов в округе и 75-летию создания письменности народов Севера на родных языках (29 ноября – 2 декабря 2006 г., г. Ханты-Мансийск). Ханты-Мансийск, 2008. С. 267–272.

Роль финно-угроведов в изучении чувашского языка // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: материалы X международ. симпозиума. «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (24–25 марта 2004 г., Ижевск). Ижевск: Удмурт. ун-т, 2009. С. 133–141.

Новое в венгерском чувашеведении // Российская тюркология. 2011. № 1 (4). С. 63–68.

Артикли в мансийском языке // Congressus X. Internationalis Fenno-Ugristarum (Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010). Pars IV: Dissertationes sectionum: Linguistica / red. Sándor Csúcs, Nóra Falk, Viktória Tóth, Gábor Zaicz. Piliscsaba: Regulý Társaság, 2011. P. 61–67.

Послелогии в урало-алтайских языках (на материале угорских и чувашского языков) // Марийская филология: ученые записки Института финно-угроведения / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2012. Вып. 8. С. 30–37.

Рона-Таш о результатах последних исследований тюркского и венгерского рунического письма (обзор) // Чувашская письменность: история и современность: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 95–100.

А.П. Долгова, Т.А. Молданова

ГУСАРОВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

(к 60-летию со дня рождения)

20

июня исполнилось 60 лет ведущему научному сотруднику исторического направления Ю.В. Гусарову. Юбиляр родился в пос. Урмары Чувашской АССР в семье служащих. Отец, Владимир Васильевич (1929–2020), много лет руководил Урмарским элеватором, мать, Гаяния Григорьевна (род. 1935), работала медицинской сестрой в детских садах поселка. От родителей сын унаследовал ответственность, работоспособность, скромность.

Будущий историк учился в старшей в поселке средней школе № 1. Гуманитарные наклонности проявились у него в школьные годы, поэтому выбор профессии не был трудным. В 1980 г. на вступительных экзаменах в Чувашский государственный университет юбиляр не добрал балла и год работал столяром-сборщиком на Урмарской мебельной фабрике – самом крупном предприятии поселка. В рабочий коллектив влился легко, так как с двенадцати лет в летние каникулы трудился маляром и плотником на предприятиях поселка бок о бок со старшими товарищами.

В 1981 г. Ю.В. Гусаров поступил на историческое отделение историко-филологического факультета ЧГУ. Он тепло отзывался о многих преподавателях, ставших для студентов примером для подражания. В годы учебы Гусаров проявил себя пытливым студентом: занимался в научном кружке, участвовал в студенческих научных конкурсах. На старших курсах вступил в общество «Знание» и начал выступать с лекциями. Решением ГЭКа был рекомендован к поступлению в аспирантуру.

Студенческие годы запомнились ему общежитским братством, походами на выставки и в музеи, игрой с друзьями в футбол, занятиями в ансамбле народного танца ДК агрегатного завода, участием в художественной самодеятельности, туристическими поездками по городам огромной страны. В составе студенческих строительных отрядов он возводил береговые укрепления в Заволжье, строил ферму в Мариинском Посаде и школу-восьмилетку в микрорайоне Ямоз г. Ядрина. Подобно многим товарищам, подрабатывал: сначала дворником в Чувашском драматическом театре, сцену с которым делил музыкальный театр (он пересмотрел репертуар обоих театров, став поклонником Мельпомены), затем сторожем-дворником в детском саду ЧЭАЗ.

В 1986 г. Ю.В. Гусаров с отличием окончил вуз и выбрал местом работы среднюю школу в с. Чубаево по соседству с Урмарами. Учителей не хватало, и пришлось преподавать не только историю и обществоведение, но и другие предметы, например, родную речь. Как ведется, молодого учителя нагрузили учебной и общественной работой. Он вел классное руководство, руководил комсомольской учительской организацией, организовывал школьные вечера и субботники, участвовал в учительской самодеятельности, выступал с лекциями в трудовых коллективах. После первого года работы на районном августовском педагогическом совещании был отмечен в числе творчески работающих учителей.

Юбилею работа в школе нравилась, но его влекла наука. В 1987 г. он поступил в очную аспирантуру ЧГУ при кафедре истории СССР к профессору П.В. Денисову. Посоветовавшись с В.Д. Димитриевым, тот предложил изучить жизнь и творчество забытого историка XIX в., уроженца Чувашского края Н.С. Арцыбышева. Тема личности в истории была близка аспиранту, и он согласился. Пришлось много работать в библиотеках и архивах Казани, Москвы и Петербурга, овладевать знаниями по дисциплинам, не изучавшимся в вузе. Это затянуло работу над диссертацией, но стало хорошей школой, во многом определив творческие интересы ученого. А быть первопроходцем в науке стало его стилем.

В 1991–2011 гг. Ю.В. Гусаров работал на кафедре археологии, этнографии и региональной истории: сначала ассистентом, затем старшим преподавателем (1995–2003), доцентом по приказу (2003–2011). До 1994 г. совмещал преподавание с заведованием этнографического музея, выезжая со студентами в этнографические и археологические экспедиции. Преподавал как предметы специализации, так и общие на гуманитарных и технических факультетах. Прокормить семью на зарплату было нельзя, поэтому подрабатывал в подразделениях университета: гимназии (1994–2009), Вурнарском лицее (1997–2003), на подготовительных курсах, в школах Чебоксар и Новочебоксарска, занимался репетиторством. Молодой преподаватель пользовался славой хорошего лектора, студенты его любили, коллеги за эрудицию называли «ходячей энциклопедией». В 2002 г. он защитил диссертацию, в 2006 г. получил звание доцента ВАК.

Много сил и времени им было отдано учебно-административной работе. В 1996–1997 гг. он работал заместителем ответственного секретаря приемной комиссии ЧГУ, в 1998–2000 гг. – председателем предметной приемной комиссии по истории России, в 2004–2008 гг. – председателем предметной комиссии по истории олимпиады ЧГУ для старшеклассников. Регулярно приглашался в жюри республиканских научно-практических конференций для студентов и школьников. В 2004–2009 гг. (с перерывом в 2006 г.) был членом республиканской комиссии ЕГЭ по истории, в 2006–2014 гг. – комиссии республиканского этапа олимпиады для школьников по истории. В 2006–2012 гг. входил в комиссию по аттестации учителей истории и обществознания при республиканском институте образования.

В сентябре 2011 г. Ю.В. Гусаров перешел на работу в Чувашский государственный институт гуманитарных наук. До 2013 г. занимал должность заведующего отделом истории, а когда она была упразднена, до 2023 г. продолжал руководить им в качестве ведущего научного сотрудника исторического направления. Одновременно в 2011–2013 гг. по совмести-

тельству работал на подготовительных курсах ЧГУ, в 2014–2019 гг. – в Государственном историческом архиве Чувашской Республики.

Область научных интересов Ю.В. Гусарова широка. Он занимается изучением проблем истории культуры и народного образования Чувашии, историографии, истории книги, церковной истории, истории городов и др. В последние годы плодотворно работает в области археографии. Он автор более 140 научных и учебно-методических трудов, опубликованных в Чебоксарах, Москве, Петербурге, Казани, Йошкар-Оле, Саранске, в том числе 5 монографий (4 – в соавторстве), участвовал в подготовке сборников документов по Отечественной войне 1812 г., истории Чебоксар второй половины XVI – начала XX в., национально-государственному строительству Чувашской Республики, опубликовал ряд документов по историографии, этнографии и истории Чувашии XIX – начала XX в. Как исследователя, его отличают универсализм, научная дотошность, глубокое проникновение в тему.

Вкладом в отечественную историографию является его книга о Н.С. Арцыбышеве. Она была высоко оценена специалистами, получила известность за пределами Чувашии. С тех пор персонифицированная история – сквозная в творчестве юбиляра. Его перу принадлежат биографические очерки об общественно-политических и деятелях культуры, учителях, дворянах, купцах, в большинстве малоизвестных или забытых. Ряд статей посвящен историкам, краоведам и их творческому наследию. Интерес к «романовской» теме вылился в серию статей о посещении территории Чувашии членами императорской фамилии. О визитах многих из них, включая императора Петра I, читатели впервые узнали из его статей.

Заметный след в творческой биографии Ю.В. Гусарова оставила Чувашская энциклопедия, членом редакции по истории которой он являлся. В бумажную версию издания вошло 400 его статей (из них 36 в соавторстве), еще 10 – в электронную. Тематически они охватывают историю Чувашии XVII – начала XX в., историографию, историю книги, церковную историю, историю чувашского национального движения и др. Много статей посвящено отдельным личностям, дворянским, купеческим и мещанским родам. Немало статей написано с опережением историографии, то есть их автор выступил застрельщиком новых тем.

Под руководством Ю.В. Гусарова осуществлено несколько исследовательских проектов института. Первым стала коллективная монография по истории Чебоксар, начатая еще в годы перестройки. Юбилей организовал работу по переработке ранее написанного и стал автором предисловия, двух глав, а также одним из редакторов. Книга выдержала два издания, заняв видное место в региональной историографии. Материал, не вошедший в книгу, автор использовал в отдельных статьях.

Вторым проектом стала книга о Чебоксарском Николаевском женском монастыре, которым он руководил вместе с археологом Н.Ю. Березиной. Перу историка принадлежит глава об истории монастыря и Николаевского собора, знаменитой насельнице обители, бабушке по матери основателя царской династии Романовых М.Т. Шестовой и раскопках на месте ее могилы, проведенных в год 300-летия династии Романовых и сто лет спустя. Книга вышла в 2016 г., а в следующем году дополнена, в том числе материалами новых раскопок, и издана под новым названием, вызвав большой интерес у читателей.

Вызовом для ученых института стал заказ Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики на создание учебного пособия по истории Чувашии, непрофильного для научного учреждения. Как руководитель авторского коллектива, Ю.В. Гусаров разработал концепцию и план-проспект издания, персонально и в соавторстве написал 12 параграфов, выступил в роли ответственного редактора. Книга «Краткая история Чувашии и чувашского народа» вышла из печати в 2019 г., широко используется учителями и вузовскими преподавателями.

В багаже ученого опыт организации научных форумов, посвященных: политическим репрессиям 1930-х – начала 1950-х гг. (2013, 2014), 95-летию В.Л. Кузьмина (2014), 100-летию Первой мировой войны (2014) и Октября 1917 г. (2017), 550-летию Чебоксар (2019), 200-летию Н.И. Ильминского (2022). Он является редактором 14 книг (в т.ч. 6 монографий), рецензентом 11.

Ю.В. Гусаров известен как популяризатор научных знаний. Он активно публикуется в печатных СМИ, краеведческих и научно-популярных изданиях, выступает на радио и ТВ. Среди телефильмов с его участием есть снятые для федеральных каналов.

Эрудированного историка привлекают к сотрудничеству музеи, библиотеки, архивы, органы власти, общественные организации. Он является членом Научного совета ГИА ЧР,

аттестационной комиссии экскурсоводов и гидов-переводчиков при Министерстве экономического развития и имущественных отношений ЧР, Общественного совета при настоятеле Чебоксарского Свято-Троицкого мужского монастыря.

Юбилар награжден Почетной грамотой Чувашского государственного университета (2004), Почетной грамотой Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (2007), Благодарностью Главы Чувашской Республики (2012), Почетной грамотой Государственного Совета Чувашской Республики (2017), памятной медалью «100-летие образования Чувашской автономной области» (2020), нагрудным знаком «За достижения в культуре» (2020), удостоен звания «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики» (2023).

Основные научные труды

Библиотека В.К. Магницкого // Вопросы археологии и этнографии Чувашии: материалы чтений, посвященных памяти В.Ф. Каховского. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 187–204.

Гражданский портрет: очерк жизни и творческой деятельности Н.С. Арцыбышева. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. 184 с.

О книжной торговле в Чувашском крае во второй половине XIX – начале XX веков // Поволжье в системе Всероссийского рынка: история и современность: материалы науч. конф. (Чебоксары, 5–6 октября 1999 г.) / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары, 2000. С. 140–179.

Иностранное предпринимательство в Чувашском крае в конце XIX – начале XX в. (О деятельности некоторых яичных торговцев) // Мир предпринимательства Поволжья в исторической ретроспективе: материалы науч. конф. (Чебоксары, 15–16 ноября 2001 г.) / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары, 2002. С. 41–96.

Общественно-политические деятели Чувашии начала XX века А.Ф. и П.А. Федоровы // Личность, общество, власть в истории Чувашии: XX век: сб. статей / сост. и отв. ред. В.Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 5–41.

Первые парламентарии Чувашии (К.В. Лавровский, Я.А. Абрамов) // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья: сб. статей / сост. В.Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 215–233.

Об учителях-новаторах Чувашского края конца XIX – начала XX вв. // Формирование единого пространства образования и науки в Российской высшей школе: История и перспективы: сб. статей [Всероссийской научно-практич. конф., посвященной памяти профессора А.В. Арсентьевой, Чебоксары, 3–5 октября 2008 г.]. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 227–235.

«Чебоксарский сборник» со стихами А.С. Пушкина и других поэтов первой половины XIX в. // Архивы и наука: теория и практика взаимодействия: материалы II Межрегионал. научно-практич. конф. (архивных чтений). Чебоксары: ГИА ЧР, 2011. С. 32–37.

Изучение истории Чебоксар в XVIII – начале XXI века // Город Чебоксары и его округа в эпоху средневековья: материалы Всерос. научно-практич. конф. (Чебоксары, 26 сентября 2013 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 66–82.

Из истории дворянского рода Апехтиных // В.Л. Кузьмин и вопросы археографии, историографии и истории Чувашии: материалы регионал. научно-практич. конф. (Чебоксары, 4 марта 2014 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. С. 35–53.

История Чебоксарского духовного училища (1816–1918) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сб. статей. Казань: Яз, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. Вып. 4. С. 43–59.

Две автобиографии этнографа и фольклориста В.К. Магницкого // Чувашский гуманитарный вестник. 2014. № 9. С. 132–161.

Из истории благотворительности в Чувашии: Чебоксарский дамский комитет (1914–1917) // Первая мировая война в истории народов Поволжья: материалы Межрегионал. научно-практич. конф. (Чебоксары, 24 октября 2014 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 110–125.

Об уровне образования чиновничества Чувашии в XVIII – первой половине XIX века // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 49–59.

Из истории Чебоксарской Владимирской (Сретенской) подгородной мужской пустыни // Православие в Чувашском крае: история и современность. К 70-летию Чебоксарско-Чувашской епархии: материалы регионал. научно-практич. конф. 19–20 мая 2016 г. Чебоксары: ВФ МАДИ – Свято-Троицкий мужской монастырь, 2016. С. 46–63.

О посещении Чебоксар императором Павлом I в 1798 году // Архивы и наука: исторический аспект и современные реалии: материалы Всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 27–28 октября 2016 г.). Чебоксары: ГИА ЧР, 2017. С. 36–50.

Чебоксарская старина: Николаевский женский монастырь / Ю.В. Гусаров, Н.С. Березина [и др.]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 223 с. [Предисловие, § 3 гл. 3 (в соавторстве с Н.Ю. Березиной), гл. 1].

Общественно-политическая жизнь Чебоксар в годы Первой российской революции // Чувашский гуманитарный вестник. 2017. № 12. С. 33–64.

О закрытии и разорении Чебоксарского Троицкого мужского монастыря в 1920-е годы // Исторический вестник: Научно-документальный журнал Государственного исторического архива Чувашской Республики. 2017. С. 23–42.

О раннем периоде истории Чувашского драматического театра и его связях с чувашскими национальными организациями // Явление Театра народу: сб. статей и материалов: к 100-летию Чувашского государственного академического драматического театра им. К.В. Иванова. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 96–114.

Переводная чувашская книга второй половины XIX – начала XX века: к истории переводческой и издательской деятельности // Итоговые научные сессии 2014–2017 гг. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 242–284. (Научные доклады).

Чебоксары: исторический очерк / И.И. Бойко, Ю.В. Гусаров [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2019. (Предисловие, гл. 3 и 4).

«Убежденный народник»: чувашский общественно-политический деятель начала XX века Т.П. Прохоров // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа: материалы Всерос. научно-практич. конф. (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 261–284.

Об истории издания сборника трудов и вновь выявленных сочинениях первого чувашского этнографа, историка и писателя С.М. Михайлова // Чувашский гуманитарный вестник. 2020. № 15. С. 75–94.

Городские общественные публичные библиотеки в культурной и общественной жизни Чувашии второй половины XIX – начала XX века // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. Вып. 6. С. 37–58.

«Ученая монахиня», писательница-переводчица А.Е. Алфимова // Велено устроить на Олатыре... Алатырский Киево-Николаевский новодевичий монастырь: Очерки истории. Документы / сост., отв. ред. В.Д. Кочетков. Чебоксары: Новое время, 2023. С. 99–121.

В.К. Магницкий и И.Я. Яковлев: история отношений двух просветителей // Чувашский гуманитарный вестник. 2023. № 18. С. 36–51.

Литература о Ю.В. Гусарове

Клементьев В.Н. Гусаров Юрий Владимирович // Чувашская энциклопедия. В 4 т. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. С. 476.

Кодыбайкин С.Н. Гусаров Юрий Владимирович (К 50-летию со дня рождения) // Чувашский гуманитарный вестник. 2013. № 8. С. 242–245.

Гусаров Юрий Владимирович // Чебоксары – город моей мечты: электронный фотоальбом. Чебоксары: Гос. архив электрон. и кинодокументации ЧР, 2014. [Электронное издание].

Уйрăм сын вĕтĕр истори курăнать [В биографиях людей отражается история] // Āсхакăл хăвачĕ: интервьюсем / материала Л.Н. Сачковăпа Л.П. Петров хатĕрленĕ. Шупашкар: ЧПГАИ, 2015. С. 94–99.

Гусаров Юрий Владимирович // Ученые Чувашского государственного института гуманитарных наук. Год 2020-й: научно-справоч. изд. / сост. и науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 56–61.

В.Н. Клементьев

КЛЕМЕНТЬЕВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ

(к 60-летию со дня рождения)

18

октября 2023 г. исполнилось 60 лет ведущему научному сотруднику исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук кандидату исторических наук доценту Владимиру Николаевичу Клементьеву.

В.Н. Клементьев родился в г. Чебоксары. Рос и формировался в рабочем окружении. Учился в средней школе № 28. С ранних школьных лет у него проявился интерес к гуманитарным дисциплинам, особенно любил историю и литературу, ходил в любимчиках у преподавателей по этим предметам. Довольно рано определился с будущей профессией. Уже с 10 лет хотел стать историком. Очень много читал художественной исторической литературы. Особенно увлекали его сюжеты, связанные с биографией выдающихся личностей, историей России и Европы в XVIII–XIX вв. В старших классах увлекся историей международных отношений и современной внешней политикой.

В 1981 г. поступил на историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (ЧГУ). Учился на «отлично», проявил интерес к исследовательской работе, был председателем студенческого научного общества факультета, политинформатором курса на протяжении всех пяти лет учебы. Преподаватели факультета говорили о необходимости, чтобы Владимир «пошел» в науку. Перед ним встала альтернатива – какой историей заняться: зарубежной или отечественной? Выбор был сделан в пользу последней. Определилось и основное направление будущей научно-исследовательской работы – проблематика государственного строительства Чувашии в советский период.

Под руководством преподавателя кафедры истории СССР В.Д. Данилова защитил дипломную работу по истории Советов Чувашской республики в 1980-е гг. В 1986 г., закончив учебу с красным дипломом, получил приглашение на работу в отдел истории от директора НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР В.Д. Димитриева. Однако в связи с рекомендацией Ученого совета ЧГУ отправился стажером-исследователем в Ленинградский государственный университет (ЛГУ). С 1987 по 1990 г. являлся аспирантом кафедры истории КПСС ЛГУ, где в 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Коммунистическая партия и Советы: опыт взаимоотношений 1926–1936 гг. (по материалам Чувашской АССР)». Его научным руководителем являлся известный специалист и автор ряда монографий по истории Ленинградского городского Совета доктор исторических наук А.Ф. Калинин.

По возвращении из аспирантуры стал преподавателем кафедры всеобщей истории Чувашского госуниверситета. Вел курс новейшей истории зарубежных стран и спецкурс по истории государственных и правовых учений на историческом факультете ЧГУ. С 1991 г. работал в аппарате заместителя председателя Кабинета министров Чувашской Республики В.Д. Данилова. В 1992 г. вернулся на преподавательскую работу в ЧГУ. В 1993 г. перешел в Чувашский государственный институт гуманитарных наук (ЧГИГН), где последовательно прошел ступени от научного до ведущего научного сотрудника (в 2002–2011 гг. был заведующим отделом истории ЧГИГН) и где в полной мере раскрылся его научно-исследовательский потенциал. В.Н. Клементьев стал признанным специалистом в области истории Советской Чувашии 1917–1930-х гг., политической истории, национально-государственного строительства, органов государственного управления и населенных пунктов Чувашской Республики. Он соавтор обобщающих исследований по истории Чувашского края и чувашского народа – «История Чувашии новейшего времени». Кн. 1 (Чебоксары, 2001), «Краткая история Чувашии и чувашского народа» (Чебоксары, 2019). Автор научных трудов, редактор 12 научных сборников и одной монографии.

В рамках тематического направления по истории городов Чувашии В.Н. Клементьев явился автором монографии «Козловка: исторический очерк» (Чебоксары, 1997), соавтором книги «Чебоксары: исторический очерк» (Чебоксары, 2019).

Ведущая линия научных разработок исследователя – проблематика национально-государственного строительства Чувашии. По ней им опубликовано около 60 научных публи-

каций, в том числе 3 монографии: «Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы» [Чебоксары, 2010 (в соавторстве с В.П. Ивановым)], «История национальной государственности чувашского народа. Кн. 1: Истоки государственности чувашей» (Чебоксары, 2018), «История национальной государственности чувашского народа. Кн. 2: Создание чувашской государственности 1920–1925 гг.» (Чебоксары, 2018), а также подготовлен сборник документов «Национально-государственное строительство чувашского народа» в 3 томах: «Национальное движение чувашского народа (начало XX в. – июнь 1920 г.)», «Образование и становление Чувашской автономии (1920 г. – июль 1925 г.)», «Национально-государственное строительство Чувашской Республики (1925 г. – 2019 г.)», последний – в соавторстве.

В 2000-е гг. новым направлением, разрабатываемым исследователем, становится история просветительства и просветительской мысли в Чувашии.

Важную роль он сыграл в подготовке многотомной Чувашской энциклопедии (ЧЭ): как член редакционной коллегии, руководитель отраслевой редакции «История», редактор почти 3000 статей и автор 180 тематических и биографических энциклопедических статей. Историк внес весомый вклад в создание тематического словника ЧЭ, координировал работу многочисленных авторов, рецензировал статьи по отрасли «История». В.Н. Клементьев написал цикл концептуальных статей по истории Чувашии XX в. – «Октябрьская революция и установление советской власти», «Новая экономическая политика», «Военный коммунизм», «Индустриализация» и др. Ряд из них являются пионерными в разработке проблем истории Чувашии и чувашского народа, в частности «Чувашское национальное движение», «Чувашское просветительство» и др. В связи с подготовкой ЧЭ впервые в исторической науке Чувашии разработаны методика исследования, концептуальная модель и структура статей по истории населенных пунктов Чувашской Республики. Под непосредственным руководством и при авторском участии В.Н. Клементьева создан свод знаний о них: он редактор и фактический соавтор исторической части около 2000 статей по населенным пунктам Чувашии.

Параллельно с научно-исследовательской работой на протяжении многих лет В.Н. Клементьев занимался и педагогической деятельностью в учебных заведениях Чувашии. Им читались курсы лекций по истории Отечества, истории мировых цивилизаций, государственно-правовых учений. Он зарекомендовал себя как трудолюбивый, высококвалифицированный работник, прилагающий много сил и стараний для обеспечения высокого качества научной продукции, и в коллективе института, и в среде научной общественности республики пользуется заслуженным авторитетом. Свидетельством признания заслуг исследователя является присуждение ему в 1998 г. молодежной стипендии Президента Чувашской Республики за особую творческую одаренность, в 2010 г. был отмечен Благодарностью Министерства культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики и Почетной грамотой Государственного Совета Чувашской Республики, в 2015 г. – Почетной грамотой Министерства культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики, в 2019 г. – Благодарностью Государственного Совета Чувашской Республики. В 2020 г. ему присуждена Государственная премия Чувашской Республики в области гуманитарных наук за научное издание «История национальной государственности чувашского народа», состоящее из двух книг: «Истоки государственности чувашей», «Создание чувашской государственности. 1920–1925», он был награжден памятной медалью «100-летие Чувашской автономной области». В 2022 г. В.Н. Клементьеву Указом Главы Чувашской Республики назначена годичная государственная стипендия как выдающемуся деятелю науки Чувашской Республики.

Основные научные труды

Советы Чувашии на завершающем этапе формирования административно-командной системы (1930–1936 гг.) // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. Вып. 1. С. 130–151.

Козловка: исторический очерк. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. 239 с.

Деятельность государственных органов Чувашии по поддержке и развитию нетитульных национальностей республики (1924–1930 гг.) // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 53–70.

История Чувашии новейшего времени. Кн. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 263 с. (Главы 2, 3).

Избирательные кампании в Советы Чувашии второй половины 1920-х годов как отражение политических противоречий нэпа // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. Вып. 3. С. 142–194.

Чувашия от автономной области к республике // Чувашская Республика: проблемы национально-государственного строительства (история и современность). Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 6–75.

Проекты административно-территориальной реформы внутриобластного районирования Чувашии (первая половина 1920-х гг.) // Становление и развитие парламентаризма в России: материалы Всерос. научно-практич. конф. (30–31 марта 2006 г.). Чебоксары: ЧКИ, 2006. С. 102–111.

Установление административных границ Чувашии с Марийской республикой (1920–1941 гг.) // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. Вып. 4. С. 78–143.

Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация чувашей (ноябрь 1917 – 1919 годы) // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 23–44.

Формирование советской системы в Чувашии: начальный этап (ноябрь 1917 г. – первая половина 1920 г.) // Личность, общество, власть в истории Чувашии, XX век: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 70–127.

Отдел по делам национальностей Казанского губернского исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его деятельность (1918–1920 гг.) // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья: региональная научная конференция. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. С. 297–309.

Просветительство И.Я. Яковлева как фактор формирования национального самосознания чувашского народа // И.Я. Яковлев – просветитель народов Поволжья и Приуралья: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 16–39.

Зарождение идеи автономии // КИЛ. 2010. № 2. С. 56–74.

Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 192 с. В соавторстве.

Областное экономическое совещание в системе органов управления Чувашской автономии: опыт функционирования (1921–1923) // Национальная государственность чувашского народа: история и современность: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 98–115.

Административно-территориальное размежевание между Чувашией и Татарской республикой (1920–1925): проекты и решения // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. Вып. 5. С. 95–130.

Национальная психология и уровень притязаний чувашской политической элиты начала XX века // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность: материалы Межрегионал. научно-практич. конф., посвященной 1150-летию зарождения российской государственности и 400-летию освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (Чебоксары, 8–9 ноября 2012 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 32–43.

Из практики реализации национально-языковой политики в Чувашской автономной области (1920–1925 гг.) // Российская тюркология. 2012. № 2 (7). С. 81–91.

Национально-языковая политика в советской Чувашии: становление и характерные тенденции (ноябрь 1917 – 1920 гг.) // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 36–50.

Истоки государственности чувашского народа: исторические и социокультурные предпосылки / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2012. 40 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 9).

Становление Советов Чувашии как центров организации местного хозяйства и социально-культурного строительства (1918–1920 гг.) // Чувашский гуманитарный вестник. 2016. № 11. С. 95–124.

История национальной государственности чувашского народа. Кн. 1: Истоки государственности чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 383 с.

История национальной государственности чувашского народа. Кн. 2: Создание чувашской государственности. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 382 с.

Чувашская Республика: история и современность. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 222 с. В соавторстве.

Краткая история Чувашии и чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2019. 438 с. (Раздел V).

Чувашская Республика: история и современность: книга-альбом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 222 с. В соавторстве (Исторический очерк).

Чебоксары: исторический очерк. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2019. 640 с. (Глава 11).

Национально-государственное строительство чувашского народа. В 3 т.: сб. документов и материалов. Т. 1: Национальное движение чувашского народа (начало XX в. – июнь 1920 г.) / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, Гос. ист. архив Чуваш. Респ., Гос. архив современной истории Чуваш. Респ. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. 496 с.

Национально-государственное строительство чувашского народа. В 3 т.: сб. документов и материалов. Т. 2: Образование и становление Чувашской автономии (1920 г. – июль 1925 г.) / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, Гос. ист. архив Чуваш. Респ., Гос. архив современной истории Чуваш. Респ. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. 496 с.

Национально-государственное строительство чувашского народа. В 3 т.: сб. документов и материалов. Т. 3: Национально-государственное строительство Чувашской Республики (1925–2019 гг.) / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, Гос. ист. архив Чуваш. Респ., Гос. архив современной истории Чуваш. Респ. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. 496 с.

Чувашская автономия: генезис, становление, динамика развития // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа: материалы Всерос. научно-практич. конф. (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 7–46.

Пограничье Чувашии и Татарстана: коллизия этнических и территориальных интересов // Татары и чувашы – ветви одного древа: материалы Всерос. научно-практич. конф. (Чебоксары, Казань, 7–8 октября 2021 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; ЧГИГН. Казань; Чебоксары: Новое время, 2021. С. 232–245.

Мордовское население Чувашии в свете региональной национальной политики в 1920–1930-е гг.: материалы Международ. научно-практич. конф. (с. Поречное, 3 декабря 2021 г.) / сост. и отв. ред. Д.В. Егоров. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 137–146.

Идейные основы системы Н.И. Ильминского и их трансляция в просветительских воззрениях И.Я. Яковлева и Д.Ф. Филимонова // Н.И. Ильминский и этнокультурное развитие народов Поволжья: материалы Всерос. научно-практич. конф. (г. Чебоксары, 16 сентября 2022 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров, А.П. Долгова. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 234–248.

Концепт «духовного обрусения» в просветительском проекте И.Я. Яковлева: к вопросу о содержании и интерпретациях // Чувашский гуманитарный вестник. 2023. № 18. С. 3–35.

Литература о В.Н. Клементьеве

Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук (1930–2005) / авт.-сост. Г.Б. Матвеев. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 87.

Чувашская энциклопедия. В 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 2. Ж–Л. С. 262.

Клементьев Владимир Николаевич (к 50-летию со дня рождения) // Чувашский гуманитарный вестник. 2013. № 8. С. 250–253.

Чӑнлӑх тӑп ырӑнта // Ӑс-хакӑл хӑвачӑ: интервьюсем / материала Л.Н. Сачковӑпа Л.П. Петров хатӑрленӑ; асл. ред. Л.П. Петров. Шупашкар: ЧПГӐИ, 2015. С. 159–163.

Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук. Год 2020-й: научно-справоч. издание / сост. и науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 105–109.

Ю.В. Гусаров

Хроника научной жизни института 2022 год

31.01 – в ежегодном республиканском конкурсе «Аспирант года», организованном Министерством образования и молодежной политики ЧР и Советом молодых ученых и специалистов ЧР, который проводится с целью поддержки аспирантов, повышения их профессионального уровня и стимулирования научной деятельности, младший научный сотрудник ЧГИГН А.Д. Гаврилов удостоился диплома в номинации «Лучшая самопрезентация».

17.02 – в Большом зале администрации г. Чебоксары состоялась торжественная церемония награждения членов рабочей группы по подготовке и направлению заявки по включению г. Чебоксары в список городов трудовой доблести. Благодарственные письма были вручены сотрудникам ЧГИГН доктору искусствоведения М.Г. Кондратьеву и доктору исторических наук И.И. Бойко.

18.02 – Почетной грамотой ЧР награжден старший научный сотрудник ЧГИГН кандидат искусствоведения Ю.В. Викторов.

1–2.03 – состоялась очередная итоговая научная сессия ЧГИГН, посвященная Дню российской науки. Были заслушаны доклады А.А. Чибиса «Верховые чуваш: некоторые итоги и задачи изучения» и Д.В. Басманцева «Чуваши в имперской системе власти России во второй половине XVI – начале XVIII века: опыт историко-правового анализа». Выступили со своими сообщениями сотрудники института И.И. Бойко, В.Г. Харитонов, А.Д. Гаврилов, Г.Б. Матвеев, В.А. Ендеров, Д.В. Егоров, В.П. Иванов, А.А. Антипина, Е.В. Сергеева.

2.03 – сотрудники ЧГИГН доктор филологических наук В.Г. Родионов, кандидаты филологических наук А.П. Долгова, И.П. Семенова и А.В. Кузнецов приняли участие в работе вечера-портрета «Ученый-педагог, актер и режиссер Семен Горский», состоявшегося в Национальной библиотеке ЧР.

29.03 – В Чебоксарском художественном училище состоялась презентация книги-альбома «Линия одержимости». Автор издания – ведущий научный сотрудник ЧГИГН, кандидат искусствоведения А.И. Мордвинова посвятила его 100-летию со дня рождения выдающегося живописца и педагога Розалии Михайловны Ермолаевой.

9.04 – в Национальной библиотеке ЧР состоялся «День медленного созерцания искусства» – «Посвящение В.И. Агееву». Кандидат искусствоведения А.И. Мордвинова рассказала о неповторимом «агеевском» стиле и любви художника к культуре и традициям чувашского народа.

25.04 – в День чувашского языка на мероприятии в Цивильском районном Доме культуры приняла участие сотрудница ЧГИГН кандидат филологических наук Г.Г. Ильина.

27.04 – в Институте истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан состоялся круглый стол «Наследие Волжской Булгарии в истории и культуре тюркских народов Среднего Поволжья». В мероприятии приняли участие сотрудники ЧГИГН кандидаты исторических наук Г.А. Николаев и Д.В. Егоров.

5.05 – в Государственном архиве Республики Татарстан прошел круглый стол на тему «Реформы Петра I и исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья», приуроченный к 350-летию со дня рождения императора Петра I. В нем принял участие сотрудник ЧГИГН кандидат исторических наук Д.В. Басманцев.

11.05 – в Казанском (Приволжском) федеральном университете состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция «Трудовой подвиг в тылу: строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей», приуроченная к 80-летию строительства Волжского оборонительного рубежа. На форуме ЧГИГН представляли кандидаты исторических наук В.Г. Харитонов, Н.Б. Смирнов и кандидат филологических наук Е.В. Федотова.

16.05 – состоялось расширенное заседание секции этнологии исторического направления ЧГИГН по теме «Обряды и ритуалы чувашского народа: традиции и новации», посвященное 150-летию со дня рождения этнографа, педагога и священнослужителя К.П. Прокопьева.

17.05 – в МБОУ «Синьяльская СОШ» Чебоксарского района прошли традиционные XVIII Абашевские историко-краеведческие чтения. Приняли участие сотрудники ЧГИГН кандидат исторических наук Н.С. Мясников, Е.П. Михайлов, А.Ю. Березин.

19.05 – состоялось совместное заседание секций истории исторического направления и литературоведения филологического направления ЧГИГН, посвященное 180-летию Акрамовского крестьянского восстания – «Акрамовское крестьянское восстание в оценках историков и литературоведов».

19–21.05 – в XXXI Всероссийском фестивале музыки композиторов Поволжья и Приуралья (г. Саранск) приняла участие сотрудник ЧГИГН кандидат искусствоведения Л.И. Бушуева.

3–12.06 – состоялась комплексная экспедиция сотрудников ЧГИГН в места компактного проживания чувашей на территории Республики Марий Эл. В экспедиции приняли участие кандидаты исторических наук Д.В. Егоров, Г.Б. Матвеев, Е.В. Сергеева, кандидаты филологических наук Г.Г. Ильина, И.П. Семенова, В.А. Ендеров, кандидат искусствоведения Л.И. Бушуева, А.А. Антипина.

7.06 – в зале Ученого совета ЧГИГН прошла встреча коллектива института с заместителем Председателя Кабинета Министров Чувашской Республики – министром экономического развития и имущественных отношений Чувашской Республики Д.И. Красновым.

9.06 – в Национальной библиотеке ЧР на мероприятии, посвященном Дню чувашской книги, сотрудник ЧГИГН кандидат филологических наук И.Ю. Кириллова презентовала издания, выпущенные институтом.

11.06 — Распоряжением Главы ЧР О.А. Николаева за фундаментальные исследования в области науки, литературы и искусства назначена ежемесячная государственная стипендия сроком на один год кандидату искусствоведения Л.И. Бушуевой и кандидату исторических наук В.Н. Клементьеву.

11–13.06 – состоялся полевой семинар на Большетаябинском городище X–XIII вв. в Яльчикском районе Чувашской Республики, в котором приняли участие археологи ЧГИГН и Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань).

16.06 – состоялось торжественное заседание коллектива института, посвященное 75-летию со дня рождения доктора исторических наук И.И. Бойко, 70-летию доктора исторических наук В.П. Иванова и кандидата исторических наук Г.Б. Матвеева.

17.06 – сотрудники ЧГИГН кандидаты филологических наук Э.Е. Лебедев и И.П. Семенова приняли участие в работе круглого стола «Поволжский регион: исторический и культурологический аспекты» в рамках Межрегионального мо-

лодежного культурно-исторического форума «История и культура народов Поволжья».

21.06–10.07 – отрядом Марийской археологической экспедиции, сотрудниками ЧГИГН и волонтерами Йошкар-Олинского лицея «Инфотех» произведены раскопки Амоксарского могильника, расположенного на острове Амоксар Чебоксарского водохранилища в Моргаушском районе Чувашской Республики.

22.06 – сотрудник ЧГИГН доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев принял участие в работе второго Международного семинара по этномузыкальному и фольклористике, организованного Новосибирской государственной консерваторией им. М.И. Глинки совместно с Институтом филологии Сибирского отделения РАН.

28.06 – младший научный сотрудник института А.Д. Гаврилов успешно защитил кандидатскую диссертацию «Особенности пунктуационного оформления сетевых аналитических газетных заголовков (на материале русского, чувашского и английского языков)» по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

1.07 – состоялась встреча членов Ученого совета ЧГИГН с главным редактором информационного агентства REGNUM М.А. Колеровым и его заместителем В.В. Андреевой.

4.07 – сотрудник ЧГИГН кандидат филологических наук А.П. Долгова приняла участие в работе летнего лагеря обучения чувашскому языку «Хавал».

7.07 – в зале Ученого совета ЧГИГН состоялась встреча сотрудников института с преподавателями, студентами и магистрантами кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. С 6 по 20 июля 2022 г. московские коллеги провели этнографическую экспедицию в различных районах Чувашской Республики и Республики Марий Эл (руководители – кандидат исторических наук Г.Ю. Устьянцев и младший научный сотрудник кафедры этнологии МГУ Г.А. Никитина).

5–7.07 – состоялась Международная конференция «Всемирная сокровищница родных языков: оберегать и делять. Контекст, политика и практика сохранения языков коренных народов» (г. Москва). На пленарном заседании выступила сотрудник ЧГИГН кандидат филологических наук А.П. Долгова.

19.07 – ЧГИГН посетили помощник председателя Духовного управления мусульман ЧР Илдус Зейнетдинов и научный сотрудник Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ Венер Усманов.

27.07 – состоялся выезд археологов ЧГИГН кандидата исторических наук Н.С. Мясникова и Е.П. Михайлова в Канашский и Урмарский районы Чувашии с целью изучения современного состояния и выявления новых арабиграфичных надмогильных камней XVI–XVIII вв. на старых чувашских кладбищах.

19.08 – Почетной грамотой ЧР награжден главный научный сотрудник ЧГИГН доктор исторических наук И.И. Бойко.

19.08 – в Музее чувашской вышивки представлена обновленная выставка «Отмеченная зима. 1982. История издания книги». Данная выставка о жизни и творчестве Геннадия Айги впервые экспонировалась в 2019 г. На открытии приняли участие сотрудники ЧГИГН кандидат филологических наук И.Ю. Кириллова, кандидат искусствоведения А.И. Мордвинова и А.А. Малинина.

24–25.08 – на региональном форуме «Сообщество» по теме форума – «Россия: многообразие культур, единство граждан» (г. Казань) приняла участие сотрудник ЧГИГН кандидат филологических наук А.П. Долгова.

29.08–3.09 – состоялась совместная эпиграфическая экспедиция сотрудников ЧГИГН (кандидат исторических наук Н.С. Мясников, Е.П. Михайлов, А.Ю. Березин) и их московских коллег (кандидат филологических наук А.В. Савельев из Института языкознания РАН; доктор исторических наук, член-корреспондент РАН В.В. Напольских; А. Пичугина и Ю. Миронова из лаборатории RSSDA) по сбору материала для составления каталога арабографичных надгробных камней на территории Чувашии.

6.09 – **конец октября** – археологами ЧГИГН проведены раскопки в центре г. Чебоксары по ул. К.В. Иванова (во дворе 1-й городской больницы им. П. Осипова).

14–16.09 – сотрудник ЧГИГН кандидат филологических наук Э.Е. Лебедев принял участие в V Международном образовательном форуме «Алтай-Азия 2022: Евразийское образовательное пространство – новые вызовы и лучшие практики» (г. Барнаул).

15.09 – во Всероссийской научной конференции «Петровские преобразования в исторических судьбах народов России» (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, г. Казань) приняли участие сотрудники ЧГИГН кандидаты исторических наук Д.В. Басманцев и А.А. Чибис.

16.09 – в ЧГИГН состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Н.И. Ильминский и этнокультурное развитие народов Поволжья», посвященная 200-летию со дня рождения востоковеда, педагога, миссионера и просветителя восточных народов России Николая Ивановича Ильминского. В пленарной части форума министр образования и молодежной политики ЧР Д.А. Захаров вручил ряду сотрудников института государственные награды: удостоверение и наградный знак звания «Почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации» доктору исторических наук В.П. Иванову, Почетные грамоты ЧР доктору исторических наук И.И. Бойко и кандидату искусствоведения Ю.В. Викторову, удостоверение и знак почетного звания «Заслуженный работник культуры ЧР» редактору Л.Н. Сачковой.

20.09 – директор ЧГИГН П.С. Краснов принял участие в мероприятиях, посвященных Дню мордовской культуры (с. Напольное Порецкого р-на ЧР).

22.09 – в Цивильском районе ЧР состоялось совещание директоров культурно-досуговых учреждений Чувашской Республики «Национальный проект “Культура”: опыт реализации и успешные практики Цивильского района», в котором принял участие сотрудник ЧГИГН доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев.

20–23.09 – заместитель директора по науке и развитию ЧГИГН Г.А. Николаев принял участие в работе XXXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы «Государственная власть и крестьянство» (Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тянь-Шанского).

4.10 – в г. Саранске состоялось торжественное мероприятие, посвященное 90-летию со дня основания Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. С добрыми пожеланиями и поздравлениями выступили директор ЧГИГН П.С. Краснов и доктор исторических наук В.П. Иванов.

6.10 – на состоявшейся в Казани IX Всероссийской (XVII средневолжской региональной) конференции историков-аграрников, археологов, этнографов и других специалистов Евразии «Историко-культурное наследие российской деревни: сохранение и развитие» приняли участие сотрудники ЧГИГН кандидаты исторических наук В.Г. Харитонов и Д.В. Басманцев.

13.10 – в ЧГИГН состоялся круглый стол «Проблемы этнографии и этнологии чувашского народа (середина XIX – конец XX в.)», посвященный 75-летию со дня рождения этнографа П.П. Фокина.

14.10 – на состоявшейся в г. Ульяновск Межрегиональной научно-практической конференции «Волжская рокада – трудовой подвиг народа» приняла участие кандидат исторических наук В.Г. Харитонов.

20.10 – состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Начало чувашского профессионального музыкального искусства. К 130-летию со дня рождения Ф.П. Павлова и С.М. Максимова» (г. Чебоксары).

21.10 – состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Ашмаринские чтения», посвященная 75-летию доктора филологических наук, профессора В.Г. Родионова, организованная ЧГИГН совместно с ЧГУ им. И.Н. Ульянова.

27.10 – в Национальной библиотеке ЧР прошла онлайн-встреча сотрудников ЧГИГН с ведущим научным сотрудником Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН доктором исторических наук А.К. Салминым, который представил свою монографию «Академические исследования этнической самобытности чувашского народа».

28.10 – в Ядринском художественно-краеведческом музее состоялась торжественная церемония передачи артефактов, посвященных зодчему Санкт-Петербурга Петру Егорову, и картин художников, принявших участие в Егоровском пленэре. В мероприятии принял участие сотрудник ЧГИГН доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев.

1.11 – в Чебоксарах состоялась церемония возложения цветов к мемориальной доске известного советского поэта-фронтовика, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР, народного поэта Кабардино-Балкарии Кайсына Кулиева. Выступили народные поэты Чувашской Республики Валерий Тургай и Раиса Сарби, ведущий научный сотрудник филологического направления кандидат филологических наук И.Ю. Кириллова. В церемонии приняли участие работники культуры и образования, представители творческой интеллигенции республики.

7.11 – состоялось совместное заседание секций исторического и археологического направлений ЧГИГН, посвященное 470-летию г. Алатыря «Новое о ранней истории г. Алатыря». Гостями мероприятия были преподаватели вузов г. Чебоксар и руководитель Центра изучения древнего деревянного оборонного зодчества «Алатырский кремль» им. А.Г. Нечаева А.М. Рыбников.

15.11 – в Музее чувашской вышивки открылась фотодокументальная выставка «Исследователь чувашской этнографии и этнологии», посвященная научной деятельности сотрудника ЧГИГН кандидата исторических наук Г.Б. Матвеева.

16.11 – в Республиканском Институте культуры и искусств (г. Чебоксары) состоялась презентация книги «Создание сценического танцевального костюма» (автор – доцент института С.Н. Краснова). Приняли участие сотрудники

ЧГИГН (рецензенты) доктор исторических наук В.П. Иванов и кандидат искусствоведения Л.И. Бушуева.

16.11 – сотрудники археологического направления ЧГИГН в Чувашском Заволжье открыли средневековый могильник «Чебоксарский городок».

21–22.11 – в память об академике Н.И. Лапине прошла XVII Всероссийская научно-практическая конференция «Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях» (г. Москва). В ней приняли участие сотрудники ЧГИГН доктор исторических наук И.И. Бойко и кандидат исторических наук В.Г. Харитоновна.

23.11 – на онлайн-площадке Национальной библиотеки ЧР выступил с лекцией «Чувашская музыка в XX веке» из цикла открытого образовательного лектория «Искусство сквозь призму истории» сотрудник ЧГИГН доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев.

24.11 – на базе факультета башкирской и тюркской филологии Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологии (УУНиТ) прошли мероприятия, посвященные 25-летию кафедры татарской и чувашской филологии. В них приняли участие сотрудники ЧГИГН кандидаты филологических наук Г.Г. Ильина и И.П. Семенова.

29.11 – в ЧГИГН состоялся образовательный вебинар, организованный ФГБУ «Дом народов России» при поддержке ФАДН России, посвященный Международному дню коренных народов. Приняли участие сотрудники ЧГИГН кандидаты филологических наук Э.Е. Лебедев, А.П. Долгова и И.П. Семенова.

1.12 – состоялась пресс-конференция, посвященная 100-летию юбилею Республиканского русского драматического театра, в котором принял участие сотрудник ЧГИГН доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев (автор сувенирно-подарочного альбома «Золотой век РДТ»).

6.12 – в зале Ученого совета ЧГИГН состоялось расширенное заседание археологического направления по итогам прошедшего полевого сезона. На мероприятии присутствовали сотрудники института, участники археологических раскопок, сотрудники Чувашского национального музея и Чувашского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, представители общественности.

6–8.12 – прошел IX Всероссийский форум национального единства. В его рамках был организован семинар Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, в котором принял участие доктор исторических наук И.И. Бойко.

8.12 – в г. Ульяновске состоялся праздничный вечер, посвященный 25-летию Ульяновской областной чувашской национально-культурной автономии. На юбилейном мероприятии приняла участие делегация из Чувашии в составе директора ЧГИГН депутата Госсовета ЧР П.С. Краснова, депутата Госсовета ЧР Н.Ф. Угаслова и члена Общественной палаты ЧР В.Н. Тяпкина.

8–9.12 – состоялся VI форум «Языковая политика в Российской Федерации» (г. Москва). В нем принял участие сотрудник ЧГИГН кандидат филологических наук О.Р. Студенцов.

10.12 – в Чувашской государственной филармонии состоялось торжественное мероприятие, приуроченное к 30-летию со дня образования Чувашского национального конгресса. В мероприятии принял участие один из организаторов ЧНК директор ЧГИГН, депутат Госсовета ЧР П.С. Краснов.

14.12 – в ЧГИГН прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Национальные миры народов Поволжья и Приуралья в произведениях художников XX века», посвященная 90-летию со дня рождения А.И. Миттова (1932–1971).

22.12 – в ЧГИГН состоялся научный семинар по чувашской лексикографии «Составление словарей: теория и практика», посвященный 125-летию со дня рождения исследователя тюркских и монгольских языков Н.Н. Поппе. С сообщениями выступили сотрудники ЧГИГН кандидаты филологических наук Г.А. Дегтярев, И.П. Семенова, А.П. Долгова, Э.Е. Лебедев, О.Р. Студенцов.

26.12 – в ЧГУ им. И.Н. Ульянова открылась выставка «Выдающиеся этнографы Чувашии». В мероприятии приняли участие сотрудники ЧГИГН доктор исторических наук В.П. Иванов и кандидат исторических наук Г.Б. Матвеев, научной деятельности которых были посвящены отдельные стенды.

Подготовила *Е.В. Сергеева*

Правила для авторов

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично – до 25 % объема. Текст представляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Представляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они представляются вместе с электронным вариантом. Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль – 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный, формат страницы – А-4, выравнивание по ширине (для заголовка – по центру), отступ абзаца – 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор – MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных – Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах – в тексте рукописи и отдельной единицей – с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в Научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо «сельское общество») аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 страницы) обязательны постановка проблемы и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 страницы) – полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают примечания и краткое резюме. Использованная литература и источники указываются в примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль – 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990) и иметь предисловие, примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи – до 25 страниц (45 тыс. знаков), сообщения – до 15 страниц (27 тыс. знаков), рецензии – до 7 страниц (13 тыс. знаков), аннотации – до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем краткого резюме к статье (сообщению) – 8–10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие Правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

И.Я. Яковлев и чувашский мир

<i>Клементьев В.Н.</i> Концепт «духовного обрусения» в просветительском проекте И.Я. Яковлева: к вопросу о содержании и интерпретациях . . .	3
<i>Гусаров Ю.В.</i> В.К. Магницкий и И.Я. Яковлев: история отношений двух просветителей	36

История

<i>Чибис А.А.</i> «Горная черемиса» XVI – начала XVIII века в дореволюционной историографии	52
---	----

Этнология

<i>Захаров С.С.</i> Этнокультурные контакты чувашей села Покровка Безенчукского района Самарской области	67
<i>Сергеева Е.В.</i> Роль и статус мужчины в обрядовой культуре чувашей (вторая половина XIX – начало XX века)	75
<i>Антипина А.А.</i> Культовые памятники Козьмодемьянского уезда Казанской губернии	91

Социология

<i>Гаврилов А.Д.</i> Медиапотребление населения Чувашии: основные мотивы, тематические и платформенные приоритеты, вопросы доверия . .	115
--	-----

Филология

<i>Никифорова В.В.</i> Чувашская повесть начала XXI века и ее жанровые разновидности	135
--	-----

Искусствоведение

<i>Малинина А.А.</i> Чувашская художественная керамика как научная проблема	152
---	-----

Правоведение

<i>Медведев В.А.</i> Влияние законотворчества и законодательства на повышение правовой культуры	171
---	-----

Дискуссии и обсуждения

Диалог о двухтомной монографии В.Н. Клементьева «История национальной государственности чувашского народа» (Материал диалога подготовлен к печати В.П. Ивановым) . . .	177
---	-----

Чувашеведение в лицах

<i>Лебедев Э.Е.</i> Жизнь в парадигме чувашского мира	195
<i>Бушуева Л.И.</i> «В культуре чувашей есть все, чтобы чувствовать себя уверенно в большом мире»	206

Рецензии

<i>Виноградов Ю.М.</i> Рец. на: Долгова А.П. Синтаксический строй чувашского языка как объект лингвистического исследования / А.П. Долгова; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2023. – 44 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 36)	216
<i>Хузангай А.П.</i> Рец. на: Долгова А.П. Синтаксический строй чувашского языка как объект лингвистического исследования / А.П. Долгова; науч. ред. Г.А. Николаев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2023. – 44 с. – (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 36)	219
<i>Басманцев Д.В.</i> Рец. на: Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре: Очерки истории города Алатыря и уезда в XVIII в. / В.Д. Кочетков. – Чебоксары: Грэй, 2015. – 412 с.: ил.	221
<i>Лыганов А.В.</i> Рец. на: Соловьев Б.С., Кожин П.М., Михайлов Е.П. Балановский могильник в системе археологических культур эпохи бронзы юга лесной полосы Среднего Поволжья / Б.С. Соловьев, П.М. Кожин, Е.П. Михайлов; науч. ред. В.В. Ставицкий. – Чебоксары: ЧГИГН, 2023. – 292 с.: ил.	226
<i>Козлов Ф.Н.</i> Рец. на: Кондратьев Г.И. Моя жизнь: Воспоминания. Статьи / Г.И. Кондратьев. – Чебоксары: ЧГИГН, 2022. – 368 с.: ил.	228

Наши юбиляры

Сергеев Тихон Сергеевич (к 85-летию со дня рождения)	231
Дмитриева Юдит (к 70-летию со дня рождения)	236
Гусаров Юрий Владимирович (к 60-летию со дня рождения)	239
Клементьев Владимир Николаевич (к 60-летию со дня рождения)	244
Хроника научной жизни института. 2022 год	248
Правила для авторов	255

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник
№ 18. 2023

Научный журнал

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Н.Г. Герасимова*
Верстка *Э.В. Кирилловой*

Публикуемые материалы
не обязательно отражают точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Подписано к печати 13.11.2023. Дата выхода в свет 22.11.2023. Формат 70×100^{1/16}.
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Цена свободная.
Усл. печ. л. 21,12. Уч.-изд. л. 19,15. Тираж 100. Заказ № 10.

Учредитель: БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60986 от 5 марта 2015 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издатель – БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1
Тел.: 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
E-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1
Тел.: 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
E-mail: human2000@yandex.ru

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в РИО ЧГИГН 22.11.2023
г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1

9 772225 731212

